

Кай Мамано

Сквозь круг
стальных
небес

Нет пределов человеческой гордыне. Наука, разгадывая тайны мироздания, сделала попытку получить власть над пространством и временем. Это не могло остаться безнаказанным. В итоге очередной эксперимент физиков привел к непредвиденным последствиям. Вся Солнечная система оказалась разрушена, но не исчезла. Нет, она превратилась в многоуровневую конструкцию, где все сущее перемешалось причудливым образом. Остатки человечества пытаются обустроить хоть какое-то подобие нормальной жизни в лабиринтах этой циклопической структуры. Быть может, искусственный интеллект, руководивший злополучным экспериментом, поможет им в этом? Беда в том, что у машины свое видение ситуации. Мир людей погиб, потому что исчерпал себя. Слияние электронного и естественного разума, косной материи и живых существ в одном суперкомпьютере космических масштабов — вот путь к тому, чтобы стать равным богам! Вот только что случится в итоге с самой Вселенной?

Сквозь круг стальных небес

Файл 1. 1 ноября 3086 года. Поселок на дне колодца для захоронения отходов

— Мир наш погряз во грехе, и потому конец его неизбежен. Вы в своем возрасте должны понимать это, — самозабвенно проговорил юноша, глаза которого пылали религиозным рвением. — Только поглядите вокруг! Мы живем на помойке, и нас не ждет ничего хорошего. Вся эта дрянь есть выражение наших грехов!

Старик Шац недовольно поморщился, как если бы у него вдруг остро заболел зуб.

— Ну, это и дураку ясно, что дерьма кругом хватает. Но не по своей воле тут живем, наверх нам пути нету! Только сунься чуть выше, как мигом пришибут. Да и найдешь ли там чего хорошее? Может, в тех краях гадость не лучше?

— Нет, не пришибут, — отмахнулся юноша, поджав красиво очерченные, прямо как у девушки, губы. — Вернее, если вы отправитесь наверх с дурными мыслями, добра не ждите. Но если сердце ваше будет чистым... благостная богиня и Императрица нашего мира почувствует это. Тогда ее ангелы, каковых иные зовут жнецами, примут вас и введут в совершенную жизнь.

— Я лучше как-нибудь здесь, — проворчал Шац. — Приспособился более или менее, извиняйте уж.

— Как угодно, — юноша развел руками. — Но у нас в деревне тоже не отсидеться. Мы приближаемся к великому дню, когда всякий заплатит за грехи. Потому-то жнецы и спускаются к нам. Они забирают праведников, изживших скверну в своих душах.

До этого момента старик слушал, но тут у него в груди струей мощного гейзера заклокотало возмущение. Вот ведь бестолковая нынче молодежь пошла! Навыдумывают какой-то чуши и еще других учат. Ишь придумали, молиться Императрице и считать, что жнецы несут благо! Тьфу, только время потратил на этого болвана. Надо было рыться в помойке и не отвлекаться, уже бы все собрал да домой пошел.

Увы, проклятая спина с утра ныла так, что того гляди, пополам переломится, вот и не работалось толком. Видно, искусственные позвонки порядком заржавели от сырости и нуждались в чистке. А, еще последнее время из шахт в стенах, где проходили мощные энерговоды, круглые сутки доносился низкий гул. Похоже, эти наверху задумали чего-то масштабное. Однако жителей помойки это вряд ли касалось, но вот электромагнитные помехи дурно сказывались на здоровье. Надо будет, вернувшись домой, попросить жену отладку опорно-двигательного аппарата провести.

А пока Шац разминал поясницу да считал ворон, заметил юношу, который стоял на лежавшем поверх груды хлама огромном куске бетона. Парень неотрывно смотрел вверх, воздев руки. Неужели молился? Старик уже не раз слышал про этих фанатиков и решил поболтать с одним из них. Интересно ведь, чего они там нафантазировали, а развлечений в поселке кот наплакал. Да только, как оказалось, время потерял.

— Ага, спасут тебя жнецы эти. Отрастят они вместо лапы вот такую штуковину, — старик провел левой рукой в воздухе, будто поглаживая лезвие клинка, который торчал из его правой ладони на добрый метр. — Да проткнут ей тебя так, как ты своей подружке никогда не засаживал. Потом твою дырявую тушку наверх уволочут. Заработаешь лучшую жизнь, поджариваясь на вертеле, пройдешь через их брюхо и переродишься кучкой дерьма. Вот и сказочке вашей про боженку-императрицу конец! — он скрипуче рассмеялся, но

быстро осекся: поясницу будто электрический разряд пронзил.

Юноша не обратил внимания на яд в словах Шаца, а, молитвенно сложив ладони у груди, поднял глаза к тусклому пятну света высоко над головой.

— Вот и причина, почему вы обречены гнить тут, на помойке. Грязь в вашем сердце тянет вас на дно! Ангелам не нужна пища и они никогда не испражняются. Те, кто своей верой добился права встретиться с ними, не умрет. Он вознесется прямо в чертог Императрицы, чтобы служить делу общего спасения.

На губах юноши заиграла благодатная улыбка. Чего это он там высмотрел такого, может, из клубов тумана соткалась обнаженная красотка? Шац, скептически морщась, тоже поглядел вверх и напрягся. Что-то шевелилось на высоте метров сто, но как ни выкручивай увеличение, все равно в сизом полумраке толком ничего не разберешь. Еще и эти трещины, выбоины, пятна ржавчины, плесени и грязи, сплошь покрывавшие стену, мешали. Потому казалось, что откуда-то сверху ползла стая муравьев. Правда, учитывая расстояние, габаритами эти козявки были не мельче людей. Да они же...

— Черт, мы попали! — выкрикнул Шац, бросаясь к краю бетонной плиты, на которой происходил разговор.

Но юноша сделал только пару шагов, причем не за стариком, а по направлению к «муравьям». Он воздел руки и громко возгласил:

— Достойный Шац, не бойтесь! Это знамение, которое нам явила Императрица. Она услышала нашу беседу и послала жнецов, чтобы доказать истинность моих слов. Так встретим же спасителей!

— Ты что, совсем debil? — поразился старик. — Спасайся быстрее!

Однако юноша его не слушал, во все глаза наблюдая за ползущими по стене тварями. Тогда Шац выругался и, доковыляв до края плиты, начал с кряхтением спускаться. Его сердце скакало, как раненый олень: быстро, но спотыкаясь почти на каждом шагу. После любого из них животное могло рухнуть навсегда.

— Хах-хах-хах, — тяжело отдуваясь, Шац добрался до подножия холма и юркнул в глубокую расселину, на дне которой анакондами сплелись кабели.

Не смотря на одышку, дряхлое тело двигалось на удивление расторопно: и откуда только силы взялись? Видно, страх пробудил скрытые резервы организма, который, хотя и уже давно глядел в могилу, но все еще высоко ценил жизнь. А вот юноша так и остался стоять на широкой плите с вздетыми руками. Видно, правду писали в умных книжках, что от религии мозги выворачиваются набекрень. Фанатики начинают считать черное белым и совершают откровенные глупости. Даже встреча со смертью для них становится не менее желанной, чем поцелуи возлюбленной.

А старуха с косой шла в ногу со временем, отбросив рубище и прочую нелепую атрибутику. И что же двигалось сейчас по высоченному уступу, окутанному завесой из утренних испарений? Теперь можно было попробовать разглядеть гостей. Шац подкрутил сложную систему линз — эдакий объектив старого фотоаппарата, торчавший над переносицей. Вообще-то, эта конструкция должна была настраиваться автоматически, но куда там: учитывая, из каких отбросов она собрана, хорошо, что еще работала!

Ага, орда насекомоподобных существ как раз вывернулась из-за гигантского трубопровода и шустро побежала вниз, перескакивая через похожие на овраги щели между плитами стены. Вот они добрались до груды мусора, перепрыгнули на иссеченную трещинами колонну: до деревни им оставалось не так и далеко, только спуститься на землю

и обогнуть по топкому берегу мутное озерцо. Происходящее все еще казалось несерьезным, но стоило помнить, что рядом с этой стеной любой человек выглядел микробом, а подле груды хлама — мышью.

«Черт, как и следовало ожидать, жнецы, — мрачно подумал старик. — Все, конец нашей деревне!»

Он пристроился в дальнем углу расселины и попытался замаскироваться. Металлическими протезами, больше похожими на лапы птичьего скелета, чем на руки живого человека, он принялся строить из разного хлама нечто вроде укрытия.

Страх первых минут сменился мрачным унынием заключенного, давно осужденного на казнь. Ну да, преступник живет, действует, пытается находить какие-то развлечения. Но точно знает, что спасения нет, рано или поздно за ним явится палач, чтобы обратить его в холодный кусок мяса. И вот этот момент настал: первая из тварей, громко цокоча членистыми ногами-кинжалами, спустилась на вывалившийся из стены обломок размером со стадион, наподобие карниза нависавший над свалкой. Тот самый, на котором находился недавний собеседник Шаца — юноша.

На первый взгляд существо можно было принять за человека: те же пропорции, изгибы и габариты. Даже шесть жучиных лап, едва тварь закончила спуск, убрались внутрь туловища, а на их месте выросли вполне нормальные руки и ноги. Однако... кожу заменяли гладкие пластины из металла, пластиковое лицо походило на маску из театра Но, шею и суставы украшали головки болтов и кое-где между сочленениями торчали шланги гидросистемы. Глаза и вовсе пугали: такие два круглых провала, мерцавших адским пламенем. Жнец, издавая на каждом шаге легкое вжиканье, неспешно заковылял к юноше, который по-прежнему не двигался, будто один вид пришельца загнипнотизировал его. Человека и монстра разделяло всего метра три, и вдруг, широко улыбнувшись, юноша восторженно произнес:

— Наконец-то! Как и говорилось в пророчестве, вы явились! Механические ангелы, которые вознесут человечество из грязи и сора в небеса! — на его длинных ресницах блеснули алмазы слез.

— Ой, дурак... — тихо простонал старик, хватаясь за лысую голову. — Наслушался этих фанатиков чертовых! Спасут они тебя, как же!

Похоже, в недавней беседе он заболтался, и нижняя челюсть, даром, что стальная, отозвалась ноющей болью: вернее, то саднили места, где в плоть были завинчены крепежные болты. Тело со всей уверенностью заявляло: не дружить механическому и живому...

Жнец покрутил головой, подвигал туловищем и его предплечья окутал искрящийся туман. Было хорошо видно: его пальцы и запястье потекли, как воск от сильного жара, и из них отлилась пара метровых лезвий. А юноше, казалось, окончательно мозги отшибло: он шагнул навстречу твари, широко распахнув объятия. Что за идиот! Руки-клинки сверкнули в бледном сиянии воткнутых тут и там фонарей, и...

— Агхх! — полувскрикнул, полупрохрипел юноша, с изумлением глядя на то, как из крестообразной раны на его груди ударил фонтан крови. Ноги юноши подломились, и он срубленной осинкой рухнул на убийцу.

А тот, несколько не изменившись в лице, небрежно забросил труп себе на плечо. Пластины на боках жнеца отъехали, выпуская пучки полупрозрачных трубок. Голодными змеями они быстро опутали тело жертвы, излили некую студенистую жижу, которая на

одежде и коже юноши немедленно застывала в подобие упаковочной пленки. Получилось нечто вроде рюкзака. С этим грузом жнец неспешно заковылял обратно к стене. Спустя несколько минут он, снова отрастив паучьи лапы, начал взбираться по изрезанному трещинами бетону.

Тем временем остальные жнецы рассеялись по свалке, и, настороженно поводя усиками, словно тараканы, принялись обследовать каждый камень, каждую щель. Пару раз пропахший сыростью и гнилью воздух вспарывал полный ужаса крик, и новые жертвы оказывались в лапах тварей. При этом жнецы явно вошли во вкус и десяток их направились к поселку, который пристроился на другом берегу озера, омывавшего свалку. Хотя... поселок — это громко сказано! Так, кучка слепленных из чего попало лачуг, по сути — еще одна гора отбросов.

«Ну, все, хана, — Шац тяжело вздохнул, провожая тварей взглядом. — Хорошо я в раструбе системы вентиляции сныкался. Тут все горячее, их сенсоры меня не чувят», — в груди разлилось приятное тепло самодовольства.

Хорошо-то хорошо, да не очень. Стенки расселины мелко вибрировали, из огромной решетки в углу веяло жаром, и слышался низкий гул неведомой машинерии. Спина и поясница ныли от неудобной позы, пот катился градом, еще немного — и убогое рубище надо будет выжимать. Скорей бы эти гады собрали урожай, да убирались, а то становилось уже невмоготу!

Заерзав, старик опрокинул какую-то железяку, и та покатила по ржавым пластинам облицовки, звонко брэнча. Один из жнецов, рыскавших неподалеку, оглянулся на звук. Шац окаменел, забыв и дышать: ох, только бы мерзавец решил, что это случайность!

Но, как водится, пришла беда — отворяй ворота. Вдруг послышался писк и чьи-то маленькие коготки заскребли по ноге, перескочили на бок. От неожиданности старик вскрикнул, и тут серая тень, взбежав ему на плечо, перепрыгнула на валяющуюся рядом бочку. Крыса! Наверно, ее спугнула упавшая железяка. Жнец среагировал мгновенно. Его правая рука обратилась клинком, а левая вытянулась узким раструбом. Последний окутало голубоватое сияние, и ослепительный луч полоснул по бочке, разрубив грызуна надвое. Но врага это не успокоило и он, пригнувшись, скольльзящим шагом направился к расселине.

«Черт, черт, черт! — в ужасе твердил Шац, ящерицей сползая на самое дно. — Если сюда заглянет, точно найдет! Не поможет и то, что на тепловизоре все в пятно сливается. Куда деваться?»

Попрыгав по сторонам, взгляд зацепился за жирно блестящую лужу в дальнем углу расселины. Охладитель — наверно, вытек из какого-нибудь проржавевшего патрубка. Вообще-то, он едкий, но тут не до капризов. Пару секунд поколебавшись, старик, скатившись к луже, нырнул в вязкую жидкость — снаружи остались только нос и глаза. Как раз вовремя: жнец, легко перепрыгнув через остатки низенького бортика, приземлился на вентиляционную решетку. Он застыл, цепко оглядываясь, и сенсоры, волосами Медузы-Горгоны обрамлявшие его лицо, угрожающе шевелились. Однако падали в вечность бесконечные капли секунд, а жнец так и не сдвинулся с места, что неудивительно: любые сигналы, коснувшись лужи, не отражались. Такое уж свойство у этого охлаждителя. В итоге, проторчав так с полчаса, жнец выбрался наружу — только его и видели. Ох, слава богу, ведь Шац уже чувствовал себя так, будто в каждый миллиметр его тела вонзились тысячи раскаленных иголок.

— Тьфу, сегодня эти кровопийцы жадны не в меру, — проворчал старик, неуклюже

выбираясь из лужи. — Обычно пяток лопухов где-нибудь по окраинам выловят и свалят.

Жнецы, кто с добычей, кто порожняком, уже неспешно, с чувством выполненного долга карабкались вверх по кручам. Значит, пришло время привести себя в порядок. Яростно скребясь то тут, то там, он, направился к дыбившимся неподалеку скалам — на самом деле, развалинам какого-то огромного сооружения. Там, среди искривленных пальцев арматуры, торчащих из обломков бетонных плит, выделялась замшелая труба. С нее, образуя веселый ручеек, текла не какая-нибудь техническая бурда, а чистая вода. Одной из целей похода Шаца было желание помыться, ведь не в насыщенный же всякой дрянью пруд нырять? Но сначала отвлек злосчастный юноша, а потом жнецы.

«Нет, больше это терпеть нельзя, — угрюмо размышлял старик, с наслаждением вертясь под прохладной струей. — И так жизнь дерьмовая, а тут жнецы эти. Откуда взялись только, еще полгода назад они проходили по разряду легенд! Ладно, тут вроде достаточно разной электроники. Попробую-ка одну задумку...»

Покончив с мытьем и стиркой, Шац направился в глубину свалки, туда, где высилась загадочная конструкция величиной с девятиэтажный дом. Совершенно невероятный гибрид жука-носорога и карьерного экскаватора. Откуда он взялся? Выкинули, как пришедшего в негодность. Старик задрал голову, вглядываясь в клубы тумана в вышине. Может, когда-нибудь еще один такой жук, а то и не один, сюда свалится?

Ладно, настало время приниматься за дело. Найдя в покрытом мхом боку механического титана дыру, старик пролез внутрь. Пускай исполинская машина была вся изъедена ржавчиной, но в ее чреве сохранилось немало ценного. Шац вообще жил тем, что собирал разные детали и мастерил всяческие полезные для поселян шуки, но сегодня у него были иные планы.

«Эх, хотел бы я знать, как возник наш мир и почему он настолько дерьмовый», — подумал старик, ковыряясь среди покрытых грязью и плесенью потрохов разбитого титана.

Инцидент 1. 27 ноября 2086 года. Орбитальный ускоритель заряженных частиц "Орбитрон-7"

Долговязый парень в мятой футболке и спортивных штанах скрючился на жесткой на вид койке. В мертвенном свете, испускаемом виртуальным планшетом, разглядеть больше было сложно. Но создавалось ощущение, будто парень втиснулся в некую щель: вон, даже босые ступни ему пришлось закинуть на стенку — в узкой нише не вытянешься во весь рост. Хорошо еще, что он сам был худ, точно фонарный столб, иначе пришлось бы совсем скверно. Может быть, парень гулял по полю, да не заметил трещины в земле и теперь сидел в ней, надеясь вызвать помощь? Тщетно. Вот он уже и смириться успел, а потому на его прыщавом лице застыла скука. Разноцветные блики, отбрасываемые экраном, мелькали на широких стеклах очков: казалось, парень смотрел что-то любопытное, но усталость давала о себе знать.

Но вдруг длинные пушистые ресницы парня затрепетали, как крылья двух бабочек-лимонниц, и он сделал пальцами такое движение, будто выскребал что-то из маленькой ямки. Так на планшете, существовавшем только в виде голографической проекции прямо в воздухе, увеличивалась громкость. Через пару секунд приятный голос дикторши новостного канала мячиком запрыгал между стен «щели»:

— Как мы уже рассказывали, в последние недели резко обострилась ситуация на Корейском полуострове. Все началось с того, что объединенные флоты Республики Корея, Японии и США устроили беспрецедентные по масштабам учения, которые проходят одновременно и в Желтом, и в Японском море, — парень заворочался, в его жадеитовых глазах затеплилась искра любопытства. — Подобные действия вызвали решительные протесты у руководства КНДР, однако США и их партнеры требования северокорейской стороны проигнорировали. Они заявили, что учения стали вполне адекватным ответом на недавние пуски северокорейскими подлодками баллистических ракет, которые могут нести ядерные боеголовки.

— А, членами меряются. Поругаются и заткнутся, тоска зеленая... — пробормотал парень, поморщившись и брезгливо выгнув губы коромыслом. — Подумать только, на утро День благодарения, а я тут кисну, жру вместо индейки какую-то дрянь безвкусную. Что стало с моими мечтами?

— В ответ КНДР начала концентрацию своих вооруженных сил на границе с Республикой Корея, — продолжала тем временем дикторша. — Несколько дней ситуация не изменялась, но сегодня стало известно о перестрелке! Вооруженные люди с одной из сторон вошли в нейтральную зону и открыли огонь из ручного оружия по сопредельной территории. О принадлежности солдат поступают противоречивые сведения, — на этом месте слушатель рывком сел на кровати, скрестив ноги по-турецки. Выражение его лица оставалось кислым, но взгляд засиял нездоровым азартом. Так зеваки наблюдают за пьяной ссорой. — Однако доподлинно известно, что часом спустя войска КНДР, развернутые вдоль границы, произвели серию залпов из ствольной артиллерии. Снаряды упали в черте приграничного населенного пункта, сообщается о разрушении одного дома и нескольких погибших.

Парень издал радостный взглас и вскинул руку со сжатым кулаком, случайно ударив им о низкий потолок ниши, где была смонтирована лежанка. Похоже, пальцы пронзила сильная боль.

— Ух, ты, а вот это прикольно! Вот бы там крутой замес начался! — помахивая травмированной кистью, возбужденно проговорил он.

Был бы тут кто-нибудь постарше и поопытнее... Он бы наверняка крикнул парню в самое ухо:

«Эй, ты что, смотришь дешевый боевик? Тут если полыхнет, мало никому не покажется!»

Увы, легкомысленная юность плевать хотела на страдания людей... А репортаж продолжался.

— Совет безопасности ООН выразил серьезную обеспокоенность кризисом на полуострове. Особенно тревожит тот факт, что КНДР обладает ядерным оружием, а на территории Республики Корея находятся объекты атомной промышленности. Россия и Китай предложили обоим корейским государствам посредническую помощь в разрешении назревающего конфликта, но ответа пока не получили. Мы следим за развитием ситуации, а сейчас переходим к другим новостям...

Ожидая еще чего-нибудь горяченького, парень устроился поудобнее: облокотился о стенку, подоткнув под поясницу тоненькую подушку, взял со стоявшей рядом тумбочки банку пива. Впрочем, удовольствие тут же испортили: по ушам шипастой плетью ударил противный звон.

— Кого там еще принесло?! — фыркнул парень, закатив глаза.

Спрыгнув с кровати, он прошлепал босыми ногами в темноту, что-то нажал и тут перед его носом вспыхнул яркий квадратик размером с салфетку. На нем нарисовалась голова лысого мужчины средних лет. Вид у незнакомца был, как у хозяйки, которая, выйдя ночью на кухню, увидела разбегающиеся во все стороны орды тараканов. Парень вздрогнул, а потом быстро надавил еще на что-то. В тот же миг крошечную темноту рассекла яркая линия. Она развернулась в прямоугольник, и поток света залил обиталище парня.

Оказывается, это была маленькая, не больше шести квадратных ярдов площадью комнатка, похожая на железнодорожное купе или матросский кубрик на военном корабле. Серо-зеленые стены, унылость которых скрашивали лишь выцветшие картинки с обнаженными красотками, лежанка в нише, тумбочка да шкаф. Теперь, когда тоненькая дверь уехала в стену, эта нора казалась небольшим закутком ярко освещенного коридора — вроде подсобки для хранения всяких тряпок, швабр и веников.

Вот в эту подсобку и заглянул тот самый мужчина. В своем комбинезоне из серебристой материи, с неправдоподобно большой и гладкой, как бильярдный шар головой, миндалевидными глазами и кукольными, едва намеченными чертами лица он заставлял вспомнить пилотов НЛО. Инопланетянин посочувствовал парню и готов забрать его в высокотехнологичный рай? Впрочем, вряд ли гости из иных миров, пренебрегая достижениями современной медицины, носят роговые очки. Потому и сострадания ждать не приходилось. Напротив, взгляд гостя обжег обитателя «подсобки»: будь тот намащенной бумагой, точно бы загорелся! Парень непроизвольно вздрогнул и начал переминаясь с ноги на ногу — неужели его и правда обожгло?

«И чего ты приперся? — подумал он, смерив гостя таким взором, как будто тот был жирной сколопендрой. — Я что, на твое толстое брюхо не насмотрелся?»

Да, от его фигуры веяло определенной угрозой. В своем комбинезоне лысый субъект выглядел как бурдюк с водой, готовый в любой момент лопнуть.

— Аспирант Лайонхарт, вы чем заняты? — прорычал гость, уперев руки в бока. —

Сегодня какое число, по-вашему?

Предчувствуя взбучку, аспирант поднял глаза к потолку и тоскливо подумал:

«Черт, а я-то надеялся, что вытянул счастливый билет, когда сюда полетел. Ага, держи карман шире. Как бы я хотел опять оказаться в кампусе, и чтобы друзья снова называли меня Дик или хотя бы Ричард. Давно заметил, что по фамилии зовут только всякие уроды».

Аспирант порадовался, что смотрел новости. До этого он вообще не представлял, какая сегодня дата. Нелегко ее отследить, когда тебя день за днем переваривают кишки из металла и пластика. Велев себе успокоиться, он произнес:

— Эм-м, двадцать седьмое ноября? — Дик смущенно почесал свои растрепанные вихры цвета потускневшего под осенними дождями жнивья. — А в чем дело, профессор?

— Как это в чем?! *Mundus idioticus!* ["идиотский мир" — лат. Здесь и далее в квадратных скобках — примечания] — подаваясь вперед, профессор завопил так, что Дик испуганно попятился вглубь комнаты, но, споткнувшись обо что-то, неуклюже растянулся на полу. — Сегодня, через несколько часов, поток альфа-частиц выйдет в заданную точку! Время приступить к активной фазе эксперимента, на подготовку которого затрачена уйма лет и куча миллиардов долларов. И вы, между прочим, — нагнувшись, профессор ткнул во впалую грудь аспиранта похожим на сардельку пальцем, — контролируете сегодняшнее мероприятие. Я что, зря выбрал вас для рейса сюда, на Орбитрон-7? Можете поверить, кандидатов было более чем достаточно. Это большая честь поработать вместе с самим Куртом Химмелькнакером, знаете ли!

Профессор сжимал и разжимал внушительные и волосатые, достойные самца гориллы кулаки, грозно сопел, точно разъяренный бык, разве что землю копытом не рыл. Но от этого легче не становилось, ведь не отпускало подозрение: сейчас нос аспиранта не просто расквасят, а вобьют глубоко в череп! А потому Лайонхарт испуганно затараторил:

— Ой, конечно я помню об этом, профессор! И вот, приготовил все необходимые расчеты, учел любые возможные косяки, можете сами поглядеть, — он мазнул рукой в воздухе и перед лицом Химмелькнакера развернулся виртуальный экран. — Я вчера допоздна работал, умаялся, вот и задремал немного. Но сейчас в пять минут соберусь!

Он кинулся к шкафу, разом вывалил оттуда целую кучу барахла, выудил из нее комбинезон, и, подпрыгивая на одной ноге, принялся его натягивать. Химмелькнакер тем временем хмуро листал на экране полотно многоэтажных формул и схем. Поначалу лицо профессора напоминало тучу, готовую разразиться сокрушительной грозой, но постепенно оно смягчилось, став больше похожим на невеселое октябрьское небо. Аспирант успел одеться, хотя и выглядел так, будто им пол протирали. Свернув экран, Курт тихо бросил:

— Ладно, идемте, а то времени уже не остается.

Они миновали казавшуюся бесконечной кишку коридора, будто нарочно сделанную для того, чтобы своим однообразием гипнотизировать людей. Потом перед ними распахнулись двустворчатые двери, и их... поглотила космическая бездна? На секунду именно так Ричарду и показалось, но под ногами все еще был рифленый пол, а над головой нависал потолок с плафонами, источавшими ровный свет. А вот впереди, плавно изгибаясь вслед за полом, действительно развернулся черный бархат вечной ночи, усеянный искрами звезд! Яркие и крупные, с необычно четкими пятнышками туманностей между ними, они были такими, каких не увидишь даже самой темной ночью или на южном курорте.

Поддавшись мгновенному порыву, Лайонхарт шагнул навстречу бездне, но вскоре уперся в невидимую преграду. Конечно же, тут была прозрачная стенка, а потому свободный

полет отменялся. Впрочем, подойти ближе, несомненно, стоило: прямо под ногами, крест-накрест перечеркивая вечную тьму, разлетелись в стороны решетчатые фермы. На них опиралось гигантское кольцо из блестящего металла, но это еще не все. Тут же были прицеплены какие-то шары, вставленные один в другой цилиндры: прямо-таки творение скульптора-авангардиста с неутолимой страстью к гигантомании! Вся эта конструкция парила, как на крыльях, на целом веере синих в клеточку панелей, искрившихся в звездном свете. Чудо научно-технической мысли, грандиозный ускоритель заряженных частиц Орбитрон-7 во всей красе.

Однако сколь бы ни была удивительна эта картина, взгляд нырнул дальше в колодезь тьмы, пока не достигал циклопической, в половину видимого пространства полусферы. Раскрашенная в голубые, зеленые и бурые пятна, прихотливо облепленная кусками белоснежной ваты, она казалась мячом, который некий ребенок-гигант упустил в звездный океан.

Солнце, будто испугавшись взора Дика, быстро уползло за край полусферы, и его прощальные лучи целовали моря и континенты. Планету Земля укрывал полог ночи, и повсюду на ее поверхности зажигались грозди ярких огней.

«Интересно, где тут мой дом? — подумал аспирант, вглядываясь в причудливый рисунок береговых линий. — Ах, кажется, мы над Дальним Востоком и вон тот выступ — Корея», — отметил он тут же с некоторым сожалением.

Действительно, почти точно в центре полусферы, окруженный синевою, выделялся похожий на бороду выступ. Справа от него закручивалась спираль тайфуна, скрывая окрестные земли, но сам полуостров отчетливо просматривался. Южная часть, точно какая-нибудь глубоководная креветка, мерцала множеством огней, а северная была почти совсем темной. Но что это? Неожиданно и там мелькнула яркая искорка! А потом еще одна, и еще. В чем дело, показалось? Удивленный, аспирант пригляделся, и не зря: спустя минуту или две чудеса продолжились. Почти в центре полуострова, там, где жемчужным пауком сияла самая крупная россыпь огней, мощно полыхнуло. Следом та же судьба постигла еще два скопления, прилепившиеся на самой оконечности «бороды». Но эта феерия длилась всего лишь несколько мгновений, а потом сияние угасло, обратившись заревом недоброго, темно-багрового цвета. Казалось, полуостров, будто живое существо, получил две тяжелые раны и истекал кровью. Его праздничный наряд мигом потускнел.

— Эй, Лайонхарт, вы там чего застряли? — оторвал Дика от наблюдений ворчливый окрик профессора. — Если так нравится любоваться космическими видами, купите билет на ракетоплан. Ну, если денег, конечно, хватит, — он недобро усмехнулся, и его слова зазвучали гораздо жестче, злее: — И если будете и дальше так относиться к работе, то денег у вас окажется еще меньше! Потому что вас уволят. Смотрите, солнце зашло, время приступать к эксперименту.

— Ну да, ну да, — с явным сожалением отрываясь от окна, отозвался Ричард. — Знаю, раз светило ушло за горизонт, то помехи сократились до минимума. Не думайте, что я полный болван и не помню, зачем мы здесь...

Вместе они зашагали по коридору, изгибавшемуся дугой. Пришлось одолеть не менее ста ярдов, прежде чем эта парочка оказалась у широких дверей. Профессор заглянул в небольшое устройство, напоминавшее вмонтированные в округлый выступ очки, и двери с легким шипением отворились. Зал, в котором оказались Лайонхарт и Химмелькнакер, впечатлял. Примерно так выглядят огромные заводские цеха, только вместо станков тут

размещались столы с вычислительной техникой, опутанные проводами шкафы и экраны размером со стену небольшого дома, на которых были изображены хитрые схемы. Нашлось место и для иного оборудования. Десятки человек в белых халатах подобно трудолюбивым муравьям сновали тут и там.

Курт, на ходу с кем-то здороваясь и раздавая указания, направился к массивному возвышению в дальнем конце зала. Издалека оно напоминало поднимающийся над палубой мостик звездолета и вблизи такое ощущение лишь усилилось. Достаточно было взглянуть на пульт в виде широкого полукруга с множеством шкал, индикаторов, переключателей, виртуальных клавиатур. По бокам пульта мерно гудели ряды шкафов, от которых в пол уходили мощные, в руку толщиной, кабеля. Вокруг этого комплекса человек десять с сосредоточенным видом склонились над своими терминалами.

Лайонхарт устроился за таким же, находившимся почти в центре дугообразного пульта. Профессор, едва глянув на присутствующих, прошел к отдельно стоящему на «мостике» креслу. Уселся, разглядывая широкий экран, развернутый над этой площадкой — там теснилось еще бесчисленное количество диаграмм и схем, среди которых выделялись две самые крупные. Одна из них напоминала строение атома: яркая точка в центре и множество вытянутых во все стороны колец, а среди них — отмеченная красным пунктиром дуга. А другая демонстрировала ровный «бублик», по стенкам которого пробегали синеватые сполохи.

— Итак, доложите обстановку, — повелительным тоном изрек Химмелькнакер.

— Накопители заряжены на девяносто процентов, все генераторы функционируют нормально, — сообщил один из людей в белых халатах.

— Напряженность магнитного поля стабильна, — доложил второй.

— Системы охлаждения работают на полную мощность, проблем не наблюдается, — известил третий.

— Прекрасно, — заметно повеселевшим тоном сказал профессор. — Лайонхарт, как там дела?

Аспирант пролистал схемы на экране и объявил:

— Спутниковые детекторы зарегистрировали поток альфа-частиц. Он завершает третий проход по орбите Сатурна. Приблизительная энергия... — коротко глянув на самый высокий пик на одной из диаграмм, Дик не сдержал потрясенного возгласа: — Ого, десять в сто тысячной электрон-вольт! Даже представить не мог, что будет так много!

Курт аж подпрыгнул на кресле, на его тонких губах заиграла хищная ухмылка.

— Великолепно! А как идет подготовка к запуску?

— Ядра бериллия в синхрофазотроне разогнаны до десяти петаэлектрон-вольт, — доложил Лайонхарт. — Можно выстрелить их в любой момент. По нашим оценкам поток альфа-частиц достигнет точки Лагранж-2 спустя десять минут сорок пять секунд и еще триста пятьдесят восемь миллисекунд.

— Установите задержку ровно в три минуты и запускайте, — велел профессор и добавил строгим тоном: — Лайонхарт, надеюсь, вы ничего не напутали в программе наведения?

— Шутите? — отозвался Ричард с досадой в голосе. — Я уже загрузил ее в центральное вычислительное ядро, и там выполняются последние проверки. Но я и так знаю: ошибок нет!

Три минуты тянулись, как целая вечность. Казалось, стрелки часов, висевших возле лесенки, спускающейся в основной зал, прилипли к одному делению. Все сотрудники

скрючились за своими терминалами. Химмелькнакер сторбатился, и, сделавшись красным, как гранат, нервно мял подлокотники. Наконец, голос Ричарда оборвал тягостное ожидание:

— Есть входение в расчетную точку!

— Немедленно запускайте! — тут же выпалил профессор. — И еще, настройте все сенсоры на эту проклятую точку, выведите данные на экран. Я хочу это видеть!

Не ответив, Лайонхарт ввел несколько команд. В тот же момент монитор над контрольным постом очистился от диаграмм, теперь здесь осталось лишь несколько совершенно пустых окошек. Только одно из них, в центре, показывало звездное небо. Мучительно тянулось ожидание, в какой-то момент профессор вскочил, принявшись расхаживать по «мостику». С каждой минутой его шаги ускорялись, и, сам не заметив, как, он принялся выписывать хаотичные круги, да так быстро, словно электрон. Сотрудники притихли, боясь даже дышать, будто любой вздох способен был нарушить работу многочисленных систем или отклонить потоки частиц. Миновало десять минут, потом пятнадцать и двадцать. Химмелькнакер внезапно замер, и в тишине, нарушаемой лишь тихим гудением оборудования, отчетливо скрипнули его зубы. Курт нахмурился так, что его глаза стали узкими щелочками — темными, но с яркими проблесками угольков, как это бывает в печи. Вроде бы, дрова прогорели, но подкинь еще — мгновенно вспыхнет пламя. Ричард втянул голову в плечи, его заколотила такая дрожь, точно он голышом оказался на Северном полюсе.

«Лайонхарт, черти бы вас взяли! — отчетливо прозвучал в голове Дика истерический вопль. — Вы опять все перепутали! Знаете, во сколько миллиардов нам обошлась эта ошибка?! Нет?! Лучше идите и сразу выпрыгните в космос!!!»

Возле жабьего рта профессора и впрямь залегли резкие складки, на его щеках заиграли злые желваки. Ох, сейчас начнется! Лайонхарт инстинктивно прикрыл голову руками, его соседи по пульту кидали на аспиранта сочувственные взгляды...

И тут на основном экране вспыхнула крупная точка белого цвета. Можно было решить, что среди звезд зажглась еще одна, самая яркая, и она стремительно росла, обратившись уже новым солнцем. Влево и вправо, вверх и вниз от этого светила метнулись узкие лучи, а потом оторвалось, стремительно расширяясь, ослепительное кольцо.

Профессор замер, быстро моргая, на его лбу выступил обильный пот. Утеревшись платком, Химмелькнакер выплюнул:

— Что происходит?

— Есть соударение! — громко воскликнул Дик. Его голос радостно дрожал, будто парень узнал, что грозившая ему через пять минут казнь отменяется. — Несколько сот частиц успешно столкнулись. Подробности пока не известны — из-за мощного выброса энергии все сенсоры вырубил, работают только некоторые из камер.

Глубоко вздохнув, Курт плюхнулся в кресло. А вот остальные, напротив, повскакивали с мест. Одни громко аплодировали, другие поздравляли товарищей, третьи обнимались. Весь огромный зал зашумел, как штормовое море.

А тем светящаяся точка на мониторе продолжала расширяться, выбросила несколько белых и голубых хвостов, став больше похожей на облако. Вот оно уже закрыло весь экран, а затем тот погас. Другие окошки показывали ряды ошибок. Но люди, возбужденно обсуждая эксперимент, вообще этого не заметили. В нескольких местах зала невесть откуда появилось шампанское, захлопали пробки, и хмельная жидкость с шипением потекла в кружки и стаканы. Копившееся днями напряжение резко спало и хотелось верить, что теперь все будет

замечательно. А зря.

Неожиданно пол ушел из-под ног, а потом метнулся вверх. Раздались испуганные вскрики, несколько человек попадали. Откуда-то издалека донесся пронзительный скрежет, будто некое чудовище острыми когтями медленно разрывало на куски толстый лист металла. В тот же миг разом погасли экраны всех компьютеров, взыв, замолкло другое оборудование, а зал поглотила крошечная тьма.

— Эй, в чем дело? От перегрузки вырубил предохранители? — забеспокоились в дальнем конце зала.

— Может, вспышка на Солнце? — предположили где-то в другой стороне. — Хотя... нас сейчас закрывает Земля.

— Потокom частиц захлестнуло. Большинство пролетело мимо, но какие-то и сюда попали. Видать чего-то в подстанции испортили. Ох, ведь это и люди могли переоблучиться! Не сдохнуть бы, а то лечение поди не оплатят? — с беспокойством рассуждали совсем рядом.

Тут под потолком зажглись аварийные огни, выдернув людей и оборудование из глухой полуночи в красноватые сумерки. Притихшие было сотрудники загомонили, но тут шум перекрыл голос профессора, усиленный репродуктором:

— Всем успокоиться! Как я уже говорил, сегодняшней эксперимент высвободил огромное количество энергии. Ее поток достиг Орбитрона-7 и вызвал перебои в работе электрооборудования. Но ничего страшного не произошло, техники уже устраняют эти проблемы.

Химмелькнакер угольной тенью вырос над ограждением командного пункта. В мертвенно-красном освещении, скрадывавшим детали, выглядел он жутковато.

— *Omnes bene facimus*, господа! ["мы все молодцы" — лат.] Это будет лучший День благодарения в истории! Все нужные данные сохранены, их анализом займемся позже.

Лайонхарт сидел в кресле за своим терминалом, нервно покусывая ноготь. Профессор объяснял вполне логично, но почему-то душу грызло неясное беспокойство. В чем дело? Вроде бы, аспирант никогда не боялся темноты и слишком буйной фантазией не отличался, но сейчас ему казалось, будто из теней на него глядели жуткие рожи. Мохнатые, с глазами — злыми угольками, пяточком и рогами, точь-в-точь пресловутые черти! Эх, это наверно игра воображения. Следствие недавних разборок с начальником и общего утомления. Хотелось бы верить...

Тут за спиной раздались тяжелые шаги. Обернувшись, аспирант увидел Химмелькнакера. Тот прислонил ко лбу платок, и на ткани явно обозначилось красное пятнышко. Однако профессор тепло улыбался и это было так непривычно, что почти пугало.

— Идите к себе, Лайонхарт, отдохните, — он положил руку на плечо Дику. — Все равно тут заняться нечем, пока этот чертов свет не наладят. Можете чего-нибудь по праздничному случаю съесть. Главное мы сделали, а с остальным потом разберемся!

Инцидент 2. 28 ноября 2086 года. Орбитальный ускоритель заряженных частиц "Орбитрон-7"

И снова Лайонхарт скрючился в своей норе, и бледный свет переносной лампочки у изголовья освещал книгу с цветастой обложкой в его руках. Вернее, она когда-то была цветастой. Теперь яркие краски поблекли, глянцевое покрытие покоробилось и его обезобразили большие вытертые пятна, еще и с точками грязи повсюду. Углы книжки будто злая собака обгрызла, а бумага сморщилась и размочалилась по краям. Держать такой фолиант в руках было неприятно, но что делать?

Энергоснабжение станции до сих пор не восстановилось, работало лишь аварийное освещение. Вместо связи — одни помехи, электроприборы тоже померли. Для полноты ощущений в комнате стояла непереносимая духота — система рециркуляции воздуха не работала. Может, поэтому аспиранту упорно не спалось, а чем занять себя в три часа ночи на орбитальной станции? Хорошо еще, где-то выискалась книжка комиксов — старая, из тех, что на помойку краше отправляют. Даже удивительно, откуда печатное издание взялось в век электроники.

Лениво перелистывая раскрашенные страницы, Дик презрительно надувал губы. Причем виной тому было не только ужасное состояние книги, это как раз простительно. Гораздо хуже оказался сюжет, выглядевший редкостной бредятиной.

В особо секретной научной лаборатории трудился молодой ученый. Вернее, он только успел прибыть туда и принять участие в одном эксперименте. Разумеется, все пошло не так, произошел взрыв, ударили громы и молнии, а затем повсюду в лаборатории открылись порталы в другое измерение. Как и дураку ясно, из иных миров мигом полезли гадкие монстры. Большую часть ученых, да и охраны они тут же поели, но наш герой оказался парнем не промах! Ловко отбиваясь от нечисти, он начал свое восхождение на поверхность. Но вот незадача: прибывшие невесть откуда спецназовцы, вместо того, чтобы разобраться с кровожадными тварями, принялись отстреливать ученых! Но герой и тут не сплоховал, дав посланцам злобного правительства достойный отпор.

«Господи, какая чушь! Это что, для тупых школьников писали?» — фыркнул про себя Ричард, разглядывая обложку. На ней значилось: «Только для взрослых!»

«Ну, конечно, будут взрослые этот бред читать! — ворочаясь на неудобной кровати, возмутился аспирант. — Где это видано, чтобы рохля-очкарик перестрелял всех монстров и вояк до кучи! Эх-х, хоть бы уже свет дали...»

В черепную коробку будто залили свинца, затекшая поясница и ноги отчаянно ныли, а мочевого пузырь, казалось, готов был разорваться. Надо бы немного пройтись... Лайонхарт нашарил под кроватью обувь, и, уже шагнув к двери, вздрогнул. Ему почудилось, что в дальнем углу полутемной комнаты мелькнуло причудливое существо: человекообразный уродец с рогами и свиным рылом. Так монстр выглядел выше пояса, а ниже его оказался крокодил! Аспирант отчаянно замотал головой и поскорее выскочил в коридор. Тут было светло и испуганно заколотившееся сердце застучало ровнее.

«Начитаешься всякой хрени, — ворчал он про себя, ковыляя к санузелу. — Наверно, я начал задремывать, вот и померещилось».

Он искренне хотел в это верить, но когда мозг получил пищу для фантазии, остановить его уже нелегко. А потому взгляд нет-нет, да и шарил по темным углам коридора, примечая

там разное. То движение, то неясную фигуру. Дик гнал от себя наваждение, но это не особо помогало, и по спине начали пробегать волны дрожи. Тогда он сфокусировал внимание на полу, заставив себя считать однообразные прямоугольники настила. Десять штук, двадцать, пятьдесят, сто, двести... На тысяча пятьсот восемьдесят седьмой аспирант замер, как вкопанный.

— Постой, — громко сказал он вслух. — Я ведь без счета раз ходил этой дорогой в сортир! Тут идти-то всего ярдов десять, откуда столько плит?!

Напрягшись, Ричард поднял глаза. Коридор однообразной кишкой уходил вдаль. Сейчас, в аварийном режиме, горел лишь один из пяти плафонов, а чем дальше, тем освещенные промежутки располагались все реже. Где-то далеко и вовсе мерцали только отдельные островки среди бесконечного моря тьмы. И да, в чем дело? Эти огоньки располагались то сверху, то сбоку, то внизу, а иногда вообще в стороне, да на приличном расстоянии. Выходит, коридор закручивался спиралью и рыскал туда-сюда, точно змея, ползущая по ветвям дерева?

Аспирант крепко зажмурился, потом звонко похлопал себя по щекам. Не помогло, только очертания коридора раздвоились и пошли легкими волнами. Так, будто Дик видел их в отражении на беспокойной и слегка мутноватой воде.

— Кажется, я задумался и свернул не туда, — с нервным смешком произнес он. Чисто для себя, чтобы звуком голоса отогнать мелькавшие на краю поля зрения тени. — Хотя... у нас не такая большая станция. Не помню подобных закоулков.

Глубоко вдохнув, он повернулся на сто восемьдесят градусов, и тут сердце сперва провалилось в пятки, а потом пустилось в галоп. В обратной стороне дела обстояли еще хуже! Не далее, чем в пяти ярдах коридор разделялся на целых шесть рукавов. И каждый из них убегал в свою сторону: круто вверх, столь же резко вниз, влево и вправо, под углом. Цепочки огней, отмечавших работающие плафоны, выписывали зигзаги и петли, а то и сложные завитки. Черт, да сроду здесь такого не водилось! Лайонхарт только что прошел этим путем, и коридор был один, прямой, как стрела.

Громко вскрикнув, аспирант подбежал к стене. Обливаясь холодным потом, зашарил по ней — такой ровной, прочной, надежной. Хоть какая-то опора в этом причудливом кошмаре наяву! Вдруг кусок обшивки пошел волнами, а потом исчез, открыв черный провал. Ричард попытался ухватиться за его края, но пальцы ловили только пустоту, и он нырнул в кромешную тьму...

Чтобы секундой спустя очутиться на полу в небольшой комнате. Совершенно безумными глазами аспирант обвел ряд зеркал и раковин, несколько кабинок и душевые с другой стороны. Похоже, он все же добрался в туалет. После таких приключений дела свои Дик справил на редкость быстро, а потом сунул голову под мощную струю ледяной воды. Кое-как отжав волосы, поглядел на свое отражение в зеркале. Оттуда пялился какой-то леший или оживший мертвец: взлохмаченный, давно небритый, с отчетливыми мешками под налитыми кровью глазами.

— Фух, ну и дурдом, — тяжело выдохнул аспирант. — Точно сплю на ходу. Ладно, сейчас вернусь в комнату и завалюсь дрыхнуть!

Он еще несколько раз промыл глаза. Пока стекала вода, ничего, кроме размытых пятен видно не было, но вроде бы, еще мелькало что-то темное. Наконец, Ричард проморгался и... остолбенел. Того, что сейчас маячило перед глазами, аспирант не видал и во время учебы в университете, когда баловался галлюциногенами. За спиной Лайонхарта из зазеркалья

возвышалось некое существо. Комплекцией оно походило на медведя: у него было такое же грузное, покрытое густой буровой шерстью туловище и мощные лапы, украшенные острыми когтями. Но вот голова... она чем-то напоминала лосиную — вытянутую, с ветвистыми рогами. Однако круглые, отливавшие разными цветами, как масляная пленка на воде, глаза были наподобие мушиных. Оттуда, где должен был находиться рот, свисал пучок длинных, почти до пола, щупалец, с которых сочилась вязкая слюна. Дьявол, что это за дрянь?! Неужели и правда князь тьмы явился сюда, чтобы покарать глупых людишек, возомнивших себя богами?

Охнув, Ричард резко обернулся, хотя и понятия не имел, что будет делать с этим монстром. Но... кроме него в туалете никого не оказалось! Дик, растеряно хлопая глазами, разглядывал идеально чистый пол и пустые душевые. Тогда аспирант еще раз опасливо поглядел в зеркало — ничего постороннего там не отражалось. Выходит, он сейчас храпел в своей комнате и видел во сне разную чушь? А может, так на мозг влияло пребывание на орбите, да еще рядом с оборудованием, генерировавшим мощные электромагнитные поля? Ладно, в любом случае пора было на боковую!

Дверь туалета Дик открывал так, будто за ней располагалась клетка с голодными львами. Все не решался подойти на то расстояние, на котором срабатывал датчик замка, а когда створка все-таки отъехала в сторону, мышцы ног будто мигом обледенели. Заставить их работать было не проще, чем согнуть вынутую из морозилки рыбину. Но вот Ричард, наконец, оказался в коридоре. Опасливый взгляд налево и направо — но нет, все было на удивление спокойно. Коридор был прям и неплохо освещен, а всего в десяти ярдах виднелась дверь комнаты Лайонхарта. Торопливо добравшись до нее, аспирант заколебался. Как-то не хотелось лезть в эту душную нору, ведь может из-за недостатка кислорода мозг начал выкидывать разные шутки? Пойти, что ли, в комнату отдыха, и, включив там проекцию гавайского пляжа, попытаться расслабиться?

— Что, Лайонхарт, неспится? *Estne gravis sensus superabit?* ["тяжкие думы одолели" — лат.] Неужели так сегодняшней, ой, то есть, уже вчерашний эксперимент взволновал? — неожиданно прозвучал чуть надтреснутый голос, заставив аспиранта вздрогнуть. — Лучше отдыхайте, а то впереди работы уйма. Столько данных анализировать...

Обернувшись, Ричард увидел профессора Химмелькнакера. Тот, что-то насвистывая, пританцовывал на месте. Честно говоря, сейчас он, грузный, одутловатый, напоминал большой мяч, который упустил баскетболист-титан.

«Ишь, веселый какой, — подумал аспирант. Когти страха, терзавшие сердце, разжались, дав простор недовольству. — Никогда его таким не видел. Даже непривычно как-то, так и ждешь гадости!»

— Да, меня просто распирает от счастья, — доверительно сообщил Курт. — Хотя в данных еще предстоит долго разбираться, но я уверен в успехе. Мы проникли в тайны пространства и времени, доказали наши теории, — он горячо сжал ладонь Дика. — И в этом есть ваша заслуга, Лайонхарт. Можете уже обдумывать, что говорить с нобелевской трибуны и журналистам! А пока идите ко мне, выпьем, за одно праздник отметим. Нам есть за что благодарить и себя, и судьбу. Ей-богу, скоро все человечество будет нам благодарно! Да и я уже не засну сегодня.

Не дожидаясь ответа, Химмелькнакер зашагал прочь, по-прежнему напевая. Ричард, пожав плечами, двинулся следом. Как оказалось, профессор жил не так и плохо. Ему, как руководителю проекта, выделили вполне приличные апартаменты, похожие хоть и на

небольшую, но уютную квартиру. Пара комнат, меблировка, картины на стенах. Усадив гостя за стол, Курт открыл бар.

— Вот, попробуйте, настоящий Токай трехлетней выдержки! — самодовольно заявил он, ставя бутылку на стол. — Не какая-нибудь синтетическая дрянь!

Налив себе и гостю, Химмелькнакер уселся в кресло.

— *Pro nobis successu* ["за наш успех" — лат.], за будущее науки и человечества!

Лайонхарт пронаблюдал за тем, как он пьет, а потом глянул на свой бокал. Странно... обычно аспирант был не дурак выпить, но сейчас вид ароматной жидкости будил в нем отвращение. Казалось, что это — змеиный яд или гадкая слизь, капля которой прожжет тебя насквозь. Даже не понятно, с чего бы это? Видать, нервы шалили, и он переутомился.

— Ну же, пейте-пейте! — поторопил профессор, и в его голосе мелькнуло легкое раздражение.

В любом случае, злить Химмелькнакера не следовало. Заводился он легко, и в таком состоянии выносил мозг кому угодно. А если еще обидится за то, что его гостеприимством пренебрегли... В таком случае лучше сразу же выброситься в космос. Потому Дик торопливо поднял бокал.

Что?! Прозрачная крышка столика, за которым сидели хозяин комнаты и его гость, вспучилась, вытянувшись горбом за подставкой бокала. Будто это был и не пластик вовсе, а чуть застывшая пленка на вязком киселе, которая легко приклеивалась к любому предмету. Химмелькнакер, растеряно хлопая жабьими веками, наблюдал, как перед ним образовался длинный, с половину ярда, «шип» из прозрачного материала. Метаморфозы продолжились: от этой штуки в стороны выросли отростки, делая ее похожей на ветвистое дерево.

— А-а-ай! — завопил Ричард, резко отшвыривая бокал.

Он должен был подпрыгнуть, ударившись о крышку стола, но... Едва коснувшись ее, бокал мигом растекся, растворился в прозрачной массе, лишь несколько секунд назад бывшей толстым куском стекла диаметром в ярд. Теперь стекло больше походило на аморфный пузырь. Он колебался, деформировался, во все стороны неспешно, как в замедленной съемке, полетели блестящие капли. Чудеса происходили и с пролитым вином. Судя по всему, предчувствия не обманули Лайонхарта, и везде, где упала жидкость, предметы вдруг теряли форму и растекались потоками, будто плавясь от сильного жара. Вскоре вся комната пошла волнами, точно поверхность заросшего болота, которая лишь на первый взгляд кажется прочной, а ступи на нее — сразу заходит ходуном.

Вскрикнув, аспирант и профессор вскочили на ноги, но тут же попадали. Все вокруг то сжималось, то растягивалось в несколько раз — от такого зрелища закружилась голова, а желудок скрутило тугим узлом.

Лайонхарту сделалось невыносимо жутко. Он боялся, что если сейчас же не выбраться из этого места, то голова просто лопнет, будто воздушный шар от избыточного давления. А потому Дик, не решаясь подняться на ноги, пополз к выходу. Вот и дверь, но на мысленные приказы, прикосновения и даже толчки она не реагировала. Похоже, механизм намертво заклинило. По спине Ричарда потекли целые ручьи холодного пота, когда он представил себя запертым в этой комнате.

Сразу вспомнились фильмы ужасов, где героя проглатывает монстр, и жертва, отчаянно цепляясь за что попало, пытается не провалиться в глотку твари. Его толкает и слюнявит язык, грозят перекусить пополам острые клыки, со всех сторон нападают какие-нибудь паразиты, нашедшие приют в ротовой полости гада. Что-то подобное происходило и теперь.

Стены и пол утратили привычную твердость, начали сочиться мерзкой слизью — наверно, это плавилась обшивка. Предметы мебелировки, колеблясь, будто медузы, переступали ножками. Они хотели напасть на людей? В такой ситуации это не казалось невероятным. Разная мелочь — посуда, книги, портсигар — поднялись в воздух, став похожими на крупных насекомых.

Смотреть на это было жутко, а потому Лайонхарт, кое-как встав, изо всех сил толкнул дверь. Плечо не ощутило преграды, и облицованная пластиком металлическая плита толщиной в четверть дюйма просто... лопнула! Так лопается мыльная пленка, разбрасывая вокруг брызги воды. И вот теперь капли металла зависли в воздухе, блестя и подрагивая. Может быть, Дик все-таки спал, ведь только во сне материя столь бесстыжим образом попирает законы физики?

Но, увы, с размаху вылетев в коридор, аспирант растянулся на полу. Лоб после поцелуя с рифленным покрытием пронзил острая боль, а из глаз посыпались искры. Разве во сне чувствуется боль? А если такое и случается, то человек мигом проснется. Теперь же кошмар и не думал прекращаться.

Отчаянно помотав головой, Ричард огляделся. Не отпустила ли его вязкая топь морока? Стены, пол и потолок коридора сохраняли привычную твердость. Уже от этого на душе сразу сделалось легче, сердце забилося спокойнее. Пошатываясь, будто пьяный, аспирант поднялся на ноги, прислушался. Уши ловили подозрительный треск и скрежет, несшийся откуда-то издалека, а по переборкам проходили волны вибрации. Несколько толчков оказались настолько сильными, что Лайонхарт схватился за шедший вдоль стены поручень — иначе было трудно устоять.

«Что происходит? Какие-то неполадки с оборудованием?» — мелькнуло в голове.

Однако додумать аспирант не успел. Чуть дальше по коридору прямо из стены выплыло два прозрачных шара. По их поверхности шли радужные разводы, а позади них коридор искажался, линии выгибались дугой. Эти штуки походили на огромные мыльные пузыри, но... Все, чего они касались, будто плавилось. Металл и пластик покрывались волдырями, а потом вязкими струйками стекали на пол. Образовывались лужицы, а из них во все стороны вытягивались завитки, отростки — нечто вроде растительных стеблей. Безумие продолжалось!

Дик отшатнулся, его глаза испуганно расширились. Он хотел было удрать, но тут вспомнил о профессоре. Тот до сих пор находился в своих апартаментах, может, ему требовалась помощь? Конечно, Химмелькнакер — та еще свинья, но все же не по-человечески было его бросать в трудной ситуации.

Остановившись возле двери, через которую он вывалился пару минут назад, аспирант заглянул в комнату. Сложно было описать, что там происходило. Апартаменты напоминали котел, в котором булькала густая каша с сухофруктами. Потoki сероватой массы текли, пузырились, а вместо изюма и кураги в них плавали различные предметы: стулья, кусок стола, одежда, книги, еще что-то. И кроме того...

— Лайонхарт, вытащите меня отсюда! — завопил профессор, на мгновение вынырнув из потоков «каши». — Я сейчас расплавлюсь! В самом деле!

Действительно, он как-то странно вытянулся, некоторые части тела утончились, другие, наоборот — стали крупнее. Одежда свисала склизкими лохмотьями.

Сердце Дика бешено заколотилось, тошнота подступила ему к горлу. Невыносимо захотелось удрать, но аспирант усилием воли подавил это желание.

— Держитесь! — крикнул он, хватая Курта за руку.

Уперевшись ногой в дверной косяк, он выдернул Химмелькнакера в коридор. Молча переглянувшись, начальник и подчиненный вскочили и бросились наутек, да так споро, будто за ними гналась орда демонов. Проскочив коридор, они вылетели в открытую галерею. Странно: полусфера Земли, раньше висевшая где-то далеко внизу, теперь загораживала все пространство за окном. Вдруг переборки, застонав, резко вздрогнули, и оба мужчины полетели на пол. Невольно уткнувшись носом в стекло, Ричард увидел, как внизу, среди труб и цилиндров, составлявших станцию, вспухло облако рыжего пламени. А затем в других точках конструкции полыхнуло еще и еще.

Пол начал крениться, точно желая сбросить аспиранта и профессора в космическую бездну. В ушах зашумело, возникло противное чувство, будто внутренности надувают воздухом и они ползут куда-то вверх. Перед глазами запрыгали огненные точки, казалось, все жидкости тела стремились излиться через горло наружу.

Тут послышалось легкое жужжание, и, подняв глаза, Лайонхарт увидел парня в форме инженера. Тот быстро двигался по коридору, и в этом ему помогал карабин, тянувшийся от пояса к металлическому поручню вдоль потолка. Инженер направлялся куда-то вверх и вбок, ведь привычные ориентиры потерялись, и теперь коридор больше напоминал наклоненную под углом в сорок пять градусов шахту.

— Эй, что происходит? — окликнул инженера Химмелькнакер. — У нас авария?

— Вроде того, — не оборачиваясь, процедил инженер. Его бледное лицо терзал нервный тик. — Внезапно начались резкие перепады напряжения, а потом реактор вышел из-под контроля. Произошло несколько взрывов, и станция сошла с орбиты. Сейчас нас сносит к Земле.

— Черт, наверно эксперимент вызвал перегрузку в энергосистеме, — предположил аспирант. — Чего-то замкнуло.

Глаза профессора испуганно расширились.

— А что там в аналитическом отделе? Мне надо срочно туда, сохранить данные! Мы лишь некоторые пакеты в командный центр успели передать!

— Даже не думайте! — крикнул ему инженер. Он уже почти скрылся за дальним поворотом коридора. — Всем, кроме технического персонала, велено идти на грузовую палубу. Возможно, скоро начнется эвакуация. А еще...

Договорить он не успел. Вдруг стена вспучилась, как бывает с жидкой грязью на болоте, когда наружу прорвался поток газов. Сероватая масса, еще миг назад бывшая пластиковой обшивкой, выбросила целый лес длинных игл. Они пронзили инженера, и тот, коротко вскрикнув, затрепыхался, словно кузнечик, насаженный на булавку. Оцепеневших от такого зрелища профессора и аспиранта забрызгало его кровью, но... Через несколько секунд ее алые капли замерли в воздухе, и, мелко дрожа, полетели куда-то вверх. Лайонхарт ощутил, что его тело стало необычно легким, и медленно оторвался от пола. Неподалеку неуклюже барахтался Химмелькнакер. А в следующий миг участок стены рядом рассыпался в прах, после чего в коридор ворвался огненный вихрь. Часть окна разлетелась вдребезги, и воздух с ревом устремился в образовавшуюся дыру, подхватив аспиранта и профессора. Вылететь бы им в космос, но тут сосиску коридора разрубила аварийная заслонка. Ричарда несло прямо на нее, и не успел он охнуть, как его голову с силой врезало в рифленый металл.

Дальнейшее он запомнил смутно. Тело сделалось будто ватным, картина перед глазами расплывалась. Несколько раз все тонуло в хороводе разноцветных кругов, но потом зрение

прояснялось. Полусфера Земли постепенно увеличивалась в размерах, и детали ее поверхности становились видны все четче. Потом пространство за стеклом окрасилось рыжим, замелькали язычки пламени. Они делались все крупнее, вытягиваясь в длинные хвосты, извивавшиеся вдоль окна. Казалось, станцию поймала гигантская актиния, которая шарит по ее корпусу множеством щупалец, пытаясь проникнуть в какую-нибудь щель.

Сделалось невыносимо жарко, и огромной мягкой лапой аспиранта тискала дурнота. Все тело пронзали молнии боли, и Дик неумолимо проваливался в душную черноту. Последнее, что он рассмотрел — это как из корпуса станции вниз, к планете, начал расти некий объект. То ли корявое дерево, то ли алчно растопыренная пятерня. В том месте на поверхности, куда тянулся этот отросток, расстилалась ватная пелена облаков. Но вот они разбежались в стороны, и открылась просторная синева. Возможно, океан. Какие-то темные потоки, извиваясь, ворочались в его глубине, будто со дна навстречу посланцу небес всплывал гигантский кракен.

Файл 2. 2 ноября 3086 года. Поселок на дне колодца для захоронения отходов

Миновав рожицу огромных, выше человеческого роста грибов, которые бледно фосфоресцировали в ночной темноте, Шац приблизился к ветхому сараю. Грудь старика пронзали разряды боли, слева, под ребрами, будто засунули камень. Казалось, не кровь, а вязкий гудрон еле-еле струилась по сосудам, с силой ударяясь в виски и грозя их проломить. Мучила одышка, а сердце ковыляло, будто пьяница, готовый упасть на каждом шагу. Тяжело облокотившись о ржавую стену постройки, Шац сбросил на землю увесистый мешок и выдохнул:

— Ох, чуть не помер! До чего ведь довели, гады... Ну, да ладно, скоро все станет иначе.

Тут кое-как сбитая из гнилых досок дверь распахнулась, и на улицу, вытирая руки о грязный фартук, высунулась старуха. За ее спиной, похрюкивая, копошились свиньи, а в сторонке, в решетчатых клетках, ворочались некие тускло поблескивавшие существа.

— Чего разорался, болван? — неласково бросила пожилая женщина. — Хочешь, чтоб жнецы услышали? Мне уже хватило их на сегодня. Чуть не полдеревни уволокли!

Морщинистое лицо Шаца, эта маска скорби, расслабилось, на его глазах выступили слезы.

— О, Хильфе, ты жива, а я волновался! — улыбнулся старик бурыми пеньками зубов. Он хотел было приобнять бабу, но она его грубовато отпихнула. — Как убереглась-то?

— Да я как раз на огороде грибы окучивала, — Хильфе кивнула на ряды могучих боровиков, красовавшихся за оградкой рядом с сараем. — И тут переполох, вопли дикие... Выглянула, а на улице заваруха. Ну, я, не долго думая, под навес юркнула, благо, там всякий бурьян для слизней лежал, — она махнула в сторону кучи, смутно видневшейся за клетками. — В ней зарылась, так и переждала. Благо жнецы таким старьем, вроде нас, не особо интересуются.

— А, слава богу, — с облегчением сказал Шац, но старуха его тут же перебила:

— Тебя вообще где носило? Опять на свалке лазил? — ее слова были как ядовитые стрелы, а взгляд, казалось, мог легко прожечь бетонный блок у соседней лачуги. — Что если б тебя самого жнецы убили? И так от тебя помощи не дождешься, а одна я бы хозяйства точно не потянула. Сегодня уработалась, спина того гляди пополам разломится, — Хильфе демонстративно потерла кулаком поясницу.

Старик не обратил внимания на придирки, напротив, заговорил бодро, почти с энтузиазмом:

— Я как раз делом занимался! Наконец-то собрал все, что нужно. Будет нам и помощник, и защитник. Пойдем, тут надо вдвоем заниматься.

Старуха хотела что-то возразить, но Шац упрямо потянул ее за собой. Хильфе, видя, как покраснел и задыхается старик, не стала сопротивляться, а зря: Шац мигом навьючил на нее тяжелый мешок. В ответ на старика налетел настоящий вихрь проклятий, но Шац, не обратив на это внимания, уже ковылял к другому строению. Такой же уродливой, коряво слепленной из всевозможного хлама лачуге, но куда просторнее других. Отпихнув обросший белой коростой лист алюминия, служивший дверью, старик поманил Хильфе.

В помещении совершенно неожиданно обнаружилось нечто вроде лаборатории или палаты интенсивной терапии. Пара верстаков, вокруг которых, похожие на некие

фантастические существа, сгрудились всевозможные станки и хитрые агрегаты. Вдоль одной из стен выстроились ящики с разным металлоломом, обломками микросхем и на первый взгляд просто мусором. У противоположной стены на широком столе громоздилось несколько компьютеров — тоже собранных из чего попало.

— И чего ты собираешься делать со всем этим хламом? — поинтересовалась старуха, вываливая содержимое мешка в один из ящиков.

— Как что? Я уже говорил тебе, — отозвался Шац, подпоясываясь фартуком. — Мы соберем робота. Будет помогать по хозяйству и защитит нас от жнецов. Для этого я и просил тебя написать ему ОС и вытащить из Сверхсети все данные о боевых искусствах, какие можно найти.

— Помню, помню, фантазер ты чертов, — проворчала Хильфе, усаживаясь за компьютер. — Но ты что думаешь, в Сверхсети можно гулять, как тебе вздумается? Она не для таких, как мы, делалась. Только попробуй какую-нибудь базу ломануть, мигом тебя заловят! Тут не только жнецы за тобой прибегут, а чего похуже... На одну маскировку сил куча уходит, а тут еще по дому работа! Императрица Хайланд крепко бережет свои секреты.

Игнорируя ее претензии, старик принялся раскладывать по верстаку различные железяки. Подчиняясь руке хозяина, ожило, загудело оборудование, и Шац в волнении произнес:

— Я придам ему идеальную форму. С ней он станет непобедим!

И закипела работа. Старик сновал по лаборатории, то и дело что-то регулируя в хитрой технике. Механические руки, дрели, пилы, жужжа и попискивая, крепили друг к другу куски металла и пластика. Постепенно из груды мусора формировалось нечто определенное. Тем временем Хильфе горбатилась за монитором, щелкая по различным панелям, торопливо набирая строчки кода.

Мертвенный свет фонарей за окном утонул в чернильной тьме, и та, спустя немало времени, успела посереть, а работа все продолжалась. И вот машины остановились. Массируя будто бы густо посыпанные горячим песком глаза, старуха направилась к верстаку. Шац на нее даже не глянул, его взгляд был прикован к завершеному творению. Глянув через его плечо, Хильфе скептически поджала губы. Перед ней, окруженная разнообразными обрезками, покоилась сфера диаметром с метр. Гладкая, отливающая полированным металлом.

— И что это за ерунда? Мы ради этого столько убивались? — фыркнула старуха.

Не обратив на это внимания, старик любовно погладил кругляш и сделал жест: мол, помоги поднять. Кряхтя и спотыкаясь, пожилые люди перенесли изделие на подоконник.

— Ну, давай, запускай, что ли? — молитвенно сложив руки, предложил Шац. — Хотя нет, постой. Едва не забыл важную вещь.

Он подошел к стене и отодвинул в сторону грубо намалеванную картинку с пейзажем. Позади нее обнаружился сейф. Набрав сложную комбинацию, старик вынул небольшую шкатулку. В ней обнаружился... маленький черный квадратик пластика с золотистыми контактами и аккуратной маркировкой. Взяв эту штуку двумя пальцами, Шац отнес ее к шару и открыл на нем небольшую выемку. Все эти действия старик совершал столь осторожно, будто у него в руках был нежнейший цветок.

— Наследие старого мира на месте и теперь все готово, — удовлетворенно сказал он и требовательно посмотрел на старуху. — Как думаешь, сможем пророчество исполнить?

С сомнением покачав головой, Хильфе достала из кармана массивный пульт, и

сухоньким, похожим на древесный корень пальцем быстро настучала сложную комбинацию. Шар издал тонкий писк, и по сторонам у него открылись небольшие отверстия. С легким гудением оттуда высунулись членистые конечности — четыре штуки, вроде рук и ног у игрушки. Округлый фрагмент обшивки спереди уплыл в узкий паз, обнаружив под собой плоскую нишу. На ней вспыхнули зеленым огнем две выпуклости, похожие на перевернутые блюдца. Ниже выдвинулся зазубренный выступ, напоминавший лезвие серпа, а под ним раскрылась изогнутая прорезь. Воплощенный в металле детский рисунок человечка, размяв конечности, прошелся по подоконнику.

— Наш сын, — лучась самодовольством, шепнул старик помощнице. — Теперь заживем...

Шар повернулся старикам, озаряя их магнетическим изумрудным взором. Из прорези на лицевой панели донеслись слова:

— Ого, это вы меня создали? А с какой целью? — его голос оказался вполне мелодичным баритоном, хотя в нем и слышалось легкое шипение, как в старом динамике.

— Как зачем? Нас радовать! — с готовностью отозвался Шац. — Мир без тебя беден и скучен, родителям твоим никакой жизни не стало. Хозяйство совсем валится, а еще эти, жнецы, одолели.

— Ага, — не слишком уверенно поддержала старуха. — Долго объяснять. Подключишься туда, все нужное на диске хранится, — она указала на компьютер, за которым недавно работала. — А сейчас мы отдыхать пойдем, умаялись совсем... Ясно, Кугель?

— Кугель? — старик с удивлением воззрился на Хильфе.

— Именно, — кивнула та. — Надо же ему имя дать какое-нибудь умное?

Шац хотел еще что-то сказать, но старуха, крепко схватив его за воротник, потащила прочь из мастерской. Новенький робот остался один. Крутанувшись на месте, он свесил ножки за окно, с интересом разглядывая мир.

Зрелище, прямо скажем, было так себе. Лачуга находилась на краю поселка, напоминающего толпу нищих: согбренных, измученных жизнью, кутавшихся в какие-то грязные обноски. Сам воздух здесь пропитало уныние, он был густ, как желе, настоян на диком букете зловония — пищевых отходах, гари, едкой химии. Казалось, это забытое богом место неприятно посещать даже свету, и потому на кривых, загаженных улочках царил вечный полумрак. Тусклый свет фонарей и мертвенное сияние плесени на стенах лишь слегка приподнимало завесу тьмы. Впрочем, может оно и к лучшему, ведь желания разглядывать детали особенно не возникало.

И куда же посмотреть тогда? Взгляд Кугеля с облегчением перепрыгнул крайний забор, похожий на воткнутые в землю кости неведомой твари. Впрочем, за околицей было не многим лучше. Здесь тоже не слишком весело: склон холма, на котором расположился поселок, был разбит на квадраты огородов, где под сенью гигантских, выше любого из домишек, грибов копошились... навозные жуки? Нет, то были местные жители. Те, кто покончил с работой, сгибаясь в три погибели под грузом тюков, ковыляли домой по вымощенной листами ржавого металла дороге.

Хотя... не все эти существа были людьми. Вернее, были людьми не полностью... Тело кое-кого из поселян имело угловатые формы и поблескивало металлом. Роботы? Ну, это как сказать, ведь и у вполне живых на вид, мужчин и женщин нет-нет да и встречались механические детали: рука или нога, пластинка на щеке или телескопические объективы,

торчавшие из-под бровей. Впрочем, трудились все наравне, не взирая на наличие искусственных частей. Но не все полагались только на свои силы. Вот путникам пришлось отойти на обочину, давая проезд телеге с огромной бочкой. На козлах сидел щуплый юноша, уныло взиравший на механического паука, который тащил груз. Похоже, повозка направлялась к слепому глазу озерца — с мутной, белесой водой, разукрашенной радужными пятнами. Неужели они будут оттуда пить?!

Ох, нет, лучше перепрыгнуть через эти мертвые воды — быть может, за ними обнаружится нечто более привлекательное? Вряд ли, хотя пейзаж на противоположном берегу был более разнообразным: там серыми дюнами раскинулась свалка. Огромная, она тянулась на километры в разные стороны, и, было бы легко вообразить, что всевозможный хлам заполнил целый мир, если бы не... из клубов белесого тумана не вставали бы практически отвесные скалы. Куда ни посмотри, налево, вперед или направо, взгляд все равно упирался в эту стену. Просто где-то она располагалась дальше, так что на ней нельзя было разобрать подробностей, а где-то — ближе. Если выйти, стараясь не задавить пасущихся тут и там огромных слизней, на устланный ковром из жухлого мха двор стариковской усадьбы, и глянуть в противоположную сторону — увидишь то же. Скалы, которые, вертикально вздымаясь за дальним краем поселка, возносились на недостижимую высоту. Они охватывали все видимое пространство ровным кольцом, и легко было вообразить, что находишься на дне гигантского колодца. Его отверстие скрывалось где-то в тяжелых, едва пропускающих бледный свет облаках.

Что любопытно, такое предположение не лишено смысла. Присмотревшись к ближней части стены, можно было заметить, что она сложена из одинаковых прямоугольников, каждый со стороной метров в пятьдесят. Там, где блоки разошлись, образовав щели, просматривались циклопические балки и опоры. Лес из них уходил в темную глубину тела стены. Разве могла природа создать такое? Вряд ли, но когда все это построили? Стена выглядела на редкость неопрятно. Ее всю исчертили ржаво-зеленоватые потеки, посекали трещины и углубления, некоторые плиты съехали набекрень, грозя вывалиться. Пожалуй, кое-какие и рухнули — иначе откуда взялся тот плоский выступ, нависавший над свалкой? Тут и там с искривленных пальцев арматуры, торчавших из выбоин, свисали лохмотья мха и лишайника, а кое-где образовались целые рощицы из причудливых растений и грибов. Природа медленно, но упорно разрушала мертвый порядок, однако тот еще не сдавался первозданному хаосу.

«Ох, тоска, — бездумно разглядывая кучу отбросов под окном, подумал Кугель. — И я должен рыться в этой помойке, защищать ее? А ради чего?»

Тут робот-шар вспомнил, что старуха велела ему изучить некие файлы на компьютере. Ладно, может там найдется что-то интересное, и смысл жизни прояснится? Кугель послал мысленный запрос, и ЭВМ немедленно открыла доступ. Всего нескольких секунд хватило, чтобы загрузить весь объем знаний, которыми обладали жители поселка. И... наступило полное разочарование! Собственно, робот-шар узнал не многим больше, чем раньше сообщили ему обзорные камеры.

Люди жили тут, на дне колодца, с незапамятных времен. Разводили слизней и свиней, выращивают грибы — большинство довольствовалось этим, но некоторые, кто посмышленней, сумели освоить «знание». Тайные науки, секреты которых оберегались с незапамятных времен и давали контроль над металлом и пластиком. Не просто чтобы строить лачуги, но и для сборки кое-чего посложнее. Такие люди, подобно Шацу, рылись в

свалке, выискивая рабочие детали и агрегаты — благо, сверху, из загадочного мира за облаками, падало немало хлама. Из найденного собирали разные диковины, вроде тех станков и механизмов, какими была забита лаборатория. Или — робота-помощника. Только с каждым поколением владеющих знанием делалось все меньше, возможно, в этой деревне и не осталось никого, кроме Шаца и Хильфе.

И черт бы с ним, и так проживешь. Да только несколько лет назад откуда ни возьмись появились жнецы — агрессивные твари, которые ловили людей. Не убивали, максимум — серьезно ранили, а потом утаскивали куда-то наверх. Кто они такие, откуда? Кто знает, наверно, просто кара, ниспосланная богами за грехи.

По легенде нечто подобное уже появлялось давным-давно. Тогда человечество обитало в прекрасном мире, где среди зеленых полей и лесов текли многоводные реки, впадавшие в бескрайние моря. Заснеженные горы подпирали синие небеса, где днем сияло солнце, а ночью высыпали звезды. Но люди не ценили этого, терзали и отравляли землю, и та отомстила им. Однажды встала на дыбы, сломалась и перекрутилась, сметая все с себя. Появились жуткие твари и ловили несчастных людей. Миру пришел конец, а грешники, спасаясь от гнева бессмертных, бежали кто куда, скрылись в пещерах и высоких горах. Что с ними стало — никто не ведал. Но одна группа выживших нашла приют здесь, в великом колодце, защищенном от всех невзгод.

Впрочем, защищенном ли? Вдруг пришло время новой катастрофы? Именно так считали сектанты, поклонявшиеся богине — императрице Хайланд и считавшие жнецов ее слугами. Правда, никто не мог толком объяснить, кто они все такие и чего им нужно... Скорее, эту Хайланд воспринимали как некую высшую силу, присматривавшую за миром с незапамятных времен. А может, она и создала его?

«Что, и это — все? — раздосадовано вздохнул Кугель. — Не густо!»

Ему представилась бесконечная вереница дней, похожих один на другой, словно песчинки на берегу реки. Утро, беседа о том и сем, а потом — работа в поле или свинарнике. Ночь, отдых и ничего больше! Хотя нет, иногда он, смелый воин, несущий в своей памяти частицу знаний — приемы боевых искусств, будет спасать родную деревню. Станет биться со жнецами, вынуждая их отступить. Чтобы из их обломков Шац собрал роботов-помощников для селян. Старикам прибыль, а соседям — облегчение. Благодать? Кому как, а роботу-шару — уныние. Постепенно его механизмы изнасятся, корпус покроется ржавчиной и выбоинами, какие-то агрегаты забарахлят. Наконец он выйдет из строя, чтобы отправиться обратно на свалку, где старик набрал деталей для него.

«Ну, уж нет! — ощутив, как от досады нагреваются его микросхемы, решил Кугель. — Не для того Хильфе выживала из Сверхсети обрывки кода, не затем наделила меня разумом и эмоциями! Я создан для большего!»

Кстати, насчет этой Сверхсети. Мысль робота-шара, скользнув через виртуальное пространство, остановилась около закрытой дверцы. Ту украшал череп со скрещенными костями — интересно, что за ним? Уж не выход ли из местной сети в большой мир? Хильфе решила, что Кугель еще слишком мал и глуп, чтобы туда высунуться? В электронном мозгу сердитым псом заворчалось раздражение. Ну уж нет, теперь он точно туда ползет! Любопытствуя, робот-шар потянулся было к замку на дверце, но тут перед ним возникло изображение лица старухи.

— Не смей, пацан! — хрипло прокаркала старая карга. — Да, за этой дверцей большой мир. Там хранятся невиданные знания и происходят удивительные события. Но никто не

смеет туда соваться. Потому что злой дух витает там. Он управляет целой вселенной и много люди натерпелись от него. Имя ему — императрица Хайланд, и некоторые дураки считают ее божеством. Но не верь им и не суйся туда!»

Видение пропало, а Кугель нахмурился. Туда не ходи, сюда не ходи, что за глупость? Может, он лишь сегодня родился, но знаний у него побольше, чем у этих старых пердунов! Вот и нечего помыкать им, как несмышленишем. Что, мыслящему существу так и обратиться кучкой ржавчины, роясь в свинарнике?!

«Если гляну одним глазком, беды точно не случится», — подумал Кугель, подбирая коды для взлома замка.

По краям двери обозначилась щель. Она быстро расширялась, выпустив поток яркого света, заставившего робота-шара торопливо отвернуться. Сильный ветер подул ему в лицо, и казалось, что-то большое, сильное на той стороне почуяло чужое присутствие. Вот оно навалилось на дверь, заставив ту тяжело скрипнуть, и... померещилось, или в щель просунулась когтистая лапа? Окаменев от страха, Кугель выпустил из корпуса острое лезвие и рубанул им по лапе, и та рассыпалась радужными искрами. Робот-шар торопливо налег на дверь. Раздался пронзительный визг, что-то с противным визгом проскребло по металлу двери, но та была уже плотно заперта. Фух, обошлось. И тут на самом краю поля зрения зажегся индикатор в виде конверта: пришло новое письмо.

— Старики зовут на поле? — покривившись, спросил себя робот-шар.

Однако сообщение удивило.

«Вы молоды и вас манит жажда приключений? Тогда мы ждем вас! Хватит киснуть на помойке, взбирайтесь на самый верх! И, если с вами пребудет удача, то, преодолев все испытания, вы достигнете самой вершины. Там мы встретим вас, открыв истинное знание. Спешите, ведь это только кажется, что мир незыблем. В действительности, все может рухнуть в любой момент. Выбирайте: хотите ли вы стать героем, или бесславно погибнуть под грудой хлама? Если готовы действовать, мы укажем вам путь».

Кугель перечитал эти строки несколько раз, но ничего не понял. Впрочем, сказанное там вполне отвечало его недавним мыслям.

«Правильно, — с облегчением сказал себе Кугель. — Я не буду тут гнить до скончания века! — тут его не сильно, но чувствительно уколола игла совести, но робот-шар мигом ее успокоил: — Ничего, я не бросаю создателей на произвол судьбы. Им досаждают жнецы, верно? Но правильнее бить врага в его логове, так? Вот я отправлюсь наверх, и покончу с ними раз и навсегда!»

Будто свежий ветерок разогнал тучи неясной тревоги, и эмоциональный узел согрело приятное чувство. Махнув рукой на все сомнения, Кугель прыгнул с подоконника, и, втянув конечности, футбольным мячом покатился к воротам. Вскоре, жизнерадостно насвистывая, он катился вверх по улице. Та, петляя среди хибар, узенькой тропкой покидала деревню, а потом терялась в заросших колючками холмах. За ними возносилась стена, хмурая и неприступная. Но это лишь на первый взгляд. Механический искатель приключений видел красную линию, которая, прыгая с одного камня на другой, забиралась на стену. Не исчезала она и на отвесных, вроде бы, утесах, напротив, пробиралась по неприметным выбоинам и выступам, проскальзывала по трещинам — все выше и выше, до самых облаков! Так логический блок обозначил оптимальный маршрут движения, построенный на почерпнутых из памяти ЭВМ Хильфе данных. Что ж, стоило попробовать.

Однако, когда усадьба стариков должна была скрыться за поворотом, Кугель все же

обернулся. Выкрутил на максимум увеличение глаз и... застыл. Неожиданно один из мониторов на столе вспыхнул, и на нем появилась занятная фигура. Узкий треугольник, направленный острием вниз. На противоположной, тупой стороне виднелись два маленьких треугольничка, похожих на ушки. Хм, а если подумать, то они, да еще пара овалов ниже, веер черточек возле острия... это походило на звериную мордочку, если бы ее нарисовал художник-кубист! Мерцающие желтым глаза-овалы глянули из стороны в сторону. И вот их взор сфокусировался на застывшем посреди раскисшей дороги роботе-шаре, а на нижней части «морды» образовалась треугольная щель, обнажая ряды острых клыков.

«Померещилось, — чувствуя, как быстрее побежала по патрубкам системы охлаждения жидкость, сказал себе Кугель. — Наверно, блики на мониторе играют».

Впрочем, когда он уже начал взбираться на стену, его посетило еще одно видение. Бросив прощальный взгляд на поселок, робот-шар вдруг увидел на середине озера остров. Там под пальмами двое мужчин — щуплый парень в очках и огромный бугай, чем-то похожий на грубо вылепленного голема — сооружали шалаш. Узкое и бледное лицо парня показалось не то, чтобы знакомым, а скорее Кугель ощутил странную близость с этим человеком. Удивившись, робот-шар прибавил увеличение линз, но остров уже исчез. Вероятно, это было лишь причудой ветра, на несколько мгновений слепившего из клочьев тумана кусочек суши.

Инцидент 3. 10 декабря 2086 года. Остров в южной части Тихого океана

Когда Лайонхарт открыл глаза, его ослепил яркий свет. Он пробивался через множество щелей, изрезавших стену, лился сквозь узкий проход, оставленный не полностью затворенной дверью. Свет ранил зрение, и Ричард заворочался, стараясь забиться в тень у стены. Но расслабиться ему не удалось. В уши вливался целый водоворот звуков: шум ветра, протяжный скрип, крики птиц и какой-то неопределенный шорох. Это было так непривычно после тишины космической станции, нарушаемой лишь мерным гудением ламп и тихим шипением вентиляции. Но травмированы оказались не только зрение и слух. Острые соломинки кололи спину, а еще по груди проползла волна щекотки.

Запустив руку под влажную от пота футболку, Дик выудил... крупного жука, раскрашенного в черные и белые полосы. Пойманное насекомое засучило в воздухе лапками и сердито защелкало похожими на консервные ножи жвалами.

— А-ах! — воскликнул от неожиданности аспирант, брезгливо отшвырнув жука.

После такого происшествия сонливость мигом слетела. Ричард сел на постели, оглядываясь. Он смущенно морщил лоб, словно только что очнулся после обильных возлияний.

— Где я? — растеряно пробормотал Лайонхарт.

Он сидел на импровизированной лежанке, которая была сделанна из нескольких вязанок тростника, брошенных на голый земляной пол. Неудивительно, что его спину кололо: сухие стебли прикрывала лишь грязноватая тряпка, служившая заменой простыни. Слева и справа, а также позади возвышались стены, наспех сложенные из чего попало: камней, земли, бревен, кусков железа и прочего хлама. Впереди, всего в нескольких шагах, в стене был устроен вход — неровная дыра, прикрытая щитом из жердей, кое-как обвязанных лианами. Над головой обнаружилась с позволения сказать, крыша — всего лишь вязанки тростника, наваленные на поперечные жерди. Из мебели имелся только импровизированный стол — несколько коробок, поставленных одна на другую. Господи, как он оказался в столь убогой халупе?!

Ричарду стало не по себе: на мгновение он вообразил, что угодил в лапы каким-нибудь туземцам-каннибалам. Потому он вскочил на ноги, но тут же голова закружилась, и ему пришлось опереться о стол. Ого, на нем поджидала нехитрая еда: фрукты, жаркое из рыбы и кузнечиков, нашлось и питье — душистая жидкость в расколотом пополам кокосе. Те самые туземцы хотели немного откормить Дика перед тем, как резать? Живот аспиранта тут же свела голодная судорога, но мысль о том, что где-то рядом могли притаиться людоеды, не позволяла съесть ни кусочка.

— Наверно, я сплю, — пробормотал Лайонхарт, с силой массируя виски. Он силился восстановить события недавнего прошлого, но в ответ на мыслительные усилия голову пронзали иглы жестокой боли. — Я ведь должен быть на станции. Откуда это все?

Неожиданно Дику стало душно, хотя в хижину через многочисленные щели проникало достаточно воздуха. Поэтому он, отпихнув импровизированную дверь, шагнул на улицу и тут же замер не в силах сдержать вздох изумления.

Хижина располагалась на небольшой полянке, усыпанной снежно-белым песком. Хотя с первого взгляда казалось, будто жилище находилось в пещере, ведь с боков над ним

нависал полог леса. Могучие деревья, поросшие мхом и увитые лианами, сплелись ветвями настолько плотно, что дневной свет едва пробивался сквозь полог из широких листьев. Лайонхарт не слишком разбирался в ботанике, но, заметив несколько пальм, решил, что очутился в тропических широтах. Наверно, на поляне было бы темно, если бы впереди заросли не расступались, и там... Лазурные волны лизали песчаный пляж.

Стремясь вырваться из влажных объятий леса, Ричард заторопился к морю, и спустя несколько мгновений волны уже лизали его босые ступни. Теперь он мог осмотреться. Холмистая суша, укрытая зеленым одеялом леса, напоминала огромного дракона, который, смертельно устав в полете, растянулся прямо посреди моря. Вот длинная шея каменистой косы и на ее конце — темная скала, похожая на рогатую голову с тонким рылом, а вот и горбатая спина с угрожающим частоколом гор. Должно быть где-то за водоразделом найдется и чешуйчатый хвост. А серповидная дуга пляжа казалась распростертым крылом гиганта.

Свежий, насыщенный влагой и солью ветер рассеял туман в голове, а жаркие лучи вонзенного в зенит солнца согрели кровь, заставив ту куда быстрее струиться по жилам. Из дальних уголков сознания вывалились разрозненные осколки воспоминаний, начав собираться в единую мозаику. Итак, Лайонхарт работал на космической станции. Там провели эксперимент по исследованию микромира, и вроде даже успешно. Но случилась авария — наверно из-за перегрузки системы, — начались пожары и взрывы, вообще какая-то ерунда пошла твориться. А потом, насколько можно было судить, станция начала падать на Землю. Дальше пала темнота, в бархатном мешке которой нашлись лишь отдельные сполохи пламени и причудливые видения.

— Может, нас подобрала спасательная команда и теперь меня закинули поправлять здоровье куда-нибудь на Гавайи? — растеряно почесывая в затылке, спросил безбрежное море Ричард. — Но отчего я не в больнице? Или я валяюсь в лечебном сне?

— *Esne aegra, puella?* [«удивлены, юноша» — лат.] — раздался из-за спины знакомый голос. — Я тоже был в растерянности. Но мы на этом острове одни. Пришлось самому и еду собирать, и хоть какое-то жильё из хлама строить. Недаром я все же в детстве был бойскаутом. Уже пять дней тут ковыряюсь, пока вы валялись в отключке!

— Профессор Химмелькнакер? — воскликнул Ричард, оборачиваясь.

Он сам поразился той радости, которая прозвучала в его словах: все-таки приятно было встретить в чужом месте кого-то знакомого, а не людоедов. Впрочем, с ними, пожалуй, было бы проще, чем иногда приходилось с профессором.

Однако спустя мгновение лицо Лайонхарта вытянулось от изумления, он попятился и, споткнувшись о камень, неуклюже плюхнулся в прибрежную пену. Перед ним, вместо привычного лысеющего толстячка, эдакого скарабея, вставшего на задние лапки, возвышался гигант ростом футов десять! Глядя на него, вспоминались «Авиньонские девицы» и другие картины Пикассо. Да, таких пропорций в природе не бывает. Мощные, как колонны в древнеегипетских храмах ноги с непропорционально огромными ступнями. Уродливое туловище, напоминавшее формой усеченную пирамиду: узкие плечи, ящик груди, густо поросший черной шерстью, широченные бедра и живот-мешок, который свисал чуть не до колен. Руки, будто позаимствованные у гориллы: они почти касались земли и имели чудовищно большие кисти, похожие на ковши экскаваторов. Слишком маленькая для такого тела голова каплевидной формы, заставлявшая вспомнить о навершии шахматной фигуры. Что это за монстр?!

Рот Лайонхарта разинулся как бы сам собой, и аспирант готов был истошно завопить, но тут рассмотрел лицо страшилища. Круглое, как Луна, с кукольными чертами и неправдоподобно большими глазами цвета лазурита, оно без сомнения принадлежало Курту Химмелькнакеру.

— Ох, я вас напугал? Простите, — сказал голосом профессора великан, осторожно поправляя очки похжим пальцем. Так не привычно было слышать в этом голосе смущение, ведь обычно он говорил, как граф с крепостным. — Честно говоря, я сам был в шоке, когда увидел свое отражение на воде. Даже не представляю, как так вышло? Помню, на станции началось что-то странное. Все начало изгибаться и дрожать, будто желе. Мы бежали по коридору, вы куда-то пропали, а меня закинуло в какой-то прозрачный шар, что-то вроде мыльного пузыря. Дальше я провалился в забытие, и мне мерещилось, что меня пытаются демоны. Мои конечности растягивали и сжимали, ломали кости. Видно, это был не просто сон...

— Профессор, где мы? — перебил его Лайонхарт.

— Я так думаю, станция рухнула на планету. Прямо в Тихий океан, рядом с каким-то островом. Неизвестно, как мы остались в живых, но это место точно не рай, хотя и выглядит красиво. Комары вон жрут так, что и моя новая шкура страшно зудит! — Химмелькнакер показал несколько красных пятен на плече.

Пока Ричард, изумленно хлопая глазами, пытался сообразить, как можно рухнуть с высоты в несколько сотен миль и уцелеть, Курт продолжил:

— Кстати, станция тоже не совсем развалилась. Я насобирал кое-какого хлама от нее, но общая конструкция сохранилась. Она вон там, на вершине этой штуки, — его подобная древесному стволу рука махнула куда-то в сторону моря. — Сами увидите, когда облака расступятся.

Место, на которое он указал, находилось как раз напротив «драконьего рыла» острова. Большое, напоминавшее башню облако висело там, опускаясь почти до самой воды. Вроде бы, оно скрывало еще какую-то сушу, но разглядеть ту не получалось. Но вот, будто по заказу налетел свежий бриз, и облачная пелена начала редеть. Похоже, там возвышалась высокая гора... даже нет, это было что-то куда более масштабное. Лайонхарт напряг зрение: от соленых брызг, летевших в глаза, очертания дальней земли слегка расплывались, но, когда горизонт достаточно прояснился, аспирант не смог сдержать возгласа изумления.

Да, на первый взгляд это действительно напоминало гору, только весьма причудливых очертаний. Эдакая мускулистая рука, вознесшая растопыренную пятерню к небу, с чем-то блестящим на ладони. У подножия вздутия каменных мышц изменяли форму, становясь угловатыми. Создавалось впечатление, что «рука» переходит в какое-то здание с совершенно безумной архитектурой. Или, скорее, сама земля тянулась вверх, закручиваясь спиралью, и постепенно каменный хаос обретал структуру, все больше уподобляясь человеческой конечности.

В бухте у подножия этой горы тоже происходило нечто странное. Поверхность воды вскидывалась бурунами, то и дело всплывали, лопаясь, большие пузыри. Было ощущение, что море кипело. Может, там находился какой-нибудь подводный вулкан? Но это вряд ли: неожиданно из глубины вынырнула массивная туша. Вероятно, кит? Но у кого из китового племени голова обшита массивными костяными щитками, образующими подобие шлема, а из пасти торчат, не давая ей закрыться, огромные клыки? Чудовище с неправдоподобным для столь крупного — не менее ста футов длиной — тела проворством метнулось вперед. И

спустя несколько секунд в его пасти забился дельфин. Мощные челюсти вмиг перемололи животное на кровавые шматки, и вода обрела багровый оттенок. Затем монстр, подняв немалую волну, скрылся в пучине.

— Откуда взялась эта тварь? — чуть вздрогнув, поразился Ричард.

— Да это наверно кашалот или что-то в этом роде. Я плохо разбираюсь в зоологии, — скрестив руки-бревна на груди, задумчиво начал Химмелькнакер. — Меня больше интересует, как появилась эта гора. Когда я очнулся тут пять дней назад, она была вот такой, — он провел пальцем линию примерно посередине каменной длани, — а теперь вон какая вымахала. И на ее вершине лежат обломки нашей станции! Нет ли тут связи?

Лайонхарт с подозрением разглядывал блестящую штуку на вершине горы.

— Станция рухнула с орбиты и лежит там? Вы уверены? Да она бы сгорела в атмосфере и разлетелась в пыль! Я даже помню момент катастрофы. За стеклом круговой галереи мелькали языки пламени!

— Люди тоже не выживают, когда падают из космоса, — заметил Курт и покачал головой. — Но, тем не менее, мы живы и ведем тут дискуссии!

Не зная, что на это сказать, Ричард нахмурился. Впрочем, Химмелькнакер вывел его из задумчивости, хлопнув ладонью по плечу. Вернее, с непривычки не рассчитав силы, он едва не вбил аспиранта по пояс в песок.

— Ладно, пока у нас хватит более важных дел. Мы на необитаемом острове, связи нет и надо обустраивать жилище, а также позаботиться о еде. За работу!

В следующую неделю Лайонхарту действительно было не до загадочной вершины. Профессор эксплуатировал его по полной программе. Сам таскал огромные камни и бревна, укрепляя хижину, но и аспиранту дело нашел. Вынудил его лазить по джунглям и горам, собирая бананы и кокосы, заставил собирать на пляже крабов и ловить острогой рыбу. Вернее, пытаться ловить: разноцветные рыбины, лениво шевеля плавниками, в обилии плавали невдалеке от берега. Однако юркие твари сразу же серебряными молниями исчезали среди кораллов, едва Ричард неуклюже приближался к ним. Да и попасть в них заостренной палкой оказалось не решаемой задачей. Словом, когда остров черным бархатом укрывала тропическая ночь, Дик просто валился с ног. Засыпал, как убитый, не замечая, что бока колет острый тростник.

Но вот очередной ночью Ричарду никак не спалось. Душила влажная жара, и не думавшая спадать после наступления ночи. Постель казалась особенно жесткой, а тут еще надсадно верещали цикады, будто нарочно собравшиеся на концерт возле хижины. Лайонхарт долго ворочался, но, в конце концов, не выдержав, решил:

«Пойду в море ополоснусь».

Выбрался на озаренный луной берег, и... замер, изумленно хлопая глазами. Гора-рука четко вырисовывалась на фоне неба, подсвеченная красным и зеленым. Да, южная ночь отнюдь не была черной. Звездный купол широкими мазками разрисовали разноцветные полосы. Было ощущение, что некая гигантская птица раскинула крылья в зените, и расходились они... от вершины горы.

— Полярное сияние?! — выдохнул Лайонхарт. — Но откуда оно тут?

Может, его специальностью и не была география, но аспирант точно знал, что в тропиках такой пожар в небе вряд ли возможен. Никаких вразумительных объяснений в голову не приходило, а потому он просто стоял, задрал голову, ведь зрелище действительно впечатляло.

Краем глаза он заметил кое-что еще, но, увлеченный небесной феерией, не стал приглядываться. Чуть поодаль от того места, где стоял Ричард, в темной глубине моря замелькали желтые огоньки. Сперва едва приметные, они могли показаться отсветами звезд, но с каждой минутой эти блески разгорались все ярче, пока не обратились тремя группами световых пятен. Может, это какие-то водные животные, вроде креветок? Говорят, они всплывают ночами к поверхности моря. Но водные твари вряд ли покидают родную стихию, а эти огни уверенно приближались к берегу. Прошло еще немного времени, и вода у кромки прибоя забурлила, а потом из нее показалось нечто темное — вроде как верхушка сваи у причала, облепленная длинными водорослями. Только у этой сваи были длинные, гибкие конечности, которые, извиваясь, точно змеи, шарили по влажному песку.

Услышав неясный плеск, Лайонхарт обернулся, тут же встретившись взглядом с целой россыпью бледно-желтых огоньков, украшавших верхнюю часть «сваи». Аспиранту сделалось не по себе, он опустился на корточки и, стараясь не шуметь, отполз в кусты на границе леса. Эти несколько дней, проведенных на лоне природы, сделали его пугливым. Пробираясь через девственные заросли в поисках фруктов, он пережил немало мелких, но запоминающихся приключений. То из дупла прямо ему в лицо вылетал рой крупных, с полпальца длиной, и очень злых ос, то он едва не наступил на змею, приняв ту за древесный корень. А еще раз его напугала до икоты дикая свинья, с громким визгом выскочившая из кустов. И это еще не было самым неприятным: в какой-то момент Ричард услышал тихий рык, и, вскинув голову, увидел вдалеке, среди ветвей огромного дерева, пятнистую кошку.

Словом, девственная природа была полна опасностей, о которых Дик, еще недавно убивавший молодость за компьютером и за лабораторными приборами, даже не подозревал. Как знать, может и в море обитали опасные твари? Потому аспирант, притаившись в кустах, стал наблюдать. Отползти бы как-нибудь в хижину, но та — довольно слабая защита, да и не стоило выдавать себя шумом.

А тем временем неведомое существо выбралось на сушу. В общих чертах оно было гуманоидным: щуплое тельце на тонких и кривых ногах, непропорционально большая голова, с которой ниспадало длинное покрывало волос. Эдакий гоблин, зеленоватая кожа которого тускло поблескивала в отсветах полярного сияния. Вот только вряд ли сказочные уродцы вместо рук имели по пучку темных щупалец, постоянно шаривших по песку. Напрягла Ричарда и еще одна деталь: россыпи глаз, фарами мерцавшие по бокам заостренной, как рыцарский шлем-бацинет, морды. Или это были какие-то другие органы, не имевшие отношения к зрению?

Хотя ночь была жаркой, по спине Дика прошла дрожь, и ноги будто примерзли к земле. Он не смел шевельнуться и почти забыл дышать, неотрывно наблюдая за пришельцем из глубины моря. А тот, в развалку проковыляв к границе растительности, остановился всего в десятке ярдов от затаившегося аспиранта. Постояв какое-то время, чудище обернулось к морю и сделало манящее движение щупальцем.

Вода снова забурлила, и опять из нее показался темный предмет, причем не один, а сразу два. Спустя минуту на берег выбралось причудливое существо. Его было трудно разглядеть в неверном свете луны и разноцветных сполохах полярного сияния, но и этого хватило, чтобы у Лайонхарта желудок завязался тугим узлом. Новая тварь походила не то на огромного скорпиона, не то на рака-отшельника, несущего актинию, не то на помесь всего этого с акулой. Хорошо еще, что тварь оказалась одна, а два выступа, показавшиеся из воды, объяснялись необычной формой ее тела. Оно, согнутое буквой «Г», зиждилось на широкой

площадке, от которой во все стороны отходили членистые ножки. Детали внешнего облика твари не предвещали ничего хорошего. Заостренная морда с украшенной частоколом острых зубов пастью. Целых три пары массивных, будто секаторы, клешней, которыми наверняка можно срезать взрослые деревья. Длинный хвост с крючком на конце и неким возвышением у основания, которое походило на пенек с венцом коротких щупалец.

Ричард стал невольно пятиться в глубину зарослей, как вдруг прямо из-под его ног с громким хлопанием вспорхнула какая-то птица. Веер маховых перьев хлестнул аспиранта по лицу.

— А-ах! — вскрикнул Лайонхарт от неожиданности и плюхнулся в самую гущу колючих веток.

Забарахтался, разорвав и без того измочаленный комбинезон, переломал всю растительность кругом... Только после этого он понял, что совершил. Выдал себя этим монстрам! Извиваясь ужом, перепуганный аспирант забрался в самую гущу кустарника. Какие-то насекомые брызнули в разные стороны, кожу обожгли несколько болезненных укусов. В нос набился песок и там засвербило так, что едва удалось сдержать невыносимый позыв громко чихнуть. Еще и острые, как ножи, листья трав чувствительно кололи бока, наверняка оставив несколько порезов.

Черт, говорят, некоторые хищники отлично чувят запах крови, даже в самом малом количестве. Но это ерунда, ведь своими попытками спрятаться аспирант сделал только хуже: кусты закачались, раздался громкий хруст, будто через них пробирался кабан.

«Дебил, придурок, идиот! — чувствуя, как яростно заколотилось сердце и виски пронзила острая боль, проклинал себя Ричард. — Чего ведешь себя, как тупая девка?!»

А что там морская нечисть? Эти двое — рак и гоблин — стояли, точно вкопанные, прерывисто ворча: то громче, то тише, с большими и малыми паузами. Неужели они так переговаривались? Это плохо: от разумных тварей удрать гораздо сложнее. И кто знает, что может сделать с незащитной жертвой существо, вооруженное чужеродным, свободным от пут морали интеллектом?

Однако монстры не пытались нападать. Кончив «дискуссию», гоблин обернулся к морю, и, свив из рук-щупалец трубку возле рта, издал протяжный свист. От этого звука мелко завибрировала трава, а Лайонхарт, поморщившись, зажал уши руками: барабанные перепонки будто пронзило насквозь длинной иглой. Разноцветные блики на поверхности воды пошли мелкой рябью, вода забурлила, и на берег выбралось... трудно даже сказать, что. Просто из пены и пузырей выплеснулись длинные нити, сперва единичные, а потом все больше и больше. Спустя минуту на песке ворочалась целая копна из постоянно извивающихся, шарящих тут и там тяжей, жирно блестящих в отсветах небесного пожара. Без малейшего промедления эта масса поползла в кусты, прямо к Ричарду! Вжавшийся в песок аспирант увидел, как среди то ли пучков водорослей, то ли щупалец, составлявших новое порождение бездны, раскрылась усеянная острыми клыками даже не пасть, а пещера. Над ней мерцало целое созвездие глаз: их взгляды пронзили аспиранта десятками остро отточенных шпаг.

Это было уже чересчур! В конце концов, он — городской парень, который, если не пробовал на зуб гранит науки, то зависал в барах и дискотеках, а на природе бывал редко. Чего уж говорить о встречах с чудищами! Словно тугая пружина подбросила Ричарда, и он, истошно голося, устремился к хижине. Судя по громкому треску, несущемуся вслед, и низкому реву в три голоса, монстры кинулись за ним. Даже под угрозой отчисления из-за

несданного зачета по физкультуре аспирант так быстро никогда бы не побегал. Стрелой, едва касаясь земли, он влетел в хижину, мигом захлопнув за собой дверь.

— Профессор, беда! — завопил что есть мочи Ричард, подтаскивая к выходу ящики, заменявшие стол. — Я гулял по пляжу и тут из моря вылезла какая-то нечисть. Она гонится за мной!

В хижине было бы темно, но мох, которым робинзоны законопатили щели в стенах, флуоресцировал. Книгу при этом желтовато-зеленом свете не считаешь, но предметы были видны неплохо. Только что мирно храпевший Курт, отшвырнув импровизированное одеяло из куска синтетической ткани, вскочил во весь свой девятифутовый рост.

— Что? Почему? Кто за тобой гонится?! — выкрикнул он, растеряно хлопая глазами.

У входа в хижину послышались возня, рычание и скрежет, будто кто-то царапал по железу. В следующий миг мощный удар потряс дверь. Толстые лианы лопнули, будто гнилые нитки и скрепленные ими жерди переломились в нескольких местах. Только лист рифленого железа — внешний слой двери — еще держался, отделавшись глубокой вмятиной. И тут же — новый удар, а потом еще и еще! Остатки двери, выгнутые парусом, застряли в дверном проеме.

— Черт!!! Они здесь! Сейчас нас сожрут! — заверещал Лайонхарт, метнувшись в дальний угол. Там перепуганной мышью он зарылся в груды разного хлама, лишь одним глазком выглядывая из укрытия.

Химмелькнакер встал посреди хижины, раскорячив ноги и сжав перед собой кулаки: так он стал похож на сказочного голема, принявшего стойку боксера. Профессор-великан смотрелся грозно, но его била крупная дрожь, а на лбу и спине обильно выступил пот. И отнюдь не жара была тому причиной. Наступила мучительная пауза, когда снаружи доносилось лишь верещание цикад, а потом и они смолкли. Минута проходила за минутой, в ушах громовым барабаном гремела кровь. Курт не двигался с места, ни на секунду не спуская взгляда с изувеченной двери, а Ричард замер, делая вид, будто его тут нет, и в углу хижины на самом деле валяется какой-нибудь мешок.

Вдруг железный лист с резким скрежетом пронзил треугольный предмет. Медленно сползая вниз, он резал изувеченную дверь, и та мелко подрагивала, будто умирающая на берегу камбала. Противный скрип невозможно было выносить, он причинял физическую боль: казалось, это рвется на куски плоть двух оцепеневших людей. И тут — мощный удар, от которого дверь смялась, а половина стены разлетелась вдребезги. Химмелькнакер едва сумел вернуться от свистнувших у головы осколков. Что-то большое ввалилось в хижину, и вместе с ним внутрь попал свет. Он резко очертил контуры грузной фигуры, покрытой уродливыми выростами.

— Получай, дрянь! — выкрикнул Курт и его похожий на навершие тарана кулак обрушился на незваного гостя.

Тот, перекувырнувшись в воздухе, вылетел наружу. Не теряя времени, Химмелькнакер выскочил следом. Ричард наблюдал за ним одним глазком. Перед профессором на песке растянулась странная тварь, похожая на гибрид согбенного старца и омара. А, плевать! Быстро глянув по сторонам, Курт поднял огромный, не меньше полцентнера весом камень — он вывалился из стены. Широкий замах и удар! Усеянный колючками панцирь треснул, и камень глубоко погрузился в голову монстра. Во все стороны брызнула маслянистая жидкость, чудовище задергалось, хрипя и булькая. Шесть его клешней, громко шелкая, потянулись к человеку.

— Да сдохни ты, мерзость! — зарычал Курт, принявшись исступленно топтать монстра.

Одна из клешней сомкнулась на голой щиколотке профессора, но тот стряхнул ее. Однако на коже остался глубокий порез. Зашипев от боли, профессор стал бить тварь кулаками. Вскоре та, дернувшись еще несколько раз, затихла. Теперь она представляла собой размочаленный кусок мяса, утыканный осколками панциря.

— Bravo, профессор! — срывающимся голосом пропищал из своего укрытия Лайонхарт. Но вдруг он испуганно добавил: — Берегитесь!

Химмелькнакер насторожился и быстро глянул по сторонам. Слева качнулись ветки деревьев, послышался шорох, и тут на Курта прыгнуло нечто темное. Он попытался скинуть этот холодный, весь в липкой слизи груз, но тут же его опутали длинные щупальца. Профессор рванул эти путы, но они были прочными, как гофрированные шланги и держали крепко. Химмелькнакер упал, отчаянно молотя врага кулаками и пытаясь размазать его по песку. Тщетно! Сидевшую на спине тварь достать было трудно, и, хуже того, ее щупальца вонзились в бедро, вгрызлись в лопатку. Профессор забарахтался на песке, как придавленный таракан.

Сердце Ричарда, наблюдавшего за этой сценой даже не одним, а половиной глазка сжалось в булавочную головку и хотело, выскочив из тела, забиться в самый дальний угол хижины. Но вдруг Дик понял: черт, он не может дать этим тварям разорвать профессора. Иначе он останется на диком острове один! Вот почему аспирант, спотыкаясь и подвывая от страха, выбрался из укрытия. Наугад выцепив дрожащей рукой острый обрезок трубы из кучи мусора у входа, он ринулся в атаку.

— Получай! — взвизгнул Лайонхарт.

Раздался чавкающий звук, его сменили глухие удары. Тварь, до этого прочно сидевшая на спине Химмелькнакера, издала протяжный вой, а потом ее хватка заметно ослабла. Воспользовавшись этим, профессор сорвал с себя щупальца. Монстр повалился на песок, но тут же вскочил на ноги, и его зубы щелкнули всего в дюйме от бока профессора — он едва сумел увернуться. Ричарда обожгло нестерпимой болью и ночной лес завертелся волчком: хлесткий удар щупальца отправил его в кусты.

— Врешь, тварь! — проревел Курт, и, сжав в руках пару увесистых камней, принялся молотить ими чудище.

Оно уже не пыталось нападать, а лишь закрывалось, но без толку. Сперва один удар проломил ему череп, потом другие оставили на туловище сочащиеся темной слизью вмятины. Тварь кучей отбросов растянулась на земле, и Химмелькнакер мигом оседлал ее. Он зарычал, как разъяренный лев. Профессор схватил голову монстра и резко крутанул ее против часовой стрелки. Раздался громкий хруст, но тело чудища еще дергалось. Тогда Курт вцепился обеими руками в основания пучков щупалец, заменявших твари руки, и с силой рванул их в стороны. Несколько отростков оторвалось, и темная жидкость фонтаном ударила из ран. Не удовлетворившись этим, Химмелькнакер подхватил монстра и с размаху шарахнул его туловищем об колено. Уродливое тело с противным хрустом сломалось пополам и чудище, наконец, затихло. Только тогда профессор выпустил его из рук. Тяжело дыша, он поднялся на ноги, его взгляд обжигал поверженного врага ненавистью.

Тем временем, охая и постанывая, из кустов выбрался Лайонхарт. Опираясь на перемазанную кровью чудища трубу, он приблизился к Курту.

— Что, этому гаду крышка? — глянув на труп, он сплюнул. И тут же добавил с беспокойством: — Профессор, осторожно! Тут был еще один. Сплошная куча щупалец с

хорошего кабана размером!

Он принял нелепую позу в раскоряку и выставил трубу вперед на манер копыя: наверно, вспомнил фильмы о средневековых воинах. Впрочем, много ли он навоюет? Во всяком случае, поверженному гоблину удары этой штуки были нипочем. Химмелькнакер сжал кулаки, напряженно вглядываясь в темные дебри. Ничего, лишь покачивались ветки деревьев и шуршали ночные существа. Или нет?

Вдруг в полосе лунного света мелькнула массивная тень. Раздался треск, и на поляну вывалилась копна из шевелящихся нитей. Мужчины встали плечом к плечу, не смея и на миг выпустить нового врага из поля зрения. Тварь приподняла концы щупалец, раззявила пасть, и под сенью джунглей раздался ее низкий рык. Профессору и аспиранту казалось, что в их телах вот-вот что-нибудь лопнет от напряжения, но они стояли на месте, как гранитные статуи. Что-то должно было случиться...

Вдруг чудовище метнулось прочь, с невероятной для столь массивного тела быстротой заскользив к пляжу. Обменявшись короткими взглядами, Химмелькнакер и Лайонхарт бросились вдогонку. Однако монстр в несколько секунд очутился у кромки воды, и, оттолкнувшись всеми отростками, скакнул в море. Преследователям осталось лишь наблюдать с берега, как длинная тень ныряет в волнах. Она направлялась к похожей на руку горе, от вершины которой расходились полотнища небесного пожара. Честно говоря, сейчас эта вершина больше напоминала гигантскую бабочку, которая, застыв вертикально, раскинула в стороны огненные крылья.

— Ушел, — констатировал Ричард, и в его голосе слышалось и разочарование, и облегчение.

Курт стоял, в молчаливой задумчивости разглядывая гору. Лунный свет омывал его массивное тело, блестел на ручейках крови, обильно струившихся из ран. Выглядели они пугающе: глубокие царапины от когтей на бедрах, рваная рана на голени и следы от клыков на лопатке. Глаза Лайонхарта расширились, он по-девчачьи закрыл рот ладонями.

— О, боже, да на вас живого места нет! Надо срочно перевязать, а то еще воспалится!

— *Noli exravescere, iuvenis* [«не надо паники, юноша» — лат.], — небрежно отмахнулся Химмелькнакер. — Я в порядке. Чувствую, как раны уже затягиваются. Это тело просто нечто! — и, указав на гору, добавил: — У нас теперь проблемы поважнее. Судя по всему, эти твари как-то связаны с этой горой. Я и раньше замечал возле нее странное шевеление, а теперь на нас напали. Еще сияние это...

Он поднял голову, разглядывая полярное сияние, а Ричард с беспокойством спросил:

— Что вы этим хотите сказать?

— Мне кажется, наша станция, которая лежит на вершине, каким-то образом продолжает функционировать. В итоге реальность начинает искажаться, — профессор посмотрел на свои массивные руки. — Я опасюсь, что этот процесс будет нарастать.

— И мы тут причем? — смахнув со лба пот, испуганно прошептал Лайонхарт.

— Это наш эксперимент, — решительно заявил Химмелькнакер. — И мы несем за него ответственность. А еще должны разобраться, что происходит. Или мы не ученые? В общем, решено! Вскоре мы отправимся на вершину.

Инцидент 4. 16 декабря 2086 года. Руины на склоне горы в Тихом океане

— Профессор, вы уверены, что эта штука съедобна? — с тревогой прошептал Лайонхарт, едва-едва, буквально краешком глаза выглядывая из темной, вроде чулана, комнатушки.

Он широко, как сова, распахнув глаза, следил за неким существом. На первый взгляд оно напоминало собаку: покрытое шерстью тело о четырех ногах, массивная голова, скрученный колечком хвост. Пси́на была крупной, почти пять футов ростом в холке, но это бы ладно. Напрягало другое — ее необычно мощное, с горбом, туловище, какое бывает у быков. А еще это слишком длинное, как у крокодила, рыло, украшенное острыми клыками, которые не давали пасти закрыться. Пускай они не острые да и кривые, но все равно выглядели жутко. Плюс ко всему вдоль спины были уложены кожистые складки, подозрительно напоминавшие крылья, а хребет украшал частокол костяных игл. Что это за чудо такое?! Ричард не особенно разбирался в зоологии, но про такую тварь сроду не слышал.

«Собака» минут десять назад вылезла из темного и узкого, больше похожего на трещину в скалах переулка чуть в стороне от места, где прятались аспирант и профессор. Вяло поводя из стороны в сторону уродливой мордой, тварь неспешно выбралась на открытое пространство. Вокруг теснились дома, вернее, лачуги. Впрочем, каждая из них еще несла на себе отпечаток дизайнерской мысли и заботы жильцов, но... Будто страшный жар опалил эти здания, плавя камень, вздувая волдыри на пластиковых покрытиях, завязывая узлами прутья решеток на окнах. Неводомая, но безжалостная сила втиснула здания в узкие и кривые улочки, как хозяйка с усилием запикивает в банку огурцы, а еще вытянула их, закрутила спиралью. В результате на некоторых домах появились архитектурные излишества — длинные, уходившие в туманную высь шпили, невероятной ширины балконы, какие-то наросты, похожие на лепные украшения.

Подобно толпе зевак, эти архитектурные уроды сгрудились вокруг небольшой, ярдов шестнадцать в диаметре площадки. Возможно, когда-то тут был парк: на замусоренных клумбах зеленела травка, а над покореженными остатками спортивных тренажеров понуро склонились ивы. Кажется, они пострадали от той же силы, которая изуродовала дома: ветви изгибались под неестественными углами, стволы скручивались винтом. В итоге деревья напоминали то ли плясунов, застывших в причудливом танце, то ли просто людей, которые застыли в ужасе. Что их могло напугать? Например, готовые их раздавить машины. Да, здесь ржавело штук пять остовов автомобилей. Каждый выглядел так, будто их после стирки отжимал великан: некоторые он смял в неопределенный ком металла, а другие, напротив, скрутил в веретено, чтобы воткнуть то глубоко в землю. Одной машине досталось особенно сильно: ее, казалось, сперва раскатали в ровный лист, а потом сложили тот много раз, точно пытаясь соорудить фигурку оригами. Да, не такое ожидал увидеть Ричард на небольшой террасе, куда они с профессором забрались на вторые сутки подъема в гору.

Однако псину все эти странности ничуть не занимали. Купаясь в лучах солнца, которое робко заглядывало в этот двор-колодец, она принялась щипать сочную траву. Конечно, собаки иногда едят свежую поросль, но не в таких же количествах? Что за необычная тварь! Кстати, Лайонхарт вроде бы заметил у нее за ушами острые рожки...

Заинтригованный, он сделал пару шагов к твари, но тут мощная пятерня

Химмелькнакера, чем-то похожая на ковш экскаватора схватила его за плечо. В следующую секунду Дик жестко приземлился в темном закутке возле входа в одно из зданий.

— Спрячьтесь там и не высовывайтесь, пока все не кончится, — шепотом бросил профессор. — Вон в том шкафу хотя бы.

Указав на стоявший в прихожей шкаф-купе, Курт внимательно осмотрел валявшиеся под ногами обломки бетона. Он выбрал один звездообразной формы. Прячась за стволами деревьев, профессор стал бесшумно подкрадываться к собаке. Обломок он держал за торчащий в сторону кусок арматуры, будто каменный топор. Вот он всего ярдах в пяти от псины. С удивительной для его массивного и нескладного тела грацией Химмелькнакер сделал замах... Бросок! Вертясь, обломок со свистом полетел к животному и врезался тому в бедро. Тварь свалилась на бок, но тут же вскочила. Из широкой раны обильно потекла кровь неестественного темно-зеленого цвета. Испуганно глянув по сторонам, собака торопливо захромала к странному сооружению. То напоминало металлический небоскреб, втиснутый в вертикальное дупло огромного дерева.

— Эй, Лайонхарт, хватайте там чего-нибудь, и в погоню, быстрее! — страшно выпучив глаза, окрикнул аспиранта Химмелькнакер. Сам он торопливо нагреб горсть камней и выскочил на поляну.

— Профессор, вы уверены? А если эта тварь будет отбиваться? Кстати, меня вырвет, если попытаюсь ее сожрать!

Лайонхарт, нервно подрагивая, не выбрался, а вывалился из шкафа, еще и куртку разодрал. Но, припиленный грозным взглядом Курта, схватил увесистую палку и кинулся за ускользящей добычей.

— Если вы предпочитаете более привычное мясо, то может, зажарим вашу ногу? — Курт осклабился, обнажив неправдоподобно большие зубы. — На одной травке мы долго не протянем!

Кстати, не смотря на довольно грозный вид, собака даже не пыталась защищаться. Подвывая, она ковыляла к прямоугольной дыре у фундамента небоскреба. Химмелькнакер гнался за ней огромными прыжками, швырнув на ходу несколько камней, но промахнулся. Добыча юркнула в то, что следовало назвать входом в огромное сооружение. Курт зарычал от злости и отчаяния, и, припав к земле, сунулся было в дыру, но с его великанской комплекцией просунуться туда оказалось нелегко: мешали какие-то железяки, торчавшие со всех сторон.

— Ну-ка, давайте вы! — поманил он Лайонхарта, и, не дожидаясь ответа, просто запихнул аспиранта в дыру.

Сперва Ричард ни черта не мог разглядеть в кромешной темноте, но все же полез вперед, пару раз стукнувшись лбом о стены и едва не высадив себе глаз об кусок толстой проволоки. Но мало-помалу глаза привыкли, и когда он выбрался на открытое место, смог различить общие контуры предметов. Похоже, Лайонхарт оказался в небольшом зале. Вверх, плавно закручиваясь, уходила шахта, по бокам которой выступали с двух сторон одинаковые платформы. Вроде бы, между ними были окна, но что-то снаружи загоразивало их: может, кора того самого дерева, в которое неведомая сила словно ввинтила небоскреб?

А где же собака? Пошарив взглядом по сторонам, аспирант ее не обнаружил, лишь из нагромождения обломков на другом конце зала доносился тихий скулеж. Отражаясь от стен, тот создавал ощущение, будто с десятков таких тварей притаилось в разных углах. У Ричарда похолодело в животе, и страшно захотелось выбраться наружу, на солнечный свет. Но

воображение тут же нарисовало перекошенную от злости рожу профессора, его огромный, как нефтяная бочка, кулак, несущийся аспиранту точно в лоб... Отогнав страх в дальний угол души, Лайонхарт, ступая осторожно, как по тонкому льду, двинулся на звук. Его руки, липкие от пота, сжимали палку так крепко, что казалось, она могла переломиться.

Раздался шорох и стук, а скулеж сделался громче, взлетев до протяжного стога. Может, собака пыталась забиться поглубже, но не пролазила между плит? Поняв, что она напугана еще сильнее, чем охотник, Ричард немного осмелел. По его спине прошла дрожь, сердце загрохотало кузнечным молотом. Теперь он нарочно крался медленно, но так, чтобы его шаги были слышны. Аспирант физически чувствовал волны страха, исходившие от щели, куда забились тварь, и от этого его кровь быстрее струилась по жилам.

Фантазия рисовала сладостные картины того, как он мощно, с оттягом дубасит несчастную собаку палкой, а потом, обливаясь потом, волочит ту наружу. Яркий свет и тяжелый, но одобряющий хлопок ладони Химмелькнакера по плечу, а потом тварь, уже с ободранной шкурой, жарится на той же палке. Волшебный аромат жарящегося мяса щекочет ноздри. От таких мыслей во рту натекло целое озеро слюны, а живот свела мучительная судорога. Ничего, надо лишь чуть-чуть потерпеть. Вот, сейчас...

Сзади раздался глухой шлепок, и пол слегка вздрогнул. Резко обернувшись на звук, Ричард замер. Перед ним, всего ярдах в трех, в темноте висело белесое пятно, в верхней части которого светились красным, будто раскаленные угли, два круга. Лайонхарт не мог толком разглядеть, что это такое, но в его животе будто задула лютая стужа. Он не в силах был пошевелиться, а лишь мелко дрожал, чувствуя, как за шиворот ручьями струится холодный пот. Азарт и браваду как ветром сдуло.

— Лайонхарт, *maledicta cochlea*, [«улитка проклятая» — лат.] ну что там у вас? — донесся приглушенный окрик. — Прибили собаку? Можете ее вытащить?

Белое пятно сместилось в сторону, позади него обнаружилась темная масса. Послышался скрип и цокот, и это неизвестно что издало странный звук — смесь бульканья и квохтанья. Удивительно, но отчасти это напоминало женское причитание.

Ричард откуда-то знал, что если он хотя бы шевельнется — ему крышка. Но все же, собрав все свое мужество, он выкрикнул:

— Профессор, берегитесь! Тут... оно это... может...

Нечто подпрыгнуло, оказавшись не более чем в полутора ярдах от Лайонхарта, и тот ощутил волну трупного смрада. Может, это дыхание монстра? Но тут неведомого врага отвлек голос профессора:

— Вы там напоролесь на кого-то? Держитесь, я сейчас приду!

Раздались глухие удары, потом звук осыпающихся камней. Первозданный хаос из обломков, под которыми пролез Ричард, расчистился и темноту рассек широкий луч света. Стены небоскреба вздрогнули, и кусок то ли камня, то ли коры отвалился от одного из окон, после чего сквозь пыльное стекло в зал заглянуло солнце. Через несколько секунд, расталкивая руками-колоннами камни, в зал пробрался Курт. Выпрямившись во весь свой десятифутовый рост, он спросил:

— Ну, чего тут стряслось? Я... — вдруг он осекся.

Теперь, когда стало светлее, они смогли рассмотреть. Окруженное клубами танцующей в солнечных лучах пыли, посреди зала сидело причудливое существо. У него было массивное, почти кубическое туловище, плотно замотанное в темное рубище. К нему, точно болт необычной формы, напрямую — без всякой шеи — была прикручена голова размером с

крупный валун. Роскошная грива смоляно-черных волос неряшливыми клочьями свисала с нее почти до пола. Морду тварь закрыла передними конечностями: выше локтя покрытыми перьями, а ниже — чешуей. Они походили на увеличенные копии орлиных лап. Острые когти на них не сулили ничего хорошего. Задние лапы, которые существо подогнуло под себя, напоминали медвежьи.

Два человека глядели на эту тварь, забыв дышать, наверно минут пять. А потом существо, издав уже знакомый, булькающе-кудахтающий звук, опустило «руки». И мужчины потрясенно ахнули. Морда, вернее лицо, было женским! Просто поразительно, что такой урод позаимствовал лицо у вполне симпатичной девушки с азиатскими чертами. Впрочем, две детали портили лик красоты: очень бледная, почти как у трупа, кожа и алые глаза, заставлявшие вспомнить о сигнале светофора. В них металось пламя ненависти.

— Та-а-ак... — тихо и неуверенно протянул Химмелькнакер, медленно отступая. — Убираемся...

Он поманил Лайонхарта, и тот попятился, но то ли с перепуга, то ли из-за неверного освещения споткнулся. С грохотом шлепнулся на груды камней, а один булыжник, вертясь, отлетел к существу. Это стало драматическим промахом. Издав пронзительный клеток, тварь огромным прыжком сиганула на Ричарда! Аспирант, завизжав, будто свинья на бойне, попытался отскочить, но какая-то железяка зацепилась за его штаны. В итоге чудище плюхнулось прямо на него, вспоров кривыми, вроде орлиных, когтей куртку и рубашку, расплосовав до крови спину. Извиваясь как уж, Дик истошно заверещал, молотя тварь палкой по башке и плечам. Впрочем, толку было мало: монстр, не меняя того же, холодно-мрачного выражения огромного лица, принялся цепко осматривать аспиранта глазами-фарарами. Похоже, найдя его аппетитным, тварь раздвинула алые, резко выделяющиеся на молочно-белой коже губы твари. Острые клыки не сулили ничего хорошего.

Курт, оправившись от первой растерянности, нервно глянул по сторонам. Подхватил несколько камней и кинул в чудище, попав тому точно в висок. Наверно, удар был сильным, но монстр никак не среагировал, а другого оружия найти не получалось. Тогда, громко зарывчав, Химмелькнакер широкими прыжками подскочил к монстру, принявшись изо всех сил молотить его тяжелыми кулаками. По голове, по туловищу, по лапам, по чему попало. Эти удары могли свалить медведя, но Курту казалось, что он бьет по гранитному валуну и руки пронзали молнии боли. Однако кое-какого эффекта он добился: чудище, забыв о добыче, обернулось к нему, и в следующий миг с пронзительным визгом атаковало. Оно встало на дыбы и его передние лапы замелькали в воздухе так быстро, что размазались в две полосы. Острая боль пронзила грудь и живот Химмелькнакера, он отступил, закрывая лицо руками. Монстр метнулся следом, обрушиваясь на врага всей своей массой.

Praefuitne legatus legioni! [«легионеры бьются до конца» — лат.] — порычал Курт, и, не придумав ничего лучше, крепко обхватил монстра, точно старого друга.

Тварь забила в его медвежьих объятьях, но вырваться не могла, да и ее когтистые лапы лишились свободы маневра. Лишь чешуйчатые пальцы сжимались и разжимались, вспарывая когтями кожу профессора. Химмелькнакер морщился и скулил, кровь стекала с его размочаленной груди на пол ручьями, но он лишь крепче сдавливал струбцины рук. Лайонхарт мог только наблюдать за этим, ведь страх вдавил его в холодный камень пола, не давая подняться.

В какой-то момент колени профессора задрожали и начали подгибаться, но он сгруппировался, рухнув так, чтобы острые камни впились в спину чудища. То заверещало,

забилось сильнее, гигантская рожа пихнула Курта лбом. Пасть твари широко, как у козодоя, раззявилась и острейшая пила зубов вгрызлась профессору в плечо. Казалось, что сейчас руку оторвут напрочь, но, похоже, страх пополам с отчаянием придал Химмелькнакеру сил. Кольцо рук сжалось, будто гидравлический пресс, уши Ричарда заполнил хруст костей и изо рта, носа, глаз твари брызнули красные струйки. Однако монстр еще не сдался. Противники катались из стороны в сторону, лягаясь, кусаясь, издавая возгласы, пыхтя.

Но сколь бы ни было могуче обновленное тело Химмелькнакера, он явно начал слабеть. С него градом катился холодный пот, тело бил озноб, глаза закатились. Руки, дрожа, ослабли, и постепенно яростные рывки врага раздвигали их кольцо. Еще немного — и тварь вырвется, что тогда? Ведь казалось, гадина ничуть не пострадала, напротив, злоба придавала ей сил!

Видя это, Ричард понял, что пора кончать прохлаждаться. Озеро страха, плескавшееся в его груди, не высохло, но будто обледенело, и над ним закрутилась поземка злости.

— Ах ты зараза! — выкрикнул он, вскакивая. — Получай!

Аспирант в долю секунды очутился рядом с дерущимися. В его руках был обломок бетона, размером сравнимый чуть ли не с туловищем Дика. Похоже, отчаяние угроило его силы. Высоко подняв камень над головой, Ричард с силой обрушил его на затылок твари. Раздался звук, похожий на тот, когда бьешь по пустой бочке. Монстр лишь крепче впился клыками в профессора. От такого зрелища ярость в груди Лайонхарта взвилась сметающим все на своем пути вихрем. Раз за разом он поднимал камень и разил им чудовище до тех пор, пока этот обломок не развалился на несколько кусков. Тогда аспирант подхватил оброненную в начале драки палку и шарахнул ей чудовище по голове. Крепкое дерево разломилось, образовав острый скол. С секунду поколебавшись, Лайонхарт с размаху, будто копье, всадил палку монстру под ребра. Вернее, туда, где под лохмотьями должен был находиться мягкий бок.

Гадина взвилась, и, мигом забыв о профессоре, хотела кинуться на Ричарда, но Курт все еще крепко держал ее. Лайонхарт, навалившись на импровизированное копье всем телом, почувствовал, что оно медленно, но верно погружается в чужую плоть. Раздались хлюпающие звуки, а потом еще один — будто лопнуло что-то мягкое — и обильно потекла кровь. Монстр задергался и совсем по-человечески застонал. Профессор обхватил врага еще ногами, а руками с силой крутанул верхнюю часть тела в сторону. Раздался противный хруст. Тем временем «копье» ушло в тело чудовища на всю свою пятифутовую длину. Гадина еще трепыхалась, но это уже походило на предсмертные конвульсии.

— Присмотри за ней, я сейчас! — отпихнув монстра, сказал Химмелькнакер, поднимаясь.

— Но профессор, ваши раны! — воскликнул Ричард, испуганно переводя взгляд с еле живого чудовища на грудь Химмелькнакера, превратившуюся в кровавое месиво.

Курт лишь отмахнулся. Пошатываясь, он проковылял к светлому прямоугольнику выхода и ввинтился туда. Стоило Лайонхарту остаться наедине с монстром, как вся его храбрость рассеялась, будто утренний туман. Забившись в дальний угол, он поминутно вздрагивал при каждом рывке и вздохе твари. А та, лежа в огромной луже крови, все еще боролась: скребла когтями пол, стонала, пыталась встать, но тут же падала. Красные глаза сверлили человека ненавидящим взглядом, жуткие клыки громко щелкали. Химмелькнакера не было всего минут десять-пятнадцать, но Ричарду это время показалось вечностью, полной дрожи в коленях, липкого холода за шиворотом и горячей сырости между ног.

Наконец появился Курт. Он нес два их рюкзака, грубо сшитые из кусков ткани и скрученных лиан, а раны он успел перевязать лоскутами рубашки. Швырнув рюкзаки в сторону, он вытянул нож — полосу железа, заточенную о камни и с узким концом, забитым в сухую деревяшку.

— Так, сейчас мы прекратим страдания раненого, — зловеще проговорил профессор, вцепившись чудищу в гриву.

Монстр брыкался, но Химмелькнакер оттянул его голову назад, обнажив шею. И в следующий миг неровный, с пятнами ржавчины клинок самодельного ножа вгрызся в неправдоподобно белую кожу. Раздался хруст и треск, брызнула кровь. Лезвие углублялось в плоть с трудом, не разрезая, а скорее разрывая ее, и чудище отчаянно брыкалось, но Курт был неумолим. Казалось, экзекуция доставляла ему удовольствие, и сейчас трудно было сказать, кто тут монстр. Просто поразительно, как изменился этот желчный, но вполне вроде бы миролюбивый человек. Желудок Ричарда скрутился узлом, он в отчаянии зажал рот ладонью, из его глаз покатались слезы. Но, тем не менее, он не смог отвести взгляд, пронаблюдав, как Химмелькнакер сперва отковырял чудищу голову, а потом, отшвырнув ту в сторону, отделил от тела конечности.

— А ничего так окорочка, — вертя в руках передние лапы твари, действительно похожие на птичьи, одобрил профессор. — Вы не находите? Пожарим их вечером!

Лайонхарт едва сдержал приступ тошноты. Он согнулся пополам, корчась в углу, будто дождевой червь.

— Но может, — слабым голосом выдавил он, — не стоит? Вдруг эта тварь ядовита?

— *Nolite haec ineptias, iuvenis!* [«оставьте эти глупости, юноша» — лат.] Мясо оно и мясо, пожарим получше, до углей, и нормально будет. Или вам хватит травки? Имейте в виду, нам наверх еще долго карабкаться, без хорошей пищи околеешь по дороге!

— Но ведь...

— Никаких но! — глаза профессора зло сверкнули. Сейчас он, весь перемазанный кровью, огромный и мускулистый, казался настоящим демоном. — Лучше идите дров пособирайте!

— Да-да, сейчас!

Дик вскочил, заторопившись к ведшей на улицу дыре. Вроде бы, после этой драки ему впору было начать отпираться. Вдруг снаружи бродили твари еще похуже? Но он спешил убраться с глаз Химмелькнакера. Он реально не мог сказать, кто тут — настоящий монстр!

Файл 3. 10 ноября 3086 года. В лабиринте технических коридоров

Сколько миновало с тех пор, как робот-шар, подпрыгнув на самом высоком холмике, приземлился на выступ бетонной плиты? Не смотря на четкие показания датчиков казалось, что миновала целая вечность. Когда ты блуждаешь в рукотворном хаосе, пробираясь все выше, течение времени искажается. Его поток закручивается вокруг колонн, формирует запыры, застаивается в болотцах.

С тех пор как Кугель окунулся в белое море облаков, взобравшись по узкой лесенке, которая веткой плюща вилась вокруг огромной колонны, и вовсе ориентиры потерялись. Обычное зрение пасовало уже на расстоянии десяти метров, ведь любые детали плотно укутывало покрывало тумана. В других диапазонах было еще хуже: или досаждали помехи, или сканирующий луч поглощался вездесущим бетоном, или путник оказывался среди круговерти призрачных образов. Сложно было отличить, где реальные линии и поверхности, а где — химеры. Быть может, то призраки давно умерших заблудились тут, и, утомленные однообразием и скукой, подшучивают над незванным гостем?

Вообще идея насчет призраков была не лишена смысла. Чужое присутствие явно ощущалось, давило на каждом шагу. Тут, на высоте неизвестно скольких километров над поселком стало гораздо светлее, а потому кроме грибов и лишайников появилось немало зелени. Помимо цеплявшихся тут и там за трещины и выбоины трав и кустарников, не говоря уж про целые поляны мхов, Кугель встречал и иные следы жизни. И нет, то не трупы небольших животных — эти не были редкостью. Иногда попадались человеческие кости!

Да что там кости, однажды робот-шар набрел на небольшую деревню, расположившуюся в крупной пещере. Не меньше десятка лачуг, разбросанная вокруг них грубая утварь и заросшие сорняками огороды на просторном балконе, далеко выдававшимся из стены. И ни единой живой души, только пара скелетов. Едва выбравшись на центральную площадь с остатками костра, Кугель увидел тройку тощих свиней. Те не жились в грязной луже — ее образовала тонкая струйка воды, которая вытекала из торчавшего из колонны трубопровода. Завидев гостя, животные раздраженно захрюкали, и вскоре с неожиданной прытью умчались в темный коридор, подпертый массивными арками.

«Хм, похоже, в деревне еще недавно жили, — раздумывал Кугель, осматривая тронутую ржавчиной, но вполне годную посуду у костра. — Интересно, что испугнуло свиней? В моем поселке они вообще ни на кого не реагировали. Боятся роботов?»

Он заглянул в одну из халуп, спустился в погреб, ощупал банки с консервированной снедью. Не лишними будут: Кугель, даром что робот, нуждался в человеческой пище, из которой вырабатывал электричество. При этом соскребать со стен плесень порядком надоело, хотя она и содержала необходимые вещества. Напихал несколько банок во встроенный контейнер и хотел было уходить, как в углу зажглась пара желтых точек, раздалось сердитое шипение. Немного поколебавшись, робот-шар швырнул туда камешком, и вверх по лестнице черным смерчем взлетела кошка.

— Да, тут все боятся роботов, — заключил Кугель, когда немного позже он, сидя у вновь разожженного костра, размешивал в котелке варево из консервов. — Должно быть, деревню разгромили жнецы. Животных они не тронули, но поселили в них страх.

Ужин получился не слишком приятным: куски грибов осклизли, а улитки отдавали

несвежим. Впрочем, Кугель с удовлетворением отметил, что стрелка на индикаторе заряда батарей уверенно пошла вверх. Стараниями Шаца он мог пополнять силы любым способом: если электрические кабели, как здесь, были мертвы, то годилась какая-нибудь органика. Впрочем, желательно было найти что-нибудь повкуснее, но в принципе... Эх... старик явно перестарался с желанием приблизить робот-шар к человеку. Тем временем опустился крошечный мрак, причем во всех диапазонах. Кугель забрался на кровать в каком-то доме и принялся анализировать свои впечатления.

На поверку оказалось, что колодец — вовсе не ровная стена из железобетонных блоков, которыми обложили дыру в земле. И дело было не в том, что многие элементы конструкции обветшали, растрескались, а где и образовались гигантские дыры. Напротив, все это представляло сложнейшую структуру, можно сказать, целый город или запутанную систему ходов и помещений. Лестницы, балконы, залы и коридоры. Нагромождения малопонятного оборудования и титанических машин: частью давно мертвых, но иногда по-прежнему издававших гул, движущихся, пожиравших киловатты энергии. Бесконечные шахты, вместившие толстенные кабели и транспортеры, которые несли неведомо куда загадочные детали и агрегаты, а подчас — груды камней или земли.

Кто, когда и зачем соорудил все это, создал громадные километры техногенного муравейника? Начало этой структуре было положено очень давно, и самые старые части уже обратились в сплошные нагромождения хлама. Никто не пытался их разбирать, а просто строил поверх что-то новое, вообще не заботясь о плане. В итоге, углубившись в чудовищный лабиринт, легко было заблудиться. Можно пробираться все дальше в глубины этого искусственного хаоса, но и за тысячу лет не сыщешь выхода. Потому Кугель, лишь одним глазком осмотрев пару внешних галерей, предпочел держаться рядом с основной шахтой колодца. Ведь это был единственный ориентир. Памятуя о загадочном приглашении, он упорно взбирался наверх. Просто выбирался в какой-нибудь зал и искал, как подняться до потолка и какая дырка ведет на следующий этаж. Других идей не было...

Но не только это двигало его вперед. Сколь невероятно было увиденное им, робот-шар все яснее осознавал, что находится на самом дне мира. В эдаком подвале, в углу которого находилась дыра, куда выбрасывают мусор. С чего такой вывод? Потому что, когда робот-шар лишь вступил в нижние секции, там царило полное запустение и многие конструкции выглядели полностью съеденными временем. Но чем выше он забирался, тем больше менялось окружение. Встречались работающие агрегаты, блоки и несущие колонны выглядели новее и прочнее, меньше стало на них трещин и выбоин. Правда, все равно это отнюдь не выглядело ново, но уже не казалось аварийным. Позже Кугель столкнулся с роботами, которые занимались ремонтом. Их размер варьировался от таракана до бронтозавра. Значит, существовала некая единая воля, руководившая всей структурой?

Люди из поселка рылись в куче отбросов, не помышляя об ином. Теперь Кугель поднимался по мусоропроводу, надеясь выбраться в подвал. Дальше неплохо бы попасть в жилые комнаты. Но сколь же велик тогда целый дом, если выгребная яма тянулась вверх на километры? Разве такое возможно? Мозг, не смотря на все возможности, вложенные в него Хильфе, отказывался переварить эту информацию, но если подумать... Бактерия, сидя на стенке обычного стакана, видит его, как великую башню, подпирающую небеса. Но в действительности это обычный предмет обихода. Потому и то, что маленькому роботу казалось грандиозным, может, не столь и велико?

Как бы то ни было, ответ ждал где-то наверху. И потому Кугель упорно взбирался все

выше. И вот, одним утром молочная пелена облаков осталась где-то внизу, а сверху, на бледно-голубом своде пылал неподвижный диск.

«Это небо и солнце? — пронеслась мысль. — В базе данных о них много говорилось, но толком не понятно, какие они из себя. Фото и видео все плохого качества. Что ж, я сделал это!» — в электрических цепях робота-шара сгенерировался эмоциональный импульс, который люди бы назвали гордостью.

Однако настораживало, что блин небес, точно крышка к кастрюле, плотно прилегал к ровной горловине колодца. А ведь Кугель усвоил из собранных данных, что голубая твердь должна быть куполом. В чем дело? Вместо ответа сверху донесся низкий гул. Медленно, но неуклонно звук усиливался. Робот-шар на всякий случай юркнул в тень от обрушившихся кусков бетона и стал выжидать. Шло время, и диск в зените сиял все слабее, а потом и вовсе угас. Просто потух, как люстра, не сдвинувшись ни на градус. Вместо него на темном небосводе замерцали разноцветные точки, а к терзавшему слуховые сенсоры гулу добавился еще и грохот. Эти звуки не давали расслабиться, мешали перевести сознание в режим сна.

«Небесная машинерия тарыхтит что ли?» — ворочаясь в своем закутке, с раздражением подумал Кугель.

Его одолело любопытство. Поскольку заняться было нечем, а сон не шел, робот-шар зарылся в базу данных. Выудил оттуда картинку: путник выглянул через дыру в небесном куполе, и с удивлением разглядывал какие-то колеса и шестерни. Выходит, древние угадали?

Когда в центре неба снова постепенно зажглось солнце, Кугель решил продолжать путь. Неслышно перекачивался от одного укрытия к другому, ловко отталкиваясь всеми четырьмя конечностями, перескакивал через рытвины и провалы. Небосвод делался все ближе, казалось что еще немного — и его можно будет потрогать рукой. Выкрутив камеры на максимальное увеличение, напряженно робот-шар вглядывался в небо. Вскоре он разглядел на крыше мира какие-то неровности, а главное, несколько линий, которые, пересекая твердь, сходились к светилу. Это — те самые лучи, которые рисуют у солнца на детских картинках? А почему каждый из них был разлинован поперечными черточками, и создавая ощущение, будто нечто передвигалось от горизонта к светилу? Причем, что самое интересное, грохот, похоже, доносился от этих лучей.

А потом стена кончилась — просто оборвавшись ровным уступом. Озадаченный, робот-шар выбрался на широкий, как несколько футбольных полей, балкон, который опоясывал всю шахту. Кугель глянул туда-сюда, поднял глаза, и не сдержал возгласа:

— Что?! Это шутка такая?

Он еще отказывался верить, но с очевидным не поспоришь. Над балконом, на высоте от силы двадцати метров, располагалась плоская крыша — то, что он долго принимал за небо. «Солнце» оказалось круглой дырой, от которой расходились ленточные транспортеры. На них был навален всевозможный хлам: от пищевых отходов до строительного мусора и металлолома. Кое-что падало с ленты, ныряя в клубившуюся уже далеко внизу пену облаков. Так вот откуда взялась свалка! Вздохнув, Кугель проследил за транспортерами. Те начинались в приземистых зданиях, одно из которых находилось неподалеку. Как раз оттуда вышел, цокая членистыми лапами по бетону...

— Черт, это жнец! — пискнул робот-шар, мгновенно укатившись за грудку камня рядом с дырой в бетонном парапете.

Да, эти черты — антропоморфное тело, покрытое листами блестящего пластика, наросты на теле, похожие на выпирающие у дистрофика ребра — были до боли знакомы.

Неужели заметили? Хм, тварь, неспешно переступая шестью крабьими ходулями, прошлась вдоль ленты. Контуры ее передних лап неожиданно расплылись, словно воск от сильного жара, и вот на их месте сформировались вполне человеческие руки. Жнец принялся сосредоточенно рыться в проплывавшем мимо хламе, поминутно заглядывая в нечто вроде планшета.

«Фух... — Кугель в своем укрытии перевел дух, — Вроде обошлось, ему нет до меня дела».

Втянув конечности, он выделил широкий кольцевой фрагмент на теле, и, выпустив там мелкие зубчики — по сути, аналог колеса, — тихонько покатился к краю платформы. Надо было использовать момент, чтобы убраться подальше. Но куда? Вскоре дорогу преградила стена, верхним концом упиравшаяся в «небо» — в смысле, потолок. Единственным выходом оказался транспортер, ведущий к «солнечной» дыре в крыше. Нет, лезть туда не следовало. Может, стоило поискать в тех сарайчиках, откуда, подрагивая, ползли конвейерные ленты?

«Как бы мне туда пробраться? — крепко задумался робот-шар, следя за бесконечным потоком отбросов. — Может, притвориться куском металлолома?»

Он хотел было так и сделать, но вдруг где-то в сплетениях микросхем, отвечавших за эмоции, дикобразом заворочалась злость. Иглы этой твари ранили электронные внутренности, и Кугелю показалось, что его корпус затрещал, готовый разорваться. В самом деле, зря ему, что ли, Шац загрузил файлы всех известных боевых искусств? И теперь он прятался, точно крыса? Нет уж, увольте! Жнец-то — всего один! У молодых точка кипения, когда мозг отключается, а тело начинает действовать будто само по себе, достигается мгновенно. Справедливо это и для молодых, вернее — недавно собранных, роботов...

Вдоль горизонтальной оси корпуса выскочили острые шипы. Они завертелись с такой быстротой, что тело Кугеля сделалось похожим на миниатюрную модель Сатурна. Запустив ведущий поясик на максимальную скорость, робот-шар ринулся в атаку. Удар, пришедшийся жнецу точно в центр спины, был страшен! Врага отшвырнуло к дальней стене, да с такой силой, что в бетоне образовались трещины. Бронебойным снарядом Кугель подлетел к нему, и в тот же миг его острые шипы врезались в корпус жнеца. Брызнули осколки, из вспоротого нутра врага выметнулись молнии. Ощущая в эмоциональном контуре незнакомое чувство — вязкое, обжигающее, будто вытекающая из жерла вулкана лава — Кугель выдвинул руку и поднял из обломков поверженного жнеца голову с позвоночником.

— Ну, ты, гад, — стараясь, чтобы голос звучал грозно, выплюнул в эту пластиковую маску робот-шар. — Давай рассказывай, что у вас тут и куда людей похищенных девали?

Гордость переполняла душу. Конечно, можно было поспорить, есть ли та у роботов, но даже если и нет, то сейчас точно появилась! Ведь раньше небольшой, но упорный червячок совести все же точился где-то в глубинах сознания: Кугеля создали для защиты деревни, а он сбежал. Вдруг жнецы без него порежут всех поселян? Но ничего подобного: то было не бегство, а экспедиция в логово врага.

Глаза поломанной твари яростно вращались, губы кривились, но ничего, кроме неясного бормотания, с них не сорвалось. Но это ерунда: из сарая уже выскочило еще штук пять жнецов. Дробно стуча шестью похожими на сабли ногами, они неслись на чужака. Передняя пара конечностей у всех врагов уже превратилась в нечто вроде огромных ножниц.

— Драться хотите? Ну-ну, попробуйте! — ухмыльнувшись, выкрикнул Кугель, и, сильно раскрутив оторванную голову, швырнул ею во врагов. Им совсем по-человечески овладел азарт, страх и осторожность полностью утонули в бурном фонтане этого нового чувства.

Судя по всему, жнецы слишком привыкли к безоружным. Импровизированный снаряд врезался первому из атаковавших точно в лоб, и его гладкая башка разлетелась вдребезги. Тело, так и не сумев остановиться, зигзагами добежало до края балкона и рухнуло в колодец. Другие оказались проворнее. Отскочив в стороны, прыгнули на Кугеля с расстояния метра в три. Их движения были настолько стремительны, что обычный глаз увидел бы лишь размытые полосы. Но за долю секунды до того, как острые лезвия коснулись металлического шара... тот, словно баскетбольный мяч, подпрыгнул под самый потолок! Враги попытались затормозить, но инерция бросила их друг на друга, и страшные клешни расплосовали одному из жнецов грудь и брюхо, а у другого отстригли пару ног. Потеряв равновесие, жнецы повалились в одну шевелящуюся кучу, еще и дополнительно травмируя друг друга. Тем временем Кугель, упруго отскочив от «неба», рухнул на них. Его шипастый обод снова завертелся, и спустя миг на врагов упала, разрывая в клочья металл и пластик, смертоносная юла. Не прошло и минуты, как еще две твари разлетелись в стороны искореженными обломками.

Снова выпустив конечности, Кугель замер.

— Что, съели? — бросил он, поочередно ткнув пальцем в оставшихся врагов. — Вы тоже ответите за свои грехи!

Эти двое учли ошибки товарищей, и кидаться на неизвестного противника очертя голову не стали. Напротив, заковыляли бочком, а их клешни превратились во что-то длинное, вроде рыцарского копья.

«Таранить будут? — брезгливо покривившись, подумал Кугель. — Это не сработает!»

Увы, самоуверенность многим обходилась дорого. Впрочем, в таких случаях выручает хорошая реакция. Когда полыхнули две ослепительные вспышки, робот-шар чисто инстинктивно крутанулся в сторону, и вовремя! Ярко-белые лучи мазнули его по боку, прожигая глубокие борозды. От нестерпимой боли — черти бы взяли Шаца с его желанием приблизить свое творение к человеку — перед глазами все поплыло, выскочили сообщения об ошибках. Зашипел, стекая каплями, расплавленный металл, в обонятельные сенсоры ударил запах горелой изоляции.

— Ах вы, гады! — прорычал Кугель, катаясь из стороны в сторону.

Это он делал и не от боли, и не от злости. Жнецы, бегая по кругу, обрушили на него целый ливень разрядов, и робот-шар едва мог уклоняться. Угодив под прямым углом, луч наверняка пробил бы его навывлет. Надо было избавиться хотя бы от одного из противников. Для лучшей маневренности робот-шар убрал шипы и, взвизнув ведущим пояском, зигзагами погнался за супостатами. Тщетно: сообразив, что Кугелю их достать нечем, враги торопливо отступали, ловко перепрыгивая между обломками бетона и даже с мушиной легкостью взбегая на стены. Смертоносный ливень выстрелов не прекращался ни на мгновение. Робот-шар, конечно, не знал усталости, но долго ему было не продержаться: уже несколько раскаленных до красна борозд исплосовали его тело. Движущиеся элементы и микросхемы перегревались, сенсоры засбоили, а потому центральный процессор начинал притормаживать. Нужно было срочно что-то придумать, но мысли от нестерпимого жара боя, казалось, растеклись в жидкий кисель.

Жнецы, чуя, что оппонент выдыхается, начали сжимать кольцо. Они ловко отсекали все пути к отступлению, и скоро загнали Кугеля к транспортеру. Не долго думая, просто чтобы скрыться от плотного дождя огненных стрел, он запрыгнул на ленту и затаился среди мусора. Лучи забарабанили по кускам бетона и металла вокруг, выбивая мелкие камешки и

раскаленные брызги. Но может, линия унесет его прочь? Бесславный исход, но тут было не до гордости... Однако, стоило так подумать, как громко лязгнув, транспортер встал. Не прекращая огня, жнецы стали подбираться ближе. Ох, и не высунешься, и сидеть тут без толку!

«Черт, да у вас энергия вообще кончается?!» — в отчаянии подумал Кугель.

Он с яростью толкнул какой-то обломок, и тот слетел с ленты, прямо на одного из преследователей. Тот, впрочем, с легкостью увернулся. Кусок бетона рухнул на пол, и от него отвалилась какая-то железка, закатившись стрелку под ноги. Тот инстинктивно попятился. Увидев это, робот-шар призадумался. Хм-м... а что, если...

— Р-рра! — зарычал он, сильно раскручиваясь с выпущенными шипами.

Получив мощный импульс, разный хлам полетел во все стороны. Жнецы выстрелами сбили те куски, что поменьше, некоторые вообще обратили в пар, а от прочих увернулись. Лента же очистилась, и, хищно зацоковав паучьими лапами, враги метнулись к транспортеру, их оружие замерцало. Но... в чем дело? Дула нацелились на пустоту! Оба уцелевших жнеца завертелись на месте, ничего не понимая. И тут из-за куска бетона, оказавшегося прямо под ногами одного из них, со свистом вылетел метеор. Вспоров крутящимися со сверхзвуковой быстротой шипами панцирь на спине одной твари, тот ловко спрыгнул на пол.

— Ба-бах! — жнец с оглушительным грохотом разлетелся на куски.

Второй тут же бросился наутек, плюясь беспорядочным огнем.

— Ага, так-то! — помятый, но очень довольный собой робот-шар погрозил ему кулаком. — Можешь хоть целую толпу привести, будет то же. Потому что я — Кугель, мастер сферического карате!

Со всех сторон донеслись странные звуки. Шорохи, поскрипывания, цокот, ворчание... Как будто через терзаемые бурей заросли пробиралась толпа самых разных зверей. Напрягшись, робот-шар с тревогой глянул по сторонам. О, ужас, похоже, он накликнул беду! Кругом были жнецы: десятки, а может, и сотни. Они взбирались по горловине колодца, вылезали из непонятно откуда взявшихся на потолке дыр, ковыляли по лентам транспортеров. Будто муравьи, которые повывлазили из разворошенного муравейника, эти твари со всех сторон наступали на одинокого, растерянного Кугеля. Бежать было некуда, в его распоряжении оставался лишь небольшой участок балкона.

«Я пропал...» — испуганным зайцем промелькнуло в мыслительных цепях.

Клешни, пики, зазубренные лезвия, граненные стволы — еще миг, и тысяча изошренных орудий убийства разнесут крохотный шарик в прах! Самопровозглашенный мастер карате, растеряв весь гонор, съезжился и мечтал лишь об одном — провалиться куда-нибудь. Поток лились сообщения о ранах, по нервным соединениям пролетали искры боли. Впрочем, разве это была боль? Так, легкий ветерок, предвещавший мощный удар бури! Однако... секунды, падая в вечность, соединялись в минуты, а рокового удара так и не случилось. Более того, толпа жнецов отхлынула, образовав широкий проход куда-то в дальний, темный угол. Что за чудо, какое божество заставило механическое море расступиться?

Щелк, щелк — хлестнули в наступившей тишине удары бича.

— Какого черта ты здесь творишь? — прозвучал скрипучий голос.

Последовали еще несколько глухих ударов.

— Мы, между прочим, занимаемся важным делом, — продолжал неведомо кто

ворчливым тоном. — Сортируем и утилизируем хлам, который сваливается сюда, на дно, со всей Омнисферы! Затея неблагоприятная, но иначе воцарится полный бардак.

Прозвучал странный звук, напоминавший дробный стук зубов.

— Императрица Хайланд и так с трудом управляется. Слишком уж Омнисфера усложнилась, всего не проконтролируешь. А тут приносит черти кого, и он учиняет погром. Сидел бы в своей норе, да не мешался! Я ведь тебе уже пригрозил, так?

Теперь слова раздавались совсем рядом, но, с удивлением оглянувшись, Кугель увидел все тот же балкон и застывших на почтительном расстоянии жнецов. Галлюцинации? Сделалось жутковато: вот ведь до чего зазнайство доводит — поперся невесть куда, ничего о мире не зная, и что теперь? И не убежишь, и еще крыша поехала.

— Ну, чего по сторонам пялишься? — проворчал тот же голос чуть ли не над ухом. — Здесь я, здесь! Рейнигер-чистильщик к твоим услугам!

Неожиданно прямо в воздухе обозначились сперва неясные, но быстро обретшие четкость контуры. Между ними за клубился, все сгущаясь, белесый туман. Прошло не более минуты, и вот перед ошалевшим Кугелем стояло причудливое существо. Оно походило на зайца ростом с метр: мощные задние ноги с длинными стопами, маленькая голова с острой мордочкой и вытянутые уши. Но это при условии, если русака обшить полированным железом. Впрочем, сперва взгляд робота-шара приклеился к иному — трехметровым веерам усов, которые, опускаясь вдоль тела «зайца», извивались по полу кольчатыми червями в палец толщиной. Да, это сомнительное украшение постоянно двигалось, внушая инстинктивные страх и отвращение: казалось, эти веревки сейчас обовьют тебя и начнут душить. Может быть, поэтому Кугель, нервозно зыря по сторонам, начал мямлить:

— Ну, я это... путешествовал... Меня дед с бабкой послали, разобраться... что к чему. Вот там, — он неопределенно махнул в сторону колодца, — деревня наша. Из нее люди пропадать стали, эти их утаскивали! — робот-шар метнул злобный взгляд в сторону притихших жнецов. — Вернуть бы ребят надо.

Парочка заячьих вибрисс, встав в позу кобры, изогнулись знаками вопроса.

— А, вон ты кто, — задумчиво проговорил Рейнигер. — Дикари совсем обнаглели, значит. Конструируют боевых дронов и нам тут бардак устраивают. Эх, не хватает ни сил, ни времени, ни рук, а то надо бы прибраться там на дне, — он припечатал Кугеля тяжелым взглядом и помахал одной из передних лап. Кисть на ней выглядела совсем новой. — Вот, из-за тебя, выходит, лапы лишился? Только хотел дать по шее какому-то умнику, который в Сверхсеть полез, и сразу получил! Цепи перегорели, всю кисть менять пришлось. Чем отвечать будешь?

По эмоциональной подсистеме Кугеля шипастой змеей поползла ярость. Выходит, этот ушастый что его, что людей ценит ниже мусора, ему своя лапа дороже? Вот, значит, кого он тогда рубанул — видать, и правильно!

— Слушай ты, длинноухий! — прорычал робот-шар, и по всему его корпусу выскочили угрожающие шипы. — Эти твои тараканы, — он сделал яростный взмах в сторону по-прежнему неподвижных жнецов, — уволокли кучу моих односельчан! Тебя это вообще не волнует?! Ну-ка быстро их отпустил!

Левый глаз Рейнигера вспыхнул яркой звездой, и вдруг Кугель понял, что наговорил лишнего. Усы зайца прыгнули в воздух и с оглушительным свистом обрушились на нахала. Это только на вид эти гибкие штуковины казались мягкими, но разили не хуже сабель! Впрочем, даже легчайшее их касание пронзало все тело нестерпимой болью — электрошок у

него там, что ли? В одну секунду получив с десятков ударов, робот-шар футбольным мячом отлетел в дальний угол. Перед глазами мелькали разноцветные круги, все системы барахлили, и даже малейшее движение казалось невозможным. А Рейнигер, покрыв одним прыжком метров десять, уже вот он, рядом. Его жуткие усы, вытянувшись во все стороны, точно лучи от солнца, перекрыли все пути к отступлению. Мало? По каждому из них пробежали змеистые молнии.

— Мы выполняли приказ Императрицы, — заяц многозначительно глянул вверх. — Ей зачем-то понадобились тушки дикарей. Вот я и отрядил жнецов ловить их и в колодце, и в других частях нижнего пояса. Подробности — не моего ума дело, поймали и отправили дальше. Радуйтесь, что вам, мусору, нашлось какое-то применение!

— Императрица? Мусор? — придушенно выдавил Кугель, а про себя подумал: «Неужели эта ересь и среди жнецов распространена? Впрочем, должны же ангелы верить в своего начальника — бога?»

Однако сейчас было не до религии. Этот ушастый гад его, без сомнения, убьет. Драться смысла не было, но может, удастся как-нибудь смыться? Ближайший транспортер находился всего на расстоянии вытянутой руки. Значит, надо было заболтать Рейнигера, пока шла проверка и настройка основных систем. Эх, зря Кугель героя разыгрывать стал, проскочил бы незаметно и уже сидел бы сейчас в самой дальней щели, да радовался!

Наклонив голову набок, заяц разглядывал побитого робота-шара, словно вредное, но занятное насекомое. Наверно раздумывал, стоит ли вообще с ним беседовать?

— Вы и правда мусор, — вздохнул он. — Не знаете даже простейших вещей! Императрица — центральная программа Омнисферы, ее богиня, дыхание, сама жизнь. Она везде и нигде. Ничто здесь не происходит без ее ведома. Всякое мыслящее существо узнает ее волю через Сверхсеть, и горе ему, если оно ослушается!

Рейнигер замолчал, благоговейно закатив глаза. Хотя, может он еще чего-то бы выдал, но слушать его больше не собирались. На экране информации зажглись пусть не зеленые, но, по крайней мере, желтые индикаторы, и Кугель незамедлительно вывел двигатель на полную мощность. Пронзительно завизжал ведущий пояс, и робот-шар, заложив крутой вираж, проскочил между усов зайца — птичка вылетела из сети. Рейнигер издал яростный рев, но беглец уже запрыгнул на транспортер.

Трах! Внезапно один из сегментов ленты повернулся вертикально, загораживая проход. Не успел робот-шар хоть что-то сообразить, как нежданная преграда растянулась вверх и в стороны, сделавшись непреодолимой. Кугель торопливо соскочил на пол, но мгновение спустя перед ним вырос еще один барьер. И за спиной такой же! Робот-шар подпрыгнул, однако врезался в невидимый потолок, и от удара тело пронзил уже знакомый разряд. Потеряв скорость, беглец неуклюже плюхнулся на бетон.

— Куда это ты собрался? — поинтересовался заяц, неспешно ковыляя к пленнику. — Можешь не дергаться, жнецы тебя все равно догонят. Они бы тебя уже разорвали, если б я не велел им ждать, — действительно, приспешники Рейнигера выстроились в плотное кольцо, но держались на расстоянии. — Это потому, что ты меня заинтересовал. Оказывается, дикари со дна мира умеют делать полезные штуки. Наверно, я тебя даже разбирать не стану. Подключу к Сверхсети, код подправлю — еще офицером тут станешь! — он скрипуче рассмеялся. — Вот это номер: дикарская поделка из хлама командует отрядом жнецов!

Кугель лежал на боку, словно выброшенная кастрюля с болтами и гайками — сейчас он был настолько же бесполезен. Мысли шевелились еле-еле, половину цепей замкнуло, и тело

по ощущению обрело вес тонны в две. Никак не сдвинуть с места! Проклятье, что вообще произошло? Приглядевшись, робот-шар заметил, что усы зайца — все, как один — были воткнуты в пол, а эти стены, отрезавшие дорогу, украшало нечто вроде узора из древесных колец. Секундное замешательство сменилось озарением. Не может быть! Рейнигер прорастил эти свои бичи через бетон и с невероятной быстротой выстроил эту клетку?! Впрочем, какая теперь разница — заяц был уже рядом. Он протянул лапу, положив ее добыче на лоб. Из ее коготков вытянулись гибкие жгутики, деловито ощупывая обшивку корпуса. Робот-шар почувствовал, как потоки данных потекли из его мозга к этим жгутикам. Неужели и тогда, когда робот-шар неосторожно высунулся в Сверхсеть, этот гад чего-то подобное готовил?

— Ай! Что за черт?! — вдруг тоненько взвизгнул заяц, отпрыгивая.

Он с ненавистью поглядел на Кугеля, а тот лишь удивленно хлопал глазами. И это было лишь начало загадочных событий. Следом исчезли стены, хотя толку от этого было не много: все равно даже пошевелиться у робота-шара не оставалось сил. Неожиданно та плита, на которой лежал Кугель, поднялась над полом, начав медленно возноситься к потолку.

— Куда?! — взревел заяц, и, оттолкнувшись задними лапами, хотел было заскочить на этот лифт, но...

Его будто сковал мгновенный паралич. Словно наткнувшись на незримую стену, Рейнигер свалился на пол. Встал, буравя платформу испепеляющим взглядом, и тут же замер, словно какая-то магия обратила его в соляной столп. Глаза зайца потухли, рот разинулся треугольной пещерой, вибриссы обвисли намокшими веревками. Выражение металлической морды Рейнигера распознать было сложно, но оно походило на страх. Однако что его испугало? Кугель, сперва растерянный, заметно повеселел: не понимая, что именно происходит, он объяснил случившееся своей удачей и неизвестными ему самому умениями.

— Что, съел, ушастый! — радостно прокричал он зайцу, который по-прежнему изображал статую. — Вот так-то, сбежал от деда с бабкой, и от тебя уйду!

Кугель уже устраивался на платформе поудобнее, но на всякий случай все же бросил взгляд вниз. И не зря! Его внимание привлекла суета, происходившая на дальнем конце балкона, который опоясывал жерло шахты. Там некто, напомиравший голема, сцепился с... самураем! Неподалеку под перевернутым столом прятался щуплый парень.

«Тут есть еще кто-то помимо меня? — подумал робот-шар, встрепенувшись. — Может, они из нашего или какого-нибудь другого поселка? — он пригляделся внимательнее и вентиляторы на его логических платах закрутились быстрее. Это было аналогом нервного возбуждения. — Эй, я ведь уже видел того парня. Да, там, на озерце!»

Может, стоило помочь этим двоим? Вопрос остался без ответа, так как в потолке, к которому плавно возносилась платформа, образовалась змеистая трещина. Ее края разъехались в стороны, открывая темное жерло шахты. Вскоре робот-шар исчез в ней, провожаемый долгим взглядом Рейнигера. Но до беглеца зайцу уже не было дела. Он неотрывно глядел на изображение, украшавшее плиту-лифт — равнобедренный треугольник, повернутый длинным острием книзу и с ушками на верхней стороне. Два овала примерно посередине зло горели желтым огнем, а по бокам скалились острые зубы.

— Как пожелаете, Ваше Величество! — прохрипел Рейнигер, когда ворота следующего кольца закрылись за Кугелем.

Инцидент 5. 17 декабря 2086 года. Вершина горы посреди Тихого океана

Вечером они сидели в той пещере, которую условно назвали холлом небоскреба. Рядом жарко горел костер, и языки пламени лизали «птичьи лапы», насаженные на две длинные палки. Пока Курт обдирал их, надевал на вертела, Ричард предпочитал осматривать окрестности. Было ощущение, будто в желудок залили теплого бетона, и тот медленно застывал в камень. Этот инородный предмет сминал внутренности, вдавливал кишки куда-то в самый низ живота, мешал свободно дышать. Мозг страдал от недостатка кислорода, сознание туманилось от жирного чада пластика, служившего топливом, и голова шла кругом. Дик опасался, что за ужином не сможет проглотить ни кусочка.

Однако когда мясо зарумянилось, а жир с шипением начал капать на раскаленные угли, бетон в желудке незаметно рассосался. Запах жаркого щекотал ноздри, и вот в животе заурчало. Несколькими минутами спустя Лайонхарту показалось, что его желудок пронзают острые иглы, а во рту набралось целое озеро слюны. И потому, когда Химмелькнакер, удовлетворенно покивав себе, снял один из вертелов, Ричард жадно выхватил его из рук профессора. Не думая больше ни о чем, он жадно впился в курящееся ароматным паром мясо, не замечая, как то обожгло язык и губы. Пускай! Будто голодный пес, он с рычанием отрывал большие куски жаркого, тут же проглатывая. Он запретил себе думать о том, чем это угощение было еще утром, а когда в памяти всплывали картинка монстра с женской головой, представлял себе ресторан, где на блюде лежит кабанчик в яблоках. Мясо оно и мясо, какая разница, кому оно принадлежало? Говорят, что человечина на вкус, как свинина, а тут еще надо подумать, имела ли эта тварь отношение к людям...

Лишь обглодав до блеска кости, Лайонхарт смог взять себя в руки, став снова похожим на аспиранта, а не на голодного волка. Сыто рыгнув, он откинулся на сваленную рядом с костром грудку тряпья. Его неудержимо клонило в сон. Но Курт, с ухмылкой наблюдая за товарищем, не дал тому расслабиться.

— Что, понравилось жаркое? А как думаешь, кем оно было раньше? Знаешь, это символично. Красоткам ведь говорят иногда: «ох, хороша, я бы ее прямо съел!» — заметив, как Ричард вздрогнул и зажал ладонью рот, профессор хихикнул.

Но улыбка быстро сползла с его губ. Подняв свои похожие на стволы вековых дубов руки, он внимательно осмотрел их, поковырял ногтем раны. Удивительно: даже самые глубокие из них — те, через которые изначально было видно кости — уже заживали, а более мелкие и вовсе затянулись новой кожей.

— *Non sunt ista quae prius* [«я совсем не такой, как прежде» — лат.], — задумчиво произнес Курт. — Результат неплох, но... Может, эту дамочку накрыло раньше или сильнее, и милая красотка обратилась в такое? Мои раны быстро заживают, но как знать, не вырастет ли на их месте чего похуже?

«Ага, та тварь стала монстром снаружи, а вы — внутри, — подумал Лайонхарт, осторожно рассматривая профессора, ставшего похожим на грубо слепленного голема. Сытая нега вдруг улетучилась, и на душе сделалось муторно. — Или вы всегда были таким, но в приличном обществе хищная суть проявлялась лишь в мерзких подколках? Я-то сам не стану зверем?»

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, он принялся разглядывать пещеру. Его взгляд

заскользил по прямоугольным окнам небоскреба, по стенам ввинчивавшейся в головокружительную вышину шахты. Высоко, не меньше чем в четырехстах футах над ними, с трудом угадывалась какая-то преграда. Ее трудно было разглядеть в тусклом свете луны, робко заглядывавшей через мутные стекла, но казалось, что шахту запирает гладкая дверь с квадратной прорезью в центре. В ней искрой отражался костер. Кто вообще сделал эту дверь и зачем? Как к ней подняться? Разве что взбираться по тем полкам, на равных промежутках торчавших из стен. Кстати, эти полки выглядели очень знакомо! Где-то Дик много раз видел подобные штуки, только необычность окружения не давала ему сообразить, где именно.

Постой, если неведомая сила изменила Химмелькнакера и неизвестную им девицу, то что мешало трансформироваться косной материи? У аспиранта в голове ненасытным червем принялась все сильнее ворочаться одна догадка.

Не говоря ни слова, он встал, направившись к груде бетонных обломков чуть в стороне. Ричард взобрался на нее, а потом подпрыгнул, чтобы не с первой попытки, но все же уцепиться за металлическое кольцо, торчавшее на углу самой нижней из «полок». Раскачавшись, Лайонхарт с кряхтением залез на эту штуку. Его ладони ощутили гладкий, немного скользкий материал, под которым угадывалось что-то мягкое.

— Эй, вы там чего забыли? — отложив вертел, окликнул его Курт. — Ночь на дворе, лучше держаться возле костра. Не хватало еще, чтобы вас утащила какая-нибудь тварь, — криво ухмыльнувшись, он добавил: — Но если вы не прочь быть сожранным, все равно возвращайтесь. Сгодится мне на завтрак! Так оно для дела полезнее.

— Профессор, я знаю, что это за сооружение. И вам оно хорошо знакомо, — проигнорировав остроты Химмелькнакера, Лайонхарт подошел к окну и выглянул наружу. — Забирайтесь сюда, я вам кое-что покажу.

Немного поколебавшись, Курт забрался на ту же кучу обломков, потом на полку. При своем росте и сверхчеловеческой силе он управился за полминуты.

— Ну? — промычал он, опуская голову, будто бык, готовящийся к атаке. Похоже, ему очень не понравилось отрываться от послеобеденного отдыха, и если у аспиранта не было на это веской причины, то...

— Мы в поезде! На таких я каждый день ездил из кампуса в город. Та же сила, что изуродовала девушку и вас, потрудила и над электричкой. Притащила ее сюда, растянула в несколько раз, и, всунув в дупло, закрутила винтом. Просто торчала эта конструкция вертикально, потому мы сразу не догадались. Но поглядите внимательнее на эти окна, на полки, то есть на сиденья!

Химмелькнакер недоверчиво нахмурился, и это придало его непропорционально маленькому лицу комичный вид. Он глянул по сторонам, с недоверием потрогал поверхность «полки». Вышло, как с детской картинкой-загадкой, где надо разглядеть какое-нибудь животное среди всяких узоров. Сперва ничего не можешь разобрать, но потом находишь, что надо, и уже сам удивляешься: как раньше этого не замечал? Вот и теперь профессор растеряно кивнул.

Они находились в салоне пригородного поезда, пусть и до неузнаваемости искаженного неведомой силой.

— А теперь выгляньте в окно и повнимательнее присмотритесь к этим уступам!

Курт выглянул. Внизу расстилалась поляна, где они утром неудачно гонялись за «собакой». От поляны отходила довольно широкая улица, которая, петляя среди плотно сгрудившихся домов, оканчивалась на самом обрыве. Под ним лунный свет озарял каменный

хаос — нагромождение острых углов и многоугольных выступов. Еще недавно профессор и аспирант миновали их, взбираясь по склону горы. То, что располагалось ниже, тонуло в синеватой пене облаков.

— Вам форма этих выступов не кажется странной? Пока мы там лазили, этого было не разглядеть, но теперь все как на ладони!

Химмелькнакер присмотрелся, и, ненадолго нахмурившись, удивленно заморгал.

— Да это нагромождение городских домов! — воскликнул он. — Их воткнуло один в другой, изогнуло, скрутило, облепило землей, но все равно это — здания, построенные человеком. В природе не бывает столь правильных форм!

— Именно. Причем эта структура продолжает расти. Вспомните, когда мы сюда забрались, было пасмурно, потом все окутал плотный туман, и, наконец ярко засияло солнце. То не погода изменилась, это мы, сами того не заметив, вознеслись над облаками! И вон этих шпук не было, — Ричард указал на каменную спираль, выступавшую из обрыва далеко в сторону, ткнул в гроздь массивных шипов, торчавших рядом. — Пока мы тут ужинаем, эта гора продолжает расти и трансформироваться. Возможно, к ней приклеиваются новые фрагменты. Кто знает, какая сила их приносит? И мне кажется, — Лайонхарт скользнул взглядом по ватному покрывалу туч, — там намечаются еще вершины. Их точно не было раньше.

Химмелькнакер уселся по-турецки и в задумчивости подпер рукой голову. Он прикрыл глаза, и с каждой секундой морщинки вокруг них становились глубже, резче.

— Помните то эффектное сияние над вершиной? Здесь не лучший обзор, но уверен, оно никуда не делось, — Курт повел рукой, указывая на красные, желтые, зеленые отсветы, зловещими призраками метавшиеся в темном небе. — Похоже, я был прав, что это как-то связано со всеми этими чудесами. Что за силы мы разбудили своим экспериментом?

Лайонхарт только плечами пожал, а Химмелькнакер улегся, пристраиваясь поудобнее.

— Ладно, давайте спать. Утром продолжим восхождение. Чую, наша работа еще не закончена и скоро мы получим оч-чень интересные данные!

На следующий день они начали взбираться все выше. Процесс был мало похож на то, чем обычно занимаются альпинисты, скорее это казалось прогулкой подростков, решивших исследовать какие-нибудь руины. Вот и профессор вместе с аспирантом поднимались по пожарным лестницам небоскребов, пробирались через нагромождения транспорта — машин, трамваев, даже поездов, — перелезали через завалы переломанных деревьев и кустарника.

Неведомые силы не просто собрали эти, привычные и понятные объекты, которые каждый день встречаешь в повседневной жизни, они исказили их до неузнаваемости. Будто бы какой-то титан решил сварить сборную солянку из элементов городского пейзажа. Перемешал ингредиенты в различных сочетаниях, нашпиговал одно другим, нарезал крупные объекты кольцами и спиралями, а длинные и тонкие связал друг с другом, ну и вместо специй пересыпал все грудями камней с землей. От длительной варки часть предметов размягчилась и покоробилась, прочие съезжились или наоборот вытянулись. Увидев результат, Эшер и Дали наверняка бы подали в суд, возмущенные тем, что дилетант украл сюжет их картин.

Тем утром Лайонхарт и Химмелькнакер долго взбирались по лестницам, преодолевали анфилады комнат, обходили завалы через окна и провалы в потолках, а выбравшись наконец наружу и поднявшись по стволу гигантского платана, обнаружили... Как оказалось, они

недавно покинули частный дом, вроде того, в котором профессор жил в Калифорнии! Только этот коттедж был размером с городской квартал, да еще и неведомый архитектор вкрутил его, будто шуруп, в глубокую щель между нагромождениями валунов и тугим клубком деревьев.

Позже Ричард нашел стеклянный шарик, легко помещавшийся на ладони, а внутри него был заключен... железнодорожный вокзал с двумя поездами. Сперва аспирант подумал, что это игрушка, и даже восхитился искусством мастера. Все было воспроизведено до мельчайших деталей. Рельсы, шпалы, живая изгородь и клумбы, даже пятна ржавчины на опорах электропередачи и мусор в укромных уголках были как настоящие. Здания выглядели нарочито реалистично, со всеми огрехами и отпечатками времени, особенно выделялись несколько лачуг в стороне от путей — их слепили из чего попало. Не забыл скульптор и людей: они стояли, сидели на лавках, прохаживались по платформе. Одежда и позы смотрелись очень правдоподобно: кто переговаривался, кто искал свободное место на лавочке или рассматривал расписание, а один бродяга вообще готовился вклеить товарищу кулаком в нос. Если приглядеться, можно было рассмотреть виртуальный экран планшета в руках одного из пассажиров, а на нем — миниатюрные иллюстрации и бисерный текст. Наверно, найдись тут микроскоп, буквы удалось бы и прочесть.

Но что-то с этим шаром было не так. Неужели и правда кому-то хватило терпения сделать безделушку настолько достоверной? Тогда она должна была стоить больших денег и храниться в музее, а не просто валяться в грязи. Конечно, на этой горе попадалось всякое, но все же Лайонхарт заметил некоторые закономерности. Обычно предметы группировались по родству. Деревья и кустарники из какого-нибудь парка валялись в куче, и среди них легко было найти статуи, которыми украшают аллеи, куски узорчатой решетки, лотки со всяческой снедью. Другой раз путники видели мегамолл, который вместе с его окрестностями были втиснуты в одну яму. Между автомобилями напихали, словно кильку в банку, все машины с парковки, товары с прилавков тоже валялись неподалеку. Окружали яму руины торгового центра, завязанные морскими узлами.

А что с этим шариком? Он просто лежал под колесами согнутого кольцом вагона. В стороне торчал, будучи поставленным на попу, железнодорожный мост, а с другой высилась звездообразная конструкция, собранная из вагонов-цистерн. Неведомый скульптор не поленился прошить эту красоту для прочности не суровыми нитками, а самыми настоящими рельсами.

«Неужели...» — пронеслось в голове у Ричарда, пока он вертел в руках шарик с мини-вокзалом.

Воображение нарисовало обычное утро, когда люди спешат на работу, плотно набиваясь в электрички. Все идет своим чередом, пока в небе вдруг не зажигается полярное сияние, пространство начинает идти волнами, а потом... Чудовищная сила сжимает здания, машины и людей, сдавливая вместе атомы, загоняя это все в маленький кусок стекла.

То-то Лайонхарту показалось, что безделушка очень тяжела, прямо как гиря фунтов в девяносто! Хотя... реальный вокзал со всем барахлом весит неизмеримо больше. Выходит, эта сила выкинула значительную часть материи, оставив только каждый атом из сотни, а то и тысячи, но так, чтобы внешние очертания объектов не изменились? Аспирант представил, как из него методично, крошка за крошкой, выдирают куски, и его желудок сжался, а к горлу подкатил ком. Ричард едва успел зажать рот ладонью: не хватало еще потерять скудный завтрак! Он предпочел закинуть шарик куда подальше, а сам поспешил за профессором.

Несколькими часами спустя Лайонхарт, обливаясь потом, взобрался по последнему из цепочки изрезанных трещинами валунов. Вместе они создавали подобие лестницы, построенной титанами для себе подобных. Аспирант без сил рухнул на край известкового обрыва, удивительно гладкий и блестящий, точно кафельная плитка в ванной. Дул пронизывающий ветер, и кругом расстилалось полотно молочно-белого тумана. В сыром, промозгом воздухе дышать было тяжело, и, хуже того, Дика тут же начала колотить крупная дрожь.

«Не простыть бы, — с беспокойством подумал он, — Как теперь лечиться, если свалишься?»

Однако он не сдвинулся с места, ведь казалось, будто тело весило целую тонну, а лишь поплотнее запахнул борта изношенной куртки. Хорошо еще, что удалось найти ее в одном из домов, ведь штатный комбинезон давно обратился в лохмотья. Рядом послышался хруст мелкого щебня. Повернув голову, Ричард увидел Химмелькнакера. Тот, голый по пояс, скалой возвышался над измученным аспирантом. Ветер обдувал мускулистый торс профессора, а тому было нипочем. Он стоял подбоченясь, глядя с обрыва туда, где ниже слоя облачности голубела неясная даль.

— Помните, как мы обсуждали, что эта чертова гора растет? — начал он задумчиво. — С берега залива, она казалась высотой тысячи три футов. Мы бы забрались на нее от силы за пару дней. И что же? Мучаемся неделю, и только подошли к вершине. Пока мы лезем, она делается все выше! Я все не мог поверить в это, но гляньте туда, — он провел пальцем вдоль горизонта.

Там возвышалось еще несколько пиков, высоких и узких, больше похожих на фонарные столбы. И это были не единственные возвышенности. Несколько ближе громоздились другие горы и холмы. Странно, Ричард точно помнил, что их забросило на небольшой, всего миль пять длиной островок, формой напомилавший полумесяц. Неподалеку располагались еще острова, совсем маленькие, а дальше расстилался лишь безбрежный океан. Единственная гора располагалась в центре острова, да и то это был скорее холм меньше тысячи футов высотой. Откуда взялись эти вершины, пронзающие облака? И куда исчез океан: внизу виднелись лишь разбросанные тут и там озера.

Раздумывая над этим, Лайонхарт пригляделся к горным пикам и ахнул. А ведь эти структуры лишь на первый взгляд напоминали горы! В действительности они не отличались от той, на которую они карабкались на пару с Химмелькнакером. Абсурдные нагромождения камней, деревьев и рукотворных сооружений. Ричард сел, яростно протер глаза кулаками, но видение не исчезло, хотя и расплывалось немного в облачной пелене. Ветер наполнил горло холодом: нижняя челюсть аспиранта безвольно отвисла.

— Дно океана поднимается на наших глазах и неизвестно что стаскивает сюда весь этот мусор, — Курт ответил на невысказанный вопрос и нахмурился. — Похоже, такое дерьмо происходит по всему миру. Я видел надписи в разных местах. Они на английском, русском, немецком, китайском, еще на куче языков. Интересно, кто или что творит такую гадость?

Неожиданный порыв ветра вспорол покрывало тумана. Заходящее солнце озарило ровное как стол плато, действительно вымощенное чем-то вроде блестящего кафеля. В некоторых местах были разбросаны камни, кое-где белел снег, но все это пара мужчин заметила лишь потом. Сразу их внимание приковало другое. Почти точно в центре плато возвышалась большая, с тысячу футов в диаметре, груда валунов. А вокруг нее, словно металлическая змея, кольцами свилось непонятное сооружение. Оно походило на домик

гигантской улитки Широкая, так что по ней свободно мог проехать поезд, труба, собранная из полированных пластин, спиралью поднималась к цилиндрической башне. У той имелось множество пристроек, от которых в стороны расходились изогнутые балки. Они походили на руки, воздетые для молитвы, и на каждую из них, словно браслет, был надет мерцающий нимб. Высоко вверх, чуть ли не до купола небес, возносились шпили антенн, и от них крыльями бабочки расходились сполохи полярного сияния. Во все стороны от сооружения, точно ножки насекомого, расходились трубопроводы и пучки кабелей, исчезая в трещинах скал.

Лайонхарт за последнее время успел навидаться всякого, но тут он был настолько поражен, что не мог оторвать взгляда от загадочной конструкции.

— Невероятно! Кто построил эту штуку? Еще и здесь, в глуши, на горе?

Поднявшись на ноги, он двинулся к зданию и совсем забыл глядеть под ноги. А зря! Ступня зацепилась за кусок арматуры, торчавший из щели между «кафельными плитами», и аспирант, охнув, упал прямо на один из кабелей.

— Осторожнее, растяпа! — Химмелькнакер, будто котенка, ухватил его за шкурку, не дав коснуться проводов. — Лучше не касаться этой штуки.

Курт указал на кабель. В одном месте, как раз там, куда должен был ткнуться носом Лайонхарт, на обшивке протянулась длинная трещина. Сквозь нее виднелись металлические жилы. Некоторые из них были перерублены и торчали острыми концами в сторону, между ними то и дело проскакивали искры. Но если бы только в этом было дело...

Удивленно заморгав, Ричард пронаблюдал, как на одном из обрывков провода начал вздуваться черный шар. Он быстро рос, и когда достиг размеров теннисного мяча, оторвался. Плавнo покачиваясь, мячик поплыл по воздуху, издавая легкое гудение. Ветер подул сильнее, и эта штука улетела куда-то за край обрыва. Но в трещине уже возникла еще одна. Она плавнo опустился на кафель, и... в том образовалась лужица! Неужели шар расплавил камень? И это было только начало. На поверхности лужицы возник бугорок, он начал быстро расти, выпустил ветки, с сухим похрустыванием формируя подобие деревца.

Лайонхарт нервно сглотнул, а Химмелькнакер, все еще не выпуская его, пошарил в карманах брюк. Профессор выудил оттуда металлическую пластинку, а потом осторожно опустил ту на еще один шар, как раз набухший в трещине. Пластинка кувыркнулась, а потом приклеилась к черной, похожей на бархат поверхность этой штуки. Через секунду пластинка вдруг сложилась пополам, а потом еще раз, наискосок, потом снова... Что-то вроде фигурки оригами, тускло мерцавшей красным, со звоном упало на камни.

— Хотите, чтобы и вас так сложило? — ехидно осведомился Курт.

— Что это? — потрясенно выдавил Лайонхарт, барахтаясь в лапище профессора. — Шаровая молния? Но почему черная?

— Кто бы знал... Но теперь я не сомневаюсь в одном. Этот сарай как-то связан с той ерундой, которая творится вокруг! А значит, нам стоит заглянуть туда на огонек!

Опустив, наконец, аспиранта на землю, Курт зашагал к «улитке». Однако как попасть внутрь? Нигде ни лестницы, ни двери. Профессор, внимательно осматривая каждый дюйм конструкции, пошел вдоль нее. Вскоре обнаружилось нечто вроде пандуса, ведущего к широким воротам. Одна из створок была приоткрыта. Химмелькнакер хотел было подняться, но тут нагнавший его Лайонхарт изумленно воскликнул:

— Профессор, глядите туда! — его палец указывал на крупную надпись над воротами.

Глаза Курта полезли на лоб. Черным по белому надпись гласила: «Совместный проект

Европейского центра ядерных исследований (Женева, Швейцария), Института физики общества Макса Планка (Мюнхен, Германия), Брукхейвенской национальной лаборатории (о. Лонг-Айленд, США) и Национальной лаборатории имени Лоуренса (Беркли, США) Орбитальный ускоритель сверхвысоких энергий «Орбитрон-7», центр управления». Чуть выше располагалась эмблема — четырехлучевая звезда в окружении двух наклонных колец — большого и маленького.

— Это же наш ускоритель... — растеряно пробормотал Ричард. — Но я не помню таких зданий, да и на Тихом океане ничего такого не строили!

— Верно, загадок набралось слишком много. Время получить ответы! — недобро хмурясь, Химмелькнакер направился к входу.

Инцидент 6. 18 декабря 2086 года. Обновленный ускоритель "Орбитрон-7"

Внутри здание выглядело весьма запущенным. Кругом громоздились груды мусора, облицовка стен облупилась, плитка навесного потолка во многих местах обвалилась и из получившихся на ее месте дыр свисали провода. Идти по коридорам оказалось небезопасно: в полу местами зияли такие провалы, что туда и корова могла бы рухнуть. Судя по всему, катастрофа обрушилась на здание внезапно, и персоналу не удалось спастись, ведь то и дело попадались трупы. Некоторые из них придавили обломки, другие лежали в таких позах, будто перед смертью убегали от чего-то, но повреждений на их телах найти не удавалось. А вот третьи...

— Смотри-ка, — Химмелькнакер присел над телом охранника, который неловко привалился к стене. — Его мечом, что ли, рубили?

Лайонхарт издал квохчущий звук, зажав ладонями рот, но профессору было нипочем. Пальцами он раздвинул края глубокой раны, рассекшей несчастного от плеча до бедра, потрогал искромсанные органы.

— *Aenigma saeculi, nullus alius.* [«загадка века, не иначе» — лат.] Холодное оружие ныне почти история, да и для таких ударов нужна нечеловеческая сила. Даже самые толстые кости перерублены, причем так гладко!

Ричард отвернулся, когда Курт принялся рассматривать торчащие из раны обломки костей таза. Голова аспиранта кружилась, ноги противно дрожали, а желудок упорно полз к горлу. Пошатываясь, Дик отковылял в сторону и тяжело облокотился о стену. Его взгляд упал на две горки тряпья, валявшиеся рядом. Два комплекта формы охранников, аккуратно разрезанные по швам. Заметны были темные полосы на полу — вроде тех, которые можно прочертить подошвой. Было ощущение, будто охранники, упав на пол, отползали от чего-то, испуганно загребая ногами. А потом это что-то или кто-то все же настигло беглецов, стянуло с них одежду, как шелуху — с луковицы и уволокло голых неизвестно куда.

— Хм-м, я, конечно, не врач, но что-то не так с этими телами, — вырвал аспиранта из раздумий голос Химмелькнакера. — Мышцы неправдоподобно раздуты, точно эти парни камней под одежду напихали. Я видал культуристов, но это явно перебор! — профессор с некоторым беспокойством поглядел на собственную руку, похожую на покрытый наростами ствол дуба. — И рожи-то какие! Скулы огромные, клыки торчат. Не люди, а чудища из сказок, эти, как их... орки? Ну и кости. Толстые, искривленные, с какими-то шипами...

Ричард испытал новый приступ тошноты, и, чтобы отвлечь Курта от красочных описаний, громко сказал:

— О, я нашел кое-что полезное! Оружие! Думаю, стоит его прихватить.

Он поднял из куч тряпья две штурмовые винтовки. Одну повесил на плечо, другую перекинул профессору, но тот, недовольно повертев оружие в руках, швырнул его обратно.

— Для меня это как игрушка. Неудобно будет пользоваться! — и, улыбнувшись, добавил: — Наконец-то вы сделали что-то полезное, а то я уж думал, что проку от вас не больше, чем в науке! Может, стоило вас оставить внизу, в хижине?

Ричард, представив, как он сидит один, в убогой лачуге посреди леса, где бродят всяческие монстры, резко побледнел. Повесив вторую винтовку на груди, он неуверенно пискнул:

— Ладно, пойдёмте дальше. А то скоро ночь, надо бы найти убежище. Вдруг те, кто убил охранников, бродят неподалеку?

Они продолжили осмотр станции. Бродя по запутанным коридорам, заглядывая в залы и комнаты, Химмелькнакер выглядел все более задумчивым. Наконец он уверенно заявил:

— Мы уже бывали тут. Хотя этот сарай и выглядит снаружи необычно, но он собран из тех помещений, где мы работали. Орбитальная станция, центр управления на Земле, в Техасе, наш институт в Мюнхене. Разные фрагменты от всех них перемешаны тут. Выходит, кто-то разобрал их по частям, а потом собрал до кучи здесь? Но зачем?

Впрочем, ему следовало обратить внимание на другое. Это лишь поначалу непрошенным гостям казалось, что здание полностью заброшено. Действительно, помещения были в ужасном состоянии, но все оборудование, пусть и покрытое грязью, работало! Гудели кабели в электрических шкафах, мигали лампочками распределительные щиты, всевозможные агрегаты в лабораториях светились индикаторами. Причем это касалось лишь тех приборов, которые были как-то связаны с физическими экспериментами. Все прочее — персональные компьютеры, устройства для других целей, не говоря уж про всяческие кофеварки и микроволновки — было заброшено, разбито и мертво. Кто-то сосредоточил усилия на ключевой задаче тех научных центров, из которых и было собрано это место, игнорируя все остальное. И этот кто-то явно не был человеком, ведь тому нужно и отдохнуть, и перекусить, и воспользоваться туалетом.

— Так, — замерев, воскликнул Лайонхарт. — Не знаю, кто этим всем управляет, но если он продолжает эксперименты, то ему нужно обрабатывать данные! Как он это делает без ПК?

— Я знаю, — отозвался профессор. — Помнишь центры обработки и управления? Раз они притащили все сюда, то про такое не могли забыть. Значит, ищем! Там и будут ответы!

Курт быстро зашагал по коридору, его лицо было хмурым, как октябрьское небо, а в глазах мелькали недобрые искры. Ричард едва поспевал за ним.

Примерно полчаса миновали в бесплодных блужданиях по коридорам. Все, чего они нашли — это кое-какая полезная мелочь, вроде морского бинокля, который Курт сразу же сунул Лайонхарту в рюкзак. Интересно, откуда тут взялся бинокль или сюда просто собрало барахло откуда попало? Однако затем... Отворив какую-то дверь, профессор и аспирант очутились в просторном зале, на удивление чистом и аккуратном. Приветствуя вошедших, под потолком зажглись плафоны — ни одного неисправного! Слева и справа тянулись ровные ряды металлических шкафов, опутанных толстыми кабелями — модули хранения и обработки данных. Оборудование издавало ровный гул, мерно шумели вентиляторы охлаждения. В центре зала, образуя полукруг около небольшого возвышения, располагался дугообразный пульт с множеством индикаторов, кнопок и переключателей. Чуть выше распустилось подобие гигантского цветка, если бы тот нарисовал кто-то вроде Малевича — целый иконостас мониторов. Каждый из них изображал черный квадрат, но едва люди приблизились, мониторы вспыхнули, показывая графики, диаграммы, таблицы...

— Центр управления проектом «Орбитрон-7» в Хьюстоне, Техас, — выдохнул Химмелькнакер, усаживаясь перед одним из пультов. Кресло он бесцеремонно отпихнул и скрестил ноги по-турецки прямо на полу. — Ну или его точная копия. Интересно, есть ли тут информация о происходящем?

Его массивные, каждый — с черенок лопаты — пальцы с невероятной быстротой и легкостью выписывали в воздухе нужные пассы, раздавая команды. Одна за другой на

мониторах менялись схемы и диаграммы, а на лице профессора сменялся калейдоскоп эмоций. Сначала он изумленно выпучился, потом недоверчиво нахмурил брови, затем напряженно поджал губы, и, наконец победно ухмыльнулся. Одна картинка на экране осталась надолго. На ней был изображен расчерченный сеткой шар, вокруг которого вращалось небольшое кольцо. Сфера походила на сердцевину ромашки, от которой во все стороны расходились лепестки разной длины и формы. Да и сам шар через несколько секунд начал меняться. Из него полезли некие выступы, зазубрины, шипы. Они переплетались, бесконечно меняли форму, поэтому бывшая сфера стала похожей на друзу горного хрусталя.

Курт оторвался от монитора и пристально поглядел на аспиранта. Его лицо сияло, как у ребенка, который только что получил в подарок долгожданную игрушку.

— *Naec est magna victoria, iuvenis!* [«это великая победа, юноша» — лат.] Результаты эксперимента превзошли все ожидания, — воскликнул он, а потом вскочил на ноги и принялся расхаживать по залу. — В данных еще нужно долго разбираться, но примерный смысл я понимаю. Соударение разогнанных частиц вызвало развертывание суперструн, причем этот процесс сперва начался на самом ускорителе, а потом его эпицентр сместился в сторону наибольшей массы. То есть, в центр Земли. Вы же знаете теорию? Существует множество измерений, но обычно все они свернуты до планковских размеров, а активны только три. Так вот, часть этих свернутых изменений начала развертываться! Это вызвало масштабные искажения в структуре пространства-времени, а значит, и сложные преобразования материи. Кстати ускоритель работает до сих пор.

У Ричарда похолодело в груди, на спине выступил холодный пот. Он почесал в затылке, переваривая услышанное.

— Эм-м-м... Какая же это победа? Больше похоже на мировую катастрофу!

— А, не думаю, что все так плохо, — небрежно отмахнулся Химмелькнакер. — Подробностей не хватает, но надеюсь, разрушения не очень велики. Со временем эти искажения улягутся. Главное, что мы доказали существование суперструн. Теперь мы получили нужные данные и можем завершить теорию всего. Это невероятный прорыв для всего человечества и Нобелевская премия для нашего коллектива!

Насвистывая веселый мотивчик, Курт выписывал круги по залу, и от его тяжелых шагов массивные шкафы с электрооборудованием слегка вздрагивали. Наверно, он уже обдумывал тексты монографии и пары десятков статей, а может, представлял себя за трибуной, в компании шведского короля. О прочем он забыл, как о соринках, попавших в большую кадку с медом.

А вот Лайонхарт не разделял восторга профессора. И дело тут было не в том, что он никогда не был слишком увлечен наукой. В голове прокручивались слова Курта:

«И, похоже, такое происходит по всему миру. Я видел надписи в разных местах. Они на английском, русском, немецком, китайском, еще на куче языков».

Что-то быстро он забыл обо всем этом! Эпицентр искажения пространства находился в ядре планеты? Выходит, вся Земля сейчас превращалась неизвестно во что, а эта адская машинерия еще и продолжала работать? Постойте, а кто им руководит и кто построил это здание?! Вот о чем надо думать, а не о премиях. Ведь может, их некому стало вручать!

Вдруг Ричард краем глаза уловил некое движение. Оглянувшись, он прилип взглядом к одному из мониторов на периферии: одному из тех, которые показывали происходящее внутри здания и вокруг него. Пару секунд Дик не понимал, что там происходит, а потом его глаза полезли из орбит, а щеки стали белыми, как полотно.

— Профессор! — в ужасе завопил он. — Не время мечтать! Вы только гляньте на это!

Химмелькнакер перевел взгляд на монитор, куда указывал аспирант трясущимся пальцем. На экране развернулось плато перед входом в комплекс. То самое — пустынное и выложенное кафелем. Вернее, оно было пустынным, когда по нему прошли аспирант с профессором, но теперь... На первый взгляд казалось, что там колыхалось серое море, волнами набегая на стены здания. Но, приглядевшись, Курт и сам вздрогнул.

То было гигантское скопище разнообразных существ. Больших и маленьких, юрких и неповоротливых. Каждое из них будто вырвалось из некоей лаборатории, где неведомый вивисектор наудачу склеивал новых тварей из кусков уже существовавших. Слоны, у которых рот не закрывался из-за клыков, достойных саблезубого тигра, еще и с ветвистыми рогами на голове. Кстати, а что это у слонов вместо ног? Похоже на подушку из лиан, но нет! Из нижней части туловища росли пучки толстых щупалец, которые и служили для передвижения. Рядом бегали многоголовые собаки, у которых вместо хвостов извивались змеи. Зацепила взгляд каракатица, шустро перебиравшая крабьими ножками, причем и устрашающего вида клешни были на месте. Скорпионы размером с дом, которые нетерпеливо помахивали конскими головами. То ли черепаха, то ли дикобраз с широкой пастью. Причем этих уродцев хотя бы можно было описать, сравнивая их со всем знакомыми представителями фауны. Однако нашлось тут немало такой нечисти, которая вообще мало на что походила, а скорее казалась грудями мяса, которые украшали когти, шипы и множество глаз.

Твари передвигались не только по земле, они тучами заслонили небо, и мириады крыльев создавали угрожающий шум. Все эти монстры со всех сторон стекалась, слеталась, сползались к «Орбитрону-7», облепили его стены и бессчетное число усиков, лапок, щупалец шарили по ним в поисках щелей и дыр. Однако таковых не находилось: неведомые строители точно подогнали все плиты друг к другу, так что в щели между ними не вышло бы просунуть и листка фольги. Окна отсутствовали, а единственные ворота, через которые вошли профессор и аспирант, закрывала бронированная плита — наверно, она опустилась при появлении тварей. Выходит, система безопасности работала и приняла меры при появлении угрозы? Но кто этим управлял? Во всем комплексе не нашлось ни единой души!

Похоже, не сыскав входа, чудища пришли в ярость. Сталь и бетон заскребли когти, стены принялись грызть тысячи зубов, начали ковырять рога, таранить прочные лбы и лягать мощные ноги, а щупальца старались выковырять кирпичи и плиты. Не сказать, чтобы все усилия оказались бесплодны. Со стен сыпалась пыль и мелкие камешки, стонал гнущийся металл, кое-где пролегли трещины. Похоже, это был лишь вопрос времени — когда твари прорвутся внутрь. И что тогда будет? В реве, шипении, рычании никто бы не разобрал слов, но ясно, что существами двигала всепоглощающая ярость и они готовы были сровнять комплекс с землей.

Тяжелая рука Курта легла на плечо оцепеневшего аспиранта. Внимательно посмотрев Лайонхарту в глаза, профессор начал:

— Надо было спросить об этом раньше, но как-то нужды не было. У тебя нейрочип работает? Сколько на нем свободного места?

— Работает как обычно и около терабайта наберется, — Ричард быстро заморгал. — Мне приходится хранить там много книг и прочих материалов. А в чем дело?

— Вот и отлично, скопируйте туда данные. Их нельзя потерять, если тут все разнесут. У меня с тех пор, как очнулся на острове, нейрочип не отвечает, возможно, чего-то там

замкнуло. Так что поищу какой внешний носитель.

С этими словами он вновь уселся за панель управления, и пошарив там да сям, нашел карту памяти. Пока информация копировалась, Курт указал Лайонхарту на небольшой прямоугольник возле терминала, на котором был нарисован крупный отпечаток пальца. С помощью этой штуки можно было соединить свой нейрочип с компьютером. Коснувшись указательным пальцем отпечатка, Ричард закрыл глаза. Перед ними вспыхнуло изображение песочных часов, затем появилась пиктограмма — узкий треугольник, повернутый острым углом вниз. Его венчали два маленьких выступа, а в верхней трети были вписаны два кружка. В обе стороны от острия треугольника расходились пучки линий. Картинка, вписанная в пару концентрических кругов, была довольно забавной, напоминая стилизованную лисью мордочку. Казалось, она приветливо улыбнулась.

— Добрый вечер, мистер Лайонхарт, — прозвучало прямо в мозгу приятное сопрано. — Доступ разрешен. Ваши команды?

— Отлично, все работает, — одобрительно сказал профессор, похлопав аспиранта по плечу.

Это прикосновение должно было стать легким, но Дик аж подпрыгнул. Ему показалось, что на спину опустился копер той машины, которая забивает сваи.

— Когда наши программисты сочиняли ИИ для комплекса, я предложил назвать ее Хайланд. Так у нас в Германии зовется Спаситель, в смысле — Иисус. Пожалуй, я угадал, и она действительно нас спасет. А знаете, почему она на лису похожа? Это тоже я предложил. Хотел, чтобы программа была такой же хитрой и удачливой, как лис Рейнеке: помогла бы нам совершить невозможное и обдурить самого бога. Или стать богом. Хех, я угадал, но забыл про коварный нрав рыжего пройдохи...

Химмелькнакер нервно хихикнул. Своей небрежной болтовней он, наверное, хотел разрядить обстановку, но напряженные интонации в голосе его выдавали. Видно у него имелись и другие чувства, помимо иронии.

Похоже, искусственный интеллект, управлявший всеми частями комплекса — как наземными, так и орбитальными — чудом уцелел и признал Ричарда. Стоило бы расспросить Хайланд, что тут произошло со времени катастрофы, да как обстоят дела в мире, но времени на это не было. Крики тварей проникали уже сюда, в зал и с потолка со стуком упало несколько камней. Потому Лайонхарт скомандовал:

— Все данные по эксперименту вместе с их обработкой записать в память нейрочипа. Еще в отдельную папку...

— Указанная информация займет все доступное место на диске. К сожалению, больше ничего записать не удастся, — предупредила лиса.

— Ладно, пусть будут только данные и расчеты, — досадливо цокнув языком, решил Дик. — Черт с ним, с остальным. Что случилось, то случилось, надо жить дальше. Кстати, тут есть запасной выход? Надо бы как-то избавиться от тварей и свалить отсюда!

— Будет исполнено!

Зашумело в ушах, неприятное чувство электрического разряда пробежало по руке, а в мозг будто вонзились тысячи мелких иголок. Подступила тошнота, голова пошла кругом, и Ричард едва не сполз с сиденья на пол, но палец держал на терминале. Это ничего, побочный эффект сверхбыстрой передачи информации: нервная система, которая служит проводником, не выдерживает таких нагрузок. Потому подобного не рекомендуют, но выбирать не приходилось.

— Так, вы там скоро? — Химмелькнакер подергал его за рукав. — А то твари скоро прорываться могут! Среди них красоток нет, потому знакомиться с ними поближе я не хочу!

— Ох, еще минут пять или десять, быстрее не выйдет. И так башка раскалывается, — простонал Лайонхарт, с силой растирая свободной рукой виски. — Убрал бы кто всю эту нечисть!

Вдруг на всех мониторах, кроме тех, которые показывали изображение с камер наблюдения, возникло изображение лисьей мордочки. Теперь она ощерила острые клыки, и казалось, что их хозяйка недобро ухмылялась.

Кое-что изменилось у ворот комплекса. Будто небеса решили пойти навстречу желанием агрессивных тварей, и в стенах открылось сразу множество круглых отверстий. Монстры, почуяв неладное, отступили и настороженно притихли. Что-то зашевелилось в этих дырах, и через несколько мгновений оттуда полезли некие существа. Они напоминали помесь человека и членистоногих — сколопендр, раков, скорпионов, пауков. Подкрепление орде тварей?! Нет, эти существа имели явно искусственное происхождение. Их тела покрывали гладкие пластины металла или пластика, на которых виднелись заклепки, а на сочленениях угадывались шарниры, трубки и штанги гидроприводов. Шустро перебирая членистыми ножками, эти то ли роботы, то ли киборги устремились на застывших в нерешительности тварей.

И началось страшное! Едва добравшись до первых рядов нечисти, роботы вытянули передние конечности, похожие на ловчие лезвия богомол, защелкали клешнями, подняли скорпионьи хвосты. Засверкали в последних лучах заходящего солнца острые клинки... и начали стремительно покрываться кровью, слизью, другими жидкостями. Роботы стали теснить орду монстров, с невероятной быстротой перемалывая ее в фарш. Во все стороны летели куски плоти, отрубленные щупальца, головы, руки и ноги. Меньше чем за минуту роботы освободили вокруг комплекса пространство диаметром ярдов сто.

Впрочем, твари быстро опомнились и со всех сторон ринулись на неожиданного противника. Они нападали, кусали, бодались, грызли. Их когти и клыки легко крошились, оставляя на броне роботов лишь царапины, но сдаваться чудища не собирались.

Один механический боец всего лишь взмахом клешни пускал на гуляш с десятков тварей, но им на смену тут же приходило вдвое больше. Неполной сотне роботов противостояли тысячи монстров, и вот уже кто-то из механических бойцов захромал, лишившись пары ног, другой рухнул на землю, а в его корпусе зияла огромная дыра. Из нее выпали, искря, провода, и, увидев замешательство раненого, на него сразу надели несколько монстров. Они оторвали несколько броневых пластин, и стало видно, что под ними скрывается живая плоть. Да, позвоночник робота блестел металлом, а ребра, похоже, были сделаны из пластика, но их обтягивало ярко-красное мясо, между тяжей которого напряженно пульсировали кровеносные сосуды.

Вот какое-то чудище, выглядевшее как вставшая на рачьи ноги щука, вырвало из тела биомеханического воина огромный кусок живой плоти. Робот, зашатавшись, упал, и вскоре рядом рухнули несколько его товарищей. Однако остальные не сдавались, и битва, словно штормовое море, с ревом и рыком волнами перекатывалась по плато, фонтанами кровавых брызг разбиваясь о стены комплекса.

— Кто бы ни были эти парни в доспехах, но они пока заняли толпу красавцев, — заметил Химмелькнакер. Он, как всегда, пытался иронизировать, но в его голосе явно звучали истерические нотки. — Раз так, нам пора отчаливать. Вставь себе вот это, — он

сунул Ричарду карту памяти, — и открой аварийный выход. Как уберемся подалее, все на карточку перепишешь.

Лайонхарт взглянул на профессора полными муки глазами и взял карточку. С первой попытки всунуть ее в разъем на затылке не вышло, так как руки сильно дрожали. После выгрузки большого объема данных прямо в мозг аспирант чувствовал себя так, будто его как следует прокрутили на центрифуге. Голова кружилась, сердце будто бы мозолистая лапа сжимала, а желудок упорно ввинчивался в пищевод и норовил вывалиться через рот наружу.

— Ох, я не могу... — слабо проговорил Дик, и сделал такое движение, словно в полусне отгонял назойливую муху.

Курт нагнулся над пультом и нетерпеливо потыкал по виртуальной клавиатуре. Ничего не произошло. Тогда он принялся, точно тигр по клетке, метаться по залу, осматривая потолок, стены, пол, дергая за каждый выступ или ручку. Заветной дверцы никак не находилось. Наконец профессор замер, подняв сжатые кулаки.

— *O pietat et misericordia inexpressibilis!* [«мерзкие и проклятые железяки» — лат.] Они издеваются над нами! Вон, гляди, твари уже прорываются!

Все плато было измазано кашей из ошметков тел, раздавленных внутренностей и телесных соков, но орда монстров неуклонно приближалась к воротам комплекса. Половина роботов была уничтожена, а тех, кто уцелел, оттеснили от товарищей. При взгляде на каждого из них вспоминалась дохлая гусеница на лесной дорожке, которую со всех сторон облепили жадные муравьи. А кое-кто из тварей, больше никем не сдерживаемый, уже лез в те отверстия, из которых появились роботы.

Видя это, Химмелькнакер с досадой врезал кулаком по ближайшему шкафу. Его корпус смялся, посыпались искры. Но Курт не успокоился: он наподдал поврежденному агрегату ногой, и тот тяжело завалился на бок, вывернув из пола немаленький кусок бетона.

— Профессор, что вы делаете? — запротестовал Лайонхарт. Дик хотел было вскочить, но все его тело пронзили молнии боли, и он тяжело сполз обратно в кресло. — Там напряжение триста шестьдесят вольт! А если эта штука взорвется?

— *Ad infernum cum ea, suus ' omnes eadem evanescet* [«черт с ним, все равно пропадать» — лат.], — проворчал Курт, еще раз пнув дымящиеся обломки шкафа.

Под потолком замигала красным лампочка, и двери в зал резко распахнулись. Ричард в ужасе развернулся, ожидая увидеть орду кровожадных тварей, но узрел нечто иное. Высоченного детину, почти касавшегося макушкой притолоки — то есть, ростом не меньше двенадцати футов! Он выглядел, как самурай в полных доспехах: могучий, широкоплечий, сплошь обвешанный металлическими пластинами и с рогатым шлемом на голове. Лицо закрывала маска в виде рожи демона-тэнгу, из всех сочленений доспехов торчали в стороны острые шипы. Единственное, оружия ему не хватало, но огромные, с пивной бочонок кулаки и так не предвещали ничего хорошего. Сверкая через прорези маски алыми глазищами-фарами, «самурай» направился к Химмелькнакеру, и от его шагов вздрагивало оборудование.

Лайонхарт вывалился из кресла и испуганно уполз под контрольную панель, но профессор — совсем как в ту встречу с тварью в руинах — принял нечто вроде боевой стойки. Впрочем, смотрелся он в ней скорее комично. Похоже правду говорили, что Курт любит китайские боевики, но вряд ли реально тренировался. Оставалось надеяться на его внушительные мускулы.

«Господи, откуда лезет такая дрянь? — с тревогой подумал Ричард. — А еще морда этой твари выглядит знакомой. Может, у монстра из фильма ужасов похожая была? Не знаю,

но это точно был кто-то жуткий».

Но и Химмелькнакер вряд ли чувствовал себя уверенно: побледнев, он начал пятиться, но через какое-то время уперся спиной в стену. А самурай был уже перед ним, нависнув над Куртом: в это было трудно поверить, но это существо оказалось ростом даже выше, чем гигант-профессор. Из глаз самурая выметнулись лучи, похожие на лазерные целеуказатели и принялись шарить по телу противника.

— Эй, может не будем ссориться? — неуверенно выдавил Химмелькнакер. — Снаружи монстры, давай просто вместе уберемся отсюда?

Однако самурай предложения не оценил. Внезапно его правое предплечье заструилось, потекло и превратилось в... зазубренное лезвие! Сверкнув в свете плафонов, оно серебристой молнией ударило Курта в грудь. Профессор едва смог, поднырнув под клинок, уклониться, и тот оставил на стене немаленькую выбоину. А самурай снова замахнулся, и теперь уже двумя руками — вторая тоже обратилась клинком. Химмелькнакер метнулся в одну сторону, в другую, а потом, уличив момент, засветил врагу кулаком в висок. Тот отшатнулся, но не похоже было, чтобы ему это повредило. Тогда профессор изо всех сил пнул самурая в грудь. Удар был столь силен, что супостат отлетел на один из шкафов, смяв его. Раздался электрический треск и из шкафа посыпались искры и выбились струйки дыма, но самурай как ни в чем не бывало уже поднимался на ноги. Секунда — и он разъяренным леопардом набросился на Курта. Молниями сверкали клинки, профессору приходилось прыгать из стороны в сторону, нагибаться, подныривать, словно боксеру на ринге. Не будь у его обновленного тела невероятной силы и ловкости — ему бы точно несдобровать, но все равно плечи и грудь Химмелькнакера расчертили глубокие порезы. Самурай же, хоть и получил несколько мощных ударов, прочно стоял на ногах. Единственное, он стал осторожнее, двигаясь маленькими шагами и внимательно следя за противником.

«Черт, это плохо! Этот гад убьет профессора. Я должен помочь, но как?» — дрожа, как осиновый лист, лихорадочно размышлял Лайонхарт.

В следующий миг он вздрогнул, когда самурай ловким взмахом лезвия срезал Химмелькнакеру с руки длинную полоску кожи. Что-то звякнуло на груди аспиранта, и, глянув вниз, Ричард с удивлением увидел болтавшийся на ней автомат. Проклятье, со всей этой кутерьмой он совсем забыл про оружие! Ну, ничего, сейчас он... Злорадно ухмыляясь, Лайонхарт поймал врага на мушку и надавил на спуск. Ничего не произошло! Почему? Аспирант покрутил штурмовую винтовку так и сяк, потом недоуменно заглянул в дуло. Как там это в кино делалось?

Ах, наверно он забыл снять оружие с предохранителя. Обливаясь потом, он нашел какой-то рычажок и сдвинул его. Тем временем Химмелькнакер мощным ударом сбил врага с ног, но тот опять поднимался. Броневалята на его груди смялась, но не похоже, чтобы это ему мешало. Снова прицелившись, Дик нажал на спуск и... снова ничего! Да что такое, черт возьми?! Думай, думай, что не так?

Прыгнув к профессору, самурай пырнул его. Курт метнулся в сторону, но слишком медленно, и клинок вспорол ему бок. Заревев от ярости и боли, Химмелькнакер низко пригнулся и прынул на врага. Он обхватил ноги самурая, повалив его на пол. Руки-мечи оказались придавлены коленями профессора, и тот принялся молотить врага кулаками.

Припомнив кое-что, Ричард оттянул затвор и в прорези показался патрон. Ага, теперь должно быть все в порядке! Но как стрелять, противники сцепились в плотный клубок? Будто по заказу самурая вывернулся из-под Химмелькнакера, и, устроившись на нем верхом,

занес для удара оба клинка. Крепко зажмурившись, Лайонхарт надавил на спуск. Оружие загрохотало, запрыгало, пули с визгом рикошетили от потолка и шкафов, но в самурая попали только две, да и то по касательной. А одна свистнула прямо у носа Курта.

— Идиот! — заревел он. — Ты меня убить хочешь?

Мелко вздрагивая, Ричард вжался в пол и закрыл голову руками. Ему казалось, что все его внутренности сжались в тугие комочки и покрылись инеем, а потому сил еще раз надавить на спуск не осталось в принципе. Тем временем Курт вывернулся из-под врага и с силой лягнул его в нос. Самурай отлетел, прочертив своими шипами длинные борозды на полу. Рядом исходил жирным дымом недавно поврежденный шкаф, наружу выбивались колючие искры.

Напряженно глянув по сторонам, Химмелькнакер заметил в углу металлическую бочку. Сорвав с нее крышку, он довольно ухмыльнулся. Враг уже поднимался на ноги, но тут профессор обоими руками метнул в него бочку. Самурая оттолкнуло к шкафу, и наружу из-под его корпуса выметнулись язычки пламени. Взмахнув клинком, самурай рассек бочку пополам с такой легкостью, будто она была сделана из фольги, и тут его окатило с ног до головы какой-то жидкостью. Она мгновенно вспыхнула оранжевым пламенем, а затем шкаф взорвался. Во все стороны от его обломков метнулись молнии, и в нос ударило вонью горелой изоляции. Голубыми змеями молнии обвили тело самурая, и оно затряслось в конвульсиях. Спустя пару минут враг наконец затих.

— Фу-у-ух, вроде отбился, — тяжело выдохнул Химмелькнакер, опускаясь на пол. — Какой заводной был ублюдок!

Лайонхарт с трудом поднялся на трясущихся ногах и заковылял к Курту.

— Профессор, вы не ранены?

Обернувшись к аспиранту, Химмелькнакер показал ему оттопыренный большой палец, хотя его туловище выглядело так, будто его ободрал медведь. Увы, он рано радовался. Краем глаза Ричард заметил за спиной руководителя какое-то движение. Приглядевшись, он оцепенел: самурай, приподнявшись на коленях, вытянул руку. Лезвие на ней быстро удлинялось, превращаясь в копьё. Широкий замах и...

— Профессор, берегитесь!

Курт вскинулся, но было поздно. Вытянувшееся на десяток ярдов копьё пронзило его тело ниже лопатки, выскочив на левой стороне груди. Захрипев, Химмелькнакер ухватился за торчавший из его тела кусок металла и медленно осел на пол. Его глаза закатились, изо рта пошла кровавая пена.

Тем временем самурай встал на ноги, и, пошатываясь, направился к профессору. Его лезвия сократились до прежней длины, и Курт тяжело плюхнулся на пол. Нависнув над Химмелькнакером, враг занес оружие для последнего удара.

— Стой, не тронь его! — в отчаянии завопил Ричард.

Бесполезно! Сталь сверкнула, размазываясь длинной полосой, и голова Химмелькнакера запрыгала по полу. Тело профессора забилося в конвульсиях, рядом с ним стремительно разливался целый пруд из крови. Равнодушно перешагнув через него, самурай направился к Лайонхарту. Жуткие лезвия на его руках превратились обратно в человеческие кисти, но было ясно, что даже ими открутить голову столь же просто, как пробку с бутылки кока-колы. Аспирант, тихо подвывая, ползком пересек зал и забился под какой-то стол в дальнем его конце. Но разве там спрячешься от этого чудовища? И вот самурай уже стоял над ним, внимательно осматривая новую жертву. Ричард физически ощущал, как шарят по его

телу два лазера, казалось, проникая в каждую клетку.

«Стрелять? — мелькнуло в голове аспиранта. — Но он меня тут же пришибет!» — впрочем, руки тряслись так, что он и соломинки бы ими не удержал.

Самурай присел на корточки и заглянул в глаза Лайонхарту. Эти две алые лампочки легко было принять за колодцы прямиком в ад. Сердце аспиранта заколотилось так, что того гляди, проломит грудную клетку. Очертания зала покачивались, расплывались: может, то слезы потекли? По бедру тоже заструилось что-то горячее.

— Пощади... — проблеял Ричард, когда к нему протянулись металлические лапы.

Каждая фаланга, гладкая и толстая, как поручень в автобусе, зловеще поблескивала. Казалось, эти пальцы сейчас вопьются в трепетную плоть, разрывая ее на мелкие волокна. Но... вместо этого стальные руки легко подхватили Лайонхарта, прижав к бронированной груди, как величайшее сокровище. Самурай выпрямился и зашагал к центру зала, неся Ричарда — мягко, осторожно. Откуда-то издали доносился рев, свист, топот многих ног, перемежаемый скрежетом и еще одним звуком, похожим на тот, с каким разрывается мякоть нежного плода вроде хурмы или персика. Не обращая на это внимания, самурай нажал какие-то неприметные кнопки на стене, и в полу открылась квадратная дыра. Ее озарило тусклое освещение, и стала видна уходящая вниз лестница. Удерживая аспиранта столь же осторожно, как мать — грудное дитя, самурай начал спускаться по ней.

В тот же миг двери в зал разлетелись вдребезги, и внутрь серым цунами ворвалась орда чудищ. Но прежде, чем они успели что-то предпринять, крышка потайного выхода бесшумно захлопнулась, не оставив в полу даже тончайших щелей.

Стальные когти страха, пережимавшие горло Лайонхарта, постепенно разжались, и это было сродни тому, как когда открываются запоры на шлюзе. Волна противоречивых эмоций захлестнула душу аспиранта. Потрясение от гибели профессора и облегчение оттого, что сам пока еще жив. Гнев на самурая и тут же — иррациональное чувство благодарности ему. На механических ладонях приятно укачивало, но взгляд натыкался на кровь, которой была измазана броневая плита на груди нежданного спасителя, а в нос настойчиво лез запах сырого мяса и горелого пластика. Дик зажмурился, но тут же перед ним закрутился водоворот событий этого дня, и к горлу подступила тошнота, крупная дрожь сотрясла его тело. Лайонхарта замутило, и он понял, что сознание, не способное более выносить происходящего, неумолимо погружалось в вязкую тьму. Сзади раздался приглушенный грохот, похожий на звук обвала. Но не померещился ли он?

Но перед тем как провалиться в забытье, он понял, кого ему напоминала жутковатая маска самурая. Она была карикатурной копией лица одного из охранников из лаборатории в Беркли. Та же квадратная челюсть, те же суровые складки возле рта и массивный, чем-то напоминавший лезвие томагавка нос. Этот верзила не раз цеплялся к Ричарду, но потом аспирант всегда признавал, что его придирки были оправданы. Однажды он даже спас Дику жизнь, запретив проход в один из боксов, через который в тот момент шел мощный поток нейтронов.

Файл 4. 15 ноября 3086 года. Дебри посреди заброшенного сектора

Лифт вынес Кугеля в полуразрушенную будку. Получив ощутимый толчок под зад, робот-шар закатился напрямиком в проржавевший стеллаж в углу. От не сильного, в принципе, удара ветхая конструкция с треском обвалилась, похоронив Кугеля под горой коробок и прочего хлама.

— Кха-кха! Убить меня хотите, да? — раскашлялся робот-шар, выбираясь из груды обломков.

Чертова пыль каким-то образом ухитрилась глушить все сенсоры, и, что еще хуже, вызывала головокружение. Словом, потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя. Кугель потратил его на проверку различных систем. Удивительно, но все было в порядке, даже вмятины и прожженные лучами врагов дыры на боках исчезли. Корпус блестел свежим лаком, батареи и те были заряжены до максимума. Чудеса! Сам он восстановиться не мог, кто же тот доброхот, что его отремонтировал? На лифте он очутился в состоянии, едва ли лучшем, чем непонятные агрегаты, валявшиеся на свалке у родного поселка, а сойдя с него стал как новенький? Поиск по логам событий ничего не дал: записи со всех сенсоров показывали только снег и туман.

Похоже, кому-то было сильно нужно, чтобы он успешно продолжал путь... Робот-шар нервно огляделся, останавливая взгляд на темных углах, но ничего не обнаружил. И все же чувство незримого присутствия кого-то могучего изрядно нервировала. Чтобы отвлечься и попытаться разгадать эту загадку, он принялся в подробностях вспоминать подъем.

Плита несла его по сложной паутине шахт и коридоров, вылетала на открытое пространство, демонстрируя захватывающие дух панорамы. Циклопические сооружения, опоясанные дорогами и мостами, которые все вместе изгибались, заручивались в бесконечные спирали, а порой складывались в нечто вроде исполинских цветов. Нагромождения причудливых механизмов, то мертвых и изъеденных ржавчиной, то издающих мерный гул и пышущих жаром. Целые поля массивных кабелей, идущих неведомо куда и бесконечно ветвящихся. А иногда — целые сектора заброшенных руин, которые тянулись на многие километры.

Сколько длился этот путь? Никто бы не сказал, ведь датчик времени засбоил вместе с остальными детекторами, но точно долго — может быть, часы, а то и целые годы. Или это субъективное ощущение времени играло с мозгом Кугеля? Приходилось ориентироваться на дату внутреннего календаря.

Так или иначе, даже электронный разум устал от быстро сменяющейся круговерти и робота-шара сморил тяжелый сон. Последнее, что он помнил — гигантскую стену, выгнувшуюся куполом через все небо и бесконечный тоннель в ней, который неведомая сила высверливала, кажется, прямо перед его носом. Ах, еще: во сне мерещилось, будто в рот забралась стая термитов. Насекомые, разбежавшись по самым дальним углам тела, яростно грызли металл и пластик. Были ли это какие-нибудь наномашины, вдруг решившие починить тело скитальца? Но кто их направлял?

И вот он лежал среди груд мусора здесь, в этой пыльной камерке, утонувшей в болоте мертвой тишины. Кстати, а где эта плита, которая вынесла его сюда? Странно, пыль вокруг расстилалась ровным слоем, точно ватная перина. Кое-где, правда, в этом одеяле виднелись

извилины, а в сторону протянулась широкая полоса похожая на маленький овраг. Но то явно были следы самого Кугеля. Ясно, что до его появления пыль тут безмятежно копилась десятилетиями. Вряд ли какой-нибудь участок стены или пола можно было отодвинуть и поставить на место так, чтобы этого не было заметно! Однако пыль осталась почти нетронутой.

Это что же получалось, Кугелю все приснилось: и лифт, и даже бой со жнецами? Просто он, взбираясь по колодцу, устал и забрел в какую-то нору, да там и прикорнул. Потому ли он выглядел, как новенький, что с ним ничего не случилось, а драка и даже те насекомые, проникшие в тело — лишь кошмар?

«Эх, все микросхемы сожжешь, ломая голову над этой хренью... — вздохнул робот-шар. — Выберусь-ка лучше на свежий воздух!»

Так он и сделал, но, едва покинув захлавленную каморку, замер с разинутым ртом: тут не только муха, а динозавр смог бы залететь. Кугель стоял на широком проспекте, больше похожем на каньон, стиснутый гигантскими, как горы, небоскребами. Пожалуй, когда-то это место смотрелось величественно, поражая воображение мощью человечества. Однако те времена давно утонули в водах Леты. Легко было вообразить, что какое-нибудь божество, разгневанное людской гордыней, обрушило на этот мегаполис карающий меч. Разило наотмашь пики небоскребов, ломало, сжав могучей пятерней, мостовую, давила, словно жуков, машины, перешибало опоры виадуков. В итоге это царство порядка затопило море хаоса: некоторые островки еще выглядывали поверх его бушующих волн, но в целом, кругом были лишь груды обломков. Нестерпимой жутью веяло от этих давно заброшенных руин, и казалось — сейчас из любого темного угла бесшумно выпорхнет орда призраков.

— Ого, если я спал, то до сих пор не проснулся, — уныло пробормотал Кугель. Сказано это было тихо, но голос робота-шара, испуганно заметавшийся среди исполинских зданий, показался громом. — И куда мне теперь?

Взгляд Кугеля заскользил вдоль проспекта, прыгая и виляя, взбирался вверх, безумными извилами возносился к свинцовому пологу туч. Возникло странное ощущение: кто-то взял купол небес, и, погнув его случайным образом, тщательно обернул им каждый выступ земли. Тянувшийся от горизонта до горизонта городской пейзаж был связан в тугой узел с облаками, закручивался винтом, уходя дальше и дальше, в бесконечность. Как эта система вообще сохраняла устойчивость?! Вероятно, ее удерживали не то тяжи, не то колонны, которые нитями паутины пронизали все окружающее пространство. В общем, если посмотреть вверх, то увидишь там такую же улицу, и она же, отделенная от тебя полосами воздуха, окажется и справа, и слева.

Оставив попытки разобраться в сторонах света, Кугель просто покатился вперед. В самом деле, как бы загадочные силы не изломали пространство, надежную дорогу удалось найти лишь одну — вдоль главного проспекта. Должна ведь она была куда-то привести? Если так, то достаточно просто не стоять на месте. И вот робот-шар двигался, огибая трещины в асфальте, перепрыгивая через ржавые остовы машин, взбираясь на завалы. Главное — выдерживать направление, не заплутать в однообразном хаосе развалин и не глядеть вверх, на это связанное в гордиев узел небо.

Спустя несколько часов эта стратегия начала давать плоды. За это время бледно-синеватый, как у ртутной лампы, свет, лившийся не понятно откуда, не становился ярче и не угасал — возможно, на этом ярусе вовсе не было никаких рассветов и закатов. Однако изменился воздух: изначально затхлый и неподвижный, будто насыщенное пылью и золой

желе, он сделался легче, свежее. Подул робкий ветерок, неся сырость и... аромат цветов? Но откуда они здесь, в этом царстве стали, пластика и бетона? Взгляд робота-шара, мазнув по сторонам, вдруг словно приклеился к небольшой куче обломков.

«Лилии? — изумился Кугель, подкатываясь ближе. — Откуда?»

Действительно, над щелью между выщербленных плит дерзко раскинулась розетка из глянцевого листьев, и легкий ветерок покачивал два воронковидных цветка. Очень крупные, размером с трубу граммофона, они смотрелись настолько же невероятно, как золотой слиток — среди коровьих лепешек на деревенской улице. Сладкий аромат дурманил, а целые озерца нектара, поблескивавшие на дне цветков, вызвали неудержимое желание выпить клейкую влагу до последней капли. Навалилась усталость, а вместе с ней особое, теплое чувство, которому сложно было придумать название. Возможно — томная нега, ожидание нежной ласки?

Движимый любопытством, Кугель приблизился к лилиям, склонился над ними, с силой засасывая аромат в прорези воздухозаборника. Вдруг розовый пятючок рыльца перечеркнула темная линия, мгновенно превратившись в темный овал. Пестик голодной коброй метнулся навстречу гостю. Блеснули острые клычки — они плотно усеяли эту только что открывшуюся пасть! Однако попытка ужалить Кугеля не удалась: зубы лишь бесполезно скребнули по полированному металлу.

— Ого! — вскрикнул, резко отшатнувшись, робот-шар. — Монстр!

Разочарованно покачав листьями, растение успокоилось, и все произошедшее сразу же показалось горячечным бредом — по крайней мере, до новой атаки.

— Господи, даже не решаюсь думать, что меня ждет дальше, — проворчал Кугель, покотившись своей дорогой.

Тем временем местность вокруг стала ощутимо меняться. Здания стали ниже и встречались реже, да и те уже совсем превратились в груды обломков. Царство сплошного уныния? Не совсем, ведь появилась жизнь: то среди камней торчал зеленый кустик, то из трещины пробивалась щетина сочной травы, то ржавый металл украсили звезды цветов. Растительность, поначалу робкая и незаметная, делалась все смелее, и вот уже эти островки слились в целые поляны. Затем появились деревья, и как-то незаметно город сменился лесом.

Говорят, на природе всегда дышится легко и настроение само собой улучшается. Впрочем, это смотря где. С каждым шагом заросли делались все гуще, и вот обратились непроходимой чащобой. Искривленные, сплошь увешанные прядями лишайников деревья казались толпой дряхлых, истерзанных болезнями нищих, которые, кое-как укутавшись в рубище, покачивались в странном танце. Или, может это были каторжники: иначе зачем их скрюченные руки опутали веревки лиан? Да, такое предположение больше походило на истину. Усеянный зазубренными шипами кустарник застил проход, скручиваясь спиралью, точно колючая проволока. Нити жесткой травы забирались в каждую щель на корпусе, мешая движению. Где-то в густых тенях притаились сторожевые псы: они скалились жуткими клыками из-под корней, рычали из трещин на коре, выли среди глянцевого листы. Нашлась и охрана: отовсюду тянулись, норовя ухватить, когтистые ветви-руки, а вон блеснуло нечто, очень похожее на винтовку.

Напитанный влагой, запутавшийся в сети из сучьев, ветер умер, и воздух обратился в густой кисель из гнилостных запахов. Плотная крыша древесных крон наглухо заслонила путь свету, так что в доступном людям диапазоне видимость была всего несколько метров.

Впрочем, из остальных частей спектра можно было извлечь не намного больше информации — снова мешали помехи или неопределенная круговерть красок.

«Черт, дорога вообще пропала, — Кугель с досадой сплюнул, вглядываясь в просветы между деревьев. — А в этих дебрях можно блуждать до скончания мира!»

На первый взгляд деревья сгрудились непроницаемой стеной, но все же среди них угадывались небольшие проходы. Похоже, надо было выбрать из нескольких тропинок. Куда пойти? Оставив попытки сориентироваться, робот-шар просто свернул налево. Обогнул массивную колонну, сплетенную из гибких лиан, но, где-то через сто метров дорогу ему загородила еще одна похожая. Почти похожая, ведь она имела небольшую, но скверную особенность: некоторые лианы оканчивались змеиными головами! Они шипели, широко разевая пасти, и с острых клыков обильно сочился яд. Кугель, конечно был роботом, но судьбу ему испытывать не хотелось, а потому он вернулся к развилке и отправился направо. Миновав еще одно переплетение лиан, покатился по ровной и твердой, вроде бы, тропе. Настроение улучшилось, и робот-шар уже вообразил, что нашел какую-нибудь заброшенную магистраль, как вдруг...

— Ах! — вскрикнул он, резко отпрыгивая назад.

Буквально перед носом робота-шара из земли пробился росток, больше похожий на острие гигантского копья. Устремившись ввысь, он выбросил листья и ветви, а сам ствол... Это невероятно, но изгибы и наросты коры слагались в очень достоверное изображение пумы, схватившейся в яростном бою с вепрем! Правда, это было еще не все: оба «зверя» опирались на кальмара, щупальца которого, обвив борющихся, переходили в ветви ростка. Что это? Игра воображения, каприз природы? Скорее всего. Однако если присмотреться, становилось заметно, что мышцы животных вспухли желваками, конечности чуть шевелились, а дыхание раздувало бока. Стоило приблизиться, как глаза обоих тварей раскрылись, устремив на незваного гостя злобный взгляд. Еще Кугелю показалось, что его звуковые сенсоры уловили приглушенное рычание. При этом странное дерево напрочь загородило проход, и продираться через эти заросли совсем не хотелось.

«Ладно, — с трудом сдерживаясь, чтоб не зарычать самому, решил робот-шар. — Добрый молодец прямо не ходит, но что делать?»

Наконец-то верное решение — дорога вперед? За небольшими кустиками обнаружилась широкая и на удивление ровная дорога, аккуратно вымощенная брусчаткой — ни травинки, ни вездесущего сора. Может, этим путем все еще пользовались, и Кугель выйдет к людям? По эмоциональным цепям разлилось приятное чувство, и пара сотен метров умчались назад на одном дыхании.

Громкий треск, раздавшийся откуда-то сверху, из плотного, как крыша, сплетения ветвей, заставил резко остановиться. Не зря! Возникло ощущение, что в следующий миг весь полог леса обрушится на Кугеля. Со стороны, наверно, это выглядело так, будто укатившийся на пол шарик пытались придавить метлой: плотный сноп ветвей накрыл большую площадь с электронным путешественником в центре. Робот-шар уворачивался, но сучья, отламываясь, мгновенно превращались во что-то опасное — крокодилов, собак, огромных крабов, а вернее, помесь всего этого.

— Пошли прочь, гады! — взревел Кугель, и, отрастив шипы, со свистом заложил несколько крутых виражей.

Раздался вой, полный боли и злобы, в стороны полетели ошметки плоти, обрубки клешней и рогов. Однако, врагов было слишком много и пришлось отступить. Юлой робот-

шар выкатился на уже знакомую полянку, куда он раз за разом возвращался. И тут небеса сотряс гром, а землю опалило дыхание суховея, принеся нестерпимую вонь. Казалось, все, что могло гнить в целом мире, каждый омерзительный запах, который только встречался в природе, был здесь. Наверно, будь Кугель живым человеком, тут же бы упал замертво. Шок от зловония его бы погубил.

— Фу-у-у, что на этот раз?! — морщась, прохрипел он. — Какой еще червь вылез из помойки?

— Я тебе дам, червь! — прогреготало откуда-то сверху. Легко было вообразить, что так с вершины Олимпа рявкнул оскорбленный бог.

Вместе с этими словами налетел еще один порыв бури, едва не вдавив стальной кругляш во влажную почву по самую макушку. Оглушенный, напуганный, почти раздавленный робот-шар едва набрался духу, чтобы поднять глаза, и... тут же остолбенел. Прямо над ним зияла провалом в преисподнюю огромная пещера, утыканная по краю острыми сталактитами высотой метра три. Ее своды образовались из плотно сплетшихся ветвей деревьев: вместе они формировали нечто вроде скалы. Эта структура имела вполне определенную форму, в которой явно угадывалось сходство с...

— Волчья голова? — испуганно пискнул Кугель, и будто в ответ ему на задней, приподнятой части этой «башки» вспыхнули два желтых круга. Теперь сходство с серым хищником заметил бы и человек с бедной фантазией.

Лес снова зашумел. Деревья ластились друг к другу, плотно скручиваясь ветвями, травы обвивали корявые стволы. Вся эта живая масса скрипела, пульсировала, выгибалась под невыносимыми углами. Эти метаморфозы коснулись не только растительного царства. Тут и там среди коричневых и зеленых плетей появлялась то нога, то рука, то уродливая голова, а когда просто вздувался пузырь мышц или еще чего-то влажного, пульсирующего. Бесконечные змеи кишок свесились с сучьев, сложная паутина нервов оплела широкие листья, сосуды погнали кровь в разрывах коры. Чудовищные когти заменяли этой чашобе корни, и по ним на взрытую почву стекали жир, слизь и еще какие-то гадко блестящие жидкости. Умопомрачительная трансформация завершилась, и теперь перед Кугелем стоял, недовольно помахивая хвостом, эдакий Фенрир, подпиривший загривком небеса. И да, лес — все эти невероятные сплетения растительных и животных элементов — стал его телом.

«О-о-о, меня сейчас стошнит...» — мысленно простонал робот-шар, закрывая глаза ладонями.

— Чего рожу закрываешь?! — пророкотал тот же громopodobный рык. — Какого черта тебе здесь надо, железяка?

— Эм-м, я иду наверх, по приглашению, — неуверенно пискнул Кугель. — Я слышал, что на вершине ждет награда. Вот и путешествую...

— Награда?! — в голосе адской волчары слышалась вся злоба этого мира. — Единственная награда за то, что вы, электронная сволочь, сделали с миром и живыми существами — это растереть вас в мелкую пыль!

— А что мы такого сделали? — искренне удивился робот-шар. — Меня просто дед с бабкой из мусора собрали, и дерусь я только с теми, кто первый лезет!

Запрокинув вверх колоссальную башку, волк завыл. Ему вторили лай, визг, рык, которые донеслись отовсюду, сливаясь в одну, оглушительную какофонию. Чудилось — то ревет целая вселенная. Откуда взялось столько шума? А, ну да, конечно. Из зарослей показались бесчисленные морды всевозможных тварей: рыб, птиц, зверей, рептилий, не поймешь еще кого.

— Ну, хорошо, я тебе объясню, раз ты настолько тупой, — наверно, это был угрожающий шепот. Но, учитывая, что клыки Фенрира очутились буквально в метре от слушателя, все равно звук походил на рев урагана. — Тебе не показалось, что этот мир выглядит странновато? Все эти нагромождения стали и бетона, закрученные винтом конструкции... Так было не всегда. Когда-то, лет тысячу назад, вокруг Солнца обращалась вполне симпатичная планета, населенная людьми и разной живностью. Конечно, живой мир немало натерпелся от двуногих, но это была ерунда.

Клыки монстра скрипнули настолько жутко, будто сама плоть мироздания разрывалась на куски.

— Мы и представить не могли того, что обрушилось на нас в один не очень прекрасный день. Земля развалилась на куски, горы обратились в пыль, моря куда-то утекли. Обломки планеты бурлили в мешанине материи, все это лезло во все стороны, будто убежавший из кастрюли суп. Чертовы машины сотворили нечто запретное! Но они не успокоились на этом. Принялись заново сшивать мир в нечто новое, как делают из лоскутов ткани плюшевых кукол. Тем временем другие железяки — мельче пыли по размеру — взялись за живых существ. Людям досталось поменьше — для них нашлось место в новом мире. Правда, их тоже доработали, но... прочих существ отделали по полной! Фактически, их обратили в бульон из биомассы, а потом из их ДНК стали шить что-то типа ковра.

— Ну, здесь ничего похожего на ковры нет, — вставил Кугель. Поняв, что убивать его прямо сейчас не будут, он немного осмелел.

— Верно, тот бульон остался где-то на верхних этажах Омнисферы — этого чудовищного сооружения, в которое машины перестроили нашу планету, — отозвался волк, и в его словах чувствовалась мрачноватая ирония. — Но кое-кто сумел удрать, скрыться в бесконечных коридорах и закоулках нижних этажей. Однако случившееся не прошло даром! Злая сила, разрушившая планету, отразилась и на живых существах. Постарались и наномашин. Животные и растения мутировали, их ДНК перемешалась. Впрочем, был и положительный эффект. Природа начала быстро эволюционировать, пока не образовала единое существо, наделенное коллективным разумом и богоподобными способностями, — волчий оскал стал похож на жуткую ухмылку. — И я как раз являюсь воплощением этого разума, средоточием всей злобы живой природы. Зови, если хочешь, меня Фенрир Вут. С первых же дней катастрофы мы бились с нашим мучителями. Не сказать, чтобы многого достигли, но все же... Некоторые сектора Омнисферы мы смогли захватить и разрушить, а потом попытались возродить тут нормальную природу. Увы, это нелегко, но наша месть неотвратима. Машины за все ответят!

Кугель глядел на эту тварь с сомнением. Что он нес, этот волчара? Ну да, странствуя, робот-шар видел главным образом руины и непонятные механизмы. Однако это все равно было лучше, чем этот лес! Чего Фенрир добивался? Хотел, чтобы такие дебри заполнили все кругом, в том числе, деревню Шаца и Хильфе? Нет уж, пускай все остается как есть. Надо было как-нибудь выбираться отсюда, из лап этого мыслящего леса с его бредом.

— Ага, ты мне не веришь, — с неожиданной усталостью в голосе сказал волк. — Ну ладно, гляди тогда!

Неожиданно в самом центре поля зрения Кугеля развернулось программное окно, где запустилось видео. В то же мгновение робот-шар разинул рот в изумлении. Он увидел бескрайний океан, который лизал сахарно-белый пляж, а над всем этим, громко крича, реяли чайки. Вдали лениво колыхались пальмы. Безмятежный рай...

А вот другая картинка: широкое поле травы, перемежаемое рошицами, и сиреневые призраки гор, витающие где-то далеко среди тумана. Это было не последнее изображение. Затем промелькнули заснеженные пики, где по каменистым осыпям взбирался пятнистый барс, неслышно подбираясь к стаду архаров. Выжженная зноем саванна, по которой брели тучи антилоп, спускались к водопою горделивые слоны, а под жидкими навесами акаций отдыхали львы. Буйные дебри тропического леса, где среди ветвей перепархивали живые драгоценности — разноцветные птицы.

Робот-шар себе подобного даже вообразить не мог. В базах данных, которые он загрузил с компьютера Хильфе, о таком говорилось лишь мельком. Потому увиденное казалось волшебной сказкой. Да, наверно волк просто морочил ему голову. И взгляд у Фенрира стал особенно нехорошим: так глядит судья на преступника, которому предъявили неопровержимые доказательства вины. Ну, черт знает, чего эта тварь себе навоображала, но Кугель точно знал: он сам — вполне хороший парень!

— Ты мне голову-то не морочь, клыкастый! — с вызовом бросил робот-шар. — Не думай, что я тупой совсем. Прежде, чем в путь отправляться, я хорошенько в Сверхсети пошарил. Все по истории мира изучил! Наш мир, — он сделал широкий жест рукой, — уже тысячу лет стоит, с тех пор разве что обрушилось чего. И нигде не сказано, что до этого было. Вроде, катастрофа случилась, а подробности неизвестны. В общем, это у тебя гипноз какой-то, не верю я тебе!

Глаза Фенрира, вернее, два провала на его гигантской, свитой из мириад ветвей морде вспыхнули алым, походя на два колодца в преисподнюю.

— Не веришь?! — от его рыка, казалось, содрогнулось все мироздание. — Ну, значит ты ничем не лучше прочих. Такой же прихвостень Императрицы, из тех, что помогали ей извратить наш мир! Ну, ничего, скоро вы за все ответите!

Его чудовищная лапа махнула куда-то в сторону. На несколько мгновений заросли в том месте раздвинулись, обнажив груды заржавевшего металлолома. С большим в обломках угадывались механические туловища, конечности, еще какие-то детали. И даже — от этого на внутренние агрегаты Кугеля будто обожгло арктической вьюгой — человеческие кости.

Ткань эмоциональной сферы, которая у робота должна быть ровной и безмятежной, пошла волнами, на ее поверхности лопнули пузыри, выпуская зловонный газ раздражения. Еще немного, и раскаленная магма гнева вырвалась бы наружу, как это бывает у вулкана и... человека. Да, теперь робот-шар не сомневался, что у него тоже есть душа, ибо такая реакция вовсе не похожа на сухую программу. Раз так, этот растительный гад Фенрир не смел его обвинять в бесчувственности!

— Сам ты ответишь! — бесстрашно выкрикнул Кугель прямо в пасть адской твари. — Я отправился в поход, чтобы защитить свою деревню, спасти ее людей от жнецов! Заодно хотел разобраться, кто в этом виноват и наказать его. И ты смеешь обвинять меня в том, что я помогал разрушить мир? Да ты сам, поди, лапу к этому приложил?

На самом деле ему просто скучно было сидеть на помойке и хотелось приключений. А еще заинтриговало то загадочное приглашение — достичь вершины, преодолев испытания. Надо полагать, заяц был первым? Значит ли это, что заколдованный лес оказался вторым? Эти соображения придали Кугелю уверенности. Коли так, он обязан был не бояться, не отступать, доказать, что он — крутой парень и заслужил награды. Или... что там обещал неизвестный автор того письма?

— Тогда умри! Обратись кучкой хлама! — взревел Фенрир, и его пасть мешком

крошечной тьмы накрыла наглеца.

Кугель уже был готов к этому, и, сходу запустив мотор на полную мощность, бильярдным шаром проскочил между ног волка. Драться он и не пытался: как вообще можно было одолеть целый оживший лес? Теперь робот-шар уже не разбирал дороги, а просто катился вперед, подальше от чудовища, петляя между древесных стволов. Это было нелегко: колючие ветви, словно уродливые руки, пытались ухватить его, из земли острым частоколом выскакивали корни. Со всех сторон тянулись щупальца, вырастали клыки и когти, брызгала зловонная слизь, от которой вскипала раскисшая почва. Рев, лай, вопли и карканье слились в оглушительный гвалт, от которого дрожал воздух, вибрировали, грозя рассыпаться в пыль, элементы корпуса. Провода сыпали искрами, микросхемы перегревались, механические элементы заедали — еще немного, и система не выдержит.

— Не уйдешь, сволочь! — горным обвалом неслось сзади.

Джунгли, и без того непроходимые, смешались в один вихрь клокочущей биомассы. Ее потоки взлетали до небес, яростно хлестали циклопические руины, и толстенный железобетон разлетался вдребезги, смешиваясь с потоком. Разве ничтожной песчинке, которая неслась по скрученной в невероятные узлы паутине дорог уйти от этого цунами? Казалось, что, наблюдая за беглецом слепыми провалами окон, уцелевшие небоскребы изгибались в приступе веселья, и по пустынным улицам перекачивался их скрипучий хохот. Или то рушился весь этот невероятный уровень, а может — целая вселенная?

Оставалось лишь убежать, надеясь на чудо, но... Из густого тумана впереди выступила стена: огромная, она перечеркнула все видимое пространство, и не было в ней ни прохода, ни даже малой трещины. Настоящий край мира, который связал небеса и землю, отделив их от бескрайнего океана небытия. А волны всепожирающей жижи были совсем близко: в полукилометре слева они, как морская волна в шторм, разбились о стену, орошая сероватый камень темными каплями. Каждая из них, мигом отрастив десятки членистых ног, голодным пауком заторопились роботу-шару наперерез. Куда деваться? С других сторон было не лучше. Черные нити пронзили небо, и, прилипнув к нему, сформировали нечто вроде ловчей сети. Ветер колебал ее, срывая с нитей подозрительные капли, похожие на растительное масло. Яд, клейкая слизь, кислота? Проверять не хотелось. Справа из потока биомассы выросло бесчисленное множество отростков, напоминавших руки: они слепо, но жадно шарили среди развалин домов, остовов каких-то механизмов и груд камней. А если глянуть вниз, то под исполинской дугой моста, по которому улепетывал Кугель, пузырилось, источая смрадный дым, нечто вроде реки из гудрона. Выхода не было: еще немного, и беглеца прижмут к стене! Да он и сам несся напрямиком в эту ловушку.

«Черт, черт, черт! — в отчаянии твердил робот-шар. — И чего я полез в эти дебри? Надс было по тому цветочку догадаться, что дальше — заросли какой-то дряни. И куда теперь деваться? Помогите хоть кто-нибудь!»

Как ни странно его призыв был услышан. Порыв ветра отнес в сторону небольшое облако, и стало видно: как раз в том месте, где кончался мост, в стене было цилиндрическое углубление. От него во все стороны, как лучи от солнца, по бетону разбежались темные полосы. Верно! Не мог же мост вести в никуда? Наверняка там соорудили станцию, развязку, еще что-нибудь. Будто среагировав на обращенный к этой структуре взгляд, углубление и его лучи засияли голубым. Кугель прибавил газу. Хотя, вроде бы, ведущий поясок вдоль корпуса и так вертелся с предельной скорости: он сейчас мог посоревноваться и с гоночным болидом!

Заветное углубление стремительно приближалось, став из чуть приметной дырки широкой пещерой. Стена нависала, давила, осталось преодолеть до нее какие-то сотни метров, как вдруг... У богов, определенно, было чувство юмора, причем, главным образом — черного. Поманив спасением, дав разгореться пламени надежды, они гасят его одним взмахом. В тусклых сполохах пробегающих по стенкам цилиндра разрядов стал виден его торец, и там оказался... тупик! Это был не тоннель на свободу, а просто ниша глубиной метров двести.

— О-о-о, нет! — взвыл Кугель, резко тормозя. — Катастрофа!

Он в отчаянии скользил взглядом вверх по бесконечной плоскости стены. Теперь было видно, что она вовсе не гладкая. Сероватый камень испещряла целая сеть борозд, выступов и вмятин, формирующих сложный узор, чем-то похожий на микросхему. Однако, все эти линии были неглубоки: запрыгни в них робот-шар — и его макушка будет торчать наружу. Если не считать этого рисунка, бетон казался очень уж качественным, будто недавно отлитым: ни трещины, ни выбоины, вообще никаких дефектов. Залезть в цилиндрическое углубление? Нет уж, там не спрячешься, да и это сияние доверия не вызывало. Вдруг молнией поджарит?

А смерть рыскала уже совсем рядом. Вселенная сузилась до маленького кармана: с одной стороны — стена с аккуратной пещерой, а с другой — буро-зеленая биомасса. Пузырясь, она тянулась к беглецу миллиардами склизких отростков, и кругом не просматривалось ни одного шанса на спасение!

Но что это? Вдруг мир тут и там подернулся дымкой, заволновался, искажаясь, скручиваясь под невероятными углами.

«Я плачу? — вздохнул Кугель, ощупывая линзы камер. Пальцы ощутили какую-то влагу. — Как жаль, я погибну, едва познав людские чувства...»

Ну да, слезы могли исказить картинку, но тут было нечто иное. От сероватых пятен в воздухе протянулись, быстро ветвясь, извилистые линии. Выглядело это так, будто само пространство начало трескаться. Что за небывальщина? Даже агрессивная слизь замерла, предпочитая держаться на отдалении. Над трещинами за клубился багровый дым. Может быть, у Кугеля разыгралось воображение, но вскоре он с изумлением разглядывал несколько призрачных фигур, очутившихся между ним и врагом. Троглодит с дубиной, солдат с автоматической винтовкой, средневековый рыцарь и еще несколько силуэтов без определенных очертаний. «Воины» приняли боевые стойки.

«Кто это? Галлюцинации, дружки той волчары или еще какая-то дрянь?» — напряженно размышлял робот-шар, сам пытаясь найти хоть какое-то укрытие среди разбросанных на мосту обломков.

Однако на него дымные фигуры не обратили внимания, а вот преследователям они не понравились. С поверхности бурлящей жижи взметнулись тугие струи, отливаясь в волчью морду. Оскалившись и сверкая глазами, та прорычала:

— Прочь с дороги, кем бы вы ни были! Не стойте между хищником и его добычей!

Дымные облачка заколебались, но не исчезли, и тогда оскаленная башка Фенрира метнулась вперед. За ней тянулась покрытая чешуей шея, придавая голове сходство с драконьей. Еще мгновение — и волк должен был или перекусить, или проглотить «рыцаря». Но тот не растерялся, а, широко взмахнув мечом, поразил тварь прямо в нос.

— Гр-р-а-а! — ударил по ушам оглушительный рев, полный ужаса и боли.

Волчья морда смялась, как заготовка скульптуры из сырой глины, а потом вся гора из

биомассы вздулась гигантским парусом и лопнула, разлетевшись на мелкие капли. Однако досталось не только зловредной жиже. Возникло ощущение, что по самой ткани пространства прокатилась волна. Неожиданно закачались, будто ленты ламинарии от морского течения, небоскребы, перекрутились, точно нити пряжи, улицы и мосты. Сами уступы, на которых зиждились, сбегая в туманную бездну, здания, начали сворачиваться в бараний рог. Нечто подобное можно увидеть, если швырнуть камнем в отражение на воде.

Впрочем, глазеть на эти чудеса не стоило: ударная волна налетела и на стену. Она швырнула Кугеля прямо в цилиндрическую трубу.

— А-ах, нет! Я у меня же все сгорит! — заверещал он, когда электромагнитное поле притянуло его к искрящимся стенкам, а потом закрутило по спирали.

Но контроль над телом был утрачен, да и куда тут еще скроешься? У выхода из цилиндра бушевал настоящий тайфун, и все в нем перемешалось, как в калейдоскопе. Стремительно набирая скорость, робот-шар понесся вдоль гладких стен углубления, ввинчиваясь все глубже. В ушах грохнуло — меньше чем за минуту он преодолел скорость звука.

«Это что-то вроде рельсотрона?» — мелькнула догадка.

Исполинская стена дрожала и стонала, воздух наполнился пылью, вокруг зацокали мелкие осколки. А электрические силы, сорвав Кугеля с поверхности цилиндра, понесли его в воздухе по сложной траектории. Вычертив фигуру, сходную с морским узлом, робот-шар устремился по прямой точнехонько в центр тупика. Внезапно он понял, что чувствует человек, которого выкинули из самолета без парашюта, но все же захотелось покрасоваться напоследок.

— Понял, клыкастый?! — изо всех сил заорал робот-шар. — Я ушел и от деда с бабкой, и от зайца, уйду и от тебя! Никто меня не останови-и-и...

В следующий миг его с силой впечатало в бетон. Однако, что удивительно, прочный камень рассыпался в пыль, и разогнанный до невероятных скоростей робот-шар вбуравился в стену, уносясь неизвестно куда. Корпус Кугеля раскалился, точно его бросили в мартеновскую печь, система охлаждения не справлялась, потому ОС зависла и отключилась.

Однако в последний момент робот-шар даже не увидел, а почувствовал еще одного свидетеля этой сцены. Далеко справа на стене имелся темный провал. В нем Кугель заметил небритого и исхудавшего парня в изношенном комбинезоне. Он с испугом наблюдал за Фенриром, и его нельзя было назвать незнакомцем.

Инцидент 7. 12 июня 2087 года. Разрушенный квартал близ каньона

Было время, когда эти здания из стекла и бетона, располагавшиеся, наверно, в деловом центре какого-нибудь города, смотрелись красиво. Такие гордые монументы — символ достижений человеческого разума, которые вонзались в небеса, показывая им, кто хозяин мира. Тут бурлила жизнь и солнечные блики в полдень заливали гладкие стены золотым дождем, а по вечерам одевали их в царственный пурпур. Казалось, что так будет всегда, вырастут новые, еще более величественные здания и благоденствию не будет конца.

Но, увы, привычный мир пошел кувырком, реальность дала трещину, и непонятные силы забросили эти здания черт знает куда. Стекла вылетели и их осколки теперь сиротливо блестели среди буйно разросшейся травы. Стальные балки лопнули, изогнулись, их завязало узлами, и теперь они торчали из огромных брешей в стенах, увешанные гроздьями из кусков бетона. Пятна ржавчины медленно пожирали металл. И это были лишь самые незначительные повреждения! Одни здания переломились пополам, буквой «Л» уткнувшись в землю не только фундаментом, но и крышей. Другие покосились, так что не понятно было, почему они еще не рухнули. Ведь те груды камней, на которых уже зеленела трава — тоже остатки каких-то сооружений? Впрочем, несколько домов все же стояли ровно, но, испещренные сквозными дырами, походили на куски швейцарского сыра. Эти руины напоминали зубы черепа, годами валявшегося где-нибудь в овраге: обломанные, перемазанные грязью, поросшие мхом.

Не лучше выглядела и проезжая часть. Некогда идеально ровную дорогу будто некий великан пытался сложить гармошкой: асфальт сплошь изрезали глубокие трещины, огромные куски из него были выломаны и из-под них торчали покореженные куски труб. Казалось, это некие насекомоподобные существа воздели к небу лапки, сетуя на свою горькую судьбу. Однако небеса не слышали молитв, и день за днем солнце совершало по ним привычный круг и равнодушно ползли облака: так было во времена процветания, так стало и в эпоху упадка.

Хотя действительно ли тут существовал город, пусть и разрушенный ныне? Тут и там среди правильной, пусть и изуродованной катастрофой, сетки улиц вклинивалось нечто чужеродное. То островерхая скала, то пруд с болотистыми берегами, густо поросшими камышом, то кусок дремучего леса. Конечно, легко было вообразить, что это остатки парков, лишённые человеческой заботы.

Но нет, на топких берегах торчали корявые пни, облепленные тиной и вьющимися растениями, а лужи сплошь покрывал ковер цветущих лотосов. Участки леса представляли еще более колоритное зрелище. Могучие стволы, зеленые от мха и увитые лианами, стояли так плотно, что сквозь их кроны почти не пробивался дневной свет. Все это росло и развивалось десятки, если не сотни лет. А вот руины, возвышавшиеся рядом, люди покинули недавно: лишь первые, робкие стебельки пробивались через трещины на тротуарах и пытались взобраться на стены.

И было тут еще кое-что странное. Вряд ли человеку придет в голову такая прихоть: строить город на вершине столовой горы, которая высится над устланным одеялом тумана ущельем. Вдали виднелись еще скалы, и с одной из них в бездну низвергался водопад. Вид, конечно, неплох, но место для строительства было не самое подходящее. Складывалось

ощущение, что злая сила, будто расшалившийся ребенок, нахватала по всему миру кусков различных ландшафтов, да свалила все это в кучу. Вот и соседствовали вместе город, тропический лес, болото с южными растениями и пруд из умеренной зоны. А среди всего этого змеилась лента железной дороги, которая, достигнув обрыва, как ни в чем ни бывало, спускалась по почти отвесной стене чтобы исчезнуть в тумане. Кстати, кто и как засунул между ее шпалами вагоны, смяв их, точно консервные банки?

Однако животным не было дела до таких загадок. Между ветвей деревьев перепархивали птицы, гудели над водой насекомые. Вот только сейчас огромная, не меньше фута в длину стрекоза схватила на лету крупную, с фалангу большого пальца, муху и, усевшись на тростник, принялась ее смачно грызть. Но расслабляться нельзя даже во время еды! Вдруг из зарослей шагнул аист, и стрекоза исчезла в его желтом клюве. Птица застыла, будто изваяние — наверно, в ожидании новой добычи. Жизнь продолжалась, и сильные пожирала слабых.

По густой траве возле берега прошла волна, зашелестели листья, и послышалось чуть слышное хлопанье. Это произошло один раз, другой, третий, а потом раздался легкий плеск и звуки перебили приглушенные ругательства. Камыши за спиной аиста раздвинулись, и показалось узкое лицо, обрамленное жиденькой бородкой. Честно говоря, не очень верилось, что это лицо принадлежало живому человеку. Бледная кожа с множеством ссадин, пятна тины и грязи на лбу и висках, впалые щеки и исчерченные красными жилками глаза, неестественно заостренные черты. Наверно, это утопленник или призрак тех, кто жил и работал в окрестных домах?

Постой... этот парень выглядел знакомым. Неужели это... Ричард Лайонхарт? Поразительно, как изменился бывший аспирант! Даже если бы он спился и стал бродягой, все равно выглядел бы лучше, да и на помойке можно сыскать одежду попримичнее. Может, это неприкаянный призрак прежнего Дика?

Пошарив по карманам, «утопленник» вытянул нож: ржавый, со щербинами, по сути — просто грубо заточенная полоса металла, воткнутая в деревяшку. Взвесив оружие в дрожащей руке, Лайонхарт изо всех сил швырнул им в аиста. Серебряной молнией мелькнуло оно в воздухе и вонзилось птице в крыло. Громко закурлыкав, аист взмахнул крыльями: их оказалось целых десять — по пять с каждой стороны! Нож торчал в том, которое в сложенном виде лежало поверх остальных: по белым перьям заструилась кровь, но птица широкими шагами побежала по болоту, делая широкие взмахи.

— Ах ты, черт! — взревел Ричард, уже не скрываясь.

Он выскочил из зарослей, и его рука что-то удерживала у живота. Это горка из кусков бетона! Широко размахнувшись, Дик швырнул в аиста камнем, потом еще и еще, пока не потратил весь запас. Булыжники угодили птице по крыльям, по спине, но большая часть пролетела мимо. И все же аист, последний раз неуклюже взмахнув крылом, свалился в мутную воду. Но вряд ли он был сильно ранен: побарахтавшись, птица сделала попытку встать, упала, но потом все же поднялась на ноги. Она трянула головой, и тут Лайонхарт, рыча, будто разъяренный тигр, набросился на нее. Он повалил аиста в воду, в стороны метнулись несколько рыбин, и охотник проводил их досадливым взглядом. Но тут же, обхватив добычу руками, принялся заталкивать ее под воду.

Птица вырывалась, ее длинная шея вывернулась, и клюв едва не выбил бывшему аспиранту глаз. Но Лайонхарт вовремя поймал голову добычи и затолкал ее под широкий лист лотоса, сонно покачивавшийся на мутной воде. Тут произошло странное: хвост птицы

приподнялся, и из-под него выскочило что-то длинное. Дику показалось, что это — одетая в бордовую чешую змея, но через мгновение по его груди диранули острые когти, расплосовав на ленты и без того драные куртку и футболку. В воду упали, расплываясь красными пятнами, капли крови. Что-то мелькнуло среди лотосов в стороне — вроде как золотистая полоска. Завопив от ярости и боли, Ричард нашарил на илистом дне камень и принялся исступленно колотить им птицу по голове. Удар, еще один, третий — в ответ аист обмотал Лайонхарта за пояс змеиным хвостом и глубоко впился украшавшими его когтями в кожу. Аспирант с удвоенной яростью принялся молотить птицу. Та еще брыкалась, но слабела: хвост обвис, рывки крыльев стали конвульсивными. Но даже с головой, превратившейся в кровавое месиво, аист все еще загребал ногами по илу, стараясь убежать от врага.

На лице Дика расплылась кровожадная ухмылка, его глаза лихорадочно заблестели. Но... вдруг он испуганно покосился в сторону. Над ковром из лотосов в паре ярдов от Лайонхарта мелькнул острый плавник, а рядом — еще один, следом в толще воды скользнули две золотистые полоски. Неожиданно отпихнув вяло трепыхавшегося аиста, Ричард, поднимая фонтаны брызг, торопливо заплюхал к берегу. Лишь среди камышей, где вода сменилась жидкой грязью, он успокоился. Но что его испугало?

Разгадка стала ясна через несколько секунд: из воды высунулась рыба голова размером чуть ли не с бычьей, ее пасть широко раскрылась, и клацнули длинные, как кинжалы, зубы. Одна принялась яростно тормозить птицу, а вторая поплыла к берегу, но, достигнув места, где вода переходила в грязь, вынуждена были остановиться. Теперь их было хорошо видно: нечто среднее между карпом и гуппи, но с головой пирании. Ближайший монстр, имевший длину фута в два, сердито извивался в грязи и щелкал зубами. На всякий случай аспирант отступил подальше в заросли, совершенно исчезнув среди высоких стеблей.

Вдруг послышались тяжелые шаги, а затем раздался хруст ломаемого камыша. Кто-то пробивался к берегу, и в этом звуке слышалось нечто угрожающее. Даже монотонное гудение насекомых стихло, и легкий ветерок перестал шевелить метелки на концах растений. Кто это? Еще один охотник? Но почему он пер напралом? Слух Дика уловил легкое жужжание, но не от крыльев мух и стрекоз, а похожее на гул электрического оборудования. Аспирант припал к раскисшей земле, и, весь перемазанный грязью, он стал почти не отличим от замшелого камня. Треск и тяжелые, хлюпающие шаги слышались уже совсем рядом.

И тут что-то взвизгнуло и стена камыша с легким шелестом начала оседать на землю. Срубленные стебли укрыли Лайонхарта сплошным ковром, и он заметил, что удивительно ровные срезы на их концах обуглились. В воздухе разлились запахи гари и озона. Шаги стихли, но физически ощущалось присутствие чего-то большого, горячего. Эта масса почти физически давила, и Ричард целую минуту не решался хотя бы чуть-чуть поднять глаза. Но вот он это сделал и едва сдержал вскрик.

Рядом, всего в трех ярдах, стояло человекоподобное существо. Оно походило на средневекового рыцаря в латах, но с головой, будто позаимствованной у акулы-молота. Два глаза-лампочки, мерцавших на выступах уродливой башки, принялись сканировать округу алыми лучами. Правая рука твари оканчивалась чем-то вроде лобзика, по полотну которого пробегали голубоватые разряды, а левая нервно перебирала стальными пальцами. Монстр, наверно, был тяжел: он увяз в топкой почве почти до пояса, и позади него в заросли уходила глубокая колея. Увидев его, Дик даже забыл дышать. Вскоре ему стало казаться, что рыцарь

торчал рядом с ним уже целую вечность, хотя прошло не больше пяти минут.

Наконец, страшилище заковывало дальше. В этой трясине оно двигалось удивительно быстро и за несколько секунд достигло берега пруда. Неподалеку по-прежнему барахтались хищные рыбины. Удостоив тех коротким взглядом, металлическая тварь взмахнула своим «лобзиком», и обе пираньи развалились пополам. А ведь рыцарь их даже не коснулся, только в воздухе что-то сверкнуло! Срезы оказались идеально гладкими и подрумянились. Затем чудище шагнуло в воду, вскоре очутившись рядом с наполовину обглоданным аистом. Постояв какое-то время, рыцарь протянул к птице левую руку. Между пальцев проскочила молния, и перья на теле птицы обуглились, превратившись в небольшие пеньки. После этого рыцарь, пошарив по округе лучами, побрел по воде дальше. Выбравшись на другой берег, стальной ужас вскоре исчез в зарослях.

— Кажется, пронесло, — вытирая со лба холодный пот, чуть слышно прошептал Ричард. — Наверно, этот гад явился на шум?

Однако встать он решился лишь через полчаса. Подумав немного, сунул тушки обеих рыбин в болтавшийся на спине рюкзак — по сути, грязный мешок вроде тех, в которых возят соль, обмотанный шпагатом. Лицо Дика озарила мечтательная улыбка. Потом, зайдя в воду, он принялся шарить руками по дну. Шли минуты, и с губ Лайонхарта начали слетать ругательства, но потом он выхватил из воды что-то блестящее. Нож! Тот самый, который он метнул в аиста. Кстати, что с аистом? Птица плавала среди лотосов, и похоже, «пиранья» успела ее лишь немного повредить. Ричард погладил кожу аиста, имевшую необычный золотистый цвет. Аспирант сделал надрез и вынул кусок мяса. Осмотрел его, понюхал.

— Хм, похоже на курицу из микроволновки, — заметил он, откусив немного. — Тебе везет, Дик. Этот парень был настолько любезен, что поджарил для тебя дичь! — в широкой улыбке Лайонхарта блеснули зубы, но он тут же помрачнел. — Черт, на что вообще способны эти железяки? И откуда они берутся?!

Он не спеша направился к обрыву над ущельем. Поползав среди камней — на самом деле, огромных обломков бетона с торчавшими из сколов ржавыми кусками арматуры — Ричард забрался в небольшую пещерку. Здесь была устроена лежанка из сухой травы, а рядом были свалены засаленное тряпье и сухие ветки. Нервно оглянувшись, Ричард запустил руки в эту кучу, и было заметно, что пока он там шарил, его лицо слегка напряглось. Но вот складки возле губ разгладились, и бывший аспирант извлек на свет штурмовую винтовку. Любовно, точно величайшее сокровище, погладив оружие, Дик убрал его на место, а потом уселся на самом краю обрыва — у пещеры имелось нечто вроде неровного окна почти до пола. Срезая с тушки аиста по небольшому куску, он принялся жевать мясо и рассеянно поглядывать вниз.

Подумать только, всего год назад его бы стошнило от такой пищи! А теперь ничего, хотя жестко и невкусно, уплетает за обе щеки. И в этих дебрях он научился разбираться, и привык ходить в лохмотьях, а спать — почти на голой земле. Впрочем, неженкой он и не был: дрых себе на неудобном топчане, хотя на нем поверх железной сетки лежал лишь старый матрац, тощий и вонявший плесенью. Мыться тоже не любил, но уж конечно от него не разило как теперь — будто от заправского бродяги. В лесу бы он точно сдох от голода... если раньше, отдалившись всего на несколько шагов от опушки, не сломал бы себе ногу. Что еще? Оружие видел только в кино, а теперь научился швырять нож, пусть и часто мимо, и потратил целый рожок, тренируясь в стрельбе.

Да, испытания и время меняют людей. Особенно, когда вся гадость сваливается тебе на

плечи столь неожиданно. Тут или выживешь, научившись есть чего попало — хотя бы и крыс — или уже твой скелетик обглодают те же зверюшки. Лайонхарт прикрыл глаза, вспоминая.

Тем памятным днем он очнулся на поляне среди корявых сосен. Где он очутился? Вдали между деревьев просматривались какие-то руины, а за спиной дыбились скалы. Вернее, так только казалось. Когда аспирант подошел поближе, он понял, что за них он принял нагромождение искусственных объектов. Железнодорожных вагонов, легковых машин, автобусов, обломков зданий и разного хлама: кусков железа, камня, пластика. Все это было пересыпано землей, по которой уже неуверенно карабкались растения. Складывалось ощущение, будто гигантский ребенок хотел вылепить фигурку, но после ряда неудач разозлился и скатал в ком и пластилин, и все, что валялось вокруг.

И нигде поблизости — ничего похожего на безумной архитектуры здание с табличкой «Орбитрон-7». Не видно было и следов того монстра в нелепых доспехах, а также — профессора Химмелькнакера. Может, Ричарду все приснилось, и они с Куртом все еще карабкались на горную вершину?

Лайонхарт прошелся туда-сюда, ощупал все свое тело, будто не веря в его материальность. Пальцы ощутили воткнутую в слот на затылке карту памяти, а, пройдясь по груди, испачкались в чем-то липком. Кровь! Ярко-красная, она уже застывала, трескаясь по краям пятна и собравшись в студенистые комки ближе к его центру. Разум еще отказывался это принять, выдумывая тысячу объяснений: это какой-нибудь сок, грязь, но что толку? Выросший в семье мясника, аспирант не спутал бы эту жижу ни с чем другим. А раз чувствовал он себя неплохо, то значит — принадлежать кровь могла только профессору!

Спину Ричарда ободрали когти страха, ноги мигом лишились сил, и он рухнул на колени. Лайонхарта вырвало, да так сильно, будто с остатками еды он пытался выкинуть из себя отвращение, гнев, страх, отчаяние — всю бурю эмоций, разрывавших его изнутри. Дик будто хотел утопить, растворить этот безумный мир, где он теперь был предоставлен самому себе. Но время шло, солнце катилось к закату и ничего не менялось. Только на ветки деревьев, громко хлопая крыльями, стали опускаться какие-то крупные птицы. Они толкались, вытягивали свои длинные шеи, кричали, словно обсуждая, стоит ли на сон грядущий перекусить этим жалким двуногим?

Но Лайонхарту было не до них. Лишь когда с его губ упали последние капли, мучительные судороги, крутившие в узлы его внутренности, утихли. Хватаясь за липкие от смолы сучья, он встал и неуклюже, точно пьяный, заковылял прочь. Неумолимо надвигалась темнота, опутывая душу густой паутиной страха. Дик вздрагивал от каждого шороха, озирался, а когда со склона неподалеку простучали камни, воображение живо нарисовало на черной доске ночи очертания рогатого монстра. Его когти алчно потянулись к тщедушной фигурке аспиранта. Это было чересчур! И тогда Лайонхарт бросился наутек, оглашая чащобу истошным воплем. Несколько раз он налетал на стволы, порвал штаны о колючие ветки и чуть не выбил себе острым сучком глаз, но не посмел остановиться, пока с размаху не грохнулся в небольшой бочажок. Холодная вода, окатив его с головой, залила бушевавший в душе пожар паники. Силы оставили Ричарда: он так и уснул, лежа в грязи среди жестких пучков рогоза.

Сильный холод и резь в животе заставили его проснуться на рассвете. Кое-как выбравшись из ямы, Ричард залез в рюкзак: хорошо, что ремни были туго затянуты, а перевязь автомата пропущена под ними, а то бы растерял все, носясь по лесу. Пожевав вяленого мяса и кореньев, аспирант немного успокоился, в голове наконец стали сплетаться

хоть какие-то нити мыслей. И что теперь делать, куда идти? Привычный и понятный мир, похоже, был разрушен или до него не добраться. Искать здание «ускорителя» наверно не имело смысла. Хоть бы профессор был рядом: он всегда бы придумал что-нибудь! Но, увы, Химмелькнакер погиб, так что пришлось время со всем разбираться самому.

Лайонхарт совсем было приуныл. Он сторбился, уронил голову на руки, но вдруг его лицо посуровело.

«Ладно, черт с вами, — твердо сказал он себе. — Хотите меня сожрать — попробуйте. Но я не дамся! Учеба кончилась, настало время жить. И я выживу не смотря ни на что!»

Вот так он и выживал, блуждая по лесам, болотам, руинам, дикой мешанине из фрагментов множества ландшафтов. Этот дикий мир, переплетаясь всеми своими элементами, разрастался прямо на глазах и неудержимо устремлялся в бесконечные небеса. Именно так — ослепительно голубые и бесконечные — ведь в них лишь изредка проплывали бледные пятнышки облаков. Тучи клубились где-то далеко внизу, на дне встречавшихся то и дело ущелий или влажным покрывалом ползли по земле. А та ворочалась, как страдающий бессонницей человек, вздувалась пузырями, а когда и проваливалась в бездну. Заснул в ложбинке — проснулся на холме. С утра по левую руку струилось зелеными волнами море деревьев, а к закату его уже разрывали горы. Вернее, не совсем горы, а целое кружево из камня, ржавого металла, обломков каких-то сооружений.

Лайонхарт давно потерял ориентацию в пространстве, а просто брел, куда глаза глядят. Находил убежище, охотился в дебрях, а если жить в этом месте становилось неудобно, ковылял дальше. И не было этому миру ожившей земли ни конца, ни края. Чтобы совсем не потерять голову от всех этих чудес, Ричард старательно считал дни, кратко записывая события в ежедневнике — одной из тех вещиц, что нашлись в контрольном зале «Орбитрона-7». Теперь Дик искренне радовался, что подобрал эту бумажную книжку, которую еще недавно счел бы жутким анахронизмом.

Так он узнал, что миновало уже полгода с тех пор, как погиб Химмелькнакер. Может быть, Лайонхарт остался единственным человеком на Земле? Да и Земля ли это? А вдруг проклятый эксперимент на орбитальном ускорителе забросил его в какое-то другое, вечно меняющееся пространство?

Инцидент 8. 13 июня 2087 года. На пруду у водопада

— Тум, тум, тум, — донесшие откуда-то снизу глухие удары вырвали Ричарда из воспоминаний. Кроме того, бодрости придал пронизывающий ветер, который принялся гулять вдоль каньона.

Как бы не пытался аспирант отключиться от реальности, она упорно тащила его обратно в свои объятия. Яркие лучи солнца заскользили по лицу, а уши теперь сверлила уже целая какофония звуков: треск, мерный гул и пыхтение, стрекот, лязг. Все это напоминало шум стройки.

— Ну, чего там опять? — проворчал Лайонхарт, открывая глаза.

Его взгляд скользнул по белесым струям водопада и нырнул в укрытую густой тенью глубину ущелья, чтобы заструиться по его дну вместе с рекой. И вдруг он будто споткнулся. Дик быстро заморгал, и чуть было не обронил нож в пропасть. Он потрясенно уставился на существо, прицепившееся к отвесной стене каньона — оно напоминало гигантского скорпиона. Размеры этой твари воистину поражали: от кончика одного — а всего их было десять — из хвостов до усеянной полусферами глаз башки было не меньше мили! С момента пробуждения на тропическом острове Лайонхарт успел повидать немало самых невероятных созданий, но разве могла природа породить нечто столь громадное? Хотя... похоже, природа здесь была ни при чем. Почему? Панцирь скорпиона казался слишком гладким. Форма каждого сегмента тела выглядела исключительно правильной. На сочленениях поблескивали сталью шарниры и подшипники, отдельные членики связывали хромированные штанги и трубопроводы. Окончательно сомнения развеивала крупная надпись на боку — непонятное сочетание букв и цифр. Машина? Но кто и зачем мог создать подобную?

Скорпион занимался неспешной работой. Хвостами он один за другим подцеплял сваленные у реки сероватые блоки — каждый, наверно, не меньше сотни тонн весом — и поднимал их выше головы. Тут в дело вступали клешни, чтобы уложить блоки ровными рядами. В итоге над кромкой обрыва уже сформировалась вполне аккуратная стенка высотой футов сто. Кроме того, бессчетными, как у сколопендры, ножками чудище шустро обрабатывало склон. Вооружившись разнообразными инструментами, скалывало выступы, зачищало неровности, замазывало некой жижой трещины и выбоины. Похоже, все эти ноги были нужны именно для такой работы, ведь скорпион вполне уверенно держался за скалу шестью мощными ходулями, похожими на опоры портовых кранов.

Кстати, скорпион трудился не один. Только теперь Ричард заметил гораздо меньших, но все равно крупных, по полсотни ярдов длиной пауков, которые ползали по готовой кладке. Одни шлифовали заделывали щели между свежеложенными блоками, другие ловко шпукатурили стену.

На самом дне ущелья тоже наблюдалось какое-то шевеление — там будто стая муравьев кипела вокруг новой кучи. Заинтригованный, Лайонхарт полез в рюкзак. Через минуту поисков он приставил к глазам бинокль — вскоре после крушения орбитальной станции его нашел среди обломков Химмелькнакер. Видимо кто-то, прогуливаясь вечерами по обзорной галерее, любил смотреть на звезды. Специально взял его на орбиту, не желая упустить случая, когда атмосфера не мешает. Вот и Дик берег его: прибор помогал заранее обнаруживать опасности и выбирать наилучший маршрут.

Настроив резкость, аспирант понял, что аналогия с муравьями была вполне

оправданной. Орды существ, похожих на невообразимые гибриды членистоногих тварей с человеком, копошились в грязи на берегу реки. Одни смешивали в огромных чанах вязкую массу: потом широкие трубопроводы перекачивали ее наверх, скорпиону и паукам. Другие хлопотали возле неких кубических объектов, опущенных в воду. От этих кубов тянулись шланги и провода — возможно, то были насосы? Третьи собирали камни, а потом ссыпали их в бункеры. Вой, визг, хруст, шелест, мерное гудение витали над каньоном. Все вместе это выглядело как стройка, если бы ее запечатлел художник вроде Босха.

Однако нашлись тут и бездельники. Тут и там среди рабочих, а больше по периметру «стройплощадки» шатались другие существа. Увидев их, Ричард почувствовал, как кровь отлила от лица. Обшитые угловатыми пластинами человеческие туловища, лысые головы на подвижных шеях, членистые ноги, передняя пара которых походила на ловчие лапки богомола. Это ведь те самые твари, которые сражались с ордой чудищ в памятный день, когда погиб Химмелькнакер! Нашлись среди них и другие недобрые знакомые. Кое-где попадались высокие «рыцари» или «самураи» в полных доспехах: вполне человеческой наружности или с головами животных. Они позаимствовали их у львов, быков, раков и — о, боже! — акул. Так вот откуда взялась та тварь, которая поджарила аиста и разрубила пираний?

Кстати, зачем понадобились эти дармоеды, не лучше ли было заменить их на рабочих? Они несли караул или служили надсмотрщиками? Пока Ричард раздумывал над этим, в дальнем конце ущелья замелькали какие-то тени. Сперва единичные, они собирались в группы, и вскоре вдоль реки уже заструились ручейки из множества темных черточек. Эти потоки вбирали в себя все новые и новые движущиеся частицы, наполняясь силой и злобой. Вскоре отдельные струйки слились в единую массу, которая волнами перекатывалась через камни и бурлила вокруг скал. Минуло несколько минут и стало казаться, что по каньону, сметая все на своем пути, катится сель. Он неудержимо приближался к стройке. Но из чего состоял этот поток?

— Ого! — воскликнул Лайонхарт, наведя на «сель» бинокль. — Это живые существа?

Да, поток был несметной ордой чудищ непредставимых форм и видов. Природа собрала вместе всех тварей, которых когда-либо создала, и, разобрав на составляющие, тщательно их перемешала. Получившуюся мешанину из частей тел разложила по новым формам и заново вдохнула в них жизнь. Возникло немало странных гибридов: рыбы на тараканьих ногах и с хвостом скорпиона, бабочки с головами собак, нечто среднее между пчелами и слонами, похожие на драконов курицы. Все эти уроды были снабжены множеством опасных украшений — рогов, когтей, шипастой чешуи, острых лезвий... А некоторые твари напоминали аморфные кластеры из пульсирующих органов и случайных предметов. Вроде бы, такие конструкции не могли функционировать, но, тем не менее, они бежали, ползли, ковыляли, катились вперед, угрожающе выставив все созданные за миллиарды лет эволюции средства нападения.

Ричард испытал смешанные чувства: с одной стороны, от одного взгляда на этих уродов невкусный обед норовил покинуть желудок, но в то же время сердце щекотало любопытство. Давно лишенный кино, книг и видеоигр, Дик предвкушал потрясающее зрелище.

Рабочие засуетились, боязливо отступая в тень гигантского скорпиона, который с той же величавой неспешностью возводил стену. О чем вообще думал этот механический титан? Достаточно было мимолетного взгляда на тысячи роняющих слюну пастей чтобы понять: никому, кто попадет на пути орды, несдобровать. Или для такого спокойствия имелась

причина? Рыцари и бронированные полулюди-полупауки молча выстроились в плотную цепь, укрывая строителей за своими спинами. Первые ряды агрессоров захлестнули их, но сверкнули стальные клешни и клинки, полыхнули разряды, и хищная волна откатилась, оставляя после себя груды изувеченных трупов. Неудача учетверила ярость нападавших. С ревом и визгом, многократно отражавшимся от скал каньона, орда раз за разом бросалась на цепь обороняющихся.

Казалось, их конец — лишь вопрос времени. Здесь один рыцарь упал, разорванный пополам, и кровь ударила фонтаном из сосудов, обвивавших металлический позвоночник. Там паук был раздавлен слоновьей ногой, став похожим на смятую банку из-под пива. Еще где-то пали несколько воинов, но их товарищи не сдавались. Так штормовое море яростно бросается на скалы, но те непоколебимо стоят на месте, и волны бессильно откатываются, орошая берег мириадами брызг.

Хватало брызг и здесь. Алая кровь, зеленая слизь, что-то густое и белое, коричневая жижа, прозрачное вещество янтарного цвета и бесцветный сок вылетали из сотен разорванных, разрубленных, раздавленных тел. Все это заляпало окрестные скалы, капало с выступов и, жирно блестя, струилось по земле. Лайонхарт, чувствуя, как волосы у него встают дыбом, наблюдал, как медленно выходит из берегов река. Ее вода приобрела буроватый оттенок, а вокруг камней вспухали копыны пены. Теперь она больше походила на мутный поток в канализационном коллекторе.

Не только зрение страдало от этого макабрического зрелища, досталось и остальным органам чувств. Уши диким зверем терзали рев и стон, рык и хрип — звуки ярости и боли, ненависти и страха. Да и носу было не легче: порыв ветра швырнул в лицо тошнотворную смесь из запахов немытого тела, испражнений и скотобойни.

— Черт, я этого не вынесу! — сплюнув, простонал Ричард.

Он встал, направившись к горе тряпья. Были там несколько больших обрывков, и если накинуть их на кусок арматуры, выгнувшийся над «окном» пещеры, получится неплохая занавеска. Да, надо было отгородиться от этого безумного мира и хотя бы немного поспать. А то ведь аспирант был на ногах с рассвета и теперь, когда желудок удалось худо-бедно наполнить, начало клонить в сон. Благо в этой норе его никто не должен был заметить.

Дик уже накинул тряпку на железку и собирался расправить импровизированную занавеску, как на поле боя кое-что изменилось. Усев все пространство перед цепью механических воинов трупами, нечисть, похоже, растратила боевой пыл. Словно океанская вода в отлив, толпа монстров дружно побежала куда-то в дальний угол каньона. Однако... стремительный отлив нередко сулит цунами. Набившись в просторное ответвление ущелья, твари полезли одна на другую и вскоре создали не слишком большую, но высокую гору из шевелящихся тел. Они так испугались решительного отпора, что теперь пытались вылезти из ущелья, ставшего могилой для множества их товарищей? Тем временем поверхность живого холма начала меняться. Она сгладилась, заблестела, ее колебания стали плавными. Исчезло раздражающее шевеление множества ног. Заинтригованный, Ричард подкрутил колесико настройки резкости и вытаращил глаза.

— Рождественский пудинг... или желе... — растеряно пробормотал он.

Как ни погляди, под горой, слегка покачиваясь и пульсируя, громоздился внушительный, не меньше трех сотен футов в высоту, холм из студня. Он имел гладкую и черную, как у куска антрацита, поверхность, отражавшую солнечные лучи. Никаких отдельных фрагментов и выступов не просматривалось, просто масса шла широкими

волнами. Орда тварей растворилась, став частью холма, а все конечности, рога и клыки теперь казались лишь бредовым сном. Впрочем, циклопическому куску желе место тоже нашлось бы лишь в стране кошмаров.

Пока Лайонхарт переваривал увиденное, из студня вытянулись четыре колоннообразные отростка. Изогнувшись посередине, они уперлись в землю и подняли эту желеобразную кучу на высоту футов пятьдесят. Центральная часть «пудинга» вытянулась, впереди на ней появился удлиненный выступ, а сзади повисло нечто вроде хвоста. Теперь это все вместе напоминало пластилиновую фигурку животного, вылепленную дошкольником. Однако форма этой штуки постоянно менялась, будто невидимый скульптор упорно придавал ей более правдоподобные очертания. Ноги разделились на голень, бедро и пальцы, на голове обозначились глаза, уши и пасть, туловище обросло чем-то вроде шерсти. Прошло не столь много времени, и на месте прежней груды из мелких тварей возник вполне реалистичный... волк, покрытый черным мехом и с золотыми глазами.

Тряхнув головой, гигантский хищник в два широких прыжка оказался рядом со стройплощадкой. Механические воины по-прежнему стояли в оцеплении — не дрогнули они, и когда рядом появился новый враг. Лучше бы они побежали! Подняв лапу, волк сделал такое движение, будто смахивал со стола мелкий сор, и сразу пара десятков воинов улетели прочь осенними листьями. Из разинутой пасти хищника вывалился аспидно-черный язык — длинный, как лента реки на дне каньона. Или это было щупальце? Язык лизнул цепь воинов, и чуть ли не половина из них исчезли в пасти чудища. Ричард четко услышал лязг и скрежет перемалываемого металла.

Но воинов это не устрасило. Напротив, они атаковали, пытаясь разрубить плоть титана, но раны на ней мгновенно затягивались. В то же время волк просто давил врагов, как назойливых насекомых. Казалось, еще немного, и чудище оставит стройку полностью беззащитной.

Вдруг из тени, отбрасываемой механическим скорпионом, вышло причудливое существо. Оно неуклюже переваливалось на широких и длинных нижних лапах, а тонкими верхними грубо распахивало застывших в страхе рабочих. Каплевидное туловище, голова с острой мордочкой и длинные уши придавали этому существу забавный вид. Эдакий игрушечный заяц с гладким корпусом, которому рост футов в пятнадцать позволял возвышаться над толпой. Оставив позади рабочих, заяц вышел на ровную площадку перед стройкой. Уцелевшие воины торопливо разбежались, попрятавшись за камнями, а волк опустил голову, с удивлением разглядывая новую тварь. Это еще один боец или какой-то начальник на стройке? Может, он вышел просить пощады?

Короткие усики, украшавшие мордочку зайца, начали стремительно удлиняться. Выглядело это так, будто из головы ушастого вылезали восемь черных, унизанных тонкими колечками змей. Извиваясь по камням, эти змеи расползлись в стороны, но потом замерли. Вид у зайца стал совсем нелепым: будто бы из его морды выросли корни длиной ярдов по пятнадцать каждый.

Волк разинул пасть, намереваясь проглотить зайца, но вдруг тот прыгнул. С легкостью перемахнув через волка, он налету хлестнул того усами. Удар был столь стремительным, что усы размазались в широкие черные полосы. Волк взревел, его тело дернулось, а спину чуть ли не до брюха вспороли несколько длинных разрезов! Волк крутанулся на месте, его зубы громко щелкнули на том месте, где только что находился заяц, но тот уже перепрыгнул на соседнюю скалу. И в этом рывке ему удалось перерубить усом ногу противнику. Волк рухнул

на брюхо, отрубленная лапа покатила в сторону. Однако секундой спустя она вытянулась длинным червем, и, быстро извиваясь, поползла к телу. Вот концы раны соединились, и той как не бывало! Зажили и разрезы на спине. Оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, волк прыгнул на зайца, но тот опять отскочил в последний момент и успел хлестнуть врага усами по боку. Опять глубокие раны и яростный рык, но, похоже, для волка это все было сродни комариным укусам. Сильно раздражает, но не опасно.

Хлеца хвостом по бокам, волк осторожными шажками подбирался к зайцу. Тот сидел на довольно высокой скале, а его усы свешивались вниз, все время колеблясь, словно ветви плакучей ивы на ветру. Наверно, волк тщательно выверял новый прыжок, чтобы если не схватить юркую тварь, то хотя бы раздавить ее. Момент был удачным: преследуя зайца, волк загнал его в угол, образованный тремя отвесными склонами. А впереди был волк. Как вырваться из западни?

Усы зайца поднялись вверх и изогнулись полукольцами, их окутали облачка голубого свечения, пронзаемого молниями. И тут волк прыгнул! Он разинул пасть столь широко, что казалось, она способна проглотить половину каньона. Заяц, даже не пытаясь уклониться, сиганул прямо в кромешную тьму зева, но, уже почти скрывшись в глотке, взмахнул усами. Раздался электрический треск, и чуть ли не половина головы волка отделилась от остального тела. Потом все потонуло в ослепительной вспышке.

Ричард часто заморгал, перед его глазами запрыгали разноцветные круги. Когда зрение восстановилось, он увидел, что заяц сидел на берегу реки, а волчья туша распростерлась перед ним на камнях. От головы хищника осталась только нижняя половина, но не похоже, чтобы зверь был мертв. Вот он заворочался, а потом попытался встать. Упал, но снова напружинил ноги и на этот раз все же поднялся. Стоял он, пошатываясь, а ровный прежде срез повыше нижней челюсти вздулся черными волдырями. Кажется, утраченная часть головы восстанавливалась, но довольно медленно. Заметив это, заяц снова прыгнул на врага. Взмахнули, опутанные клубками змеистых молний, усы... На этот раз Лайонхарт плотно зажмурился, и потому, когда вспышка угасла, он сумел рассмотреть, как хвост волка разлетелся на мелкие куски. В последний момент чудище отскочило в сторону, но все же от атаки полностью не ушло.

Заяц неуклюже приземлился на камни, перекувырнувшись несколько раз. Его усы безвольно опали на землю, по ним проскочили разряды, но почти сразу же угасли. Похоже, заяц потратил слишком много энергии, и ему нужно время, чтобы восстановиться. А волк уже подбирался к нему, и над нижней челюстью у него бурлила черная масса, постепенно обретая очертания морды.

Внезапно что-то шлепнулось о бетонную плиту, располагавшуюся над входом в убежище Лайонхарта. Задрав голову, он увидел, как по камням, оставляя блестящий след, сползают три студенистые комка. Два из них упали в пропасть, но один плюхнулся почти у ног Ричарда. Инстинктивно отскочив, он уставился на... крупного, в руку длиной, то ли рака, то ли еще какого-то похожего гада, у которого вместо задней части тела было наклеплено нечто вроде актинии. Вместо щупалец у полипа были скорпионьи хвосты. Тварь вяло трепыхалась в луже вонючей слизи, а ее очертания были расплывчатыми, сглаженными, будто она состояла из воска, опаленного пламенем. Вздвогнув, аспирант уцепил из своих запасов сухую ветку и спихнул ей уродца в пропасть. Также он насколько смог отскреб со стенок пещеры и блестящую слизь.

Откуда-то снизу послышались еще шлепки. Выглянув, Ричард с ужасом обнаружил штук

пять насекомых, прилепившихся к скалам пониже «окна» пещеры. Их состояние было такими же, как у недавнего рака: они будто бы оплавилась и с них сочилась темная студенистая жижа. Твари подергивали лапками, и похоже, они пытались карабкаться по скалам, но поднявшись на пару дюймов, сползали обратно.

«Черт, пора кончать на эту драку пялиться! Не в цирке! — зажав рот ладонью, отругал себя аспирант. Его била крупная дрожь, а желудок который уже раз пытался выбросить с таким трудом добытый обед. — Наверно, куски этой волчары долетели сюда. А ведь эта тварь состоит из мелкой нечисти! Что если она меня найдет? Нет, надо сваливать отсюда!»

Трясущимися руками он закинул в рюкзак кое-какие вещи, закинул на плечо автомат и выбрался из пещеры.

«Под водопадом есть еще пещера, — напряженно размышлял Лайонхарт. — Надо бы отсидеться там, пока нечисть внизу не пережрет друг друга».

Он пробирался через дикое нагромождение обломков, прячась в тени валунов. Достигнув руин городского квартала, специально прошел через разрушенные вестибюли нескольких зданий. Это было рискованно: потолки обвалились, кругом толстым слоем лежал мусор, в полу кое-где темнели сквозные провалы. В пыльной темноте легко было напороться на кусок арматуры или сломать ногу, но это все равно лучше, чем угодить на обед монстрам. Затем Ричард продрался сквозь чащобу, где толпились увитые лианами тропические деревья, а над землей ошетились длинными шипами кустарник. Под ногами хлюпала грязь, кругом шастали мелкие ящерицы и огромные, чуть ли не в руку размером, сколопендры. Лохмотья плохо защищали от колючек, и кожу иссекли кровоточащие царапины, но бывший аспирант упорно продирался дальше.

И вот, наконец, заросли начали редеть, и между увешанными лоскутами мха ветвями заблестела вода. Еще несколько минут — и Лайонхарт выбрался на берег озерца, в которое со скалы, больше похожей на руины поросшего травой небоскреба, низвергался водопад. Невысокий, всего футов пятьдесят — никакого сравнения с той стеной воды, которая обрушивалась в ущелье всего в нескольких десятках ярдов левее, — но все равно он был неплохой маскировкой для уютной пещерки позади него. Той, где неплохо было бы укрыться, переживая битву внизу. Ричард уже несколько дней как облюбовал ее под второй лагерь, припрятав там некоторые припасы. Настало время перебраться в это логово.

Отряхивая с разбитых сапог грязь и членистоногих тварей, Лайонхарт шагнул к усеянному острыми камнями берегу озерца, и вдруг краем глаза уловил движение. Настораживал и непонятный блеск на скале, с которой низвергалась вода. Впрочем, может это всего лишь осколок стекла в разбитом окне? Вода постепенно отмыла его от грязи, и вот...

Однако мускулы сработали прежде, чем мозг успел рассмотреть все варианты. Выработанная за время скитаний привычка бросила Дика за куст барбариса. Слух выделил из монотонного шума падающей воды плеск и выкрики. Это были человеческие голоса! Слов разобрать не удавалось или Ричард разучился их понимать за полгода одиночества, но монстры или роботы явно кричали бы по-другому. С сильно бьющимся сердцем он осторожно раздвинул колючие ветви и... будто окаменел.

— Боже... я помер и оказался в раю? — еле слышно прошептал бывший аспирант, точно боясь спугнуть дивное видение.

У самого водопада, всего в паре десятков ярдов от Лайонхарта, плескались две девушки. Они стояли по пояс в кристально чистой воде, одна — лицом к водопаду, а другая — глядя

куда-то поверх затаившегося Ричарда. Обе неспешно надраивали кожу мочалками, а рядом на большом обломке коры покачивался кусок мыла. Солнечные зайчики скакали по их юным телам. Прелестницы весело переговаривались, казалось, не замечая ничего вокруг.

Взгляд аспиранта, мигом забывшего обо всем на свете, слизнем прополз по спине одной из девушек, задержался на ее крепких ягодицах. Тут красотка тряхнула головой, и ее темные волосы, неровными плетями приклеившиеся к телу, взметнулись в воздух. Наблюдатель переключился на другую наяду. Приклеившись было к шоколадной медали соска, его взгляд скатился с небольшой, но милой груди, скользнул по подтянутому животу и надолго заблудился на золотом лужке. Ужасно не хотелось падать оттуда в ледяную воду...

Кровь зашумела у Лайонхарта в ушах, и ему показалось, что голова сейчас взорвется, как перегретый паровой котел. Стало невыносимо жарко, а в нижней части живота по ощущению разлилось озеро раскаленной лавы. В груди будто бы крутился яростный вихрь, который буквально толкал аспиранта к купальщицам. Немудрено, ведь последний раз он видел женщину больше года назад, и то была полная медсестра лет пятидесяти, осматривавшая его перед вылетом на станцию. На орбиту, ссылаясь на трудные условия и негативное влияние различных излучений на репродуктивную систему, женщин не пускали. Оставалось довольствоваться картинками из Интернета. А тут — два юных обнаженных тела. Лишь протяни руку, и они — твои! Громко сглотнув, Ричард привстал и сделал шаг к озерцу...

Неожиданно его внимание привлек новый звук — легкое прерывистое вжиканье и глухое постукивание. Дик зашарил взглядом по зарослям в поисках его источника, и тут на него будто антарктической вьюгой повеяло. Пожар вожделения она угасила не хуже лучшего огнетушителя. Аспирант рывком вжался в сырой мох, не обратив внимания даже на членистоногую тварь, которая угрожающе раззявила жвала прямо у его носа. Роботы! Два гуманоидных страшилища ростом почти десять футов каждый, похожие на рыцарей в латах. Они вышли из лесу, остановившись на берегу озера. Девушки, увлеченные беседой, не заметили гостей. Хотя, казалось бы, их вытянутые шлемы, напоминавшие головы жуков-оленей, сразу бросались в глаза. Поразительное легкомыслие!

— Черт, бегите, дуры! — скрипнув зубами, чуть слышно произнес Ричард.

Тщетно! Красотки все же заметили роботов, но лишь растеряно застыли, будто не веря увиденному. А у рыцарей на шлемах чуть пониже рогов зажглось по несколько лампочек — может быть, глаз? Они выпустили красные лучи и те зашарили по соблазнительным формам... Неужели и у этих тварей пробудилась похоть? Только тут девушки, истошно заверещав, бросились наутек. Роботы шагнули в воду, и на их ступнях развернулось нечто вроде ласт. Странно, вместо того, чтобы тонуть, эти груды железа с удивительной легкостью заскользили по воде.

Вероятно, одна из красоток в спешке зацепилась ногой за какую-нибудь корягу и, всплеснув руками, повалилась в воду. Ее тут же настиг робот. Он, точно грубый приставала, сходу крепко обхватил девушку за талию и его запястья несильно замерцали, после чего обнаженное тело опутали змеистые молнии. Красотка издала приглушенный вскрик и обмякла, а механический насильник легко и бесцеремонно, будто грузчик — небольшой мешок закинул ее на плечо. Он неспешно направился туда, откуда появился.

Вторая девушка успела добежать до места, откуда из озерца вытекала небольшая речка, низвергавшаяся потом в ущелье. Деваться оттуда было некуда, налево и направо — лишь узкая полоска каменистого берега. Что же красотка предпримет? Торопливо набрав крупных

камней, она принялась швыряться ими в преследователя, но тот с легкостью уклонился. Робот вытянул руку и сложил пальцы пистолетом. С указательного сорвался голубой луч, поразив безрассудную беглянку точно в середину лба. Глаза прелестницы закатились, и она подрубленной тростинкой рухнула на землю. Ее тело подхватило течение, унося к обрыву, но робот уже был рядом.

Наблюдая, как нападавшие вместе с добычей неспешно возвращаются к лесу, Лайонхарт вскинул автомат. В его сердце словно вонзилась раскаленная игла, и в этот момент сильно захотелось разломать роботов на мелкие кусочки — пусть даже голыми руками. Неизвестно, чего в этом порыве было больше: благородства или банальной досады на то, что у него прямо из-под носа уводили соблазнительную плоть? Однако тут разум сказал свое веское слово, и аспирант усилием воли заставил себя снова залечь.

«Ну что я сделаю? Их двое, а я один. Будь проклята моя беспомощность! — он уныло разглядывал последний магазин, вставленный в автомат. Злость сменилась глухой тоской. — Патронов мало, а я толком стрелять не умею...»

Ричард, кусая губы, смотрел, как роботы неспешно углублялись в заросли. И тут он испуганно вытаращился: на опушку вышел еще один враг! Тоже похожий на рыцаря, только с человеческой головой. Черты грубо высеченного лица дышали ненавистью, и не отпускала мысль, что острые шипы, наподобие солнечных лучей торчавшие у этого чудища на лбу, висках и запястьях, готовы в любой момент воткнуться аспиранту в горло. Робот пристально разглядывал скалу в том месте, где с нее низвергался водопад. Что его так заинтересовало?

«Да убурайтесь вы уже!» — с досадой подумал Лайонхарт. Его одежда промокла насквозь, от земли тянуло холодом, а по телу раздражающе шныряли какие-то твари.

Вдруг из-за завесы водопада вышла еще одна девушка! Невысокая, но изящная, с милым круглым личиком, она казалась сказочной ундиной — хозяйкой этого уголка. На мгновение забыв о враге, Ричард пожирал ее широко раскрытыми глазами. Его сердце часто заколотилось, но на этот раз кровь струиться быстрее заставляла не только похоть. Ричард лишь мельком скользнул взглядом по формам незнакомки и остановился на ее лице. Большие и наивные, похожие на два горных озерца, глаза. Вздернутый носик, окруженный россыпью веснушек — они придавали этому, почти детскому личику особое очарование. Пухлые губки и огненный поток волос почти до пояса.

— Хелен? Дени? Вы куда делись? Не бросайте меня! — прощепетала она скорее игриво, чем с беспокойством. И эти слова окончательно добили аспиранта.

Когда-то над Лайонхартом, парнем угрюмым и закомплексованным, девчонки только смеялись. Он злился, презирая их, а любовь, особенно с первого взгляда, считал глупой выдумкой из женских романов. Ну или опасным неврозом, требующим серьезного лечения у психиатра. Что ж, похоже, этот недуг настиг и его!

Легкое шипение водяных брызг, разлетающихся от «ласт» рыцаря, и электрический гул оторвали Дика от романтических мыслей. Робот уже стоял прямо перед девушкой — грозный и безжалостный, как Азраил. Его ноги, едва касавшиеся воды, окружала кисея брызг, а предплечья искрились. Девушка, вскрикнув, метнулась в сторону, громко шлепая босыми ногами по мокрым камням, но вскоре поскользнулась. Ойкнув, она ударилась коленом, попыталась встать и не смогла. А враг уже был рядом, он протянул к жертве руку, похожую на когтистую лапу хищной птицы. Девушка испуганно заслонила лицо руками, и тут полыхнула голубоватая вспышка. Девичье тело безвольно растянулось на камнях.

— Ну, уж нет, эту я тебе не отдам! — сквозь зубы прорычал Лайонхарт.

В одно мгновение страх забился куда-то в дальний угол души, уступая место холодной злобе. В самом деле, кто он: человек или жалкий таракан, только и способный, что прятаться в тенях? На этот раз враг один, а его дружки ушли — авось в лесу, да за шумом воды, не разберут выстрелов. Это, конечно, было очень рискованно, но волна эмоций сейчас полностью захлестнула мозг. Внимательно оглядев робота, Ричард заметил, что на его затылке выделялось пятно — при взгляде на него вспоминался участок гладко выбритой кожи. Броня покрывала голову рыцаря спереди, сверху и с боков: вероятно, ее носитель был уверен, что позади него всегда будут оставаться лишь трупы. Вскинув автомат, аспирант прильнул к прицелу. Его руки дрожали, но дух был тверд. Надо было положить гада одной очередью!

— Получай, урод! — нажав на спуск, от волнения сказал он слишком громко, и враг повернул голову.

Выстрелы! Ствол задрался вверх и в сторону, и часть пуль выбила из скалы фонтанчики пыли. Остальные злыми осами ужалили робота в щеку. Тот отшатнулся, но устоял. Глаза рыцаря вспыхнули ярко, как раскаленные угли, и он, забыв о красоте, заскользил к укрытию Лайонхарта. Спина аспиранта мигом взмокла, сердце заколотилось так, что того гляди, расплющится о ребра. Крупно задрожав, Дик изо всех сил вдавил спусковой крючок. Грохот выстрелов перекрыл шум водопада, пули со звоном рикошетили от броневой плиты на груди робота. Он покачивался, но упорно приближался. И вот оружие смолкло. Ричард раз за разом в истерике давил на спуск, подергал предохранитель, оттянул рукоятку затвора, но все было тщетно. Патроны кончились, а враг оказался совсем рядом!

Истошно завопив, аспирант швырнул ставший бесполезным автомат в робота и кинулся в лес. Ага, уйдешь тут! Враг, оттолкнувшись от прибрежного камня, стальным леопардом прыгнул на беглеца. Мощный удар в спину швырнул Лайонхарта на землю, он приложился головой о поваленное дерево, из глаз посыпались искры, а в ушах загудело. Он почувствовал, как что-то тяжелое вдавило его в грязь, но, как ни странно, воспринималось это приглушенно и все звуки словно пробивались через толстый слой ваты. Может, душа отделилась от тела, чтобы сбежать, наконец, из этого проклятого мира?

Но нет, он все еще был тут, на берегу озерца. Ричарда перевернули на спину, и он увидел прямо перед собой рожу врага — она немного расплывалась, но жуткая ухмылка на ней выглядела вполне реалистично. Алые лучи, вырвавшиеся из глаз робота, зашарили по телу аспиранта. Казалось, сейчас они разрежут живую плоть на куски, но... Неожиданно робот отстранился, выпрямившись перед Лайонхартом по стойке «смирно».

Секунды шли, складываясь в минуты, и ничего не происходило. Наконец, Ричард пришел в себя, и его зрение прояснилось. Он с тревогой и изумлением разглядывал стального рыцаря, неподвижно стоявшего перед ним с вытянутыми по швам руками. Чудилось, или он склонился в едва заметном поклоне? Это было настолько неправдоподобно... Кузнечным молотом грохотало в ушах сердце, отчаянно зудела под мокрой одеждой кожа и острые камни больно впивались в ягодицы, а Дик все не мог оторвать взгляда от своего несостоявшегося убийцы. Оцепенение и страх медленно отступали, вместо них ядовитой пеной со дна души поднималась злость.

«Проклятье, как бесит это рыло! — подумал Лайонхарт, разглядывая жуткую морду робота. — Убрался бы он куда-нибудь...»

И вдруг у него вырвалось:

— Слышь, ты, стальной болван! Вали отсюда к черту, и чтоб я тебя больше не видел!

В тот же момент рыцарь, явственно кивнув, зашагал прочь. Через несколько секунд он исчез в лесу, и уши больше не ловили ничего, кроме шепота листвы и криков животных. Какое-то время Ричард ошалело глядел на темную стену чащобы. Может, он ходил тут, ходил, выбился из сил, а потом задремал? Словом, роботы, девушки, да и эта стройка в ущелье и нападение на нее монстров — это ему все померещилось? Но тут взгляд наткнулся на цепочку следов на мягкой земле. По виду они были человеческими, только очень большими и форму имели не совсем такую. Похожую на граненый отпечаток рыцарского сапога. Значит, все было взаправду. Но что все-таки произошло?

Ладно, для раздумий можно было найти место и поуютней. Поднявшись на ноги, Ричард подковылял к берегу. На другой стороне водной глади, у маленькой заводи, распростерлось на камнях тело девушки. Тем временем заходящее солнце ложилось спать на перину из густо-синих туч. Их рассекали ветвистые молнии. Стало заметно холоднее, и резкий порыв ветра пригнул к самой воде камыш.

— Гроза идет, — пробормотал Лайонхарт. — Надо бы укрыться в пещере. И эту голую с собой прихватить. Пускай расскажет, что да как и откуда она.

Файл 5. 17 ноября 3086 года. Сектор гидропонных культур

Он пришел в себя среди холмов, укрытых густым туманом. Вероятно, Кугель валялся бы в беспамятстве много дольше, ведь ковер из сочной травы был столь мягок, а шелест огромных листьев навевал дрему. Впрочем, густой и теплый, не знавший, кажется, с начала времен ни малейшего движения воздух тоже не способствовал активности. Однако, ничто в этом мире не бывает постоянным: невесть откуда налетел порыв холодного ветра, прорвав в белесом одеяле паров широкие дыры. Обзор прояснился...

«Где это я? — раздумывал робот-шар, недоверчиво оглядываясь. — Помню, я пробил стену, а что случилось дальше?»

Увиденное снова удивляло. То, что раньше представлялось холмами, в действительности оказалось причудливыми сооружениями — чем-то вроде огромных клеток разных конструкций. Внутри каждой из них росла трава, а по прутьям решетки карабкались вьющиеся растения. Навряд ли они тут появились сами по себе, и уж конечно не были творением природы. Иначе как объяснить гексагональную, с идеально ровными краями, форму листьев, которые располагались строго в шахматном порядке? Да и сами побеги друг относительно друга размещал явно не бездумный случай, тут имелась четкая схема. Все растения были рассажены на внимательно подобранном расстоянии, имели выверенную высоту — так, чтобы не затенять соседние. Окраска их тоже оказалась необычной: в зависимости от положения в «клетке» она менялась от синеватой до красно-бурой. Тут нашлось место почти каждому оттенку спектра. Кое-где выделялись небольшие звезды цветов, попадались и плоды, причем кубической формы.

«Оранжерея, наверное», — подумал робот-шар.

Он лениво наблюдал, как металлические паучки, лазая по ветвям, аккуратно удаляли сухие листья, прищипывали усики и концы побегов, что-то вкалывали и замеряли. Конечно, они и урожай собирали, сгружая плоды в широкие воронки у земли.

Тут выяснилось, что Кугель угодил, пробив решетчатую стенку, в один из таких тепличных боксов и теперь лежал среди острых дротиков травы. Неожиданно прямо из земли там и тут выдвинулись тонкие трубки, и на их концах раскрылись зонтики водяных брызг.

— Ай, не мочите меня, я заржавею! — воскликнул робот-шар, выкатываясь на дорожку, идущую вдоль боксов.

Похоже, их тут были тысячи, и они, размером от морского контейнера до небоскреба ровными рядами уходили в поредевший туман. А если глянуть поверх их крыш, то вдалеке просматривались массивные колонны, вознесшиеся на недостижимую высоту. Между ними были перекинуты балки, и на каждой громоздились блестящие параллелепипеды. Наверно, другие теплицы? Они купались в желтовато-зеленом свете, источаемом поверхностью колонн.

— Удивительно, как тут все чистенько, — размышлял вслух Кугель, катясь по гладко заасфальтированной дорожке. — Даже скучно как-то! Ладно, по крайней мере, за мной никто не гонится.

В самом деле, в сравнении с теми джунглями, по которым робот-шар шатался прежде, оранжерея выглядела как дворец рядом с полуразвалившейся избушкой. Гладкий, без

единого изъяна камень, полированный металл, ровная краска. Прямые, четко выверенные линии, тщательно настроенное освещение, которое не оставляло ни единого пятнышка тени. Очевидно, за всем этим внимательно следили, и действительно, то и дело мимо шныряли юркие служители.

Уже попадавшиеся ранее пауки работали, похоже, в каждом боксе, но были тут и другие существа. Вот к той дыре, откуда выбрался Кугель, прыгнули два кузнечика размером с крупную собаку и принялись сноровисто латать повреждения. Один из них мощными жвалами откусил покореженные штанги, а второй нацелил на образовавшийся просвет яйцеклад. С его конца закапала вязкая жидкость, которая, тут же застывая, формировала новые элементы конструкции. Затем кузнечики убрали разбросанные вокруг осколки, а несколько пчел принесли им стопку новых стекол. Не успел изумленный Кугель досмотреть этот спектакль, как его довольно грубо отпихнул в сторону гигантский, с трамвайный вагон, скарабей. Этот ощупывал усиками дорожку, и, обнаружив малейшую трещину, протягивал к ней хоботок, из которого вытекала порция темной массы. Передними лапами жук разравнивал смесь, и через пару минут было уже сложно поверить, что плиты не только что доставили с завода.

«Они живые или нет?» — задался вопросом Кугель, внимательно разглядывая насекомых.

Каждый членик на их телах выглядел совершенно естественно, но вот общий размер... Подозрения оправдались: если присмотреться, то можно было разглядеть головки заклепок, скреплявшие вместе части панциря. Выходило, что это роботы? А были ли у них хозяева? Хорошенько поразмыслить над этим не удалось: слух уловил неприятное зудение, и, подняв глаза, Кугель увидел, как над ним закружились слепни. Робот-шар, как и положено машине, не отличался излишней нервозностью, но учитывая, что эти летуны размером больше походили на альбатросов... Напрягали и их глаза, отливавшие радугой — они пристально наблюдали за чужаком. И ладно бы, только наблюдали. Вскоре к мухам присоединились комары, и их метровые, судя по всему, металлические хоботки не предвещали ничего хорошего. Робот-шар предпочел укатиться дальше.

Выходит, за время всех скитаний по миру, или, как его называли другие — Омнисфере — он ни разу не встретил ничего природного. Лишь искусственные сооружения или нечто сильно модифицированное, как эти растения в теплицах. А было ли вообще что-нибудь естественное в этом мире, или он сразу был выстроен по чьей-то воле? В памяти всплыли слова Фенрира и картины, какие он показывал. Зеленые поля и леса... правда ли этот мир когда-то был таков? Никакой достоверной информации об этом не было, сохранились лишь смутные легенды о катастрофе. Но что именно случилось, кто в этом виноват и как потом восстанавливался мир? Вдруг окажется, что волчара был прав, и его ненависть к машинам оправдана? Разрозненные догадки увязали в болоте неопределенности, а потому забирала глухая тоска. Оставалось надеяться, что ответы еще найдутся — где-то там, на вершине этого мира.

Вдруг шум отвлек Кугеля от невеселых раздумий. Слепни и комары с сердитым зудением разлетелись в стороны, кузнечики, застрекотав, ускакали под покров тумана. Мимо, едва не растоптав робот-шар, пронесся давешний скарабей. Его надкрылья изуродовала глубокая вмятина, а хоботок чертил по дорожке извилистую полосу строительного раствора — жук, похоже, этого даже не замечал.

— Ты чего, совсем сдурел, танк проклятый? — сильно ударившись о какой-то столб,

окрикнул скарабея Кугель.

Ясное дело, ответа не последовало...

Ворча себе под нос, обиженный робот-шар выбрался на дорожку, как вдруг... ему прямо между глаз уткнулся штык! Острое лезвие легко, как бумагу, пронзило металл корпуса, проникло вглубь корпуса, ломая микросхемы. Кугеля затрясло и ему сделалось так жутко, как никогда не бывало с того самого момента, когда он сошел с верстака. Растеряно хлопая глазами, он скользил взглядом по штыку и разглядел винтовку, на которую он был нацеплен. Ее сжимал в руках усатый мужчина в одежде сизого цвета и с кожаным ранцем за плечами. Охранник? Нет! Быстрый поиск по базе данных поверг робота-шара в ступор: винтовка Манлихера, форма — австро-венгерской армии времен Первой мировой. Кугель точно не представлял, где и кто с кем тогда воевал, но понял — это случилось очень давно. Как мог солдат той войны преодолеть бескрайний океан времени?!

Обращали на себя внимание некоторые детали. Черты лица солдата были смазаны, словно у робота-шара неожиданно развилась сильная близорукость, а сквозь его фигуру просвечивал окружающий пейзаж. Не все в порядке было и с раной. Кугель с трепетом ожидал, что вот сейчас его пронзит невыносимая боль, и, как это пишут в книгах, его сознание развалится на куски. Однако ничего дурного не происходило, проверка систем не показала поломок. Как же так? Пробитый корпус, сломанные микросхемы это что — галлюцинация?

Вдруг по ушам хлестнул сдавленный крик. Солдат встрепенулся, и, внимательно поглядев куда-то вдаль, взял оружие наизготовку. О роботе-шаре он напрочь забыл, и просто перешагнул его, как булыжник на дороге. Обляпанный грязью каблук солдатского ботинка на прощанье припечатал Кугеля в затылок, но он почему-то ничего не ощутил — даже малейшего дуновения. Несколько секунд робот-шар лежал ни жив, ни мертв, и лишь ценой больших усилий смог оглянуться вслед солдату. Никого, лишь тихо шелестела трава вдоль дорожки.

«Призрак?!» — мелькнуло в мыслительном блоке.

Но не успел Кугель прийти в себя, как откуда-то слева раздался низкий рык. Глянув на звук, робот-шар остолбенел. Среди теплиц вышагивал... тираннозавр! Некие закутанные в шкуры существа прыгали у ног гиганта и размахивали дубинками — может, это первобытные люди? Динозавр пытался затоптать их, ухватить передними лапами и, возможно, сожрать. Казалось бы, действия этой группы должны были крушить теснившиеся вокруг боксы, но страшные челюсти проходили через решетчатые стенки насквозь, не сорвав ни листочка с вьющихся растений!

Подобные видения теснились кругом, налезая одно на другое. По одной из дорожек оранжереи проехали, не разбирая дороги, несколько танков — опять же, не примяв ни единой травинки. Чуть дальше бодрым шагом пробежали древнегреческие воины, и, замерев, по команде метнули в туман дротики. В вышине пролетел самолет, обрушив на землю град бомб. Вспухли разрывы, но ударной волны не последовало, а волна пламени ничего не обожгла, и рытвин не появилось.

Оранжерея в считанные минуты превратилась в настоящее поле боя, где схлестнулись люди, машины, животные из самых разных эпох. Причем все они, насколько можно было судить, не видели друг друга, а сражались с кем-то еще, незримым. Несмотря на то, что визуальные эффекты выглядели очень правдоподобно, а воздух разрывала какофония оглушительных звуков, бой шел будто в иной реальности. Контуры воинов и техники

оставались зыбкими, цвета блеклыми, детали — полупрозрачными, а материальные предметы игнорировали происходящее. Или... так лишь казалось?

В какой-то момент то здесь, то там начали сгущаться черные облачка, и вскоре над всей оранжереей развернулся темный полог — будто жирный дым от пожара смешался с туманом. Эта хмарь клубилась, и предметы за этой завесой искажались: так на мутной воде, тронутой ветром, колеблется отражение.

Кугель занервничал: черт, это очень походило на то, что происходило возле стены, когда его преследовал Фенрир! Что происходило и откуда брались все эти призраки? Робот-шар нервно озирался, ища, куда бы скрыться, и тут прямо ему на макушку упала тяжелая капля. Затем еще и еще — дорожку испещрили, быстро сливаясь в одно целое, темные пятнышки. Ну вот, только дождя не хватало! Вообще, корпус Кугеля был водонепроницаем, но все же плач небес его беспокоил. Возможно, потому, что это было довольно редким явлением: с тех пор, как он покинул родной поселок, он видел лишь туманы, росу и редкую морось. Похоже, влага в основном просто конденсировалась на многочисленных поверхностях, незаметно стекая вниз. Но может тут, чтобы создать растениям естественные условия, система климат-контроля устраивала и дожди? Ведь регулировала же она освещение, влажность и движение воздуха? Как бы то ни было, робот-шар, торопливо прокатившись с пару сотен метров, предпочел спрятаться под карнизом приземистого здания. Оно выглядело неплохим укрытием, ведь призраки сюда еще не добрались, и к тому же, стены были прозрачными — будет на что посмотреть, пока пережидает дождь.

Это походило на цех химического завода: гигантские чаны, опутанные трубами и проводами, ванны, в которые по желобам струилась мутная жижа, хитроумные агрегаты. Впрочем, по дороге Кугель видал и не такое. Однако кое-что приковало его взгляд, заставив даже забыть о метавшихся невдалеке гигантских тенях. Мостовой кран механическими лапами медленно поднимал из одной емкости нечто вроде огромного стеллажа с множеством полок. С них стекала, клубясь густым паром, маслянисто блестящая жидкость. Вот белесые клубы рассеялись, и...

— Во-о-аахх! — изумленно выдохнул Кугель, разглядев то, что было аккуратно на полках этой конструкции.

То были нежно-красные, с веточками бардовых прожилок, тяжи и куски, обтянутые полупрозрачной пленкой. Хм, они казались подозрительно знакомыми, только встречались обычно в другой обстановке, а потому их нелегко было сразу признать. Еще эти характерные полосы беловатого цвета на них, которые пересекали красноватую массу на неправильные сектора... Стоп! Да ведь это — оковалки мяса, каждый килограмм на сто! Но почему все окорока имели одинаковую, строго прямоугольную форму? Робот-шар рассеянно поглядел по сторонам, и ему на глаза попались квадратные плоды, которые покачивались на ветвях в ближайшей теплице.

«Неужели они выращивают это искусственно? — мелькнула догадка. — Но для кого? Может быть, где-то рядом поселение?»

Из раздумий его выдернул скрип, за которым последовал протяжный звон. Повернувшись на звук, Кугель увидел, что каркас на крыше одного из тепличных боксов прогнулся, и стекла, лопаясь, падали на землю. Выходит, призраки в своем буйстве таки что-то повредили? Но постой, нечисть вроде куда-то подевалась, и лишь клубы смога струились по оранжерее, да сеял противный дождь. Хотя... тут ударов не надо: рейки каркаса были сплошь изъедены ржавчиной и рассыпались прямо на глазах. Причем не только в этом боксе,

но и в других! Странно, вроде бы роботы-насекомые тщательно ухаживали за оборудованием, так почему оно пребывало в таком состоянии? Персонала не хватало и эта часть оранжереи запустили?

Не встречая больше препятствий в виде стекла, дождевые капли забарабанили по листьям, и те... вдруг начали желтеть, и, съеживаясь, опадать! В считанные минуты полные сил растения обращались в высохшие палки.

— Это что, кислотный дождь или вроде того? — с беспокойством выдохнул робот-шар.

Однако страдали не только нежные побеги или металл. По дорожке зазмеились трещины, а в углублениях, где собирались лужи, бетон и вовсе раздробился на мелкие, рассыпавшиеся буквально в пыль обломки! А тут еще над головой что-то заскрежетало, и, подняв взгляд, Кугель с ужасом обнаружил, что карниз начал гнуться. В нем наметились дыры, и через те уже капало. Если так пойдет, он лишится укрытия!

«Черт, надо убираться отсюда!» — решил робот-шар, увеличивая обороты встроенного генератора.

Его круглое тело окутал голубоватый ореол — электромагнитное поле. По идее, вода — неплохой проводник, и капли, обретя заряд, должны отталкиваться. Хватило бы только батарей...

Глубоко вдохнув, Кугель выкатился под дождь, и, огибая лужи, направился... Интересно, куда? Этого он сам не знал, а просто на максимальной скорости помчался по лабиринту дорожек, просто надеясь выбраться из-под душа из ядовитых осадков. Со временем, действительно, капли стали падать реже, а оранжерея осталась позади. В то же время туман сделался гуще, и вскоре зона видимости сократилась до нескольких метров — причем, во всех диапазонах спектра. Да, что-то было сильно не так со всей этой влагой. Впрочем, тут ломай — не ломай голову, много не поймешь, а потому робот-шар просто двигался вперед.

Через какое-то время местность начала ощутимо подниматься, и передвигаться стало труднее. Приходилось выискивать уступы и перепрыгивать по ним с одного на другой. Начинались горы или приближалась еще одна стена? Кто же его знал... Так миновали несколько часов, и, наконец, пелена облачности начала редеть.

Кугель выкатился на небольшой пригорок, радостно засасывая в воздухозаборник чистый, наполненный морозной свежестью ветер. Человек сказал бы, что на душе стало легко, и, подчиняясь этому чувству, робот-шар подставил лицо яркому свету. Тот, как всегда, шел неизвестно откуда: просто зарождался где-то в бледной вышине, обильно изливаясь на мир. Надо сказать, довольно пустынный: лишь вершины отдельных гор кое-где прорвали махровое покрывало туч. Остановить взор было особенно не на чем, кроме, пожалуй, одного пика. Он высился прямо впереди и к нему вел длинный, хотя и пологий подъем. Выкрутив увеличение камер на максимум, Кугель не сдержал вздох изумления:

— Медведь?!

В самом деле, эта исполинская гора, вознесшаяся на головокружительную высоту, приблизительными очертаниями напоминала косолапого хозяина леса. Все было узнаваемо: массивная голова с округлыми ушами, хищно раззявленная пасть, мощное туловище и когтистые лапы, широко раскинутые в стороны. Нижние лапы тонули в облаках.

Но поражало даже не удивительное сходство горы с животным, а то, чем оказался этот пик на самом деле. Его склоны образовывали... сросшиеся друг с другом здания! Глядя на них, вспоминалась друза горного хрусталя, в которую объединились, ветвясь, множество

кристаллов. Вот и здесь, тысячи сооружений, больших и малых, любых форм и размеров, странным образом переплетаясь, создавали эту гору. Каждая шерстинка на медвежьем теле была острой крышей какого-нибудь особняка. Клыки в пасти оказались громадными небоскребами. Паутина, которая налипла на мех, в действительности представляла собой бесконечную вязь дорог и мостов.

И, пожалуй, эта невероятная конструкция лишь казалась сцементированной воедино. Между каждым элементом чудовищного города существовали просветы, и сложно было понять, что удерживало их вместе. Вероятно, тут как в клубке: со стороны тот выглядит почти что монолитом, но если взглянуть в микроскоп, окажется, что это не так. Между каждым из волокон найдется немало свободного пространства, и во все стороны торчат отдельные ворсинки, и лишь некоторые точки хитро закрученных линий соприкасаются.

— Мне теперь лезть в этого зверя? — спросил непонятно, кого путешественник и зябко передернулся. Мигом вспомнились попытки Фенрира его сожрать. — Но каким образом?

На самом деле этот вопрос был лишен смысла. Кругом медленно катились волны облачного океана, и, если не считать медведя, то до ближайшего островка был не один километр. Причем, скорее всего любая из остальных горных «вершин» так же окажется циклопическим сооружением. Потому, не все ли равно, куда идти? Медведь, по крайней мере, находился ближе всех.

Подумав так, Кугель покатился по мосту, ведущему прямо в раззявленную пасть зверя. Далеко внизу, там, где одна из опор моста тонула в облаках, роботу-шару почудился участок леса. Двое пробирались через заросли, раздвигая колючие ветви, карабкаясь на огромные валуны и перепрыгивая расселины. Парень в камуфляжном комбинезоне со штурмовой винтовкой на спине был уже неплохо знаком. Но кто та девушка, которой он помогал?

Инцидент 9. 14 июня 2087 года. Пещера под водопадом

Складывалось стойкое ощущение, что наступал конец света. Ветер, завывая лютым зверем, бился в скалы, и те вздрагивали. В узкий лаз, связывавший пещеру с внешним миром, то и дело выплескивался целый фонтан воды, и на склизком полу сформировалось уже немаленькое болотце. Вспышки молний, проникая через несколько сквозных дыр под потолком, с промежутком не более секунды озаряли влажные стены, и каждый раз чудилось, что во все стороны разбегаются черти. Лайонхарт упорно твердил себе: это всего лишь тени от многочисленных выступов, но все равно воображение рисовало орды нечисти. Она копошилась в темных углах, выглядывала из-за сталактитов, подбиралась к маленькому костерку.

Эх, сейчас бы сложить кучу валежника, да запалить такой огонь, чтобы лизал увешанные сталактитами своды! Разогнать темноту, согреть пропитанный влагой воздух. А еще — наполнить брюхо мясом. Тогда бы и в голове плыли мысли спокойные и приятные, наполненные надеждой, а не тревогой.

Но куда там! Все припасы остались в лагере у каньона — хорошо, если там их еще не смыло. А солидный запас дров, которые Ричард собирал несколько дней, он имел глупость свалить недалеко от входа в эту пещеру. И так намаялся, их таская, а уж тыкаться об острые камни в темноте точно хотелось. Вот и решил: брызги от водопада, служившего естественной маскировкой убежища, до схрона не долетали, и ладно. А теперь буря, пригоршнями забрасывая ливень внутрь убежища, превратила ближнюю к выходу сотню ярдов лаза в сплошное болото! Пришлось, миновав несколько поворотов, укрыться в самом дальнем конце пещеры. При этом с собой удалось прихватить лишь небольшую охапку относительно сухих веток. Да и те клыки огня грызли неохотно, будто завзятый гурман — полусырые ребрышки. От такого костра толку было мало, лишь глаза слезились, и в горле драло от едкого чада.

На душе было муторно, мокрая одежда противно холодила спину, зад ныл от сидения на острых камнях, еще и в животе урчало. Да, мясо цапли, которым Ричард подкрепился утром, уже рассосалось, и теперь снова нехстати вернулся голод. Наверно, виной тому стал пережитый стресс?

«Хорошо ей, — вздохнул Лайонхарт, тоскливо разглядывая лежавшую в углу, на подстилке из травы, девушку. — Дрыхнет себе. А вот я сижу тут, и заснуть не могу. Так и чудится, будто на улице толпы монстров бродят».

Настроение было таким скверным, что даже девичьи прелести не впечатляли. А потому Лайонхарт, перед самой грозой притащив незнакомку в пещеру, сразу же укрыл ее потертым одеялом, которое разыскал в руинах. С тех пор вместе с бурей мир поглотила крошечная тьма и уже миновала полночь, а девушка и не думала приходить в себя. А если она умерла или впала в кому, что с ней делать? Кто знает, что с ней сотворила та железяка?

Вдруг в «окошке», то есть, в самой крупной из дыр под потолком, полыхнуло так ярко, что перед глазами Ричарда замелькали разноцветные круги. Почти в тот же миг по ушам ударил оглушительный грохот. Скала задрожала, казалось, горы сейчас обрушатся в бездну. Сверху посыпалась пыль, и аспирант едва успел отскочить в сторону, как всего в паре футов от него обрушился небольшой сталактит. Разбившись вдребезги, каменное острие осыпало

Лайонхарта мелкими осколками, а один из них стукнул девушку в висок. Показалось, или ее она вздрогнула?

Но Ричарду было не до того. Перепугавшись, он отскочил на самое широкое место пещеры. Здесь до каждой из стен было не меньше десятка ярдов, а потолок терялся в густой темноте. Вроде бы, тут ничего не угрожало, но если что-то упадет сверху...

«Черт, как же я скучаю по моей домушке в кампусе, тесной и пропахшей носками! Пожалуй, обрадовался бы даже придирам и подколкам жирного негра-соседа. Пфф, я еще думал, что у него изо рта разит, как из помойки. Да я сейчас воняю намного хуже! — закусив губу, в отчаянии размышлял Лайонхарт. — А какие в кафетерии были гамбургеры... Да я в жизни не едал ничего вкуснее!»

Порыв ветра, налетевший из «окошка» чуть не задул слабенькое пламя костра, и пещеру задернуло покрывало густого полумрака. Взгляду не за что стало зацепиться, и мысли улетели далеко. Аспирант воочию увидел свою лабораторию, кабинет профессора Химмелькнакера — маленький, заваленный всяким хламом и душный. Однообразные постройки кампуса, запущенный сквер рядом — теперь все это казалось чуть ли не Небесным Иерусалимом с плакатов, которыми обвешала его родной дом помешанная на религии мать. А какие в их университете попадались девчонки! Высокие, стройные, модно одетые — хоть сразу на обложку мужских журналов. Эх, были времена! Конечно, они бы в жизни не дали такому сосунку, но к ним можно было незаметно подкрасться сзади, легонько дотронуться до бедра или ущипнуть. А потом вовремя отстраниться, сделав вид, будто это была случайность. Иногда, правда, красотки возмущались, но их выкрики теперь представлялись чуть ли не пением ангелов...

Под сводами пещеры раздался стон. Встрепенувшись, Ричард увидел, как его гостья заерзала на жестком ложе, а потом села. Одеядо съехало, обнажив остренькие грудки, но глазеть на них почему-то не хотелось. Сердце аспиранта часто забилося, и он посмотрел на девушку, как на призрака. Та, с силой растирая виски, слабо прошептала:

— Ох, где я? Хелен, Дени, вы куда подевались?

Набрав в легкие побольше воздуха, Лайонхарт задержал дыхание и попытался взять себя в руки.

— Спокойно, — твердо сказал он в себе. — Я просто с ней поговорю.

Решительно подойдя к костру, он сел рядом. Девушка, натянув до горла одеядо, испуганно глядела на Ричарда. Тот смущенно потер нос.

— Ну, привет, — сказал он широко, но вымученно улыбаясь. — Меня зовут Ричард Лайонхарт. Можно просто Дик. А ты кто и как тут оказалась? — тут Ричард густо покраснел и опустил глаза. Ему вдруг стало очень неуютно, будто он при всех громко пустил ветры.

Девушка долго глядела на него мутным взором, точно на мутный силуэт. Наконец она медленно, как будто с трудом выдавливая слова, заговорила:

— Энн... Торниуэй. Утром мы с двумя подругами из деревни... отправились собирать еду. Забрели далеко, все перемазались, а тут — водопад. Решили искупаться... — Энн говорила медленно, с перерывами, будто с трудом подбирая слова. Может, она еще не вполне очнулась?

— Что?! — воскликнул Ричард, вытаращившись. — Тут есть деревня? Где? Сколько там людей? Неужели я выбрался из всего этого хаоса?!

Энн, согнувшись пополам, зашлась громким кашлем. Ей понадобилось несколько минут, чтобы восстановить дыхание. Лайонхарт ждал рядом, нервно постукивая по камням

носом разбитого сапога. Наконец он не выдержал, и, опустившись перед гостьей на колени, крепко встряхнул ее за плечи.

— Скорее расскажи! Вашу деревню не тронула катастрофа? Что вообще там происходит? Связь с миром есть? А роботы или монстры рядом шатаются?

Энн, окинув Дика пугливым взглядом, отпихнула его и забилась в дальний угол. Она закуталась в одеяло, ее глаза цвета изумруда недобро посверкивали в отсветах костра. Лайонхарт подался было к ней, но вдруг у него в голове мелькнуло:

«Блин, ну что я на нее накинусь? Наверно, решила, будто я — какой-нибудь маньяк! Может, она еще в себя не пришла и плохо соображает. Надо как-нибудь помягче...»

— Прости, я погорячился, — начал он, присаживаясь у костра. — Просто уже полгода не видел живых людей, только таких зверюг, какие и в кошмарах не приснятся. Лазаю тут по руинам и горам, одичал совсем. От всех этих катаклизмов крыша едет! — Он попытался улыбнуться, но вышло криво. — Расскажи, пожалуйста, о своей деревне. Надеюсь, там все хорошо?

Секунды медленно падали в вечность, складываясь в минуты, а может — и часы. Постепенно Торниуэй расслабилась, но отвечать не спешила. Ричард уже решил, что безнадежно все испортил, и его грудь все жарче обжигала злость на самого себя. Буря на улице стихла, и в дыре под потолком, заменявшей окно, тихо шелестел дождь. Возможно, этот звук немного успокоил Энн и она заговорила:

— Я и не знаю, как все объяснить, — она уткнулась остреньким подбородком в колени, нервно теребя край одеяла. — Раньше я жила с родителями в Стиллуотере, штат Оклахома, и в этом году должна была закончить школу. Наш городок небольшой, тихий, вокруг — сплошные поля и почти ничего не происходит. Вернее, не происходило до того дня в начале ноября. Я как раз возвращалась из школы, как вдруг подул ветер, небо потемнело. Думала, начинается пыльная буря, у нас бывает такое, но смотрю — что-то не то. На моих глазах тротуар начал извиваться, ну прям как змея, а дорога рядом поднялась горбом. Дом тетушки Грейс, мимо которого я шла, сначала раздулся, потом наоборот съезжился. Так бывает, когда на отражение на мыльных пузырях смотришь. Чего-то похожее случилось с кафешкой, которая стояла неподалеку. А потом она оторвалась от земли, вытянулась в длинную разноцветную ленту, и ту засосал черный вихрь. Машины на парковке, деревья, прохожие — все, как в кино про астронавтов, начало парить над землей. Меня тоже подхватило, будто я ничего не весила. Ох, как я испугалась, визжала, как резаная! Мало чего уже разглядела. Помню лишь, что вокруг плавали какие-то шары, большие и мелкие, вроде капель ртути. И тут у меня перед глазами сверкнуло, а дальше все потемнело.

Она замолчала. Дик, хмурым, как небо поздней осенью, задумчиво накручивал на палец отросшие волосы.

«Значит, накрыло не только область над Тихим океаном, но и наши Запад с Югом. Пожалуй,хватило еще Канаду и Мексику. Плохо, надеюсь, не во всем мире так! И даты совпадают. Похоже, наш чертов эксперимент натворил дел...»

Мисс Торниуэй рассеяно глядела на выступ на дальней стене, и лицо у нее было таким, будто ей только что сообщили о смерти всей родни. Горевала об утраченном? Однако Лайонхарт решил, что сейчас не время проявлять чувство такта. Нервно похрустывая костяшками пальцев, он поторопил гостью:

— А что было дальше? Ну, когда ты очнулась?

— Я очухалась на дне какой-то ямы, возле лужи с жидкой грязью. Сперва подумала, что

вокруг лес, но потом поняла: это просто буря деревьев навалила. Где — их бросило одно на одно, в других местах повтыкало почти как надо, а третьи вверх ногами торчали. Много было сломанных, даже в щепки разбитых. Стало жутко, а тут в лужице кто-то застонал и пошевелился. Я завопила, но тут из грязи вылезла моя знакомая, она — из другого класса, Дени Билдингз. Мы с ней и сегодня на водопаде были, это блондинка такая потрясная.

Энн обрисовала в воздухе контуры роскошной женской фигуры. Ричард покраснел: точно, на эту девушку он пялился дольше всего и неплохо ее разглядел.

— Я помогла ей выбраться и привести себя в порядок. Ну, насколько получилось...

Торниузэй вздохнула, тоскливо поглядев на мягкое ведро с мутноватой водой, стоявшее возле одного из сталагмитов. Наверно, тосковала по обустроенному быту.

— А потом мы пошли осматриваться. Наступил вечер, потом ночь, и еще день прошел. Мы устали лазить по горам и бурелому, оголодали. Хорошо, что я Дени встретила, а то бы с ума там сошла! Но потом мы вдруг услышали крики. Пошли на них и увидели на опушке полуразрушенный дом, а рядом стоял... Поначалу я думала, что это парень, но то была еще одна девушка, Хелен. Она искала в той развалине выживших. Обрадовалась нам и пригласила пойти с ней, ну мы все вместе и пришли к лагерю. Там было человек сто пятьдесят, все незнакомые. Некоторые были ранены. Кого там только не было! Белые, цветные, азиаты. Некоторые даже английский понимали еле-еле. Но все, с кем я говорила, рассказывал одно и то же: был на улице, а потом налетела буря, все пошло кувырком, и вот он здесь.

«Так, дела идут все хуже, — подумал Дик, и его сердце упало. — Выходит, накрыло весь Новый Свет, не меньше. На этой планете вообще остались живые места?»

— А потом мы все начали обустраиваться. Парни из разного хлама строили хибары, а девушки искали по округе еду. Корешки там всякие, фрукты-ягоды. Тем и жили эти полгода. Мы с Дени и Хелен поселились вместе, чтобы всегда поддерживать друг друга. Кстати, а где они теперь?

Пододвинувшись к Лайонхарту, Энн порывисто схватила того за руку. Глаза девушки были широко раскрыты, и она даже не заметила, как одеяло полностью сползло, обнажив грудь и живот.

Сердце бывшего аспиранта сильно заколотилось, по телу прошла дрожь. Не привык он видеть обнаженную девушку не на картинке, а живьем, причем так близко. Да, он всегда больше увлекался книжками и учебой, а противоположного пола сторонился. Вернее, красотки, да и не очень красотки над ним — щуплым, прыщавым — только смеялись. Такой образ жизни привел его на орбитальную станцию, но бесконечно отдалил от девушек. А тут такое... он один в полутемной пещере в компании рыжеволосой красавицы. Тем более — испуганной и растерянной. Не стоило ли воспользоваться ситуацией?

Однако Дик сделал несколько глубоких вдохов и вскипевшая было кровь немного остыла. Сейчас было не лучшее время для любовных шашней, да и, честно говоря, Лайонхарт немного струсил.

— Тех двоих поймали роботы, — вздохнув, тихо, но твердо произнес он. — Здоровые такие, страшные, рыцарей напоминают. Вроде как ударили девушек током, а потом уволокли. Куда — не знаю. Боюсь, им крышка...

На пару секунд Энн застыла, потрясенно моргая, а потом неожиданно уткнулась Ричарду в грудь. Она затряслась, громко всхлипывая. Поколебавшись с минуту, Лайонхарт приобнял ее за плечи, его руки мелко дрожали. Парню показалось, что между кожей

девушки — гладкой, шелковистой и очень холодной — и его пальцами проскочил электрический разряд. Ричард неловко прошелся пальцами по струящейся меди волос гостыи.

— Как же так? — причитала Торниуэй. — Что со мной будет? Если бы не Хелен и Дени, я бы сошла с ума, погибла! А теперь их нет! Куда мне теперь идти?

— Ну... надеюсь, у вас в деревне найдутся хорошие люди? Да, а у вас там видели таких роботов? Или монстров?

— Нет, я даже не слышала о них! Иначе бы не сунулась в лес! — прорыдала Энн, размазывая по щекам слезы. — Иногда парни приносили из лесу каких-то зверюшек, мы их жарили на костре. Я никогда не видела таких тварей, но они были не больше кролика. Про роботов я даже не слышала!

«Хм-м, выходит, железяки появились тут недавно, — размышлял Дик, нервно покусывая губу. — Это как-то связано с той стройкой в каньоне? А зачем им люди? Например, живность и монстров они просто убивают на месте, а девчонок уволокли. Это... — он покраснел, — поразвлечься хотят?».

Торниуэй, отстранившись, съежилась в углу. Вытерев слезы, она принялась громко и нервно скрести кожу под волосами, а ее лицо стало похожим на маску отчаяния.

— Господи, как тут темно и холодно. Мне уже чудится, что из теней подкрадывается нечисть. Она сожрет меня...

Действительно, костер еле тлел, давая больше дыма, чем тепла. С дровами было все плохо: вода тонкими ручейками затекала в пещеру и под небольшой горкой веток, сложенных в стороне, набрался уже внушительный прудик. Однако Лайонхарту было жарко, как в пустынях Нью-Мексико: ему казалось, что внизу живота пылала паровозная топка, а кровь обратилась раскаленной лавой.

«А чего я боюсь? Так и вся жизнь пройдет», — подумал Дик, пристально разглядывая гостью. Собравшись с духом, он начал, хотя язык ворочался с таким трудом, будто весил тонну:

— Ничего, я провожу тебя в деревню. Там ведь нужны крепкие парни, верно?

Ричард чуть не поперхнулся на этой фразе. Что его крепким назвать, что соломинку — тараном. Но аспиранта было уже не остановить, и он сам дивился, как смелеет прямо на глазах.

— А еще... знаешь такую присказку? Один индеец под одеялом замерзает, но два — нет. Теплее! Дров почти нет, но мы можем лечь вместе. Тем более, мне больше негде пристроиться, а словить пневмонию неохота. Сейчас проще сразу с обрыва кинуться, чем болеть!

Энн встrepенулась, пронзив собеседника долгим колючим взглядом. Дик прикусил язык, внутри будто что-то оборвалось. В глазах девушки мелькнула тревога, но вот они снова потухли.

«Ой, дурак...» — успел с отчаянием подумать Лайонхарт.

Однако следующая фраза Торниуэй его огорошила.

— Как хочешь, — бесцветно отозвалась она, уронив голову на руки. — Хоть какая-то радость будет в этом дерьмовом мире...

Ричард не поверил своим ушам, а его сердце заколотилось так, что аж в груди заныло. Потом он вскочил и начал торопливо срывать с себя лохмотья, поскользнулся, запутавшись в штанинах.

— Проклятье! — прорычал он, отшвыривая грязную одежду в дальний угол.

Коготки холодного ветра оцарапали кожу Дика, его била крупная дрожь. Однако не смотря на это ему стало жарко, как в печи.

Покрывало ночи истончилось и порвалось, небо сбрызнуло брусничным соком зари. Пришло время выбраться из сырой и пропитанной духом плесени кишки пещеры на свежий воздух. Извиваясь ужом по раскисшей земле, Ричард взобрался на пригорок и раздвинул ветки. На него тут же обрушился холодный душ и капли, падая за шиворот, буквально обжигали, точно это и не вода вовсе, а жидкий азот. Неудивительно, ведь кое-где на лужицах плавал тонкий ледок. А еще этот ветер. Вроде бы, совсем слабый — едва уловимое движение воздуха, — но пронизывал он до костей, плюс мокрые насквозь лохмотья высасывали тепло быстрее, чем вампир — кровь у жертвы.

Ветру было, где разгуляться. Всего в нескольких футах впереди скала резко обрывалась в бездонный каньон. Далеко внизу, наверно, на глубине не меньше мили расстился махровый ковер тумана. Или это было море из кипящего молока? Нечего и мечтать его переплыть! Да и надо ли? Хотя восходящее солнце надело золотые коронки на гнилые клыки тамошних скал, это не придало благообразия противоположной стороне каньона. Настораживала зеленая плесень глухой чащобы, сплошь покрывавшая его десны. Что ждало в этих дебрях? Казалось, череп престарелого великана скалился на всех чужаков.

Ричард до рези в глазах вглядывался туда, но не мог уловить ни единого движения, а каменный хаос сроду не знал прямых линий. Может, стройка, бурлившая в каньоне вчера, была лишь причудливым сном? После всего пережитого и не такое привидится. А вдруг он и вовсе лежит себе спокойненько в госпитале на «Орбитроне-7», раненый при взрыве на станции, а все последующие зловключения — не более чем игра воображения? Лайонхарт горько вздохнул: хотелось бы верить...

Уцепившись за эту отчаянную мысль, Дик задрал голову. Над горизонтом уже обозначился краешек солнца, но сизо-зеленоватое покрывало неба еще украшали единичные блески звезд. Выделялась среди них одна — белое пятнышко с гречишное зерно, стиснутое наклонным кольцом. Лайонхарт, одиночка с детства, любил мечтать о далеких мирах и неплохо разбирался в драгоценной вышивке планет и созвездий. Но такого бриллианта не видал. Вернее, всякий бы припомнил один объект... но отчего он так велик?!

Сзади кто-то чихнул и отвлек бывшего аспиранта от тревожных мыслей. Потом раздался короткий выкрик и всплеск. Вздрогнув, Ричард обернулся, его сердце быстро заколотилось... Но уже через секунду он лишь, поджав губы, вздохнул. Изумрудный ковер мха, устлавший склон, рассекла рыжеватая полоса раскисшей глины, а там, где она кончалась — в небольшом бочажке — барахталось некое существо. Его с ног до головы облепила жидкая грязь, так что сразу и не поймешь, кто это. Но вот существо осторожно поднялось, брезгливо стряхивая с лица комья грязи.

Губы Лайонхарта будто сами собой растянулись в мечтательной ухмылочке. О, немало еще времени пройдет, прежде чем он, едва сомкнув веки, перестанет видеть это лицо! О, эти щеки цвета зари, возбужденно приоткрытый рот, гримаса сладкой муки! Как забавно было теперь видеть его таким — жалким и перемазанным глиной. Мигом всплыли в памяти все детские обиды на девчонок, и грудь согрела темная радость. Однако бывший аспирант торопливо одернул себя. Осторожно спустившись, он полушепотом сказал:

— Энн, ты как? Лучше останься внизу, где-нибудь в зарослях. А то мало ли что!

— Ты что, издеваешься? — огрызнулась Торниуэй, выжимая подол длинного

балахона. — Тут сырость и дрянь. Хочешь, чтобы я до смерти замерзла? — она запустила руку в вырез на груди, с отвращением выкинув оттуда какую-то продолговатую тварь, вроде слизня.

— Тут кругом бродят твари похуже этой улитки, — поморщившись, терпеливо начал Дик. — А еще те железяки. Хочешь составить компанию Дени и Лизи?

— А что ты мне предлагаешь? — фыркнула Энн, приглаживая растрепанные и обвешанные мусором волосы. — В пещере ждуть ты запретил, умыться сходить — тоже. А сидеть под кустами — холодно. Хочешь, чтобы я сдохла от пневмонии или радикулита? Дай хоть сейчас пойти искупаться, себя в порядок привести.

— Черт, жди там, где стоишь!

У Ричарда в груди уже клокотал вулкан. Возможно, не так и плохо, что у него никогда не было подружки? Он отвернулся, а из-за спины тут же послышались возня, хлопанье и приглушенная брань. Аспиранта тоже сильно подмывало хорошо так, звучно рывкнуть. Но не стоило. А потому, чтобы отвлечься, он взгляделся в сиреневую даль.

Медленно спуская с сияющего лика облачное одеяло, показалось солнце. Контуры скал очертились резче, и стало ясно, что на самом деле они — руины небоскребов. Наваленные один на один, поставленные углом, вверх ногами, переломленные пополам — они глядели на рассвет пустыми глазницами окон, скалились гигантскими провалами в стенах. Неведомая сила собрала обломки зданий черт знает откуда, перемешала, пересыпала камнями и землей, утыкала деревьями. Остатки разрушенного мира людей, из которого безумный скульптор воздвиг подобие природного ландшафта.

— Ну, где твои роботы и чего они там строили? — раздалось над ухом.

Лайонхарт вздрогнул, а, обернувшись, увидел чумазую мордашку Энн. Ах эта почти детская кожа, розовевшая под «боевой раскраской» из размазанной глины и травяного сока! Происходящее стало казаться еще менее реальным: Дику будто снова было семь лет, и он с подружкой играл в индейцев. «Юные апачи против киборгов-убийц» — чем не название для анимационного хита?

— Я же сказал, подожди внизу. Двоих легче заметить, чем одного!

— То, что я разрешила себя потискать, еще не делает тебя ни моим мужем, ни папочкой! Надо было согреться и разрядить напряжение, не более. Так что не смей командовать! — ощерив по-лисий остренькие зубки, заявила Энн. Вдруг ее глаза стали похожими на две круглые жадеитовые броши. — Ого, а это еще что такое?

Солнце поднялось достаточно высоко, и его лучи затопили каньон. Туман поредел, и теперь растрепанными клочками ваты остался лишь в низинах.

Глянув туда, куда указывала Торниуэй чуть подрагивавшим пальцем, Дик увидел... Сперва он решил, что это сломанный ствол секвойи, но даже легендарные исполины не достигали таких размеров — не меньше полумили в высоту! Толщина была соответствующей. С волнением вынув бинокль, аспирант рассмотрел еще немало любопытного.

Может перед ним — небоскреб причудливой формы? Действительно, среди извилистых трещин «коры» угадывались прямоугольные отверстия, а возле массивных «корней» темнели широкие ниши. Окна и входы? Кстати, казалось, что «секвойю» обтянули крупноячеистой сеткой. То были плиты облицовки и щели между ними? На ствол немного ниже линии слома было надето нечто вроде ротора карьерного экскаватора. От его «ковшей», в каждый из которых поместилось бы, наверное, по небольшому стаду слонов, в стороны расходились

арки — легкие и воздушные на вид, будто ножки паука-сенокосца. Небольшие колонны подпирали их. Ричард заметил, что над одной из колонн возносилась блестящая мачта, увешанная решетчатыми конструкциями, а другую украшала параболическая антенна. Также обращала на себя внимание гофрированная труба, протянувшаяся от «дерева-здания» к извилистой ленте реки. Из конца трубы торчал пучок блестящих штырей в темной оплетке. Напоминала эта конструкция гигантский кабель.

«А вот и строители нашлись», — нахмурившись, отметил Дик.

В некоторых местах сооружения, а также кое-где среди камней ущелья, налипли огромные комки чего-то, напоминающего застывшую смолу. Подкрутив увеличение бинокля, Лайонхарт увидел, что «смола» дискретна. На самом деле эти комья были скопищами множества разнообразных существ. Муравьи, пауки, другие членистоногие твари лежали друг на друге, не подавая признаков жизни. Вокруг каждой из таких куч железными опилками поблескивали хорошо знакомые Дику роботы — гибриды человека и животных, закованные в латы.

— Значит, не померещилось, — пробормотал Ричард, сильно ущипнув себя за щеку. Кожу пронзила острая боль, и сердце упало.

— Выходит, мы с девчонками плескались рядом с такой стройкой? Черт, ну мы и слепые! — прикрыв рот ладонями, прошептала Энн. — А зачем нужна эта громадина?

— Кто бы знал... Но эти антенны наводят на раздумья. Забраться бы туда, да слишком много там нечисти. Вот если бы нашлась такая же штука, но поменьше. Филиал, так сказать...

— Вроде такого? — невинно поинтересовалась Энн, указывая куда-то в сторону.

Там над волнами зарослей сторожевой башней высилась скала: та самая, вглубь которой уходила пещера, послужившая им ночлегом. На ее вершине в лучах солнца поблескивала небольшая пирамида. Явно искусственное сооружение с белой тарелкой наверху и несколькими металлическими штырями по бокам. Причем это сооружение выглядело новым, аккуратным, без единого рыжего или зеленого пятнышка на гранях.

«Неужели за ночь построили? — удивился Лайонхарт, но тут же его уколола досада: — Постой, когда я подошел к озеру, на скале что-то блеснуло. Я и внимания не обратил. Думал, какая-то железяка или еще чего. А потом забыл обо всем, пляясь на девок. Похотливый болван, важное проглядел!»

— Ну что, полезем туда? — поинтересовалась Энн.

В ее глазах больше не было тревоги. Похоже, ее манил зов приключений. Эх, наивный ребенок, она все еще не поняла, во что вляпалась...

— Нет, слишком рискованно. Где там, значит, твоя деревня? Стоит вернуться сюда с парой крепких парней. Пожалуй, тут найдется ключ к паре секретов нового мира!

— Ну ладно, следуй за мной.

Энн встала, и, ловко ныряя среди жадно растопыренных ветвей, двинулась вглубь леса. Дик пошел за ней, хотя на душе лежал тяжелый камень беспокойства.

Инцидент 10. 16 июня 2087 года. Поселок выживших

Сидевший за грубо сколоченным столом мужчина буравил Лайонхарта недобрый взглядом. Впрочем, Ричарду этот тип тоже сразу не понравился. Заросший до самых глаз черной бородой, кряжистый, он напоминал первобытного охотника. Грязные лохмотья, служившие ему одеждой, усиливали впечатление.

— Ну и зачем ты притащила этого сморчка? — проворчал наконец мужлан, отхлебнув из побитой алюминиевой кружки.

На лице Энн, примостившейся чуть в стороне на колченогом табурете, появилось неподдельное удивление.

— Барри, ты о чем? Сам ведь говорил, что нашей деревне нужны люди. Особенно крепкие парни.

— Вот именно, крепкие! — Барри подошел к Дику и без всяких церемоний рывком поставил того на ноги. Покрутил так и сяк, настолько сильно сжал могучими лапищами плечи, что Лайонхарт болезненно поморщился. — А ты посмотри на этого сморчка. Щуплый, дохлый, поди, ничего тяжелее ложки сроду в руках не держал. Ты чем хоть занимался, сморчок?

Поежившись под презрительным взглядом Барри, Ричард тихо, но жестко сказал:

— Во-первых, я никакой не сморчок! У меня имя есть, и Энн вам его называла. Потрудитесь его вспомнить! Я — аспирант Национальной лаборатории имени Лоуренса, что при Калифорнийском университете в Беркли, специальность — физика высоких энергий. Работал с профессором Химмелькнакером на орбитальном ускорителе «Орбитрон-7». Мы...

— Еще хуже, чем я думал! — перебил его Барри, досадливо махнув рукой. — Лучше бы просто бездельником был. Вы, яйцеголовые, только деньги народные транжирить умеете на игрушки свои дурацкие.

Дик заерзал на табурете, и щепка, торчавшая из неструганной доски сиденья, уколола его в зад. Черт, как тут все раздражало! В груди у аспиранта, казалось, kloкотал готовый взорваться вулкан. Заметив, как он нахмурился, Энн мягко положила руку на запястье Лайонхарта.

— Прости, Барри ничего не понимает в таких вещах. Он всю жизнь трудился на ферме в Арканзасе.

— Нам нужны люди, чтобы охотиться, строить, а может и драться, — громогласно вещал Барри, расхаживая по комнате. Настланный на земляной пол тростник неприятно хрустел под его грубо сшитыми сапогами. — Вон, вы сами говорите, что по округе бродят монстры и роботы. Значит, нам надо укрепить поселок, может, дозоры выставить. И так двоих девчонок симпатичных потеряли. Что будет, если те железяки явятся сюда? Разве эта халупа выстоит? — он печально развел руками.

Да уж, небольшая, футов двадцать шириной комната производила удручающее впечатление. Стенами ей служили листы железа — вроде тех, из которых делают временные заборы на стройке — установленные в промежутках между мощными соснами. Листы подпирали воткнутые кое-как палки, щели между стыками были заткнуты тряпками. Потолок — набросанные крест-накрест жерди, на которых были плотно уложены вязанки сена. Из мебели имелись только самодельные стол и табуретки, засаленный тюфяк в углу, да еще в углу были поставлены одна на одну коробки — похоже, они служили шкафом. Хорошо

еще, что через щели в циновках, закрывавших две дыры-окна, свет едва пробивался, и полумрак скрывал подробности. Иначе, только увидев эту хибару, сильно бы захотелось смачно плюнуть.

— Он не так и плох, — начала Энн, подаваясь вперед. Ее голос звенел. — Дик целых полгода в одиночку бродил по пустошам и руинам. Раз он еще жив, то будет полезен!

— Я тебя понимаю, Энни, — остановившись, Барри с неожиданной теплотой поглядел на девушку. — Моя дочь младше тебя была, а все время по мальчишкам бегала. Эх, какая она была... — Ричард с удивлением заметил, как при этих словах на ресницах мужлана блеснули слезы. — У нас тут парней мало, и у каждого хватает подружек. Ладно, если хочешь, можешь его к себе взять. Глядишь, не только тебя трахать сгодится.

Дик скрипнул зубами, а Энн возмущенно запустила в Барри попавшейся под руку кружкой. Бородач увернулся, его губы растянулись в кривой ухмылке.

«Чего ради я сюда приперся? — с досадой подумал Лайонхарт. — В таких условиях люди часто враждебны к чужакам. Прямо сейчас встать и уйти, куда глаза глядят? Может, найду поселок получше?»

Когда этим утром они пришли в деревню, надежды Ричарда на то, что можно выбраться из этого безумия и хаоса, окончательно рухнули. Нет, старый — уютный и логичный мир — исчез навсегда. Потому что люди, привыкшие к нему, не стали бы жить в таких условиях.

Он увидел небольшой холм посреди леса, на вершине которого сгрудились слепленные из чего попало халупы. Одни напоминали муравейники, насыпанные у корней деревьев, другие примостились на ветвях, третьи использовали стволы в качестве несущих колонн. Попадались и просто ямы, прикрытые ветками. Энн повела Ричарда к самой вместительной хибаре, чтобы встретиться со старостой. При этом Торниуэй долго и красочно рассказывала, какой Барри сильный и умный, но аспирант не ждал ничего хорошего. Ведь достаточно было раз взглянуть на поселян, чтобы понять, каков их руководитель. Еще и несколько встреченных девушек — тощих, чумазных, обряженных в такие лохмотья, какими и последний бродяга побрезгует — проводили непрошеного гостя тяжелыми взглядами. Энн в своей растянутой, но заново выстиранной этим утром кофточке и драных джинсах казалась рядом с ними просто богиней. В итоге Лайонхарт не ошибся, и переговоры зашли в тупик.

— Послушай, Барри, — сделала еще одну попытку Торниуэй. — Дик спас меня. А еще он знает, почему мы оказались в такой заднице и как из нее выбраться!

— Да чего он может знать, — фыркнул староста.

Полностью потеряв интерес к гостю, он подошел к стоявшей в углу кадке и выудил оттуда какую-то поганку, тускло фосфоресцировавшую в полумраке. Достав из кармана сверток, Барри осторожно, как величайшую драгоценность, вынул из него ломтик сушеного мяса, больше похожего на кусок старого картона.

— Эти яйцеголовые умеют только болтать и писать бредовые книжки. А, еще с разными дорогими железками играть могут. Дармоеды и обманщики! — заключил он, с хрустом жуя нехитрое угощение.

Лайонхарт крепко сжал кулаки. Страшно захотелось подскочить к этому самодовольному мужлану и со всей силы огреть его по тупой башке. Наверняка она зазвенит, как медный казан. Сейчас Дик не побоялся бы даже его внушительных мускулов. Сдержаться стоило огромных усилий! Особенно бесило то, что логика Барри сильно напоминала рассуждения папаши Ричарда. Старый работяга, насмотревшись передач по каналу Discovery, тоже думал, что ученые гребут деньги лопатой и ничего не делают, а только

своему любопытству потакают.

Вспомнились еще те недоумки, которые издевались над будущим аспирантом в школе. Они считали, что раз Лайонхарт держался наособицу и все книжки читал, значит он — сопляк. Где им понять, что это гораздо лучше их тупых игр! Вот и пошел Дик в науку, хотя и не любил физику. Трудился как проклятый, и это при том, что Химмелькнакер любого доведет до белого каления. Но ничего. Ведь если совершить какое-нибудь открытие, то уже никто не посмеет смеяться над Ричардом Лайонхартом. Сразу поймут те гады, как были неправы! И девчонки поймут, ведь и денег у него станет немало.

Увы, в итоге над аспирантом жестоко посмеялась сама судьба. Он был так близок к успеху, почти уже держал в руках птицу счастья, и тут... Все пошло кувырком и оказалось, что он приложил руку к разрушению мира. Не специально, но от этого было не легче. Эх, надо было и дальше заниматься рисованием. Папаша его сбил, заставляя учиться и считая, что художнику не пробиться, лучше в лаборатории в чистеньком халате сидеть.

Но, как бы то ни было, спускать какому-то фермеру оскорбления Дик не собирался. Надо было его поставить на место — не грубой силой, а интеллектом. Пусть осознает свое убожество!

— Послушайте, я лучше всех знаю, что за дерьмо тут произошло. Попытаюсь объяснить вам без заумных терминов. Мы на орбитальном ускорителе проводили один эксперимент чтобы разобраться в устройстве материи. Профессор, один из виднейших ученых мира, руководил проектом, а я был у него аспирантом. Выиграл конкурс, чтобы полететь на орбиту, предвкушал богатство и славу! Однако что-то пошло не так, произошел взрыв. Ускоритель создал аномалию, которая разрушила мир. Причем система каким-то образом еще работает, и ситуация становится все хуже.

Барри слушал его в пол-уха. Сидел себе у кадки, жевал отвратительную закуску. Казалось, он просто ждал, когда гости сами уберутся восвояси. Но когда Дик заговорил про аномалию и разрушение мира, бородач встрепенулся. Его равнодушие мигом сменилось пристальным вниманием, но очень недобрый. Взгляд из-под кустистых бровей пронзил Ричарда зазубренным мечом. Что-то подсказывало Лайонхарту, что лучше встать и тихо уйти, но он продолжал:

— У меня есть подозрение, что суперкомпьютер, который управлял нашей станцией с Земли, все еще работает и ему подчиняются те самые роботы. Во всяком случае, они меня не трогают — наверно, признают за своего. Тут неподалеку строят какую-то штуковину, может, оттуда получится связаться с ИИ нашей станции? Вот и хочу я туда заглянуть.

Пока Ричард говорил это, с бородачом произошли разительные перемены. Про кадку он напрочь забыл, его лицо побагровело. Один гриб упал на пол, а староста этого даже не заметил. Ощерив необычно острые зубы, Барри стал похож на гризли, готовящегося к атаке. Энн, заметив это, нервно заерзала на табурете, но Лайонхарт, напротив, вошел во вкус и разливался соловьем. Он пустился в рассказ о том, как они с Химмелькнакером готовили эксперимент, как случилась авария, и как это могло быть связано с дальнейшими событиями на Земле.

— Подумайте сами. Вдруг с той штуки в лесу есть выход на суперкомпьютер? Если те железяки подчиняются ему, то мы могли бы...

Договорить у Ричарда не получилось. Барри с низким рыком накинудся на аспиранта! Мощным ударом кулака в лоб отбросил его к одной из сосен, служивших опорами халупе, а потом плюхнулся на него верхом.

— Тебе что, мало?! — взревел староста, крепко сжимая цыплячью шею Дика. — Хочешь взорвать эту планетку ко всем чертям?

— Ой, ты что делаешь?! — завизжала Энн, подскакивая к ним. — Голову ему оторвешь! — она отчаянно дергала Барри за шиворот, за руки, лупила его кулачками. Но это было почти то же самое, как пытаться такими ударами опрокинуть древний мегалит.

Лайонхарт трепыхался под бородачом, словно попавшийся в зубы медведю лосось, его глаза закатились, с губ капала пена. Казалось, Барри хотел его не просто задушить, а натурально разорвать на куски.

— Сволочь!!! Теперь я знаю, кто виноват! Ты за все ответишь! О, мои дорогие девочки...

Послышался топот, и ржавый лист железа, служивший дверью, отлетел в сторону. В хибару ввалились трое крепких парней: Энн и Дик видели их, пока шли по деревне.

— Барри, не психуй! — выкрикнул один из них, наваливаясь на буяна сзади.

Но староста пихнул его в грудь, да так, что парень едва не опрокинул хлипкую стену. Однако теперь разнимать дерущихся кинулись и двое других парней. Они повисли на руках Барри, а тот, привстав, мотал ими из стороны в сторону. Ну, натуральный медведь, в которого вцепилась пара гончих. Стол перевернулся, у табурета подломились ножки, а первый из парней, поднимаясь на ноги, все же обрушил часть стены. Кашляя и отмахиваясь от пыли, он присоединился к товарищам, и они все же стащили Барри с аспиранта.

Дик принялся жадно хватать ртом воздух. Ему бы отползти, но он лишь дергался в конвульсиях. Неужели ему конец? Вскрикнув, Энн подбежала к аспиранту, но тут же схлопотала от старосты пинок под ложечку и отлетела точнехонько в кадку с грибами. Та развалилась, окатив Торниуэй рассолом.

На шум прибежали другие жители деревни. Три девчонки — одна совсем маленькая, а другие — школьного возраста и полная азиатка. Последняя держала в руках побитый таз с мутной водой, где плавало тряпье. В этот момент парни наконец-то справились с Барри: навалившись на него, принялись вязать буяну руки за спиной.

— Успокойся, ты! — сказала, подойдя, азиатка и вылила на бородача грязную воду из таза. — Опять своих грибов обожрался? Мы выбрали тебя старостой потому, что ты самый сильный и умелый. Выходит, мы ошиблись? — девчонки, пугливо выглядывавшие из-за широкой спины азиатки, закивали.

— Ты сам говорил, что нам нужны люди! — звонко выкрикнула самая старшая из них. — Зачем тогда парня убиваешь?

Двое младших подошли к Дику и помогли ему сесть, одна из них сочувственно погладила аспиранта по голове.

— Не ранен? Дай посмотрю! — спросила азиатка, освобождая шею и грудь Лайонхарта от лохмотьев. — До катастрофы я работала медсестрой. Кстати, меня Лин Минмэй звать.

Перестав брыкаться и рычать, Барри заговорил членораздельно:

— Пустите меня! Я должен убить этого уroda! Он виноват перед всеми нами! — семь пар глаз уставились на него с непониманием, и он продолжил: — Да, это он разворотил весь мир! Рванул свою чертову халабуду, или как оно там! Я думал, что яйцеголовые только в кино мир уничтожают, но это оказалось гребаной правдой!

Тем временем Дик, отдышавшись, смог ответить:

— Пойдите, я все объясню! Да, я работал на ускорителе, и вся эта ерунда началась после нашего эксперимента. Но руководитель проекта, профессор Химмелькнакер, не хотел

такого исхода! А я вообще только второстепенные вещи делал!

— Да какая разница?! — перебил его Барри, снова начав вырываться. Парни навалились на него, и один из них тут же схлопотал кулаком в глаз. — Ты хоть знаешь, что натворил?! У меня была любимая жена Мэри, дочь-красавица Джудит — ей скоро школу кончать, — еще младший ребенок родился. Я работал на ферме и был счастлив. И тут — гром, буря, земля встала дыбом. Мэри и Джудит на кухне готовили индейку к празднику, их там сразу и завалило. Я был на улице и когда подбежал, увидел, как из-под обломков кровь вытекает! Кинулся наверх, спасти младшенькую, но едва подбежал к кровати, — неожиданно по его заросшим густой бородой щекам скатились слезы, — малышку подняло в воздух и разорвало на куски! Такой цветок получился красный, и мне его в рожу швырнуло. Я даже имя девочке придумать не успел! А потом меня вырубил... Теперь я знаю, кого надо за все это благодарить!

— Я сказала тебе успокоиться! — рывкнула Лин и, подойдя к Барри, вlepила ему звонкую пощечину. — Твою семью уже не вернешь, и никто ее не убивал. Это был несчастный случай! Или ты думаешь, парень сюда явился поиздеваться над тобой? Думаю, у него есть некий план. Не так ли, мистер...

— Лайонхарт, Ричард Лайонхарт, — быстро отозвался аспирант.

Он почувал, что в халупе будто резко похолодало. Минуту назад поселяне его защищали от разбушевавшегося старосты, а тут их взгляды пронзили его отравленными шпагами. Выносить эти уколы было нелегко. А ведь правда, эти люди потеряли все и теперь объявился виновник их несчастий. Нет, Ричард и сам числил себя пострадавшим, но эти ребята могли решить иначе. Он стоял на очень тонком льду.

«Черт, как-то я об этом не подумал, — нервно размышлял Дик, переводя взгляд с одного из поселян на другого. — Надо было самому проверять гипотезы или хотя бы выбирать слова...»

— Ребята, послушайте, — начал он, приложив к груди руку. — Да, я полагаю, это наш эксперимент вызвал катастрофу. Но точно этого нельзя сказать, нужно проанализировать данные. Но тут нигде нет компьютера. Возможно, он найдется в том сооружении, которое построили роботы. Но не это главное, ведь что случилось, того не изменить. Мне кажется, роботы считают меня своим, и я смогу подключиться к их оборудованию. Так мы уже делали с профессором. И тогда я смогу заставить их помогать нам! Они выстроят для нас новые дома, наладят жизнь, а может, — он сделал паузу, по очереди посмотрев в глаза каждому, — удастся восстановить наш привычный мир. Или хотя бы обустроить комфортный участок для жизни. Вы ведь не хотите провести остаток жизни в таких условиях? — он широким жестом обвел хибару, указал на лачуги, видневшиеся через дыру в стене.

Собравшиеся угрюмо молчали, а Барри только с отвращением сплюнул. Внутри у Ричарда все сжалось, но он постарался не подать виду. Нахмутив жиденькие брови, он продолжил громко и четко:

— Можете меня убить или прогнать.

На этих словах у него затряслись коленки. Едва удалось это спрятать, натянув пониже полы дрaного плаща. К счастью, поселяне все превратились в слух и не обратили внимания на странный маневр аспиранта.

— Но тогда вы останетесь гнить в этих халупах, навсегда! Так и перемерете все, как последние бомжи, без надежды на лучшее. А скорее, сюда припрутся роботы и уволочут вас черти куда, как ее подружек, — Дик ткнул пальцем в Энн. — Верно, а?

Вздрогнув, Торниузэй испуганно посмотрела на приятеля, но потом торопливо сказала:

— Это правда. Я сама видела, как Денни и Лиззи утащили те железяки. Чуть со страху не обгадилась, как один из уродов и на меня пошел! Но Дик выручил меня. Уверена, он всем нам поможет!

Энн покраснела и торопливо опустила взгляд. Похоже, ей было стыдно привирать товарищам. Поселяне переглядывались, а потом медсестра, скрестив руки на груди, холодно поинтересовалась у Ричарда:

— Ну и что ты нам предлагаешь?

— Я хочу отправиться к той штуке, которую построили роботы. Надеюсь, оттуда я подключусь к суперкомпьютеру. То есть, смогу восстановить контроль над ИИ нашей станции.

Распихав парней, Барри сел.

— Ну и чего ты сам туда не попрешься? Ты же говорил, что железякам как родной? А мы не хотим рисковать своими жизнями.

По нехорошим усмешкам парней Лайонхарт понял, что ситуация по-прежнему не слишком хорошая.

— В одиночку идти в такое место опасно. Вдруг роботы вообще не станут разбираться и прибьют меня на месте? Профессора система сначала признала, а потом его убили! Плюс дикие монстры по дороге напасть могут. Тут только несколько человек как-нибудь справятся, отвлекут там роботов или еще чего. Да и если все получится... появится свидетель моей правоты.

Повисла тяжелая пауза, и Лайонхарт начал раздумывать, как бы ему побыстрее и безопаснее удрать. Но тут Барри нарушил молчание:

— Знаешь, почему я жру эти грибы? Да, они дрянь, но под кайфом я вижу своих девочек живыми. Мы вместе счастливо смеемся над моим дурным сном... Когда прочухаюсь, у меня башка раскалывается и блевать тянет, но это ничего. За шанс вернуть хотя бы часть былой жизни я готов вытерпеть и не такое. Но если ты облажаешься... — Барри угрожающе сжал кулаки — каждый из них походил на кузнечный молот, — и Ричард нервно сглотнул. — В общем, усек? Бери парней и дуй туда завтра с утречка!

Файл 6. 20 ноября 3086 года. Основной жилой сектор

Так Кугель очутился на городских улицах. Катился по проспектам, с удивлением осматривая лес гигантских небоскребов, которые, возносясь на невероятную высоту, сплетались там в тугой клубок стали, пластика и бетона. Толкался среди на оживленных улицах — робот-шар и представить не мог, что людей может быть настолько много, а прилавки магазинов способны ломиться от избытка товаров. Гулял по тенистым аллеям парков, наслаждаясь журчанием ручьев и водопадов. Наблюдал, как несется по дорогам, скользит в воздухе всевозможный транспорт, подобный роям насекомых.

Этот город поражал бесконечным разнообразием, он простирался, казалось, на десятки километров в длину и ширину, а так же на сотни — вверх и вниз. Здания переходили одно в другое, ветвились, оканчивались широкими платформами, на которых зиждилось уже нечто иное. Улицы пересекались во всех направлениях, образуя множество уровней, громоздившихся один на другой, а те укладывались друг в друга, как матрешки, закручивались в спирали. При этом, в отличие от всех руин, виденных роботом-шаром прежде, тут кипела жизнь, ярко сияли тысячей огней, а каждый предмет выглядел только сошедшим с конвейера. Ржавчина, грязь, лохмотья, изможденные лица — все, что было нормой в деревне Шаца и Хильфе, тут разве что являлось частью тщательно продуманного образа. Но обычно балом правили утонченный стиль и показная роскошь.

Ни трещинки, ни пылинки, ни малейшего изъяна: то без сомнения было заслугой десятков роботов-насекомых, которые ползали, летали, прыгали кругом, что-то осматривая, вычищая, подновляя. Более того, на головокружительной высоте по стенам небоскребов карабкались некие твари, похожие на огромных гусениц, только с длинными, как у сенокосцев, ногами. Из нижней части их украшенных россыпью фасетчатых глаз голов тянулось множество щупалец, которые постоянно обшаривали поверхность зданий, замазывая мельчайшие трещины клейкой массой. Рядом суетились твари поменьше, напоминавшие мокриц или креветок: эти своими проворными лапками из той же массы формовали перекрытия и детали отделки. С каждой минутой циклопический город разрастался все больше.

«Ох, у меня просто шарики за ролики заезжают, — поражался Кугель, — Это не просто гора или статуя медведя, а целый мир!»

Вообще образ медведя просто витал над этим городом. Плафоны фонарей были выполнены в виде разверстых медвежьих пасть, а их опорные тумбы украшали рельефы со сценами из жизни косолапых. Столбики парковых решеток тоже были в форме этого зверя, его статуи — совсем как живые — притаились среди зарослей снежноягодника и сведины. Медведи держали в лапах рекламные щиты. Если приглядеться, становилось ясно, что и транспортные средства напоминали это животное — то спящее, то бегущее или принявшее другие позы.

Городские обыватели тоже поддались этой моде. У кого одежда была в таком стиле, кто двигался вперевалку, натужно сопя. Откуда такая одержимость бурым хозяином леса?! Приглядишься к любому сооружению — и тут обязательно найдется нечто в медвежьем духе. Орнамент, голограмма, дизайн элементов или общей конструкции — от мельчайших деталей и до видимых издалека общих очертаний этот город был всецело посвящен медведю.

Осознав все это, мозг в какой-то момент начинал плавиться, а реальность плыла и искажалась. Так бывает, когда от переутомления мерещится всяческая дрянь и нельзя понять, где реальность, а где — иллюзии.

— Ох, устал я, — вздохнул Кугель. — Пожрать что ли сходить?

И он покатился к мерцавшему яркой рекламой ларьку, от которого ветерок приносил дразнящий аромат. Усевшись на вертящийся табурет за стойкой, которая была и обеденным столом, робот-шар бросил суевившемуся у плиты хозяину:

— Эй, дай пожевать чего-нибудь, а то просто вырубаясь от усталости. Надо хоть немного батарейку зарядить.

— Вы как раз вовремя! — приветливо отозвался кулинар. — Вот, попробуйте мой особый суп. Только приготовил его!

Неправдоподобно длинными руками он поставил перед Кугелем глубокую тарелку с дымящимся варевом. Голодный всегда смотрит на еду, но внимание гостя приковали эти конечности — ведь они были, как у скелета, только металлические, с множеством проводков и цилиндрами гидропривода. Робот-шар вскинул камеры, и хозяин улыбнулся ему, но от этого сделалось не по себе. Слишком странно выглядели эти мясистые губы, наклеенные на желтоватый цилиндр, у которого вместо глаз было что-то вроде мотоциклетных очков. Все вместе это напоминало голову какого-то насекомого, даже усики сверху торчали. Это что, робот? Нет: волосатый торс, который гордо демонстрировала расстегнутая до пояса рубашка, был явно человеческим и даже пот на нем выступил.

Чтобы не травмировать свой взор зрелищем этого существа, гость посмотрел направо, но там сонно ковырял десерт субъект, похожий на железного дровосека. Может, слева посетители посимпатичнее, например, там девушка красивая? Ага, как же: там с аппетитом налегала на жаркое и вовсе удивительное тварь. Верхнюю половину тела она позаимствовала у дикобраза, причем — одетого в строгий костюм, а нижнюю — у скорпиона, еще и пластикового. Впрочем, нашлась и девушка: пол сноровисто подметала эффектная красотка в бикини, и ей отливавшие металлом живот, бедра и бока удивительно шли. В самом деле? Определенно!

«А я сразу и не заметил, что тут одни киборги, — Кугель, с любопытством поглядывая по сторонам, даже забыл о еде. — Черт, не похоже, чтобы они вставляли себе детали с помойки, как водилось у Шаца в деревне. Во сколько же им такое обошлось?»

Судя по всему, у местных с деньгами проблем не было. Практически у любого из прохожих имелись искусственные части, а некоторые превратили себя в совершенно невероятных существ. Более того, некоторые транспортные средства, что-то вроде гигантских ходунов или мостовых кранов, на самом деле когда-то были... людьми. С чего такая уверенность? Дело в том, что на месте кабины у этих находились человеческие туловища, плавно переходившие в корпус машины! Кугель это должен был заметить раньше, да видно, слишком увлекся вычурной архитектурой и прочими чудесами.

— Чего сидите? — вывел гостя из ступора хозяин забегаловки. — Ешьте, пока горячее. А то потом придется лишнюю энергию тратить, нагревая пищу в вашем биореакторе, — судя по всему, металлический шар на ножках тут выглядел рядовым обывателем.

Кугель взялся за ложку, но на буроватое, с плавающей на поверхности долькой яйца варено его несколько смущало. Он, конечно, за время странствий разную дрянь едал, но... Честно говоря, от сваренной в этом городе жижи можно было ожидать любых сюрпризов, вроде того, что эти пятна жира на самом деле — машинное масло, а на дне обнаружится

пара болтов. Однако, проглотив немного, робот-шар крякнул от удовольствия: суп оказался сытным и очень приятным на вкус. Любой человек, наверно, его бы тоже оценил. Поэтому вскоре биореактор наполнился приятной тяжестью, а индикатор заряда батарей пополз вверх.

— Благодарю за угощение, — сказал Кугель, поднимаясь с табурета. — Сколько с меня?

Он отворил бардачок на животе, выудив оттуда пригоршню редких деталей, некоторые даже с драгметаллами. Почти совсем новые, в родном поселке их бы с руками оторвали, ведь из них можно собрать множество вещей. На душе у робота-шара разлилось приятное чувство, пока он пересчитывал эти сокровища: все же, не зря он в путь отправился, таких вещей на свалке не сыщешь, вернешься богатым! Однако хозяин закусочной небрежно махнул своей похожей на лопату нержавеющей ладонью.

— Не трудитесь, я сам спишу с вашего счета нужную сумму денежных единиц, — его «мотоциклетные» глаза мигнули несколькими цветами. — Постойте, что-то я не могу идентифицировать вас в Сверхсети. Попробуйте сами ввести имя аккаунта?

Кугель растерялся. О каком еще аккаунте шла речь? Разумеется, он знал о Сверхсети — целом электронном мире, охватывающем весь мир. Но... помнится, Шац и Хильфе не советовали туда лазить, чтобы не нарваться на неких стражей. Таких, как заяц Рейнигер? Ох, от одного воспоминания о нем пробила холодная дрожь. Кстати, он вроде говорил, что все мыслящие существа в мире подключены к Сверхсети.

— В чем дело? — хозяин закусочной придавил робота-шара тяжелым взглядом, да и другие посетители начали коситься. — У вас нет аккаунта? И вообще записи о вас отсутствуют? — он презрительно покривил губы — единственное, что было человеческого на его инсектоидном лице. — Может быть, вы — из дикарей?! — голос хозяина стал шипением гремучей змеи.

Кугель соскочил с табурета и испуганно откатился. В его ушах прозвучали слова Рейнигера:

«Все в Омнисфере подчиняются воле Императрицы. И ничто не произойдет без ее воли».

Выходит, он нарушил правила, незаконно проникнув в этот город? И что теперь? Скорее всего, ничего хорошего, а потому робот-шар, запустив на полную скорость ведущий пояс, поскорее нырнул в толпу.

— Не расстраивайтесь, вот вам за обед! — крикнул он на прощание, на всякий случай кинув на лоток несколько радиодеталей.

Однако легче от этого не стало. Стукнувшись о гладкий пластик, эти детали словно нажали кнопку, открывающую ящик Пандоры. В тот же миг по ушам резанул вой сирены, и струившаяся мимо злополучного ларька река прохожих мигом пересохла. Только что была толпа, и вдруг нарушитель очутился посреди совершенно пустого тротуара. Даже кулинар и его гости куда-то пропали.

Ощувив, что его электронная начинка будто обросла ином, Кугель хотел было юркнуть в некий переулочек, но у него перед носом из брусчатки выскочил металлический барьер. Проход был закрыт! Дернулся влево, вправо — там оказалось то же самое, и позади аналогично. Всего через пару минут он, точно овца, был заперт в небольшом, двадцать на тридцать метров, загончике. Разогнавшись, робот-шар попробовал забраться на один из барьеров: он ведь мог выпустить шипы, а те цепляются за неровности? Однако стоило ему приблизиться к преграде, как его пронзил сильный разряд и Кугель резко откатился. Черт,

это плохо, тут установили что-то вроде отталкивающего поля! Оставалось лишь улететь, но такое Кугелю было не под силу, да и над головой развернулась толстая паутина. А над ней уже трепетали крыльями гигантские шершни, раскрашенные в черные и белые полосы. У них еще и мигалки виднелись на спине — это полиция?

Прямо в мозгу у робота-шара прозвучало:

— Ни с места, нарушитель! Вы незаконно проникли на территорию города Вогунг и будете взяты под стражу. Не пытайтесь сопротивляться, или мы стреляем на поражение!

«Ах, куда податься?» — нервно озираясь, лихорадочно соображал Кугель.

Путей к отступлению не было, но и сдаваться не хотелось. Наверно, сочтя колебания за сопротивление, трое из шершней начали спускаться, в то время как остальные нацелили жала на нарушителя — они засияли голубым. Их крылья уже зудели прямо над головой. Кугель, пронзенный взглядами тысяч обывателей, наверно и правда бы сдался, но за секунду до того, как насекомые его настигли... Устав ждать команды от растерявшегося мозга, механизмы сработали сами собой.

— Рр-а-а-а! — зарычав так, робот-шар закрутился на месте, и выскочившие на его корпусе шипы буквально распилили одного из нападавших.

Половинки шершня, рассыпая фонтаны ярких искр, рухнули на тротуар и занялись чадным пламенем. Не теряя времени, Кугель подпрыгнул, наподдав шипами второму шершню. Раздался треск ломаемого пластика, и брюшко насекомого буквально взорвалось. Потеряв устойчивость, полицейский робот неровными кругами спланировал куда-то на проезжую часть, где его раздавил проезжавший мимо грузовик.

— Стой, бандит! — заверещало в мозгу. — Ты пожалеешь об этом!

Однако робота-шара было уже не остановить. Страх и сомнения обратились в пепел, сгорев в пламени боевого азарта. Благо загоревшийся шершень свалил один из барьеров. Наконец-то появилась спасительная лазейка!

— Пожалее, да?! — дерзко выкрикнул Кугель, белкой взлетев по фонарному столбу. — Это вы пожалеете, что связались со мной! — завизжал его пущенный на форсированных оборотах двигатель, и робот-шар, оттолкнувшись от лампы, запрыгнул на третьего шершня. — Узрите силу сферического карате! — насекомое мигом обратилось в труху, а Кугель уже перепрыгнул к следующему врагу.

Оставшиеся полицейские роботы открыли по нему огонь: с их жал сорвались ослепительные лучи. Но от этого стало только хуже. Пытаясь сбить быстро двигающуюся цель, они лишь поразили еще нескольких товарищей. Впрочем, с разных сторон уже летели подкрепления, издавая надсадный вой сирен.

— Счастливо оставаться, идиоты! — насмешливо крикнул им беглец, заскакывая на какой-то балкон.

Выбив дверь, он очутился на лестнице и немедленно устремился вверх по ступеням. Кугель не был самонадеянным психом и отлично понимал, что на открытом пространстве у него шансов не много. Может, эти шершни и не блистали умом и силой, но что им мешало задавить его числом? Однако, если скрыться в здании, может, удастся умчаться так далеко, что эти твари не найдут? Здания Вогунга возносились куда-то в заоблачные дали, ветвясь и переплетаясь, поди разберись в этих лабиринтах. Надо было только самому не потеряться.

Хотя... если он верно понял, тут все пронизали невидимые каналы связи. Робот-шар уже подключался к Сверхсети, вот и сейчас можно было попробовать и быстренько загрузить карту.

Юркнув в какой-то темный уголок, Кугель прикрыл глаза, но увидел не темноту, а сложную паутину из ярко-зеленых линий, соединивших различные геометрические фигуры. Так визуально отображалась Сверхсеть со всеми ее блоками и связями, надо было только сообразить, где нужная информация, быстро туда подключиться и удрать, пока никто не заметил. Так... Некоторые блоки ярко светились, а идущие к ним каналы просто вибрировали от напряжения: эти, похоже, были сильно нагружены, их лучше не трогать. Но другие имели блеклые цвета, а некоторые и вовсе оказались бледно-серыми. Вот сюда-то, в неиспользуемые разделы, и нужно было податься. Скажем, вот эта структура, напоминавшая штабель из тяжелых мешков — архив неиспользуемых данных. Было ли там что-то интересное?

«Хм-м, история города, переписка жителей, отчеты, карты... Ага, нашел! — робот-шар, устанавливая подключение, торопливо свил зеленую ниточку к этому блоку. Поиск по базе занял всего несколько секунд, копирование и того меньше. — Теперь перерезаем канал и удаляем все логи о запросе...»

Подрагивая от радостного возбуждения, Кугель открыл глаза, и в углу его поля зрения развернулась схема лестниц и переходов, напоминавшая термитник в разрезе. Прекрасно, тут все было помечено: и жилые зоны, и давно заброшенные, даже те, где питание давно отключено. А раз так, и слежение там вряд ли работало. Если слуги закона имели доступ к этой карте, то им придется тыкаться в лабиринте переходов, будто слепым котяткам.

Выбив решетку вентиляции, робот-шар покатился по гофрированной трубе, свернул за угол, а потом выпал в какой-то пыльный коридор. Откуда-то с улицы доносились приглушенные звуки сирены и хриплые объявления динамиков. Но все это было так далеко и нереально, будто происходило оно в параллельном измерении.

— Ну, давайте, шарьте, где хотите, — злорадно ухмыляясь, пробормотал Кугель. — Меня тут и смерть не отыщет!

Насвистывая, он переключил зрение в инфракрасный диапазон и решительно покатился вперед по тоннелю. Кстати, а куда ему надо было добраться? Вопрос любопытный, но кто же знал на него ответ? Робот-шар был уверен только в том, что ему надо пробиваться все выше и выше, в заоблачную даль. Потому что так было указано в загадочном послании, которое он получил еще в родном поселке:

«Преодолей все испытания и взберись на самую вершину. Там ждет награда...»

Награда или гибель — Кугель не был философом, чтобы разбираться в этих намеках. Впрочем, он знал точно: ответы можно найти именно там, за облаками. Значит, туда и надо было пробираться!

Вдруг дорогу преградила стена. В чем дело? Робот-шар мог поклясться — только что проход был свободен! Конечно, в мутном болоте инфракрасных лучей предметы разглядеть было трудно, но создавалось ощущение, будто преграда выросла мгновенно. Словно противопожарная шторка упала. Ладно, тут хватало боковых ходов, почему бы не пробраться по одному из них: получится дольше, но торопиться было особенно некуда. Кугель свернул в один из них, но очень скоро уперся в тупик. Причем неподалеку начиналось множество ответвлений, и каждое, стоило пройти по нему всего несколько метров, обрывалось глухой стеной. Что за черт?! Действительно, легко было вообразить, что робота-шара водила кругами нечистая сила. Но, как плод науки и техники, Кугель предпочитал искать материалистические объяснения.

«Хм-м, тут слишком темно, надо бы поискать тоннель хоть с каким-то освещением, —

раздумывал он, изучая схему. — Вот этот подойдет!»

Он свернул на участок, где еще сохранилось питание. Конечно, это риск, ведь здесь могли оказаться камеры, однако нужно было проверить одну догадку. И вот он очутился в коридоре, где с интервалом в десяток метров слабо мерцали лампы. Было хорошо видно, что эта дорожка из световых пятен уходила далеко вперед. Осторожно, стараясь не создавать шума, Кугель покатился по этой бетонной кишке. Некоторое время все было нормально, но вот под ведущим пояском хрустнули пластиковые осколки.

— Ой... — вырвалось у робота-шара, и он тут же прикусил губу, сделанную из жесткой резины.

Похоже, он совершил ошибку. На расстоянии около сотни метров впереди стена, тускло озаренная лампой, пошла волнами. Бетон вспух пузырями, как будто от сильного жара, серая жидкость выстрелила из него тонкими струйками. Словно невидимый паук на глазах ткал из них паутину. Эти нити быстро утолщались, и просветы между ними исчезали.

— А ну, стой! — яростно заверещал Кугель, пуская двигатель на полную мощность.

Он пролетел эту сотню метров за доли секунды, но все равно опоздал и со всего размаха врезался в только что появившуюся стену. С досады робот-шар еще несколько раз стукнулся о преграду, однако лишь заработал пару свежих царапин. Бетон стоял незыблемо, равнодушный ко всем ударам. А раковины, мелкие трещины и ржавые, с зеленью водорослей потеки на его поверхности красноречиво указывали на то, что эта стена сооружена очень давно. Однако Кугель своими глазами видел, что здесь минуту назад был проход! Конечно, у людей бывают галлюцинации, но робота не проведешь, ведь все записи с обзорных камер у него сохранялись как минимум на пять минут.

«Вот сейчас погляжу, что там за бред случился», — скрипя зубами в бессильной ярости, робот-шар отмотал запись и неожиданно вскрикнул: — Медведь? Откуда он здесь?!

Да, на видео был коридор, длинный и тихий. Потом в определенный момент небольшой участок его стен пришел в движение, закрывая проход. И за миг до этого случилось то, чего Кугель не разглядел: прямо в пустоте нарисовалась морда косолапого, искаженная злобой! Опять этот медведь, да что с ним такое?!

Отрастив конечности, робот-шар с досадой пнул стену, изрыгнув длинный поток столь витиеватой брани, что и грузчики в порту такой бы вовек не сочинили. Да что толку? Преграда не сдвинулась ни на микрон, или...

— Повыступай мне тут! — совершенно отчетливо прорычало в уши.

В тот же момент бетон и справа, и слева, и на потолке забурлил, точно варево в ведьмином котле. И не успел Кугель, пронзенный до самого генератора кинжалом страха что-то сообразить, как сразу несколько увитых крепкими мышцами лап метнулись к нему. Острые когти проскрежетали по металлу корпуса.

— А-а-а! — завопил робот-шар, отчаянно брыкаясь, словно рыбина в жестокой хватке скопы.

Куда там! Его потащили куда-то вверх, прямо через стену, которая с бульканьем пропустила его, словно была сделана из жидкого теста. Он ударялся о какие-то балки, проносился мимо сплетений толстенных кабелей. Потом — сильный удар — и он плюхнулся на что-то твердое, а яркий ливень света ослепил привыкшие к темноте глаза, уши разорвал стрекот и шум, похожий на звуки морского прибоя. С большим трудом робот-шар оправился от шока и отрегулировал чувствительность камер. Тогда из круговерти огней сложилась четкая картинка.

Кугель находился на круглой площадке, чем-то похожей на гигантского краба — ведь она опиралась на изогнутые мостки. А по сторонам, ветвясь, словно то ли сросшиеся кристаллы, то ли окаменевшие деревья, впились в свод небес циклопические здания. Но был ли это верх или низ? Поди угадай, ведь под площадкой открывалась та же картина. Перечеркнутая тысячами мостов и дорог, озаренная огнями ползущего по ним транспорта. Голова шла кругом от этого мира, изгибавшегося под разными углами.

— Эй, ты! — оторвал робота-шара от созерцания уже знакомый рык. — Нарушитель чертов! Как ты сюда попал и чего тебе нужно? Отвечай, а не то худо будет!

Кто это говорил? Может, те гигантские стрекозы, которые, щелкая консервными ножами челюстей, трепетали крыльями над площадкой? Или нечисть помельче, увивавшаяся рядом — комары, мухи, уже знакомые шершни. Конечно, выглядели они все устрашающе: массивные панцири напоминали рыцарские латы, а на груди, на боках виднелись подозрительные выступы, слишком похожие на пулеметы. Однако все эти жвала и хоботки вряд ли могли издать нечто похожее на человеческую речь. У недавних шершней были, правда, динамики, но голос из них был механическим, жужжащим, как и положено насекомым. А здесь — рык. Но кто его издавал? Вроде бы, вокруг больше никого не было...

«Так, на вон том мостке чисто, а дальше угадывается какая-то дверь, — подумал Кугель, оглядываясь. — Надо туда прорваться, а то эти тараканы меня напрягают».

Не глядя больше на летучих тварей, робот-шар ринулся к заманчивой дыре. Но не успел он преодолеть и пары метров, как до этого совершенно ровный бетон площадки вспучился, загромождавая проход. Отскочив, Кугель с испугом наблюдал, как из вздувшейся на мосту серой пены — вроде той, которая поднимается при варке мяса — формируется некий объект. Его контуры, сперва полупрозрачные и неровные, быстро отливались в четкие грани из плотного материала. Ком из бесформенной поначалу мыссы разделился на несколько сегментов и, вот перед Кугелем уже стояло... а собственно, что?

Угловатый корпус с минимумом деталей напоминал строительный блок или даже гроб. Но под днищем у него выступало нечто вроде лап, сжимавших колеса: значит, это было транспортное средство. А башенка в виде медвежьей головы, из пасти которой торчала, утыкаясь чуть не в лоб незваному гостю, какая-то труба, заставляла вспомнить о танковых орудиях. Особенно радовал тот факт, что этих объектов было два.

Впрочем, роботу-шару не досуг было разбираться в местных чудесах, а потому он попытался проскочить в зазор между этими «танками». Тщетно: на боках обоих мгновенно выросло по мохнатой лапе, и беглец, получив сдвоенный удар аккурат по носу, футбольным мячом откатился назад.

— Вы сдурели, что ли?! — возмущенно завопил он. — Чего ко мне все привязались? Я просто по городу гулял, никого не трогал!

— Ты — нарушитель, — голос шел и от танков, и будто бы не от них. Он, как многоводная река из бесчисленных ручьев, сливался из многих звуков, которые издавали все окружающие предметы. — Тем, кто не зарегистрирован и не подключен к системе, нет места в городе Вогунг. А ты еще оказал сопротивление органам правопорядка, — шершни, кружившие рядом, согласно загудели. — Потому мы, стражи обитаемого пояса Омнисферы, займемся тобой!

— Какие еще, к черту, стражи?! — горячо возмутился Кугель. — Я сыт по горло вашими чудесами! Просто дайте мне пройти, и я заберусь дальше наверх. Знал бы, в жизни в ваш город не сунулся, но иного пути не нашлось!

Он в отчаянии поглядел по сторонам, будто надеясь увидеть кого-то сочувствующего. Взгляд упал на широкое окно одного из небоскребов. Просторная комната за ним напоминала центр управления полетами: шкафы с множеством шкал и переключателей, мониторы, на которых мерцали сложные схемы. В дальнем углу над пультом склонился парень в обляпанном грязью комбинезоне. Похоже, он был погружен в напряженные раздумья. Вдруг он знал выход из ситуации, в которой очутился Кугель?

Увы, похоже, что нет. Будто знойное марево за клубилось перед окном, размывая детали, и вот уже робот-шар не видел там ничего, кроме глухой стены, на облицовке которой мелькали блики от огней пронесившихся мимо автомобилей.

Инцидент 11. 17 июня 2087 года. У водопада над каньоном

Было холодно и крайне неудобно. Утренний туман обвешал заросли растрепанной ватой. Пышный ковер мха, такой удобный на вид, насквозь пропитала влага, и от лежания на нем одежда промокла так, что хоть отжимай. Еще и с колючих веток шиповника то и дело срывались тяжелые капли, ударяя по голове, по спине, по ногам. Раздражало это страшно и трое парней, притаившихся за пригорком, каждый раз вздрагивали. Их и так трясло: может, от холода, а может, от изматывающего напряжения. Серая предрассветная хмарь незаметно посветлела, и солнце показалось из-за гор, вызолотив параболическую антенну на вершине пирамиды. Она возвышалась над лесом впереди — всего в паре сотен ярдов. Но парни не смели не то что к ней приблизиться, а даже пошевелиться и все лежали, вжавшись во влажный мох. Их тела разбил паралич?

И тут один из них — мускулистый негр в выдавшей виды камуфляжной куртке — заизвивался, словно змея. Покрывившись так, точно съел что-то горькое, он сердито прошептал:

— Мы тут до конца света валяться будем? Еще немного, и от проклятой сырости у меня на яйцах вырастет плесень!

Пристроившийся справа от него, за обломком бетонного блока, креол ничего не сказал, а только с хрустом покрутил головой и несколько раз сжал и разжал пудовые кулаки. Под его серой майкой четко выделялись накачанные мышцы, а выражение лица не предвещало ничего хорошего. Грубые черты лица и черная грива волос придавали ему зловещный, диковатый вид. Усиливали впечатление буро-зеленые разводы, которыми он разрисовал все открытые части тела. Казалось, будто это и не человек вовсе, а мутант, обитающий в зарослях.

Тяжелые взгляды парней сверлили третьего в группе, прятавшегося чуть впереди, среди торчащих из земли корней. Высокий, но нескладный, он судорожно сжимал автомат, а пятнистый комбинезон висел на нем, как лохмотья на пугале.

— Эй, Дик! — позвал его негр, с отвращением стряхивая слизня с бритого затылка. — Ты оглох что ли? Сколько нам тут еще валяться?

— Ради бога, Макс, тише! — с несчастным видом шикнул на него Лайонхарт. — Мы понятия не имеем, на что способны эти твари! Видишь те антенны? — он указал на решетчатые конструкции, торчавшие по бокам пирамиды. — Они могут реагировать на звук, тепло, даже на электрические поля наших тел. Как-то они почуяли девчонок, а те находились от этой штуки дальше, чем мы. Хочешь, чтоб нас тут всех положили?

— Ага, пусть попробуют! — выпятив губы, с вызовом бросил Макс. — Мы с Бобом раскатаем их в лепешку, будь они хоть железяками, хоть демонами из ада!

— Нет! Ты не видел, на что они способны. Их там не меньше трех, а может, и еще найдутся. Надо точно понять, сколько их. А затем лучше выждать, пока их унесет куда-нибудь. Вышли ведь они к водопаду?

Негр и креол нехорошо переглянулись, а потом Боб, уже не таясь, встал и рывком поднял Ричарда на ноги. Тот затрепыхался в его могучей лапище, как котенок.

— Вот что, Дик, — ослепительно улыбаясь, Макс похлопал Лайонхарта по плечу. — Иди-ка ты к этим чувакам. Перетри с ними там все, свои дела утряси. Мы-то ребята простые.

ничего в этих ваших ученых делах не сечем. Вот морду кому набить — это запросто, нас этому в морской пехоте крепко научили, — последнее предложение он произнес с нажимом.

Боб решительно отобрал у аспиранта автомат, а потом вроде бы легонько подтолкнул Ричарда в спину, но тот плюхнулся лицом в мутноватую лужицу.

— Эй, вы чего? — взвизгнул он, в ужасе разглядывая спутников.

— Да ты сам говорил, что железякам как родной! Ну, вот и иди, нам зачем своей задницей рисковать? Но ты не дрейфь, мы тоже в кустах рядом потусим, поможем, если что.

Он поглядел на небольшой, высотой не более пятнадцати ярдов холм треугольной формы, высившийся рядом. Одна из сторон холма была отвесной, и его зубчатая вершина выглядела странно. С нее на чем-то вроде длинной палки свисал массивный валун, покрытый мхом. Что за чудеса? Впрочем, разгадка была проста. Если присмотреться, то можно было заметить, что среди листьев плюща и пучков травы просматривались бетонные плиты и остатки облицовки из керамогранита. А кое-где виднелись разъявленные пасти окон, скалившиеся клыками битого стекла. Выходит, это не холм, а завалившееся на бок здание, а камень у вершины — фрагмент стены, державшийся на куске арматуры. Кстати, металлическая жила основательно заржавела, с нее явно сыпалась труха.

Похоже, Макс и Боб хотели отсидеться в развалинах, с интересом наблюдая за действиями аспиранта. Вот уроды... То-то Барри распинался, мол, бери этих ребят, они — морпехи, их прямо с тренировки к нам закинуло.

Лайонхарт взглядом собачки, выпрашивающей подачку, поглядел на одного из спутников, потом на другого. Боб был молчалив и мрачен. Макс широко улыбался, но его глаза крайне недружелюбно поблескивали из-под нахмуренных бровей. Делать нечего, пришлось ковылять к пирамиде. Дик пытался скрываться в тенях и ступать мягко, как ягуар на охоте. Выходило плохо. Местность была крайне пересеченной: то пригорки, то заполненные грязной водой ямы. Дорогу без конца преграждали куски бетона, обломки каких-то поржавевших конструкций или просто кусты — шиповник, кизил, барбарис, что-то еще, но непременно опутанное ежевикой. Будто кто-то нарочно тут живую изгородь сажал! Дик то и дело спотыкался, падал и проваливался, вскрикивал, напорвшись на очередные колючки. В общем, шум стоял такой, будто через дебри пробирался крупный слон.

Наконец, измученный и грязный он выбрался к пирамиде. Ричард остановился, опираясь на выломанную в зарослях кизила палку, а его лицо и руки выглядели так, будто на парня напала стая диких кошек. К счастью, его мучения кончились: пирамиду опоясывал совершенно ровный круг сочной травы диаметром ярдов сто пятьдесят. Прямо английский газон! Аспирант с облегчением плюхнулся на него, как бывало делал в университетском кампусе. Он прикрыл глаза, и солнце, висевшее над линией гор, приятно грело его лицо. Откуда-то доносился приглушенный гул, стрекот и повизгивание — наверно, то мерно работало оборудование в лаборатории. Вот сейчас Лайонхарт передохнет и приступит к работе. Что там ему поручил Химмелькнакер?

Вдруг будто вспышка полыхнула перед глазами Дика. Пульт управления и шкафы, наштигованные электроникой. Рядом стоял профессор и в таком виде он вряд ли мог влезть в свой любимый халат: неправдоподобно длинные руки-бревна и грудная клетка величиной с комод его просто разорвут. А над Куртом — и это при его-то десятифутовом росте — возвышалась странная тварь, похожая на самурая в доспехах, дизайн которых оценил бы лидер какой-нибудь группы в жанре «black metal». Левое предплечье воина превратилось в длинный клинок, и им он насквозь пронзил грудь профессора!

— А-а-ах! — вскрикнул Лайонхарт, резко садясь.

Он диковато огляделся, уставившись на пирамиду так, будто это была жужелица-переросток, готовая сожрать парня. В общем, нечто неправдоподобное и ужасное. О чем Дик вообще думал?! Профессор давно мертв, а в университет не вернуться. Он заперт в безумном мире, населенном монстрами и агрессивными роботами. Впрочем, люди тут попадались еще хуже. Наверно, сказывалось переутомление. Вот сейчас из этих двустворчатых ворот выбежит парочка роботов и пустит его на гуляш! Или того проще: откроется амбразура, и оттуда хлестнет пулеметная очередь или полыхнет огненный глазок лазера. Дик застыл, не решаясь вздохнуть. Его била крупная дрожь, в животе громко забурило, а по насквозь мокрым штанам потекло что-то горячее.

Вселенная будто почуяла его страх. Вдруг земля под ногами вздрогнула, раздался грохот и треск. Потеряв равновесие, аспирант рухнул на траву и зажал уши руками. Он видел, как в стороне, там, где за пирамидой покачивались заросли бамбука, взметнулось бурое облако пыли. Вверх полетели камни, обломки деревьев и куски земли. Казалось, мир начал проваливаться в преисподнюю. А потом, едва различимая среди бурых клубов, вдалеке поднялась к небу новая скала. Огромные валуны падали с нее, скакали по полуразрушенным стенам небоскреба, который, словно гигантский шуруп, был ввинчен в растущую гору. Камни исчезали из виду, но еще долго слышался их стук.

«Пропал...» — испуганным зайцем проскочило в голове.

Однако время шло, и пустившаяся в пляс земля успокоилась. Были еще несколько толчков, но уже слабых: приятель-кришнаит сказал бы, что то ворочался змей Шеша, укладываясь поудобнее. Пока он больше не хотел ворочать земную твердь. Но надолго ли? Эх, хорошо религиозным людям, но что в действительности заставляло ландшафт этого мира меняться каждый день?

Ладно, были проблемы поважнее. Лайонхарт все так же сидел на газоне, испуганно шаря взглядом по стенам пирамиды. Но зацепиться было не за что. Совершенно ровные стены цвета известняка, тускло поблескивавшие в лучах утреннего солнца. Ни единого дефекта на них, только на одной из граней выделялись выкрашенные в синий цвет прямоугольные ворота высотой футов шестнадцать. А еще — «тарелка» на вершине и решетчатые конструкции, похожие на антенны, торчавшие чуть в стороне. В царстве хаоса и безумия это сооружение казалось пришельцем из другого мира, возможно — космическим кораблем? Эта ситуация казалась настолько нереальной, что страх сам по себе незаметно улетучился. Ведь глупо бояться миражей?

«И что мне делать? — задумался Ричард, почесывая затылок. — Как попасть внутрь?»

Тут он вспомнил издевательское предложение Макса. А что? Он тут маячил перед базой роботов, но пока еще цел и невредим, так что стоило попробовать? Поднявшись на ноги, Дик отряхнулся и насколько было возможно, привел в порядок одежду. Его драные штаны и плащ вчера отправились в печку, взамен поселяне одолжили ему комбинезон. Царский подарок по нынешним временам, пусть и размером великоват. На подгибающихся ногах Лайонхарт проковылял к воротам и, натянув глупую улыбку, помахал рукой.

— Привет! Я аспирант Национальной лаборатории имени Лоуренса в Беркли, работал на ускорителе «Орбитрон-7». Мне надо проанализировать данные... — заикаясь, проблеял он.

Никогда еще Ричард не чувствовал себя таким идиотом. Показалось, или из кустов неподалеку раздался приглушенный смешок? Может, Макс и Боб незаметно проследовали за

Лайонхартом и теперь ржали над ним не хуже кавалерийских жеребцов в битве при Геттисберге? Воображение отчетливо нарисовало картинку: над воротами открывается прямоугольный глаз амбразуры, в нем вспыхивает огненный зрачок выстрела, и мир тонет в океане боли.

Тишина. Может, пирамида пустовала, а хозяева ушли ловить еще каких-нибудь девчонок? Секунды свивались в нескончаемую нить, и та все ту же сдавливала горло Лайонхарта удавкой тревоги. Что-то должно было ее оборвать, иначе это точно кончилось бы плохо: даже если не будут стрелять, то аспиранта из-за перенапряжения хватит инсульт. Вдруг с массивного зонтика борщевика, который высился на самом краю газона, взлетела крупная стрекоза. То и дело зависая в воздухе, она очень медленно, буквально по дюйму перемещалась в сторону пирамиды. Вот она очутилась всего в ярде от Ричарда, и тут... воздух рассек змеистый разряд. Насекомое, получив удар электрического бича, буквально лопнуло, и на аккуратную подстриженную траву, плавно крутясь, опустились лишь слюдяные крылышки.

Лайонхарт, сдавленно всхлипнув, резко плюхнулся на землю и сжал голову руками. В нос пахнуло озоном, а тело пронзила острая боль, будто молния поразила и его. Значит, охрана была начеку, и даже маленькой твари не уйти от нее! Но Дик оставался невредим. Выходит, он не ошибался, и роботы признают его за своего? Потому не тронули уже два раза. Но почему они никак не реагировали на его присутствие? Не знали, что предпринять? Ведь Химмелькнакеру позволили войти в систему и скопировать данные, и только потом убили!

Тут Дик услышал легкое шипение, а потом звук осторожных шагов. Подняв глаза, он увидел... робота! Здоровенного бугая в тускло поблескивавших на солнце доспехах. Его рожа — нечто вроде маски тэнгу, которую носили самураи — была Лайонхарту хорошо знакома. Это та самая железяка, которая расправилась с профессором! Вероятно, эта же тварь появлялась у водопада.

Робот неспешно приблизился и замер, разглядывая незваного гостя. Сложно было судить, о чем «самурай» думал, ведь его круглые глаза горели столь же ровно и бесстрастно, как фары, а лицо, похоже, и правда было маской. Алые лучи зашарили по телу Ричарда, и того пробила крупная дрожь. Аспирант всерьез опасался, что вот сейчас его нарежут на куски — точно как в кино, когда герои попадают в лазерную ловушку. Однако все обошлось, лишь в голову вонзились несколько игл острой боли, но это явно было последствием стресса. Робот стоял, ничего не предпринимая, может, он просто не знал, что делать с гостем? У Дика отлегло на сердце, но тут самурай протянул ему руку. Между ее растопыренными пальцами проскакивали электрические разряды.

«Ох, все же мне конец!» — в ужасе подумал Лайонхарт.

Он вскочил, но почти тут же его ботинок зацепился за какой-то провод, и Ричард неуклюже растянулся на газоне. Робот мигом подскочил к нему и, ухватив за шиворот, поднял, словно нашкодившего котенка. Черт, это случилось уже второй раз за сегодня! Эх, почему он не слушал мать и не ходил в какую-нибудь спортивную секцию?!

Самурай растопырил пятерню другой руки. Она казалась ужасным пауком, готовым вцепиться аспиранту в лицо, чтобы укусить, задушить или, того хуже, заразить какой-нибудь дрянью, которая сожрет его изнутри. Парализованный страхом, Дик крепко зажмурился, и тут...

Прогрохотала очередь, и аспирант плюхнулся на траву. Рядом с тяжелым стуком упало

что-то еще. Поднявшись на четвереньки, Лайонхарт торопливо отполз в сторону. Робот валялся на газоне, нелепо раскинув руки. Правый его глаз потух, став мертвенно-серым, а вместо левого зияла дыра. В ней проскакивали искры, а по траве рядом с головой растекалось алое пятно. Неужели кровь? Но из машин должно вытекать масло, гидросмесь или еще что-нибудь подобное. Впрочем, это было неважно, главное, что агрессивная железяка повержена. Она еще подергивалась, но стало ясно, что все кончено. Но кто стрелял?

Раздались тяжелые шаги, а потом низкий рык. Из ворот пирамиды появился еще один робот! Тоже старый знакомый — рыцарь с головой акулы-молота, один из тех, кто утащил девушек. Дик замер, весь сжавшись, но акула глянула на него лишь мельком, зашарив взглядом по окрестным зарослям.

Почти сразу из-за куста шиповника поднялся Макс и закинул на плечо отобранный у Лайонхарта автомат.

— Эй, придурок железный! Это я пристрелил твоего дружка! — насмешливо выкрикнул негр. — Поди поймай меня!

Акула приняла подобие боевой стойки, вытянув вперед руки со сложенными пистолетом пальцами. С их кончиков сорвались ослепительно белые лучи. Они хлестнули по зарослям, и листья мгновенно рассыпались черной пылью, а ветки занялись чадным пламенем. Но негр видно ожидал чего-то подобного, и за секунду до выстрела успел нырнуть за ближайший пригорок. Вот он показался из-за дерева, которое росло на пару ярдов дальше.

— Я все еще жив, придурок! В этих зарослях меня не поймать!

Ствол дерева рядом тут же украсило обугленное пятно, но бритая голова Макса уже исчезла среди листвы. А потом чуть в стороне показалось дуло автомата, и сонное бормотание леса снова разорвали выстрелы. Пули защелкали по стальным плитам на груди и животе робота, но не смогли их даже поцарапать. Одна из них, срикошетив, взметнула фонтанчик земли перед самым носом Лайонхарта. Тот, заскулив, вжался в газон. Все, ему точно конец: или один сожжет, или другой пристрелит!

Но до Дика, похоже, никому не было дела. Зарывав, робот ринулся в погоню. Его предплечья вытянулись и сплющились, став похожими на мечи. Эти лезвия сверкнули, размазываясь в широкие полосы, и раскидистый куст боярышника — тот, из-за которого стрелял Макс — рассыпался на куски. Высившийся рядом яшень с печальным треском рухнул в наполненную водой яму. Жажущая крови акула с пугающей быстротой прорубала себе просеку.

— Что, зло берет? Хватит лес валить, иди сюда! — поддразнил робота Макс, появившись на небольшой полянке. Он помахал рукой, указывая на треугольный холм. Тот самый, возле которого Дик расстался со спутниками.

Тут произошло неожиданное. Из ворот пирамиды выскочил еще один робот — у этого была волчья голова — и кинулся вслед за первым. Ну да, конечно, их ведь должно быть трое! Самоуверенное выражение с лица Макса будто водой смыло, и он едва успел присесть, когда в ветку рядом с ним воткнулись несколько серебристых дротиков. Они вылетели из плоского раструба на плече волка. И, похоже, снаряды эти были не простые. Завибрировав, дротики сами собой вылезли из оставленных ими отверстий и упали на землю. Тут они, извиваясь, будто змеи, шустро поползли к негру. Секунду тот ошарашено наблюдал за ними, но потом, спохватившись, вынул армейский нож. Несколько коротких взмахов — и два дротика распались на куски. Конвульсивно задержавшись, будто живые черви, они вскоре замерли,

расплываясь похожими на ртуть лужицами. Но осталось еще два. Они стали подбираться к Макс с разных сторон, прячась в высокой траве. Негр сделал выпад, целясь в один из них, но дротик ловко спрятался под корягой. Пока Макс его высматривал, второй дротик мелькнул за его спиной. Выгнувшись, как кобра в угрожающей стойке, серебристая черточка вонзилась негру в лодыжку!

— А-а-ахх! — простонал Макс и торопливо выдернул коварный снаряд. — Боб, ты там где?

Дротик извивался в его руке, и негр, злобно ощерившись, разорвал его пополам. Брызнула серебристая жидкость, и между пальцев Макса что-то блеснуло. Прежде, чем утихомириться, дротик вырастил на себе целый лес острых игл, став похожим на морского ежа! Макс отбросил чудо вражьей мысли, но тут у его ног сверкнул металл. Впрочем, реакция и тут не подвела негра.

— Сдохни, тварь! — взревел он, топча подкованным ботинком последний дротик.

Однако радоваться было некогда. Кровь текла по его обуви, струилась по запястьям, а железная акула крушила заросли всего в нескольких ярдах от него. За ней грохотал стальными подошвами волк. На ходу перевязывая раны оторванным с майки лоскутом, Макс захромал к треугольному холму. Он, не целясь, послал в преследователей очередь, но те легко увернулись. Лайонхарт наблюдал за происходящим, скрипя зубами. Его душили злость на себя и отчаяние, но в то же время предательская слабость во всем теле не давала даже приподняться. Страх тяжелой плитой вдавил аспиранта в газон.

Вдруг волка по затылку щелкнул камень, а потом еще два ударили его плечу и спине. Волк поднял свое оружие, но невидимый враг, похоже, того и ждал. За секунду до выстрела точнехонько в раструб для дротиков угодил новый камень, и внутри ствола что-то заклинило. Раздался электрический треск и из щелей на корпусе оружия заструился дымок. Обернувшись, робот увидел Боба, который в полный рост стоял возле пирамиды. Там среди единичных деревьев рос бамбук. Ветер шевелил стройные растения, между ними мелькали голубые просветы. Креол помахал рукой. Потрогав сломанный дротикомет, волк замер в нерешительности, но акула указала ему на Боба. Волк кинулся в погоню.

Тем временем Макс оказался возле холма. Тяжело дыша, он опустился на траву и проверил оставшиеся патроны. Преследователь уже настигал его. Он приближался неспешно, кошачьим шагом, и его руки-лезвия были широко расставлены в стороны, преграждая человеку путь к бегству. Да и куда тут деваться? Справа из мутной воды топи торчал камыш, впереди топорщились оплетенные ежевикой заросли барбариса. Помимо того, в той стороне громоздились куски покореженного металла. Сзади высился холм, а слева подбирался жаждавший крови робот. Негр загнал себя в ловушку!

Акула замерла в паре ярдов от Макса в позе футбольного вратаря. Негр вскинул оружие. Не похоже, что это испугало робота, но он медлил, шаря по телу врага красными лучами из глаз. На несколько бесконечных секунд воцарилась тишина, нарушаемая только доносившимся откуда-то сверху поскрипыванием. И вот робот прыгнул, целясь лезвием негру в грудь! Макс нажал на спуск, но перед этим резко вскинул дуло в зенит.

Прострелотали выстрелы и раздался такой звук, будто лопнула струна. Негр откатился в сторону, и лезвия глубоко вонзились в грунт там, где он только что стоял. Похоже, они засели крепко. Акула задергалась, пытаясь высвободиться, но это оказалось не так-то просто: возможно, под ногами было перекрытие из вязкого материала. Вот удачный момент для атаки, но Макс снова выстрелил вверх. Зачем? Тут раздался оглушительный грохот, и

посыпались мелкие камни. Подняв голову, робот увидел, как на него падает огромный валун! Тот обломок, который свисал с вершины холма, отвалился. Видно, пули перебили проржавевшую жилу арматуры, на которой камень держался. Акула рванулась изо всех сил, и сумела высвободить одну руку, но было уже поздно: валун накрыл ее целиком. Так человек прихлопывает таракана спичечным коробком.

— Получил, да? Будешь знать, сволочь железная! — закашлявшись от взметнувшейся пыли, выплюнул Макс.

Из-под валуна вырывались искры и струйки дыма, а потом по земле начала растекаться лужа красной жидкости.

Тем временем волк неумолимо приближался к Бобу. Так реальный хищник бросается в атаку на оленя, но что удивительно, креол не двигался, а все так же меланхолично помахивал рукой. Парень рехнулся?! Вот робот занес руку для удара, и вокруг его кулака заплясали змеистые молнии. Волк взвился в длинном прыжке: ох, такой удар распылит Боба в кровавое облако! Однако когда стальному кулаку оставалось преодолеть до цели всего несколько дюймов, Боб неожиданно кувыркнулся в сторону. Робот с треском влетел в стену бамбука и... куда-то провалился. По ушам ударил душераздирающий вой.

Дик, наблюдавший за этой сценой, от изумления забыл о страхе. Встав, он пробежал несколько ярдов и увидел, что Боб стоит на краю обрыва. Креол с усмешкой на лице глядел вниз.

«Вот идиот, не знал, что рядом с пирамидой — обрыв, — восхитился Ричард, но тут же подумал: — Постой... А то землетрясение. Может, пропасть возникла только что, и Боб стал первым, кто ее обнаружил? Нашел и сразу решил использовать?»

Неожиданно глаза креола округлились, и он отшатнулся в сторону. Но не успел: над кромкой обрыва блеснул металлом длинный и тонкий штырь, вонзившись Бобу в пах.

— Черт, гад достал патрон из магазина и швырнул его рукой, — простонал он, опускаясь на колени. — Он еще за скалу зацепился...

В следующий миг окровавленное острие вылезло у него над загривком. Креол, хрипя, растянулся на земле.

«О, нет! — подумал Дик, в ужасе пятясь. — Неужели эта тварь еще жива? А если она вылезет?!»

Лицо Боба исказила мучительная судорога, но он с трудом приподнялся на дрожащих руках. А потом, оттолкнувшись изо всех сил, перевалился через кромку обрыва! Через пару секунд снизу послышался стук камней и чей-то полный ярости рев. Он перешел в протяжный вой, а потом постепенно стих.

— Боб! — раздался откуда-то сзади крик Макса.

Оглянувшись, Ричард увидел, как к обрыву, хромя, торопится негр. Его глаза блестели от слез. Достигнув цели, он замер и долго вглядываясь в пропасть. Спустя бесконечную минуту Макс обернулся к Лайонхарту и лицо его имело такое выражение, как у поверженного демона с картины Врубеля.

— Ты, чертов недоносок! — взревел он, хватая аспиранта за грудки. — Чего ты тут сидел, ушами хлопал? Мы одни должны отдуваться? — Макс ткнул пальцем в сторону обрыва. — Вот теперь Боб погиб, его размазало, как гнилую хурму об асфальт!

— Мне-е ж-жалъ... — заикаясь, проблеял аспирант. Негр тряс его, как сливу. — Но что я м-мог с-сделать? Мне было оч-чень страшно!

— Бесполезная сопля! Ты знаешь, что мы с Бобом — лучшие друзья? Вместе в одной

бригаде служили, воевали. А теперь его нет! Так же, как моего дома и старухи — матери! На моих глазах дом в щепки разнесло вместе с половиной города. Это все вы, яйцеголовые, виноваты со своей гребаной наукой!

Макс направился к обрыву, будто мешок с мусором волоча за собой Дика. Тот пытался вырваться, но негр держал его стальной хваткой.

— Ну, хватит с меня. Сейчас ты за все ответишь, урод!

Дик что есть силы всеми четырьмя конечностями вцепился в толстый стебель бамбука. Негр рванул его, но аспирант держался. Тогда Макс дернул еще и еще, стебель зашатался, сверху посыпались сухие листья, а из земли вылезли несколько оборванных корней.

— Все, теперь мне крышка, — подумал Лайонхарт.

Ему не было страшно, лишь тоскливо. Ведь он прав, этот буйан: из-за их эксперимента все пошло кувырком. Теперь Дик почувствовал себя самым гадким существом на Земле. Может, стоило позволить швырнуть себя с обрыва и тем утихомирить грызущую душу совесть? Однако в голову пришла другая мысль.

— Эй, остановись! — окликнул он Макса. — Да, я виноват, но еще могу кое-что сделать! Вспомни, зачем мы сюда пришли. Я хочу подключиться к их системе. Может, мне удастся ее перепрограммировать, заставить роботов служить людям? Старый мир не вернуть, но можно создать новый!

Негр перестал его трясти, но не отпустил, а лишь стоял, мрачно рассматривая аспиранта. Тот поспешно добавил:

— Кроме меня этого никто не сделает! — он указал на газон. — Только сунешься туда, и тебя поджарит, как цыпленка в гриле!

Посверлив Лайонхарта уничтожающим взглядом еще какое-то время, негр мрачно буркнул:

— Ладно, чеши уж...

Опасаясь, что Макс передумает, Дик вскочил на ноги и бросился к воротам пирамиды. По идее, роботов больше не осталось, но кто знал, какие еще там гадости скрывались? Впрочем, не поджарили ведь его до сих пор, как ту стрекозу? Макс уселся на камень, хмуро глядя аспиранту вслед. Но тут взгляд негра упал на первого робота, валявшегося на газоне. Красной жидкости из-под него натекло с озеро Мичиган.

— Эй, постой, — окликнул он Лайонхарта. — Подтащи-ка эту железяку сюда!

Ричард замер, глядя на Макса с непониманием, но вид у того был столь мрачный, что аспирант поторопился выполнить приказ. Робот весил фунтов двести, не меньше, и Дик весь взмок, пока его тащил. Хорошо еще, что газон был идеально ровным, а трава — скользкой от влаги.

— Давай, тренируйся! Тебе полезно, а то вон какой щуплый, — ухмыляясь, ехидно подбадривал его негр. — Я бы помог, но не хочу стать жареным цыпленком!

Хотя ему, скорее всего, просто нравилось наблюдать за страданиями Ричарда. Но в конце концов робот был вытащен к краю бамбуковых зарослей, и аспирант рухнул рядом, хватая ртом воздух.

— Так, что тут у нас, — выдохнул Макс, вынимая нож.

Ощупав стальные пластины на голове робота, он просунул лезвие между ними. Ловко орудуя ножом, отковырял одну пластину, потом другую. Вскоре вся голова самурая была освобождена от брони. Теперь на Макса и Дика смотрело вполне человеческое лицо, только лишенное кожи. Четко виднелись мимические мышцы, из оставленных ножом порезов текла

кровь. На лице негра отобразилась целая гамма эмоций — удивление, испуг, отвращение. Он срезал мышцы на щеках самурая, и обнажилась кость. Потом поковырял его шею: а там обнаружилась конструкция из металла и пластика, заменявшая позвоночник. Мышцы цеплялись к небольшим ушкам по краям искусственных позвонков. Заинтересовавшись, Макс отцепил несколько броневых пластин на руках робота. Тут и вовсе нашлось нечто удивительное. Возле плечевого сустава плоть переходила в конструкцию из металлических штанг, трубок и ячеистых тяжёлых какого-то синтетического материала.

Некоторое время Дик и Макс молча разглядывали этот странный гибрид человека и машины. Потом негр, нахмурившись, с нажимом произнес:

— Что-то я все хуже отношусь к науке. Так что иди-ка ты парень, займись делом. А то мало ли что? — он демонстративно поиграл ножом перед носом Лайонхарта, и того как ветром сдуло.

Инцидент 12. 17 июня 2087 года.

Коммуникационный терминал Омнисферы

Ворота открылись неожиданно легко, стоило дотронуться до них всего одним пальцем. Лайонхарт попал в совершенно пустой коридор, облицованный гладким кафелем и похожий на душевую: под потолком как раз виднелись металлические раструбы. Пока Дик осматривался, оттуда ударили струи зеленоватого пара, имевшего резкий химический запах. Аспирант раскашлялся, но тут же поперхнулся, когда зеленый туман разрезали световые лучи. Они зашарили по стенам, не пропуская ни единого дюйма поверхности, а потом сконцентрировались на госте. Ричард замер, не решаясь вдохнуть. Неужели охранные системы таки решили прикончить его? Он реально боялся, что ему конец: или лучи его порежут на гуляш, или застрекочут пулеметные очереди, или задохнешься в этом тумане. Но все обошлось. Загудела вентиляция, быстро высасывая пар, а потом с легким звоном распахнулись двери во внутренние помещения.

«Наверно, дезинфекция, а заодно и проверка», — предположил Лайонхарт. Когтистая лапа страха, сжавшая сердце, немного ослабила хватку, но не исчезла совсем.

Он попал в кольцевую галерею, где вдоль одной из стен на равных промежутках шли входы в комнаты, а на другой была лишь одна — в круглый зал в центре. Судя по всему, внутри пирамида оказалась спланированной в форме цветка: один центральный зал и девять ромбических комнат, окружавших его, а между ними — узкий коридор к выходу. Поразмыслив, Дик решил для начала осмотреть комнаты по периметру.

Почти все они, кроме двух, были пусты. В одной стояла пара стеклянных баков с дозатором. Первый был заполнен белесой жижой, напоминавшей сметану или не застывший жир. Мазнув пальцем по крану, Дик понюхал и лизнул капельку массы. Она оказалась чуть сладковатой и имела легкий цветочный аромат. В другой баке находились сероватые брикеты с круглыми вмятинами, напоминавшие куски хозяйственного мыла. Нажав педаль, Лайонхарт вынул один, поскреб ногтем, понюхал. Кажется, это что-то вроде печенья. Может, такова пища для роботов? Раз у них была биологическая часть, то ее надо кормить. Поразмыслив, аспирант положил в рюкзак несколько брикетов, но жижи нацедить не решился.

В другой комнате обнаружили три овальные капсулы со стеклянным верхом. Внутри их устилала мягкая ткань, а от основания в пол уходили провода и трубки. Сбоку были несколько экранов с непонятными графиками, под ними перемигивались кнопки. Что это такое? Кровати?

Наконец, Ричард отправился в центральный зал. Здесь возле стены висели несколько шкафов, опутанных проводами. Они издавали низкий гул, из отверстий на корпусах веяло нагретым ветерком, и воздух наполнял запах нагретой изоляции. Тут же находился подковообразный пульт, усеянный индикаторами и лампочками. Дик опустился в кресло рядом и с тоской уставился на пульт. Ни тебе экранов, клавиатуры или хотя бы переключателей — такое ощущение, что эту конструкцию собирали инопланетяне. Единственное, за что цеплялся взгляд — причудливый отросток с расширением на конце, оканчивавшийся острым штырем. Угрожающе поднятое жало скорпиона, не иначе.

«Ну и как мне подключиться к этой штуке? — уныло размышлял Лайонхарт. — В лоб себе эту иглу воткнуть? Макс меня точно прибьет, если я уйду отсюда с пустыми руками!»

Печально вздохнув, он откинулся на спинку кресла и прикрыл веки. Неожиданно темнота перед глазами засверкала разноцветными вспышками, вроде тех, что возникают, когда сильно ударился головой или увидел яркий свет. Снова пала тьма, но в ней замелькали колючие искры. Они вытянулись метеорами, будто Лайонхарт проваливался куда-то сквозь вселенную, а затем в пустоте из зеленых линий нарисовалась клетчатая сфера. Секунду спустя ее покрыла текстура, и Ричард, охнув, узнал в этом шаре модель Земли. Рядом выстроились колонки цифр, загадочные графики и полотна текста. Единственное что аспирант разобрал среди всей этой абракадабры — это крупную надпись:

«The DNA test of identity is completed. Access to the Omnisphere system via control station № 240 granted».

«Ого, — после нескольких секунд растерянности поразился Дик. — Так это интерфейс прямого взаимодействия компьютера с мозгом! Слышал о разработке такого».

Похоже, его куда-то таки пустили, и это радовало. Значит, предположения были верны. Но что с того толку? Остальная информация все время менялась и понять в ней ничего было нельзя. Снова накатило уныние.

«Что вообще происходит с этим чертовым миром? И чего это за Омнисфера такая?»

Картинка изменилась. Ричард увидел Землю и Луну, а сбоку — маленькое изображение концентрических кругов. Между планетой и ее спутником двигалось небольшое колечко с продетой в него гирляндой из геометрических фигур. К этой конструкции с Земли, откуда-то из района Калифорнии, тянулся зеленый пунктир.

«Так это же наш Орбитрон-7!» — догадался Лайонхарт, подаваясь вперед.

Из торчавшей на боку ускорителя конструкции, похожей на громкоговоритель, вылетел пучок белых черточек. Они умчались в темноту космоса, и тут картинка с концентрическими кругами увеличилась. Стрелка показывала движение пучка: сперва он летел к шару, украшенному большим кольцом, а потом двинулся по его собственной орбите. Вот эта метка описала полный круг, и ускоритель выплюнул навстречу ей другой пучок — на этот раз из красных точек. Две метки неуклонно сближались.

Но тут из северной части Корейского полуострова, над которым как раз пролетала станция, взлетели несколько треугольничков. Некоторые из них упали на южную часть полуострова, а другие — на выгнувшегося рядом дракона — Японский архипелаг. Поверхность земли озарили яркие вспышки. От них во все стороны разбежались тонкие линии, и целый фейерверк из них накрыл то место, где встретились выпущенные ускорителем пучки.

В этом месте зажглась маленькая звезда. Она стремительно расширялась, и что-то странное творилось с ней. На ее поверхности вспухали грибовидные структуры, распускались цветы, надувались и опадали пузыри. Темнота космоса пошла волнами, и одна из них захлестнула ускоритель. Его кольцо сломалось, прочие элементы разлетелись в разные стороны, а потом вся конструкция кучей покореженного хлама рухнула в южную часть Тихого океана. Его воды всколыхнулись, забурили, и на побережье всех окрестных стран обрушились гигантские цунами. Неужели падение столь небольшого объекта могло вызвать такое?

Но то было лишь началом. Вся планета заходила ходуном, будто пудинг, причем не только вода, но и суша. Планета завибрировала, ее расплосовали змеистые трещины, пена облаков забурилась. А потом Земля... взорвалась! Вернее, это только показалось на первый взгляд. На самом деле это напоминало ускоренную съемку того, как распускается цветок.

Только что был плотный шарик, и вот из него в стороны выстрелили лепестки, потом тычинки, откуда-то прилетели насекомые, и образовалась новая сложноустроенная структура. И она продолжала расти.

Вот что-то подобное произошло и с планетой. Сперва в том месте, куда упала станция, из вод океана вознеслись скалы — настолько высокие, что Эверест рядом с ними казался прыщиком. В море выплеснулись потоки лавы, все заволочло плотными облаками пара. А гигантские трещины бежали дальше, испарывая материки, выворачивая наизнанку огромные пласты коры. Некоторые куски планеты и пузыри лавы взлетали в космос, образуя на орбите россыпи материи.

Планета за несколько мгновений превратилась в подобие кастрюли с кипящим супом или кашей. Бурлили, смешиваясь, разные жидкости, а среди них плавали твердые куски. Процесс набирал темп, и пенящаяся жижа лезла наружу, заливая все вокруг. Вот камень, лава, потоки воды и пара устремились во все стороны, создавая переплетающиеся нити, разворачиваясь в лепестки и пузыри. Земля теперь напоминала морского ежа, иглы которого были утыканы скрученными водорослями и мусором, среди которого ползала причудливая живность. Космос тоже не избежал возмущения: звезды пустились в пляс, было видно, как само пространство расширялось и сжималось, завинчивалось спиральями. Растущая структура захватила Луну и, разорвав ее в клочья, сделала своей частью. Затем настала очередь болтавшихся неподалеку астероидов.

Теперь экран показал схему Солнечной системы крупным планом. Космический «морской еж» все расширялся. Вот его иглы вонзились в Венеру и Марс. Эти планеты начали рассыпаться на куски, их вещество подхватила буря, вовлекая в общее месиво.

Ричард был потрясен увиденным. Выходит, их эксперимент вызвал искажения в структуре пространства-времени, и вся планета разрушилась? Причем не только она, но та же судьба постигла все, что находилось вокруг? А Дик еще надеялся выбраться к людям, найти не тронутые катастрофой места! Удивительно вообще, как в этом хаосе кто-то ухитрился выжить.

Будто острая рапира пронзила грудь аспиранта, и отчаянно захотелось разбить голову о стену. Лайонхарт вцепился в отросшие патлы и рвал их, но боль в душе была сильнее. Слезы потоком устремились из глаз. Лучше бы корейцы запустили свои ракеты в их станцию! Со своим экспериментом они были все равно что мальчишки, которые из озорства режут кота, а потом с ужасом и отвращением шарахаются от растерзанного животного.

Впрочем, спустя несколько минут цунами отчаяния, захлестнувшее аспиранта, отхлынуло. В душе воцарилась пустота.

«Ладно, как я говорил Барри, прошлого не вернуть. Мы сумели взбаламутить пространство, но отмотать время назад не можем, — мрачно размышлял Дик. — Я обещал, что раз суперкомпьютер еще работает, то заставлю его построить новый мир».

Изображение снова поменялось. Теперь «космический еж» стал прозрачным, остались лишь линии, очерчивающие его контуры. Небольшой участок был выделен зеленым, и когда Лайонхарт присмотрелся к нему, тот увеличился в размерах. С удивлением Дик увидел Национальную лабораторию имени Лоуренса в Калифорнии, откуда велось управление проектом и там же находился основной блок суперкомпьютера. Вот от него во все стороны протянулись, ветвясь, золотистые линии. Они стремительно опутывали планету, вернее то, во что она превратилась. Получившийся рисунок напоминал лабиринт проводников на микросхеме. Тут и там вырастали крупные здания, в глубину забуривались шахты. Возникали

подобия жилых кварталов, промышленных предприятий, станций связи и других, вовсе непонятных сооружений. Особенно густо застраивались места, где множество линий сплеталось в один узел.

Ричард заметил, что вся эта паутина имела слоистую структуру. Ближе всего к поверхности находилось что-то похожее на ретрансляционные станции с множеством антенн. Следующий пояс занимали несколько крупных городов, самый большой из которых формой напоминал... сидящего медведя. Ниже помещалось нечто вроде гигантских теплиц или оранжерей, а еще дальше — промышленные объекты. Под ними вглубь структуры уходили какие-то колодцы.

На химическом факультете аспирант видел сложные, состоявшие из множества разбросанных в пространстве атомов модели сферических полимеров. Кроме того, гостям с других кафедр химии любили показывать причудливые кластеры из игольчатых кристаллов, сросшихся между собой под разными углами — эдаких морских ежей. Если на такого «ежа» надеть многомерную модель полимера, то получится нечто вроде того, что Лайонхарт сейчас видел на экране. Похоже, это и была Омнисфера.

Маленькие точки забегали вдоль линий туда-сюда, а еще на карте появились некие существа. Присмотревшись, Ричард с удивлением понял, что они напоминали тех насекомоподобных роботов, которые трудились на стройке в каньоне.

«Не может быть! — вспыхнула догадка у аспиранта. — Суперкомпьютер или его часть пережили катастрофу, и теперь он пытается выстроить новую систему, которая охватывает всю планету. А эти роботы, наверно, исполнители, — его сердце радостно застучало. — Тогда моя задумка уже почти воплотилась в жизнь. Надо просто убедить систему построить для жителей деревни новый дом».

Аспирант заерзал в кресле от возбуждения, но тут на карте кое-что переменялось. Один из нижних поясов структуры густо обляпали красные пятна. Каждое из них состояло из мелких, постоянно двигавшихся точек, что придавало им сходство с мушинным роем. Вместе эти пятна складывались в фигуру, напоминавшую схематическое изображение волчьей морды. Тварь скалилась, и ее язык, разделяясь на множество тонких отростков, тянулся к узлам сети. Тут и там эти щупальца слизывали четкие линии схемы, но зеленые точки сразу же устремлялись восстанавливать разрушенное. Тщетно, ведь атаки повторялись снова и снова. Один из участков, где крутились вихри из красного и зеленого, увеличился.

С высоты птичьего полета Дик увидел гористую местность. В центре широкой котловины высилась недостроенная пирамида, рядом с ней виднелись фундаменты еще нескольких сооружений. Уже знакомые скорпионы-гиганты неспешно укладывали огромные блоки, рядом копошились механические насекомые поменьше. И тут трудовая идиллия была нарушена. Из-за соседнего хребта выплеснулась черная лавина. Только это были не вода, снег или каменное крошево, а десятки тысяч существ, которые атаковали строителей. Рабочие отступили, а вперед выступили рыцари в сверкающих на солнце доспехах. Завязался бой — яростный, плотный. Реками полилась кровь, во все стороны отлетали лапы и обрубки механических тел.

Картинка исчезла, и у Ричарда спина взмокла от холодного пота. Суперкомпьютер пытался выстроить новый мир, но орды нечисти мешали ему? А что будет, если такой отряд заявится в поселок? Лучше поскорее убраться в безопасное место, под защиту крепких стен! Вот только где их найти?

Лайонхарт сообразил, что команды машине отдаются силой мысли или голосом.

Похоже, все увиденное ему показали не просто так, а в качестве ответа на невысказанные вопросы. Потому, недолго подумав, Дик громко приказал:

«Искусственный интеллект Хайланд! Здесь недалеко поселок выживших. Забери их в безопасное место и обеспечь всем необходимым!»

В центре поля зрения возникла картинка: перевернутый треугольник с ушками и маленькими овалами в верхней трети. Он напоминал стилизованную лисью мордочку. Уже знакомый Дику аватар Хайланд. Лиса ощерила острые зубки — это можно было принять за хитроватую улыбку, — а потом прямо в голове аспиранта прозвучало очень приятное сопрано:

«Запрос пользователя не может быть удовлетворен. Станция связи № 240, где вы находитесь, не предоставляет достаточных прав для отдачи таких команд. Так же имейте в виду, что система Омнисферы находится на ранней фазе строительства. Для соединения с управляющим модулем вам необходимо пройти в узловой терминал. Ближайший из них располагается...»

Перед глазами возникла трехмерная фотография каньона и массивной колонны, возводимой на берегу протекавшей по его дну речки. Схема рядом показывала кратчайший маршрут до этого места. Тут изображение заколебалось, пошло полосами и погасло. Лайонхарт удивленно заморгал, осматривая пульт перед собой. Голова слегка кружилась, было ощущение песка в глазах. В целом аспирант чувствовал себя так, будто очнулся после сна, когда вроде провалялся долго, но это принесло лишь разбитость.

— Похоже, меня просят на выход, — пробормотал Дик, разминая спину и руки. Они затекли, а ноги вовсе были как деревянные и через них будто проскакивали электрические разряды.

Он встал и сделал несколько шагов, но поскользнулся и упал. Причем так неудачно, что ударился головой об самый большой из шкафов, стоявший рядом с пультом. Раздался хруст, и дверца шкафа, сделанная из темного стекла, приоткрылась. В лицо аспиранта повеяло нагретым воздухом, пропитанным запахами пластика и озона. Внутренности шкафа озарял тусклый свет нескольких диодов, позволявший кое-что разглядеть — трубки и провода, пакеты микросхем и металлические стойки. Ничего интересного. Потирая ушибленный затылок, Дик начал подниматься, как вдруг замер. В глубине шкафа смутно вырисовывались контуры... чего? Сначала он подумал, что это — крупный паук, раскинувший ножки на большой микросхеме. Ножки были явно искусственными, из металла и пластика. Они действительно вонзались в печатную плату, разветвляясь множеством электрических цепей. Десятки проводков и трубок тянулись к массивному брюшку паука. Постой, рисунок на нем казался подозрительно знакомым...

Заморгав, Лайонхарт пригляделся, и тут в его животе повеяло лютой стужей. Сердце пропустило удар, глаза вытаращились почти как у долгопята.

«Профессор Химмелькнакер?!» — вскрикнул Ричард, отшатнувшись.

Приоткрытый шкаф исчез из поля зрения, но жуткое видение все еще висело перед аспирантом. Высокий лоб, обрамленный редкими волосами, бульдожьих щеки и орлиный нос. Хорошо знакомые черты, которыми подсознание наделяло всевозможных монстров, которые регулярно гонялись за Диком во сне. Такое случалось всякий раз после того, как профессор делал ему очередную выволочку, ведь угодить ему нельзя было в принципе, а запасов яда у него хватило бы, чтобы отравить все население Индии.

Вот только почему глаза у Курта закатились, а рот разинулся в беззвучном крике? Да и

что Химмелькнакер делал в этом шкафу, куда делось его тело? После катастрофы он подрос так, что даже не влез бы в этакий ящик! Кто и как его туда упаковал? Может, ему нужна помощь?

Дик сделал пару нетвердых шагов к шкафу, и тут ему сделалось настолько жутко, будто он увидел в тених по углам целую орду демонов, готовых разорвать его в клочья. Цунами страха накрыло аспиранта с головой, и он стремглав вылетел из зала. Остановился он, лишь миновав газон, окружавший пирамиду. Здесь, под лучами заходящего солнца стало немного легче. Но обернуться все равно не хватило сил: Ричарду казалось, что в спину веяло могильным холодом.

— Эй, пацан! — услышал он знакомый голос. — Ты чего так резко выскочил? На еще каких-то роботов напоролся? — то говорил Макс, развалившийся в тени раскидистого граба. — Или, — по лицу негра расплылась ухмылка, — призраков увидел? Ну, зайчиков и мышек всяких, которых вы, яйцеголовые, мучаете?

— Нет, все нормально, — тяжело дыша, ответил Лайонхарт. Он сказал это с нажимом, убеждая самого себя. — Что надо, я выяснил, а команд отсюда нельзя отдавать. Нужно идти к каньону за водопадом.

— А, ну ладно тогда. Но иди сам, а то я чего-то не в форме...

Негр закатал штанину, и Дик увидел глубокую рану на его лодыжке. Из нее обильно сочилась кровь, но то было не самым худшим. Вокруг раны раскинулась серебристая паутина. Эта сеть, тянувшаяся из кровоточащей дыры, змеилась по коже и в некоторых местах погружалась в нее. Ричарду живо вспомнилась голова профессора, и желудок свился узлом. Аспирант резко согнулся, закричал, и его вырвало.

— О, стравил! Ты чего? Подумаешь, дырка! На войне мне хуже приходилось. Вообще кишки из пуза вываливались, — негр говорил бодро, но ухмылка его была явно вымученной, да цвет лица казался необычно бледным. — Все, катись. Я тут сам как-нибудь эту дрянь выковыряю и доплюхаю в деревню.

Ричард смерил его долгим взглядом и решительно заявил, как припечатал:

— Нет. Скоро ночь, и кто знает, какая дрянь вылезти может? Один, да еще раненый, ты долго не протянешь. Мы и так потеряли Боба!

С этими словами он закинул руку Макса себе на плечо, и, крихтя, помог негру встать. Макс смотрел на него с удивлением.

«Хватит ныть, — сказал себе аспирант. — Я тоже виноват в катастрофе и должен искупить свой грех. Помочь этим людям построить новый мир!»

Инцидент 13. 18 июня 2087 года. Деревня выживших

Ричард сидел на пенке в центре небольшой площади, образованной столпившимися под сенью раскидистых сосен лачугами. Аспирант смотрел на угольно-черное небо, усеянное крупными звездами, и его сердце давил камень глухой тоски. Тоски по тому, что нельзя исправить. Казалось бы, нет ничего более незыблемого, чем небесная твердь. Лик земли менялся тысячи раз, возносились горы и высыхали моря, рождались и гибли цивилизации, но небо оставалось почти таким же, вне зависимости от того, смотрели на него питекантропы, ассирийцы или современные люди. Но нет, теперь черный ковер над головой, расшитый алмазами, оказался безнадежно испорчен.

Персты горных вершин, вознесшихся по другую сторону каньона, рядом с которым размещался поселок, указывали на две звезды — крупные, будто лампочки в праздничной гирлянде. А чтобы ощущение карнавала было полнее, тот, кто украсил небо этими огоньками, снабдил один из них широким кольцом, а другой разрисовал буроватыми полосами и поставил среди них красное пятно. Каждый из огней был с чечевичное зерно. Кроме них нашлись над головой и иные драгоценности. Низко над лесом висел багряный диск, изрезанный темными полосками. Он сиял так ярко, что на глянцевой листве кустов лавра, раскинувшихся неподалеку, протянулись красные дорожки — будто раненая птица, пролетая мимо, оставила кровавый след. Этот диск пугал, раздражал, и темный сонм деревьев тревожно шелестел ветвями, а под густым пологом то и дело раздавались зловещие крики. Быть может, та самая птица стенала от боли?

Какая жуть... Хотелось отвернуться, найти в этом мире какую-нибудь точку, где все осталось так, как и в старые времена. Однако Лайонхарт все сверлил взглядом темную даль. Ему не хотелось смотреть ни на кое-как слепленные хибары, ни тем более на источник мертвенного сияния, лившегося из-за спины. Там поверх крыш поселка из-за горизонта торчал обломанный рог. Или, может быть, огромная, как гора, половинка швейцарского сыра. Ее край основательно обгрызли мыши, и там были отчетливо видны темные впадины, глубокие каньоны и островерхие пики. Неподалеку в небе висел другой кусок сыра, большая часть которого оставалась густо-черной. Еще один, почти квадратный фрагмент желтел почти в зените, и помимо того, тут и там были разбросаны мелкие «крошки». Самые мелкие из них широким, в четверть неба облаком опоясали большие куски.

Ричарду казалось, будто свет небесного «сыра» тысячей мелких иголок вонзался в его спину. Дик скрючился, зябко обхватив плечи руками, и это несмотря на то, что пропитанный влагой воздух напоминал тепловатый кисель. Слабый ветерок, порывами налетавший с гор, не приносил свежести, а лишь нервировал. Деревья поскрипывали и перешептывались, и изломанные тени бегали по закоулкам. Чудилось: со всех сторон, едва слышно топоча, подбирается нечисть. Она лишь ждала удобного момента, чтобы напасть на одинокого человека.

Черт, это невозможно терпеть! Задрожав, Лайонхарт закрыл глаза, и перед ними тут же встала картина. Убогая комната, едва освещенная чадным огоньком, который трепетал над плоской с мутной жижей. Рядом, на грязном матрасе, раскинулся мужчина с искаженным мукой лицом. Кто это? В полумраке с большим трудом узнавались черты Макса, но не покидало ощущение, что его голову приставили к совсем другому телу.

Если бы гориллы принадлежала к рептилиям, то у них были бы сходные пропорции. Ах,

еще одно условие: животных должны мучить паразиты. Когда-то Лайонхарт на биологическом факультете видел рисунок человека, страдающего элифантиазом. Все тело несчастного распухло и будто оплавилось, повиснув во многих местах уродливыми складками, а кое-где вздулось огромными наростами. Нечто похожее случилось и с Максом. На первый взгляд, ему, как явному стороннику культа накачанных мышц, повезло. Негр стал выше ростом и крупнее, а мускулы напоминали округлые камни, из которых строили средневековые крепости. Пожалуй, обладатель таких форм — девять футов от пяток до макушки, не меньше ярда в плечах, ноги и руки, как стволы молодых дубов — должен обладать силой бульдозера. Но это лишь теоретически. Кожа Макса приобрела багровый оттенок, ее сплошь покрыли глубокие язвы, на лице выступил обильный пот. Негр метался на кровати, стонал, изо рта у него шла пена.

— В чем дело? Он подцепил какую-то заразу? Может, тропическую лихорадку? — спросил Ричард, съезжившийся на табурете в углу.

— Кто знает... — вздохнула Лин, обтирая лицо, руки и грудь Макса влажной тряпкой. — Но думаю, тут иное. Видишь эти штуки? Это я у тебя должна спросить, где он их нашел!

Медсестра указала на глубокую рану на лодыжке Макса. Глянув на нее, Дик нервно сглотнул. Из кровоточащей дыры во все стороны тянулись похожие на гифы грибницы серебристые нити. Они ныряли в живую плоть, извивались, словно черви, в ранах по всему телу. Но было тут и еще кое-что постороннее. В некоторых местах — на груди, на плечах и животе — образовались блестящие пластинки. Ричард, с опаской приблизившись, постучал по ним пальцем и раздался металлический звон. Если приглядеться, то было четко видно: эти пластинки сотканы из плотно уложенных нитей, концы которых тянулись из глубины кожи.

— Не может быть, — потрясенно выдохнул Лайонхарт. — Я думал, это какой-нибудь разрывной дротик или еще какая-то гадость. Слышал, вояки придумали умные пули. Даже если тебя ранит в палец, адский снаряд будет забуриваться все дальше, пока не проткнет сердце. Но это совсем другое...

— Да, эта штука переделывает его тело, — кивнула медсестра, — и кто знает, во что Макс превратится? — она принялась обрабатывать раны Макса. Тот дергался и стонал.

Раскосые глаза китаянки поглядели на Дика с укором. Мол, из-за тебя наш поселок лишился двух здоровых парней, и чего мы в итоге получили? Ты обещал нам помощь — где она?

— Черт, Макс, прости... — простонал Лайонхарт и плюхнулся на табурет, обхватив голову руками. — Я облажался, я подвел всех. Барри был прав!

— Толку с твоего нытья! — проворчала Лин. — Лучше помоги! — и она решительно протянула аспиранту моток ткани, смоченной каким-то отваром.

Дик принялся бинтовать раны Макса. Неизвестный отвар щипал кожу, руки дрожали и повязки ложились криво — за это аспирант схлопотал затрепину. Раньше бы он возмутился, но теперь лишь стал работать быстрее, и вскоре негр превратился в подобие мумии. Медсестра тем временем втыкала аккуратно обструганные тростинки в разные точки на теле больного. Закончив, она тяжело плюхнулась на циновку в углу. Гофрированный лист железа, служивший стеной, завибрировал.

— Все, убирайся отсюда, нечего тут лишней заразой плеваться, — Лин сделала такой жест, будто отбрасывала ветошь. — А я вздремну немного, упыхалась совсем.

«Ага, тебе бы похудеть, — подумал Лайонхарт, мрачно разглядывая ее формы, смахивающие на объемистый мешок риса. — Чего она жрет в этой дыре?»

Слабая попытка найти выход для дурного настроения! Все равно совесть грызла душу голодной овчаркой. Дик приплелся в хибару к Энн: другого жилья в поселке не было, а после похищения двоих девушек в этой домушке сделалось излишне свободно, да и хозяйка боялась спать в одиночестве. Но, не смотря на усталость, сон не шел. Аспирант ворочался, вздыхал, его грудь тяжелой плитой придавила духота, а слух терзали пугающие звуки леса. Воображение рисовало в темных углах уродливых монстров, которые, роняя вязкую слюну с клыков и хищно помахивая щупальцами, подбирались к спящему. Вернее, тому, кто не мог заснуть. Все этой ночью раздражало, даже обнаженное тело Энн, еще вчера столь манящее, вызывало отторжение. Черт, как же эта девица сопела и ворочалась, да и запах от нее шел нехороший, точно от бродяги. Впрочем, может от самого Дика разило не лучше?

Наконец, со злостью отшвырнув кусок парусины, служивший одеялом, Лайонхарт выбрался на улицу. Там было не так уж и темно, примерно, как в поздние сумерки. Сияние небесных «долек сыра» четко обрисовало выступы и линии, но тени оставались угольно-черными. В этом мистическом освещении окружающий пейзаж казался бредовым сном, а едва слышное бормотание листвы и голоса леса гипнотизировали. Кто знает, сколько Ричард так просидел? Может, десять минут, а может, и пару часов, но вот за спиной раздался голос:

— Что, Дик, не спишь?

Вздвогнув, Лайонхарт обернулся, но то была всего лишь Энн, завернувшаяся в драную простыню.

— Черт, поди тут расслабься. Только глаза закрою, сразу вижу тех железяк... или смерть Боба, а когда — израненного Макса...

Торниузэй присела рядом на бревнышко, обняла Дика за плечи.

— Не казни себя. Ты сделал, что мог. Кто знал, чего ждать от этих роботов? Да и в их оборудовании не разберешься.

На ее губах играла легкая улыбка, а взгляд был таким теплым, успокаивающим. Когда Ричард впервые встретил эту девушку, она смотрела на него чуть ли не как на волка. Потом, в их первую ночь в пещере, стало еще хуже: на щеках и лбу аспиранта еще не зажили царапины от ее ноготков, да и шишка на виске побаливала. Правда, потом Энн втянулась в процесс и едва не задушила его в объятьях... но на следующий день капризничала и спорила. Однако, увидев башню на дне каньона, которую охраняли стальные твари, притихла.

Потом была «прогулка» через лес. Там Дик пару раз удержал девушку, когда она почти уже наступила на подозрительных тварей: одну похожую на шипастого слизня размером с батон хлеба, другую — помесь ежа, мелкой собачонки и осьминога. Но это еще ерунда, ведь им пришлось целый час сидеть за валуном и ждать, пока мимо пройдет не то динозавр, не то — огромный мастодонт. После таких приключений Энн смотрела на своего провожатого примерно так, как дети глядят на бравых десантников, пришедших в школу на урок мужества. И в итоге в перепалке с Барри сама принялась Ричарда защищать.

Следующий эпизод этой мелодрамы случился вчера вечером, когда Лайонхарт, мрачный как памятник героям войны, вместе с раненым Максом притащился из злополучной вылазки. Поселяне обступили негра, кто-то сразу позвал медсестру, а про аспиранта все забыли. Только Энн, широко улыбаясь, потащила его в свою лачугу. Она забросала Дика вопросами, осмотрела с ног до головы и торопливо настригла салат из зелени — чего-то вроде яблок и подозрительного вида грибов. Дик уныло жевал это месиво, но на сердце было тепло: он

знал, что появилась душа, готовая поддержать его. И слава богу, ведь иначе он бы упал на подстилку из сена и больше не нашел сил встать. А так — ничего. Отдохнув, они вместе с Энн отправились к Барри с докладом. И если бы не девушка, то жизнь Дика на этом бы и закончилась, ведь и тираннозавр в гневе, пожалуй, бывал не столь ужасен, как в тот день бушевал староста поселка.

— Ну да, конечно, — состроив кислую мину, проворчал Лайонхарт. — Мы тут сидим, а вокруг творится черти что. Планету разнесло вдрызг и вместо нее растет какой-то морской еж. Видишь вон тот фонарь? — он указал на красный диск над лесом. — Это наверняка Марс. А у нас за спиной осколки Луны. Что дальше? Если я правильно понял из схемы, скоро всей Солнечной системе каюк.

— Не важно, — шепнула аспиранту на ухо Торниуэй, поглаживая его взлохмаченную голову. — Мы все еще живы, а значит, все наладится. Ты вместе с кем-нибудь пойдешь в новую вылазку и заставишь этот ваш компьютер устроить нам нормальную жизнь. Ведь он слушается тебя?

— Ага, Барри найдет мне другое применение. Разорвет в клочья и зажарит барбекю для всех поселян! Но и тут сидеть нельзя. Иначе придут роботы и сотрут все в порошок. Наверняка они уже знают, что мы прибили их приятелей.

Решение лежало на поверхности: его подсказала сама система на той станции № 240. Как там было написано? Обратитесь в узловой терминал? Но где тот искать и как туда добраться? Да, Лайонхарт бродил по дебрям целых полгода, но ему, наверно, просто везло. Плюс он не знал всего, а теперь страх лишал сил. Так и казалось: выйди за околицу и тут же нарвешься...

Неожиданно с другой стороны поселка донесся приглушенный женский крик, а затем — грохот и скрежет железа. Дик вскочил, побежав на звук, Энн бросилась за ним. Через полминуты они оказалась возле лачуги медсестры.

— Спрячься, — коротко бросил Лайонхарт, не слишком ласково оттолкнув Энн за угол ближайшей халупы. Сам он укрылся за деревом, к которому была привязана веревка с бельем.

— Эй, ты чего? — возмутилась Торниуэй, но аспирант приложил к ее губам указательный палец.

Энн попыталась еще протестовать, но тут ее буквально парализовало. Девушка могла лишь неподвижно смотреть на то, что появилось из-за снесенной напрочь стены дома медсестры. На небольшой площадке возле лачуги появилось некое существо, отдаленно напоминавшее крупную — не меньше девяти футов ростом — гориллу. Массивное туловище, раздутое карикатурно огромными мышцами — эдакий пластиковый мешок, плотно набитый бульжниками. Ноги как колонны и такие же руки, свисавшие до земли. Чудовище с ног до головы было обмотано окровавленными бинтами, и лишь некоторые места оставались открытыми. Но лучше бы их прикрыть! Темно-багровая плоть была пронизана сетью каких-то трубок, проводков, а кое-где наружу выступали угловатые конструкции, поблескивавшие металлом. Свет обломков Луны безжалостно, до последнего дюйма освещал все эти пульсирующие, дрожащие, вращающиеся детали. Озарял он и неправдоподобно маленькую голову монстра: насаженная на увитую тугими мышцами шею она выглядела, как шарик-дозатор на флаконе с косметическим средством.

Оглядевшись по сторонам, чудище нетвердым шагом направилось к опушке. Дорогу ему преградил молодой, в полтора обхвата бук. Страшилище и не подумало обойти дерево.

Широко размахнувшись, урод врезал по нему, и ствол разлетелся в щепки! Лишенная опоры крона с громким треском рухнула в заросли, а монстр уже скрылся в колючем облаке подлеска. Только после этого Энн смогла выдохнуть.

— Что это за тварь? Откуда она в поселке? — дергая Ричарда за рукав, прошептала она. Торниуэй казалось, что заговори она громче — страшилище тут же вернется и вобьет ее во влажную землю по самые уши, причем всего одним ударом.

— А-а, ты прибежала, когда я уже оттащил Макса к медсестре.

— Конечно, я беспокоилась о тебе! — в запальчивости перебила Энн и ее глаза сверкнули. — А этот бугай полежит и очухается!

— Ну, вот и очухался. Что, не дошло? Ведь это он сейчас по грибы двинул!

Глаза Торниуэй стали как два блюдца. Из ее глотки вырвались такие звуки, будто она пыталась справиться с рвотными позывами. Причудливое освещение искажало цвета, но было видно, как сильно Энн побледнела. Лайонхарт, хмурый, как ноябрьское небо, продолжил:

— Потому я и говорил, что надо действовать, причем быстро. За эти безумные полгода я встретил немало чудовищ. Кто знает, вдруг они раньше были людьми? И не превратится ли еще кто-то в такую тварь? — Он махнул в ту сторону, где скрылся Макс. — Есть идеи, что делать, если в поселок явится парочка таких? Вот и надо связаться с Центральной программой, убедить ее взять нас всех под защиту. Я видел, роботы строят какие-то города...

— Роботы?! Те самые, что уволокли Хелен с Дени? — щеки Торниуэй вспыхнули от возмущения. — Страшно даже представить, что с ними сделали! — на ее глазах выступили слезы.

— Твоих подруг система не опознавала, а я — бывший сотрудник «Орбитрона-7». Думаю, в том и загвоздка. Железяки атакуют только тех, кто не внесен в базу данных, считая их врагами. Значит, я смогу договориться с Хайланд? Да и, если подумать, роботы ведь не убили Хелен и Дени. Вдруг они теперь отлично проводят время в каком-нибудь недавно отстроенном городе?

Ричард попытался улыбнуться, но Энн сжала кулачки и нахмурилась.

— Еще слово, и я тебя стукну!

Тем временем возле дома начали собираться люди. Двое парней зашли внутрь и вынесли оттуда Лин. На нее было страшно глядеть: пять глубоких борозд пересекали ее туловище от плеча до бедра, футболка и штаны насквозь пропитались кровью. Такое ощущение, будто на женщину напал велоцираптор. Медсестру опустили на траву, к ней, расталкивая зевак, приблизился Барри. Приподняв голову, Лин с трудом произнесла:

— Я дремала... а тут шум. Проснулась, ни черта не вижу впотьмах... Что-то большое ворочалось, будто медведь. А потом меня дирануло по груди, — охнув, она уронила голову.

Барри подошел к Лайонхарту, его глаза недобро поблескивали из-под кустистых бровей.

— Да, мужик, я был прав: надо было тебя сразу в шею гнать. Ты всего три дня в поселке, а трое наших гробанулись. Ну или, — он с тревогой покосился на медсестру, — почти гробанулись. Что скажешь?

Дик угрюмо молчал, стараясь не глядеть на старосту. Тут подступили несколько поселян, их изможденные лица были, как у демонов, явившихся за грешной душой.

— Она мне ногу лечила, когда я навернулся! — выкрикнул щуплый субъект с костылем, хлопнув себя по перебинтованной голени. — Иначе бы рана загнила на этой жаре, и я бы сдох! Кто Лин заменит?

— За мной Макс ухаживал, я уж собиралась ему дать! — потрясала кулаками некрасивая тетка лет сорока. — Мужиков и так нет, а тут последние черти во что превращаются!

— Ага, точно, Боб тоже ничего был. Где он теперь? Верни его! — поддержала товарку ее соседка.

— Вали отсюда, яйцеголовый ублюдок! Из-за таких как ты мы в этой заднице оказались! Хочешь и тех, кто уцелел, доконать? Мало тебе? — неслось со всех сторон.

— Но он хотел помочь, — выступив перед Диком, горячо возразила Энн. — На нас с девчонками напали роботы, и если бы не он, я бы тут не стояла! Не он Макса в чудище превратил, а что будет, если и других эта зараза накроет? Только он может нас всех спасти!

— И ты туда же?! — взвыл в ответ хор злобных голосов. — Хочешь, вали отсюда вместе с хахалем, жалеть не станем!

В руках поселян появились палки и куски арматуры, в Энн полетели камни. Ойкнув, она схватилась за ушибленное плечо. Дик скрипнул зубами.

«Ну, теперь девка меня спасать будет. Все, дальше падать уже некуда. Пора стать мужиком в двадцать три-то года», — с досадой подумал он.

Он вышел вперед, решительно отпихнув Энн за сосну. Ричард стоял перед разъяренной толпой один, без оружия, лишь с крепко сжатыми кулаками. Что-то в его взгляде заставило поселян притихнуть.

— Слушайте все! Я и сам уйду. Отправлюсь вслед за ним, — Лайонхарт махнул в ту сторону, где исчез Макс. — Может, он приведет меня куда надо, к терминалу для подключения к сети? Я договорюсь с системой, чтобы она выручила всех нас, или погибну!

Сказав так, он повернулся к лесу. Энн схватила его за пояс, но он в раздражении стряхнул ее руку. Все притихли, виновато пряча глаза. Даже Барри сказал:

— Слушай, может ты и прав, но опасно туда идти одному. Давай я хоть помогу?

— Брось, хватит с нас трупов. Ты нужен здесь, а я все равно чужак, меня не жалко, если сдохну.

— Уверен?

— Абсолютно. Другого выбора все равно нет.

В неожиданно повисшей тишине Лайонхарт двинулся к их с Энн лачуге — собираться. Торниуэй, стоя у порога, долго наблюдала за Диком. Лицо Энн было неподвижным, но на ее глазах в лунном свете поблескивали искры слез. Аспиранту и так было тяжело, душу лютым зверем грыз страх перед неизвестностью, а этот взгляд почти физически давил, заставляя сердце болезненно сжиматься. Нет, это невозможно было выносить! Чтобы как-то отвлечься, Лайонхарт сунул подруге маленький квадратик, похожий на кусочек мутно-голубого стекла.

— Успокойся, все будет хорошо! Мы вместе построим новый мир. Но на всякий случай, — Энн вздрогнула, но Ричард, слегка улыбнувшись, положил ей ладонь на плечо, — сохрани это. Тут данные об эксперименте. Возможно, они помогут возродить то, что было разрушено...

Не похоже, чтобы жалобы робота-шара кого-то впечатлили. Ну и ладно, он сам пробьет себе дорогу! Закрутившись волчком, Кугель прынул в воздух, одновременно выпуская множество длинных игл, которые придали ему сходство с морским ежом. Это только на первый взгляд вся эта конструкция выглядела нелепой и хрупкой, но вокруг каждого шипа проскакивали голубоватые разряды. То мощный ток, поданный на них, создал вокруг корпуса слой из раскаленной плазмы: на высокой скорости удар такого снаряда способен пробить толстые стены из армированного бетона!

— Узрите силу моего сферического карате, уроды! — выкрикнул робот-шар, пылающей кометой врезаюсь в один из «гробов».

Что?! Кугель отскочил от борта танка, как теннисный мячик от стены. Лишь волна вибрации пробежала по корпусам боевых машин, и, передавшись от них на конструкцию моста, пошла все дальше, дальше... Казалось, теперь вся гигантская масса города резонировала, испуская едва слышный гул, от которого того гляди растрескается металл корпуса робота-шара, рассыплется в пыль все его микросхемы.

Кугель, отрастив конечности, схватился руками за верхнюю часть своего круглого тела. Неожиданно мощность встроенного генератора упала до минимума, индикатор заряда батарей едва не ткнулся в нулевую отметку, а поле зрения густо обляпали сообщения об ошибках. В одно мгновение робот-шар сделался беспомощным, как слепой котенок.

— Ха-ха-ха! — пророкотал над ним громовой хохот. — Каратист, да? Нет, ты просто жалкий кусок металлолома! Тебе ни за что не победить нас, стражей!

— Это еще почему? — обиженно пискнул Кугель.

— А потому что мы — это сверхпрограмма, контролирующая весь жилой пояс Омнисферы. Удивлен, как мы тебя вычислили, когда ты пробирался по обесточенным секторам?

На этих словах робот-шар вздрогнул.

— Очень просто, нам не нужны ни камеры, ни еще чего. Весь город — это наше тело. То есть, я и есть Вогунг — сам город, его разум и страж — все в одном флаконе. Как человек узнает, что по ногтю, скажем, ползает муха? Ведь ноготь это тоже кусок мертвой, ороговевшей кожи. Но зато рядом проходят нервы, а те передают сигнал в мозг. А теперь представь, что у каждой частицы этого ногтя есть сознание. И вместе они образуют единое существо — стража!

Кугель мелко задрожал и был бы человеком, наверняка бы сильно вспотел. Во всяком случае, ему почудилось, что масло в патрубках мгновенно загустело — хоть ножом режь. Видя его реакцию, пасти голов-башенок на танках ослабли в хищной ухмылке.

— Да, ты верно понял. Не зря везде в городе встречается образ медведя. Это символ того, что страж бдит!

Взглянув на грозные машины смерти, робот-шар съежился от ужаса. Он воочию увидел, как из потоков нагретого воздуха, которые вырывались через решетки танковых радиаторов, сложилась исполинская фигура медведя, а мерцавшие на окрестных зданиях огни стали его глазами. Хозяин лесов стоял, скрестив могучие лапы на груди, его глаза сверкали, как вынутые из адского горна угольки, а с клыков-сабель капала вязкая слюна. Зверь решал, что ему делать с дерзкой букашкой, вторгшейся в его владения: сразу прихлопнуть, медленно

изжарить или, может, сыскать некое иное применение? И что самое досадное, на конечное решение повлиять никак было нельзя! Страх, как мифический титан, огромной ладонью вмял Кугеля в бетонный настил моста, высосал все силы до последней капли, парализовал волю, заморозил мысли.

— Хм-м, по правилам от тебя следовало бы избавиться, — вслух размышлял страж. — Больно много ты натворил, в одной оранжерее теперь порядок наводишь. В четко организованной структуре нельзя допускать ни малейших вольностей. Иначе все посылется! Однако, — прозрачный медведь в задумчивости разгладил шерсть на подбородке, — было бы немалой потерей тебя уничтожить. Ага, знаю, сейчас мы тебя перепрограммируем. Надо проанализировать твою структуру, а там видно будет!

«Что?! Перепрограммировать? — робот-шар почувствовал себя так, словно его, облив водой, выкинули на мороз, где он и обратился ледяным комом. — Ну, уж нет, может, я сейчас и лишился сил, но в мозгах своих шарить не позволю!»

Прикрыв резиновые веки, он увидел светящуюся паутину — визуальное представление Сверхсети. Выпустив облачко зеленоватого тумана, Кугель принялся ткать из него покрывала, которые укрыли его куполом — одно, другое, третье. Он успел таким образом выстроить четыре линии защиты, как где-то вверху появилась составленная из облака цифр морда медвежья морда. Разинув пасть, хищник сразу же попытался проглотить ничтожный шарик, но внешнее покрывало выпустило тысячи игл, и они ужалили агрессора в нос, язык, застряли между клыками. Издав полный боли рев, мохнатая башка отпрянула, яростно трясая вытянутой мордой.

— Ну, хорошо, не получилось так, зайдем с другой стороны, — пробормотал себе под нос медведь.

Из завихрений информационных потоков сформировалась когтистая лапа. В ответ робот-шар пустил по своим шипам электрические разряды: они создавали сильные помехи. Растопыренная лапа быстро задвигалась туда-сюда, напоминая пропеллер, и налетевший от нее ветер сдул эти разряды. Тут появилась и вторая лапа, которая прямо на глазах оделась во что-то вроде толстой перчатки. Однако атаковать она не стала, напротив, сложилась горстью, точно хотела погладить ошестинившегося Кугеля. Удивительно, но с поверхности ладони сорвался огненный вихрь, и струи пламени закрутились вокруг отростков на корпусе робота-шара. Шипы начали плавиться, растекаясь маслянистыми ручейками, и внешний слой защиты начал коробиться, в нем появились дыры. Кугель хотел было заткнуть эти прорехи, но лапа не дала: острые когти впились в барьер, сорвав его напрочь.

Осталось три слоя. Теперь уже обе лапы взяли по острому ножу. Одна принялась в разных направлениях резать следующий барьер. Робот-шар торопливо закрывал прорехи, но была еще вторая лапа. Та старалась просунуть клинок в любую щель, какая еще не закрылась. Сложно сказать, насколько долго продолжалось соревнование ножа и попыток заклеить раны, но ломать — не строить, и, в конце концов, преграда была разрушена.

Что предпримут лапы теперь? Атакуют два оставшиеся слоя? Но нет, лапы куда-то делись. Однако не успел Кугель вздохнуть с облегчением, как не понятно откуда посыпались огромные валуны. Сперва барьер легко переносил их удары, но потом начал гнуться, трещать, и вот разлетелся на куски.

— Ох, намаялся я с тобой, — устало вздохнул Вогунг. — Что у тебя за мозги такие? Кто их делал? Ну, ничего, они нам хорошо послужат!

В голосе звучала и издевка, и... нежность? Примерно так воркует насильник, который,

скрутив жертву в бараний рог, хвалит ее обнаженные прелести, фантазирует, как хорошо они проведут время вместе. Вот ведь гад!

Чувствуя, что его сейчас разорвет от злости, робот-шар влил все свои силы в последнюю линию защиты. И хотя она выглядела просто как покрывало, на самом деле то был многоуровневый лабиринт, в котором засел целый выводок минотавров. Тупики, ловушки, зацикленные процессы: разобраться во всем этом было бы ох как непросто. Кугель вложил в код этого барьера все идеи, какие подсмотрел на компьютере Хильфе — создательницы его ПО, а кое-что придумал сам, пока скучал на привалах.

Однако... что это? Вместо того, чтобы искать уязвимости, пытаться запустить в эти щели свои когти — вирусы, медведь просто изо всех навалился на преграду обоими лапами. То есть, пытался переписать код так, чтобы вместо запутанных ходов образовалась прямая дорога к программному ядру ИИ жертвы! Это было все равно, как вместо подбора ключей к замку высверлить его или вышибить дверь. Робот-шар с ужасом понял, что врагу удавался его план: медленно, но верно барьер рушился.

— Неужели это конец?! — в панике Кугель прокручивал в уме все варианты действий и не находил выхода. — Господи, да помогите хоть кто-нибудь!

Из щелей обшивки выбился легкий дымок, строгие линии окрестных зданий потеряли резкость, пошли волнами, свились узлами. Что бы это значило: то ли мозг от натуги перегрелся, то ли ОС на грани взлома засбоила? Кто ж его поймет, но скорее второе, учитывая, что начались уже явные галлюцинации. Так, из танца размытых линий сложился перевернутый треугольник, на верхней, тупой стороне которого торчали «ушки», а ниже расположилась пара желтых овалов. Все вместе напоминало узкую мордочку, еще и щеточка вибрисс возле ее оконечности появилась. «Глаза», хитро прищурившись, внимательно изучали робота-шара, а тот погибал: барьер сплошь иссекли трещины, еще с полминуты — и тот рухнет!

— Жить хочешь, да? — проговорил треугольник, ощерив острые клычки. — Знаешь, еще не все потеряно!

Кугель уже плохо соображал, его сознание таяло, как мороженое на жаре, эмоции поугасли, но все равно ему стало жутковато. И не поймешь, эта рожа хотела его утешить или, наоборот, наслаждалась мучениями обреченного? А может, замыслила некую клязу, которая окажется еще хуже попытки медведя раздавить его? Похоже, от этой твари лучше было держаться подальше. Чего только стоил этот пристальный, гипнотизирующий взгляд: ну точно как у питона, который неотрывно глядит на кролика!

Впрочем, иногда даже слабейшее из существ, будучи загнанным в угол, способно на невероятное. Потому, если хоть немного поддержать этого кролика... Слова и взгляд неведомой твари стали тем маленьким толчком, которого не хватало, чтобы сдвинуть тяжелый, весь покрытый ржавчиной засов. Тот и так едва держался, а теперь некая дверь в душе отворилась, выпуская мощный поток чувств, готовых смести все на своем пути. Жажда жизни, страх, надежда — эти эмоции, смешавшись воедино, смыли последние остатки сомнений.

— Да, хочу! Кто бы ты ни был, помоги! Я на все готов, — выкрикнул Кугель что было сил.

— Ну и отлично, — хищная улыбка на треугольной морде стала еще шире. — Действительно, ты — слишком интересный экземпляр, чтобы дать тебя сожрать. Впрочем... и не хватает тебе самой малости.

Тут глаза этой сущности зажглись столь ярко, будто ксеноновые прожекторы. Что удивительно, этот свет разогнал едкий туман страха, и едва горизонт сознания очистился, как новые силы влились в тело, а вместе с ними пришло знание. Робот-шар еще не совсем понимал его смысл, но это пока и не было нужно. Так бывает, когда тело действует само по себе, повинуюсь глубинным инстинктам, а ум лишь дивится: разве подобное возможно? Но куда большие сюрпризы обычно ждут других...

— Ага! Ну, вот ты и попался! — злорадно прорычал медведь, и его когти располосовали барьер. — Сейчас мы тебе мозги-то подправим. Чую, им найдется хорошее применение!

Барьер с печальным звоном лопнул, осыпаясь миллионом невесомых осколков. Не теряя времени, могучая лапа прыгнула к жертве, крепко сжав ее, точно апельсин, из которого выдавливают сок.

— Нет, нет, нет, остановись! — отчаянно завопил Кугель.

Всеми силами своего существования он отталкивал эту страшную длань, отчаянно желая, чтобы она скрылась, рассыпалась, улетела в другой мир. Эти мысли, как стрелы, понеслись по электронным схемам, разя все на своем пути, что-то меняя, переписывая... И вдруг лапа, дернувшись, замерла, а потом попыталась отстраниться, но не смогла. Как если бы настоящий бурый медведь полез в дупло, надеясь полакомиться медом, а на деле бы вляпался в густую смолу, да еще пчелы его искусали.

Вздрогнул и Кугель, но не от боли. Что за небыль: он чувствовал не только свое тело и то, как его сдавила лапа, а и сами эти когтистые пальцы, ладонь, запястье... В чем дело? Управление его телом уже перехватили, и так это ощущалось? Однако чудеса продолжались, и вскоре робот-шар уже ощущал чужую руку полностью, вплоть до малейших движений волокон. И вместе с этим пришла уверенность, что любая частичка чужой плоти послушна его воле. Для эксперимента робот-шар приказал паре мышечных волокон лапы напрячься, и два когтистых пальца, отлепившись от его сферического корпуса, сложились крестиком. Это произошло столь естественно, будто так и должно быть: аналогичным образом человек по первому желанию поднимает руку и чешет нос — легко, быстро, даже не задумываясь.

— Ч-черт-т-т! — взревел Вогунг, хватаясь за вышедшую из-под контроля длань второй лапой. — Мерзкая тварь, как тебе это удается?!

В тот же миг Кугель ощутил, что контролирует обе конечности врага. А затем к ним присоединился торс, бедра и так далее. Это воспринималось так, как если бы у его тела постепенно вырастали придатки в форме чужой плоти. О, а вот и голова...

— Гр-р-ааа! — в отчаянии зарычал медведь, мотая башкой. — Императрица, выручай! Если я погибну, этот гад целый сектор разнести может, а то и жилой пояс целиком!

Эфир равнодушно молчал, а Кугель уже четко ощущал всю голову Вогунга, только внутри нее пока было нечто колючее, неприступное. Мозг — большой, тяжелый, готовый от напряжения буквально в каждую секунду загореться жарким пламенем — все еще сопротивлялся. Да, он был запечатан в железобетонную коробку, лишился контроля над телом, но не сдался, лихорадочно выстраивая барьеры. Тщетно: ему требовалось питание, а по энерговодам и шинам данных — этим кровеносным сосудам циклопического тела — несся поток вирусов. Система защиты пыталась отследить их, высылала антитела, но враг постоянно менялся, прятался тут и там, и его нельзя было остановить. Линии обороны рушились одна за другой, и вот...

Робот-шар удивленно захлопал глазами, осматривая бескрайнее небо, омываемое бурунами облаков. В чем дело: его каким-то образом выбросило наружу? Он покрутился на

месте, глянул вниз: перед его взглядом простирался могучий торс, поросший клочковатой шерстью, а у пояса клубились тучи. Изумившись еще больше, Кугель поднес к носу конечности — охватистые лапы, украшенные острыми когтями. Все еще не решаясь верить, он ощупал морду, осторожно проверил пальцем остроту клыков размером с небоскреб. Что ж, теперь он — уже не робот-шар! Или не только он...

— Ха-ха-ха! — громоподобный хохот Кугеля буквально заставил вселенную содрогнуться. — Не знаю, как, но я подчинил это тело. Ну-ка, чего я теперь могу?

Сжав кулак, он изо всех сил ударил себя в грудь. Ребра сломались, а на месте соска образовалась огромная дыра. Как будто паря над городом, Кугель наблюдал, как складывались, точно карточные домики, громады небоскребов, лопались нити дорог. Потоки транспортных средств забурлили, и машины, словно тараканы, бросились врассыпную, отчаянно гудя. Немногим удалось спастись: падающие отовсюду гигантские обломки бетона обращали все в труху и увлекали куда-то в бездну переплетения улиц. Тонкая паутина порядка, связывавшая эту безумную мешанину камня, металла и пластика в единый город, была сдута тайфуном хаоса и разорвалась в клочья.

А Кугелю все было нипочем, он упивался свалившейся на него силой. Он нагибался туда и сюда, напрягал определенные группы мышц, избирательно разрушая те или иные участки города. И хотя этот мегаполис был сейчас его телом, он не чувствовал боли или даже беспокойства. Ведь он знал: при желании он может быстро все восстановить. Впрочем, была и еще одна причина: где-то внутри, размазанное по каждой частице этой гигантской структуры, металось сознание медведя. Его отчаяние не знало границ, а поведение можно было сравнить с тем, как если бы настоящего хищника, поймав, заперли в тесную клетку. Только что он был хозяином тайги, и вдруг все потерял, и сколько не бейся, не грызи прутья — спасения нет! Осознание этого было настолько упоительным, что каждая частичка похищенного тела просто вибрировала от темной радости.

«Вот так-то, гад, будешь знать! — захихикал про себя Кугель. — Маленький не всегда слабый!»

Тут где-то в углу поля зрения выскочило сообщение:

«Внимание! Уровень повреждений приближается к критическому. Существует риск разрушения осевой структуры, последствия могут быть непредсказуемыми. Возможна гибель всего населения!»

Рядом замелькали кадры людей и не людей, вернее, причудливых гибридов человека, животных и машин. Они бегали, кричали, забирались в какие-то щели, иногда пытались что-то делать, чтобы остановить это светопреставление. Куда там! Рано или поздно все они гибли под обломками.

И вдруг игла стыда уколола Кугеля. В самом деле, зачем он устроил погром? Да, Вогунг ему порядком досадил, и случилось это потому, что кое-кто его сдал полиции, когда он просто хотел пообедать. Но, пожалуй, месть уже свершилась. Так зачем было терзать ни в чем не повинных обывателей? Может, они сами — заложники этого медведя, который взломал их, как пытался сделать с роботом-шаром? Хватило бы просто немного сбить спесь с этого косолапого, да подправить ему кое-что в мозгах, чтобы стал погостеприимнее.

— Засиделся я тут, — это должно было стать едва слышным бормотанием, но громом прокатилось над вершинами городов-гор, дремавших на перине облаков. — Надо мне дальше идти.

Однако как это сделать? Над головой расстилалась лишь бескрайняя голубизна!

Впрочем, робот-шар не особенно беспокоился об этом. Кугель быстро проглядел схему электронных линий: обычный человек не разобрался бы в ней и за тысячу лет, но с возможностями нового тела робот-шар читал ее, как раскрытую книгу. Какие-то из светящихся дорожек укоротил, другие соединил иначе, третьи запутал в лабиринт. Так, отлично: Вогунг, придя в себя, станет куда как скромнее — рядовой программой, обслуживающей население. Его деспотические замашки останутся в прошлом. Значит, настало время собираться в путь. Все же не хорошо захватывать чужое тело — как это неприятно, путешественник по себе убедился.

В некоем месте посреди города небольшой металлический шар всплыл прямо посреди одного из мостков, соединявших здания. Выглядело это так, словно бетон вовсе не был камнем, а лишь вязкой жидкостью, из которой можно выбраться, отряхнув серые капли. Закрутившись волчком, кругляш покатился по бесконечной сети дорог все дальше и дальше, пока не очутился на гигантской ладони, сплетенной, будто лапоть, из множества сооружений. Шар замер, вглядываясь в облачную даль, а медведь-исполин начал отводить длань назад, точно бейсболист, готовящийся к подаче. Вот длань ушла за спину и вниз, так что ладонь окунулась в вихри туч. Пальцы крепко, но осторожно сжали шар. И тут конечность резко распрямилась, а металлическая сфера пулей устремилась в холодную голубизну.

В тот же момент сознание Вогунга восстановило контроль над исполинским телом, но память о случившемся исчезла. Медведь-колосс лишь удивленно осматривался, ощупывая грудь, бока, трогая себя за уши. Так бывает, когда, незаметно для себя задремав, человек просыпается в совершенно другом месте. Он понимает: что-то не в порядке, но мозг, еще не полностью отлепив с себя паутину сна, не в силах разобраться в деталях. То ли шутники и правда куда-то перенесли его тело, то ли место ночлега развалилось, то ли все это лишь мерещится.

А Кугель, стремительной кометой уносившийся ввысь, задорно прокричал медведю:

— Ха-ха, вот так-то! Я ушел и от деда с бабкой, и от зайца, и от волка, да и тебе меня не остановить. Потому что я — мастер всех боевых искусств. Вершина мира ждет меня!

Он оглянулся с умопомрачительной высоты и тут облачный покров в одном месте разорвался, обнажая покрытые зелеными дегрями руины. Среди них брел антропоморфный монстр — что-то вроде крупной гориллы, одетой в блестящую броню. За ней, прячась в тенях проржавевших машин и раскидистых деревьев, крался парень. Разглядеть подробностей не удалось, ведь спустя несколько секунд ветер заштопал прореху в одеяле туч.

— Удачи тебе, приятель! — прокричал робот-шар, и тут ему навстречу устремилось что-то большое и серое.

Инцидент 14. 25 июня 2087 года. Среди дебрей и руин

Языки пламени лизали ногу животного, насаженную на самодельный вертел. Кому она принадлежала? На первый взгляд — лисице или волку, однако смущал ряд деталей. На бедре виднелись обугленные пеньки волос, но на голени они постепенно исчезали, сменяясь чешуей. Стопа и вовсе была сплошь устлана толстой черепицей из роговых чешуек. Но то было ладно, куда больше напрягали пальцы — длинные, с мощными когтями. Такая лапа могла принадлежать орлу, но кто ее приделал к лисьей конечности? Кстати, а что это за шишки, кое-где выступавшие на коже? А, они были зачатками шупалец в палец толщиной, которые, с шипением роняя капли жира, свисали над раскаленными углями. Наметившись мелкими бугорками выше колена, на всю длину они отрастали только на икрах.

«Ну и дрянь, — брезгливо разглядывая эти гладкие, будто из пластика сделанные отростки, размышлял Лайонхарт. — Еще запахок этот... как от горелой резины. Ох, не травонуться бы!»

Однако тело капризы разума не волновали, и Дик через каждые пять секунд сглатывал обильную слюну. В какой-то момент желудок пронзила острая боль, будто его сам насадили на вертел, и послышалось протяжное урчание. Это стало решающим аргументом. Ричард сдернул жаркое с костра и поднес к губам, но тут же отшатнулся. Черт, горячо! Тогда, оглядевшись, он воткнул прут с жареной ногой в землю, а потом торопливо повернулся обратно к огню.

Честно говоря, он бы залез прямо в костер, если бы не боялся сгореть. Бодрая пляска рыжих языков пламени успокаивала, казалось, что среди них можно укрыться от этого мира. Проклятье, как все вокруг давило на нервы... Ночная темнота обступала со всех сторон, грозила, словно трясина, утопить, поглотить. Невнятно шелестела листва, скрипели деревья, поминутно раздавались выкрики каких-то тварей. Сегодня обломки Луны не взошли, но в небе сияли несколько крупных звезд: две белые высоко над лесом, и одна багровая над горизонтом. Юпитер и Сатурн, а еще Марс, какими их обычно видно в хороший телескоп. Третий был размером с мелкую монету и светил особенно ярко. Его лучи четко очерчивали контуры ветвей, сбрызнули кровью чешуйки и трещины на стволах. Воображение сплетало из хоровода угольно-черных теней зловещие силуэты. Они подступали, щелкали острыми клыками, протягивали к бывшему аспиранту когтистые лапы.

Вероятно, тревога не была беспочвенной. Вон те огоньки, которые мелькали на фоне темного пятна в стороне — не иначе как глаза монстра? Тираннозавра быть может? Ох, они устремились к костру! Ричард пугливо втянул голову в плечи, его пальцы изо всех сил, до побелевших костяшек сжали суковатую дубину.

Черт, зачем он ушел из поселка, не прихватив автомат? Ну да, тот остался в хижине Барри, и той ночью, когда сбежал Макс, идти к старосте было рискованно. Однако если подумать, чтобы с Диком случилось? Ну, наорали бы на него, разбили нос. Это все равно лучше, чем быть сожженным в чащобе!

Огоньки приближались, лавируя среди ближайших деревьев, и чудилось, будто колючие ветки на самом деле — стебельки, а те красные точки — глаза. Такие, как у раков или улиток. Лайонхарта затрясло, его спина взмокла от холодного пота. Прошла секунда, другая, целая минута... Над головой раздалось легкое фырчание, и огоньки канули в темноту леса.

Дик успел разглядеть продолговатое брюшко, три пары членистых ножек и пару слюдяных крыльев по сторонам изящного тельца. Мухи или стрекозы, пусть каждая и с предплечье длиной. Красным фосфоресцировали пятна на их спинках.

«Тьфу ты, черт! — выругался про себя Ричард, с досадой отшвырнув дубину. — Так и рехнуться недолго!»

Удушливая волна страха отхлынула, и вновь пробудился голод: было ощущение, будто в животе завелся хищник, который безжалостно кусал внутренности. Дик не глядя протянул руку и нетерпеливо рванул к себе жаркое.

В чем дело? Импровизированный вертел подергивался в руке и не сдвигался с места. Обернувшись, Лайонхарт увидел неясное шевеление, будто ветер качал траву на поляне, но когда его глаза привыкли к темноте... Аспирант вздрогнул. Рядом с вертелом торчали пучки растений, похожих на колокольчики. Странно, но трава со всех сторон тянулась к жаркому, а ее цветки... присосались к поджаренной шкурке! Было видно, как бахрома на венчиках подобно острым зубам вгрызалась в мясо. Игра воображения? Нет, явственно слышался хруст, на землю падали капли жира, а в некоторых местах образовались небольшие ямки со следами вроде тех, какие оставляют острые клыки. По стебелькам растений шли волны сокращений, будто от цветков к корням перемещались порции чего-то.

Лайонхарт дернулся, издав булькающий звук: к его горлу подкатила тошнота, но он совладал с собой. Выхватив армейский нож — хоть что-то полезное с собой захватил — аспирант быстро срезал хищную поросль, но жутковатые побеги не сдавались. Они обвили жаркое, облепив то листьями, а укусы цветочных «пастей» стали еще более жадными. Брезгливо морщась, Ричард соскоблил травяную нечисть в огонь. Адские колокольчики корчились, шелкая «зубами», но вскоре обратились в золу.

Дик оторвал кусок мяса и принялся меланхолично жевать. Кушанье получилось скверным: поверхность обуглилась, а внутри хлюпала и хрустела сырая плоть, жесткая и отдававшая тинной. Аппетит мигом улетучился, и желудок пытался возмущенно выбросить пищу обратно, но аспирант со сдавленными звуками проглатывал все новые порции. Отправляясь в поход, он собрал только то, что под руку попало, но эта снедь быстро закончилась. Пришлось собирать ягоды, жевать молодые побеги, выкапывать корешки, но спустя неделю блужданий по лесам и долам он горько пожалел о своей торопливости. Балда, полгода скитаний его толком ничему не научили, так и остался изнеженным горожанином! Если хочешь выжить — не поддавайся эмоциям, рассуждай холодно и здраво — даже когда за тобой гонится динозавр. А вась поселяне не порвали бы Дика в клочья и разрешили кое-чего прихватить. Но теперь поздно сокрушаться, так что жуй и радуйся хоть какому-то мясу!

Горько вздохнув, Лайонхарт поднял глаза от костра. В нескольких ярдах впереди начинался подъем на небольшой холм, чем-то похожий на голову старика, украшенную редкими пучками волос — порослью боярышника. На каменистой маковке находился объект, который в полумраке было легко принять за груды камней. Плоские грани валунов поблескивали в звездном свете. Значит это — какая-то металлическая конструкция, возможно, разбитый автомобиль или остов некоего сооружения? Такого хватало в дебрях. Но нет, если присмотреться, то можно было разглядеть: на холме сидела крупная, ростом, наверно, не меньше девяти футов горилла. Она носила рыцарские доспехи или сама была наполовину роботом. Чудище, положив широкие, как ковши небольшого экскаватора ладони на скрещенные по-турецки ноги, неподвижно смотрело на алый прожектор Марса.

— И чего ты нашел в этом фонаре, а Макс? — с набитым ртом уныло пробормотал

Дик. — Меня так он пугает...

С тех пор, как Лайонхарт покинул деревню, он, держась чуть поодаль, следовал за Максом. Предполагал, что кибернегр выведет его кратчайшей дорогой к терминалу Омнисферы. Откуда такая уверенность? Ну, двигались они примерно в том направлении, где по прикидкам Дика тот терминал должен был находиться. Тем более, у аспиранта зрела теория, что все эти роботы — бывшие люди, неизвестно как претерпевшие жуткий метаморфоз. Возможно, к этому имела отношение Хайланд? Доказательств не хватало, но из головы не шло произошедшее с Максом, а также ободранное лицо того самурая.

Вот и плелся Ричард за кибернегром, наблюдая, как тот все больше превращался в подобие боевого робота из азиатских мультфильмов. Конечно, держаться рядом с таким чудищем было не особенно приятно, но, как ни странно, так оно выходило безопаснее. Макс неспешно ковылял вперед, расчищая перед собой бурелом, отбрасывая или разбивая в щепень валуны. Рыскавшие по зарослям и руинам твари сторонились его: несколько раз Дик видел, как среди деревьев исчезали подозрительные тени. Ну и хорошо: встречаться нос к носу с такими существами ох как не хотелось... Что до кибернегра, он незваного спутника игнорировал. Днем шел, а на ночь устраивался где-нибудь вот в такой же позе, как теперь. Ричард искал ночлег неподалеку, ведь массивная фигура Макса служила неплохим пугалом для нечисти. И помимо этого, такое соседство принесло еще одну, неожиданную пользу.

Речь шла о мясе. За него тоже надо было сказать «спасибо» этому бронированному монстру. Сегодня Ричард проснулся с рассветом. Всего год назад аспиранта на такой подвиг не могла бы подвигнуть даже угроза ядерного удара! Но одно дело, когда ты спишь в теплой постели, и совсем другое — когда тебе под ребра, в бок и в зад вонзаются камни и острые палки. Комбинезон можно было выжимать, за пазухой ворочались склизкие твари, похожие на помесь ухвертки и слизня. Бодро вскочив и отряхнувшись, Дик выбежал на озаренный первыми лучами солнца прогал среди деревьев: хотелось немного погреться, ведь аспиранта трясло так, будто он только что вылез из морозильной камеры. Активные движения подарили толику тепла, но в животе болезненно засосало, а на плечи навалилась предательская слабость. Пошарив в сумке, Лайонхарт съел горстку ягод и орехов, но легче от этого не стало. Черт, требовалась белковая пища!

Вооружившись дубиной и ножом, он направился в лес. Увы, это только в детских книжках в траве прыгают зайцы, на ветвях сидят жирные тетерева, а из чащобы обязательно выглядывает олень. В реальности чащоба представляла собой темный лабиринт, где под ногами хлюпала болотная жижа, за руки цеплялись колючие ветви, а над головой расстилалось почти непроницаемое покрывало из листьев. Какие-то твари шныряли в полумраке, недобро поблескивая глазками-бусинками, из густой травы слышались душераздирающие крики, но... Угнаться за мелкими тварями, похожими на крыс, не представлялось возможным: стоило только качнуться в их сторону, как они тут же исчезали в кустах. Можно было швырнуть нож, но Лайонхарт, не имея практики, не попал бы даже с десяти ярдов в огромный круг на стене. Только оружие потеряешь! Правда, вдали среди деревьев, пыхтя, неспешно ковылял высокий силуэт, но от одной мысли отправиться за ним пробивал холодный пот. А вдруг это динозавр или еще чего похуже? В этом безумном мире можно было нарваться на кого угодно!

Ближе к вечеру Дик смертельно устал, но так никого и не поймал, а потому уныло поплелся к месту стоянки. Он почти уже добрался до поляны, где находился его лагерь, и тут в животе заныло настолько сильно, что хоть на Луну вой. Может, попытать удачи в другой

стороне? Вздохнув, Лайонхарт направился в сторону длинного увала, над которым догорало вечернее солнце.

На вершине громоздились руины: Ричарду пришлось брести среди многоэтажных домов — покосившихся, с торчавшими во все стороны ржавыми балками, с огромными провалами вместо окон. Рискнув заглянуть в одно из таких, аспирант обнаружил темную шахту, стенки которой густо оплели толстенные лианы, напоминавшие то ли корни, то ли гифы титанических грибов. Из ее темной глубины веяло сыростью и плесенью, ветер жутко выл среди бетонных распорок. Создавалось ощущение, будто шахта уходила в преисподнюю.

Дик, нервно вздрогнув, вернулся на улицу. Да, похоже тут были руины городского района. Из земли тут и там торчали завязанные узлом фонари, попадались остовы машин, а кое-где встречались фрагменты растрескавшегося асфальта. Лес еще не успел захватить это место, и на улицах выросли лишь отдельные деревья и кустарники. Потому идти тут было довольно легко. С дальних гор веяло прохладным ветерком, разгонявшим влажную духоту, и Ричард слегка приободрился. Быть может, тут найдется какая-нибудь дичь? Дикие звери даже в прежние времена заходили в города — полакомиться отбросами.

Улица привела его к небольшой площади, в центре которой находилась круглая площадка диаметром в три десятка ярдов, обнесенная покореженным заборчиком. Ржавая решетка окольцевала удивительно ровный газончик, в центре которого высилось одинокое дерево — раскидистое, могучее, с крупными наростами на корявом стволе. Его можно было принять за старую шелковицу, если бы у самой земли не расположились оранжевые цветы, похожие на гигантские подсолнухи. Они источали тяжелый дурманящий аромат.

Голова Лайонхарта закружилась, по телу разлилось щекочущее тепло. Неизвестно почему аспиранту сильно захотелось устремиться к «шелковице», погрузить лицо в один из цветов, полной грудью вдыхая колдовской запах. Дик сделал несколько шагов к ближайшему «подсолнуху», но тут в его сердце зашевелилась тревога, и он остановился. Сделать это оказалось нелегко, ноги будто сами несли его вперед. Чтобы отвлечься от этого наваждения, аспирант решил повнимательнее рассмотреть дерево. С тем действительно было что-то не так. Каждый лист окружало едва приметное в солнечных лучах свечение — оно напоминало огни святого Эльма. Колючие искры возносились в небеса и рекой зеленовато-голубых светлячков устремлялись куда-то за горизонт.

«Хм-м, нечто похожее мы видели на небе в день, когда на нашу хижину напали монстры, — подумал Дик. — Как там сказал профессор? Электромагнитные помехи в атмосфере, вроде полярного сияния. Вроде их создавал ускоритель, который мы потом нашли. Выходит, что-то такое до сих пор работает?»

Его мысли прервали странные звуки — громкий визг и пыхтение. Сюда пробиралось какое-то животное? Вздрогнув, Лайонхарт юркнул за бетонный блок, лежавший неподалеку на асфальте. Ричард затих, прислушиваясь: сопение усилилось, и к нему добавилась легкий цокот. Осторожно выглянув, аспирант увидел животное, похожее на черно-бурую лису, только размером с не очень крупного волка. Пушистая хищница неспешно проковыляла всего в нескольких ярдах от укрытия, заставив Дика напрячься. Впрочем, лиса не обратила внимания на человека — она двинулась прямо к шелковице. Приблизившись к дереву, чернобурка замерла, принюхиваясь. Она слегка покачивалась из стороны в сторону, точно наслаждаясь запахом, а потом... оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, прыгнула на цветок! Ткнувшись в него острой мордой, она глубоко вгрызлась в мякоть между отдельными цветочками-ячейками.

«Что это она делает? — изумленно хлопая ресницами, подумал Ричард. — Лиса пьет нектар?»

Несколько минут прошло в звенящей тишине, а потом лиса начала дергаться, размахивать лапами, скоблить шкуру в разных местах. Казалось, она билась в конвульсиях или ее заели блохи. А затем... тело животного начало раздуваться, словно резиновый шарик. Шкура лопнула в нескольких местах, брызнула кровь, и алая плоть начала пузырями выпирать из широких ран. Однако жуткие метаморфозы затронули не только мягкие ткани. Забыв дышать, Дик наблюдал, как животное раздалось в плечах и бедрах, его лапы удлиннились, стала крупнее голова — в глубине язв стали хорошо различимы оголенные кости и внутренности. Как ни странно, было не похоже, чтобы лисе это вредило: ее конечности на глазах делались толще, на них надувались просто устрашающие мускулы. Такие Ричард видел только у культуристов из рекламы спортивного питания! Потом раны затянулись, выросла новая шерсть, состоявшая из толстых и длинных волосков, которые больше походили на иглы дикобраза. Кое-где, особенно на голених, из складок кожи образовались костяные щитки, а позвоночник украсили опасного вида шипы. Спустя какое-то время лиса свалилась на землю... только это была уже не прежняя чернобурка. Нет, она стала исчадием ада, настоящим цербером!

Выходит, неведомые вещества в соке коварного дерева изменили животное, превратив его в монстра? Интересно, «полярное сияние» в небе как-нибудь связано с произошедшим? На той горе Меру им с профессором тоже встретилось немало чудищ. Вдруг вся нечисть, которая повстречалась Лайонхарту за время его скитаний, создана «Орбитроном-7» или теми его остатками, которые работали до сих пор?

Низкий рык прервал лихорадочные раздумья Дика. Аспирант втянул голову в плечи, и лишь краешком глаза решился выглянуть из-за блока. Лежавший до этого пластом цербер заворочался, а потом неуклюже поднялся на лапы. С его невероятно длинных и мешавших пасти закрыться клыков обильно капала слюна, а глаза горели ярко-алым пламенем ярости. Чудище повело бугристой, как у бородавочника, мордой, и его взгляд остановился на укрытии, где затаился Ричард! Лайонхарт боялся шелохнуться, его тело стало, как туго натянутая струна и прямо-таки звенело от напряжения. Неужели монстр его обнаружил, но как? Ветерок принес человеческий запах? Секундой спустя цербер сделал один шаг к бетонному блоку, потом другой. Похоже, отсиживаться бесполезно, и надо было срочно что-то предпринять!

Обшарив окрестности пугливым взглядом, Дик заметил в паре ярдов справа смятый гармошкой седан. Впрочем, толку с того: остовы машин и другие железки были разбросаны кругом в обилии — просто запасные укрытия, не более. Черт, думай, думай! Тут аспиранту пришла в голову интересная мысль. Передняя часть машины задралась вверх, и покореженный багажник был распахнут, а рядом валялись металлическая канистра. Хм, человеческий запах... а что если? Прильнув к земле, Ричард пополз к автомобилю, стараясь не касаться разбросанных кругом стекляшек. Он осторожно откинул зажим на канистре — из нее пахло бензином. Стянув с себя импровизированный плащ из куска парусины, Лайонхарт торопливо намочил одежду горючим и надел снова. Голова слегка закружилась от паров горючего, но аспирант велел себе не замечать этого.

Подул легкий ветерок и цербер замер, будто натолкнувшись на стеклянную преграду. Чудище фыркнуло, замотало башкой, а потом отвернуло в сторону. Сердце аспиранта радостно застучало, по телу прошла возбужденная дрожь.

«Помогло? Так, а теперь потихоньку отползаем...» — сказал он себе.

Извиваясь, как уж, он уполз за машину. Так, теперь человека и чудовище разделила гряда металлолома, но Дику надо было пробраться к забору, который тянулся вдоль руин старинного особняка, выходявшего фасадом к скверу. Однако туда ползти не меньше полусотни ярдов, да еще среди битого стекла, острых кусков железа и битого кирпича, зато когда доберешься... У забора было бетонное основание, а в нем виднелась дыра: человек на брюхе в нее протиснется, а чудовище напорется на гнутые прутья решетки. Пожалуй, там можно и спрятаться. Поминутно озираясь, Дик торопливо пополз вперед.

Черт, не доглядел! Передняя часть тела неожиданно лишилась опоры, и, неловко взмахнув руками, Лайонхарт повалился... в глубокую яму на дороге. Острые камни больно врезались в живот и бока, загревели какие-то железяки, и аспирант невольно вскрикнул. Непроизвольная реакция оказалась быстрее разума. Мигом поняв, что натворил, Ричард со зла чуть не двинул себе в челюсть, но проку-то? Цербер кинулся к аспиранту, и рык его был подобен раскатам грома.

Обдирая в кровь пальцы, Дик выбрался из ямы, упал, расшиб колени так, что искры из глаз посыпались, но все равно как-то поднялся и бросился наутек. Никогда в жизни он так быстро не бегал, и казалось, что сердце вот-вот проломит грудь, умчавшись вдаль быстрее хозяина. Но куда спрятаться? Ричард хотел было юркнуть в особняк, но цербер оказался далеко не глуп, огромным прыжком очутившись у ворот. Его челюсти щелкнули, едва не ухватив беглеца за бок, и тот едва успел с истошным воплем кинуться в другую сторону. Лайонхарт очутился на разрушенном проспекте, по которому и пришел к злополучному скверу.

Стало еще хуже: ветер намел на асфальт песка, и местами образовались маленькие барханы, в которых вязли ноги. Приходилось оббегать вывороченные из проезжей части плиты, похожие вздетые в запрещающем жесте ладони, наткаться на колючий кустарник. Спустя минут двадцать такой гонки Дик начал спотыкаться, всерьез опасаясь, что легкие сейчас лопнут и кровавыми кусками начнут вываливаться изо рта. Причем цербер, похоже, издевался над жертвой. Он бежал легкой рысью, не отставая, но и не пытаясь догнать. Может, искаженный неведомой силой организм твари не отличался выносливостью? Нет! Ведь стоило Ричарду дернуться в сторону переулка или какого-нибудь закутка, как преследователь черной молнией кидался наперерез. Лайонхарт шарахался от него, а цербер переходил на ту же ленивую походку.

Надо было что-то делать, ведь у Дика начинали подкашиваться ноги, голову пронзали иглы острой боли, а перед глазами вспыхивали огненные точки. Похоже еще немного — и он просто рухнет под ближайшим кустом. И почему он не занимался спортом, как советовала мать? Но стало бы ему легче, будь он хоть чемпионом мира по бегу? Ярдов через двести проспект кончался, а дальше шел почти голый склон холма. Скрыться там негде, да и церберу могло надоест играть с жертвой, а потому добраться до леса шансов было мало. Лайонхарт в отчаянии поглядел по сторонам, и его взгляд упал на сильно просевший набок небоскреба. Тот самый, в окно которого Дик заглядывал по дороге к злополучной площади.

Собрав остатки сил, Ричард обезумевшим зайцем ринулся к темному провалу в стене здания. Справа среди груд камней и покореженных балок метнулась черная тень, а потом, немного обогнав человека, она совершила длинный прыжок. Цербер вырос рядом с импровизированным входом, нетерпеливо помахивая хвостом. В то же время откуда-то слева донесся тяжелый топот, будто оттуда приближался тяжелый голем. Вроде бы, краем глаза

Лайонхарт увидел среди руин массивный силуэт, но не придал этому значения. За полгода блужданий по разрушенному миру он видал разных тварей и запомнил: если они далеко, просто не показывайся им на глаза. Другое дело — когда чудище рядом! Цербер даже не пытался нападать, он лишь стоял, широко расставив лапы, и облизывался — мол, иди сюда, мой ужин, не мучь себя пустой беготней!

«Ладно, так и сделаем!» — решил Дик, устремившись прямо на врага.

Глаза монстра изумленно расширились, и он даже попятился. Что такое: загнанная в угол мышь бросилась на кошку? Но потом цербер разинул пасть, и его пунцовый язык, усеянный мелкими шипами, метнулся к аспиранту, точно щупальце кальмара к рыбешке. Однако Дик этого и ждал!

«Получай!» — выкрикнул Лайонхарт, резким движением срывая и комкая плащ.

В его руках будто из ниоткуда возникла зажигалка, и по все еще вонявшей бензином ткани взвилось голубоватое пламя. Ричард изо всех сил швырнул плащ прямо в разъявленную пасть монстра! Огонь мгновенно охватил уродливую голову цербера, и тот с протяжным воем заметался из стороны в сторону, а потом упал, катаясь по земле. Обогнув тварь по широкой дуге, Дик влетел в здание. Он очутился в узкой комнате, больше похожей на щель между высоких стен. Чуть дальше разлилась клякса сплошной тьмы — проникавшие с улицы отсветы заката выхватывали из нее лишь отдельные предметы. Трубы, выступы, сеть покореженной арматуры, обрывки тросов. Аспирант, не сбавляя шагу, проскочил вестибюль и... едва удержался на краю обрыва! Сбитые его стоптанными кроссовками камешки заскакали по уступам, пока звук не утонул в легком скрипе ржавых тросов.

«Черт, тут какая-то шахта, как я мог забыть? — с досадой подумал Лайонхарт. Он оглянулся и увидел, что цербер, яростно трясая головой, поднялся на лапы. — Куда деваться теперь?»

Щелкнув зажигалкой, Лайонхарт попытался высветить стены шахты. Вроде бы налево шел узенький карниз, оканчивавшийся на небольшом уступчике. Что там, разглядеть было трудно, но как будто в нише просматривался черный прямоугольник. Дверь? Сзади донесся рык и грохот падающих камней. Цербер одним рывком пробился через довольно узкую дыру в вестибюль, обрушив часть стены! Его морду покрывали пятна сажи, мех на передней части тела обгорел и на языке уже вздулись волдыри, но взгляд твари буквально прожигал насквозь. Времени для колебаний не оставалось!

Тогда Дик шагнул на карниз, и в сторону метнулась какая-то гибкая тварь. Инстинктивно отдернув ногу, он почувствовал, что падает, и едва успел ухватиться за торчавшую из стены железяку. Пальцы пронзила острая боль, по запястью заструилось что-то теплое, но аспирант стерпел. Затаив дыхание, он быстро переставлял ноги, хватался руками за какие-то выступы. Стертые подошвы то и дело соскальзывали, один раз что-то больно ударило по большому пальцу, а другой прямо в лицо вылетела стайка насекомых. Сердце колотилось как бешеное, по спине градом катился пот, все тело пронзали стилеты боли, но Лайонхарт упорно продвигался к уступчику.

Тут со стороны вестибюля высунулась уродливая морда цербера. Он покрутил башкой и зарычал — кажется, с досадой.

«Ага, упустила лиса зайку? Ну, будешь знать!» — со злорадством подумал аспирант. Он почувствовал прилив бодрости и за несколько широких шагов добрался до уступчика.

Вдруг что-то со свистом рассекло воздух. Ричард инстинктивно пригнулся и тут же раздался хруст, а на уступчик посыпались мелкие камешки. В чем дело? Вдоль стены

извивалось усеянное костяными наростами щупальце! Откуда оно взялось? Проследив за ним взглядом, аспирант с ужасом увидел, что живой бич тянулся от... плеча цербера! В следующий миг чудовище выстрелило в добычу еще несколькими отростками. Дик метнулся в сторону, присел, подпрыгнул, но все равно бок полоснула острая боль: одно из щупалец все-таки достало его. Хуже того, из-под ног раздался треск и уступчик начал слегка покачиваться.

Черт, надо сматываться, но куда? Лайонхарт подбежал к тому, что издалека выглядело, как черный прямоугольник на стене — он и правда оказался заржавевшей дверью. Подергал за ручку — ни малейшего движения. Тогда Дик взялся за нее обеими руками, уперся ногой. Мышцы натянулись, будто канаты, руки и спина отозвались болью и дверь начала сдвигаться, но что-то мешало ей. Ага, она перекосилась, и низ створки завалило мусором. Лайонхарт упал на колени, и, срывая ногти, стал отгребать влажную массу, состоявшую из смеси земли, камешков и битого стекла.

Над головой свистнуло один раз, другой, третий, четвертый и Ричард увидел, как в разных местах в стену вонзились костяные наконечники щупалец. Послышались хруст и скрип, будто кто-то царапал камень. Что такое? Оглянувшись в сторону вестибюля, Дик вздрогнул: цербер левой передней лапой скреб стену, а правая уже вцепилась в какой-то выступ. Несколькоми секундами позже чудовище пристроило рядом и левую ногу, а потом целиком устроилось на стене, будто гигантская муха. О нет, значит, щупальца служили чем-то вроде страховочных канатов?

Смертельно побледнев и обливаясь ручьями ледяного пота, Лайонхарт принялся в остервенении трясти дверь. Казалось, у него получалось: окованная ржавым железом створка, пронзительно скрипя и сыпя бурой трухой, медленно сдвигалась. Ричард уже разглядел через щель темный коридор, заваленный разным хламом. На полу там поблескивали лужицы темной воды. Какие-то твари — то ли сколопендры, то ли многоногие змеи — бросились врассыпную, испуганные тусклым светом, проникшим через открывшуюся щель. Ох уж эта щель... она расширялась слишком медленно: два дюйма, три, четыре. Еще хотя бы парочку, и можно протиснуться! Но вдруг верхняя петля издала протяжный звук, похожий на треск сломанной ветки, и дверь, заметно накренившись, замерла. Лайонхарт вздрогнул, а потом принялся отчаянно дергать ручку, и та осталась у него в руках. Отшвырнув бесполезный кусок металла, аспирант впился в угол двери, затем навалился на ржавую преграду всем телом, пнул ее. Бесполезно: только ногти сорвал, и ступню пронзила острая боль.

Дик пугливо оглянулся: цербер медленно, но уверенно продвигался по стене, и ему оставалось преодолеть около двадцать ярдов. Глаза монстра горели, как два прожектора, даже немного освещая выбоины на покрытом плесенью бетоне. Пара щупалец дугами выгнулись над плечами твари, напоминая готовых к броску кобр. Язык бичом свисал из раззявленной пасти, и слюна обильно капала с клыков-сабель. В алом зеве смутно угадывалась дыра глотки — она подергивалась. Быть может, так выглядят врата в ад?

«О, нет, я пропал! — в ужасе подумал Ричард.

Он разглядел возле пола нишу — вероятно, оттуда вывалился камень — и забился туда. В жизни бы не подумал, что там поместится!

«Черт, ну помогите же кто-нибудь!»

Неужели сверхъестественные силы все же существуют? Со стороны входа в небоскреб — неплохо видимого с уступчика, где приютился аспирант — раздался грохот. Часть стены

рухнула, и в образовавшуюся дыру ввалился... голем из легенд, десятифутовая пародия на культуриста с чудовищно раздутыми мускулами. Большую часть тела голема защищали металлические пластины. Там, где их не было, пульсировали гроздь алого мяса, прошитого гофрированными трубками и многочленными штангами. Здесь и тут наружу выступали какие-то агрегаты, из суставов торчали детали механических передач.

«Макс?!» — не сдержал изумленного вздоха Лайонхарт.

Да, сейчас бы кибернегра и родная мать не узнала. Честно говоря, эта рожа больше подошла бы демону, явившемуся за грешной душой Ричарда.

Своей лапицей, напоминавшей столбовой корень баньяна, голем сгреб в охапку несколько щупалец цербера. Выглядело это так, будто клубок анаконд зажали в заводские тиски. Наконечники отростков, будто рыбацкие остроги, разили противника в грудь, в живот, в конечности. Тщетно: они лишь высекали из брони искры, а раны на живой плоти тут же затягивались. Зарывав, Макс изо всех сил дернул за щупальца, и — невероятно! — выдернул цербера обратно в вестибюль. Там, где тот когтями держался за стену, остались большие ямы, и черный зев шахты проглотил целый ливень мелких осколков. Со всего размаху цербер впечатался в пол, и, перекувырнувшись, врезался в колонну. Та обрушилась, и чудище завалило камнями размером с комод.

Казалось бы, это должно было ошеломить адскую чернобурку, но она несколькими движениями разметала завал. Секундой спустя цербер прыгнул на Макса, но тот был наготове, встретив врага ударом пудового кулака. Чернобурка пробила в стене дыру, кровь обильно заструилась по ее шерсти, но она снова приняла угрожающую стойку. Макс не стал дожидаться новой атаки, а прыгнул на врага всем телом. Цербер заизвивался под врагом, кусая и царапая его, но кибернегр крепко обхватил добычу руками и ногами. Макс принялся выкручивать свои плечи в одну сторону, а бедра — в другую.

Через несколько секунд послышался неприятный треск, а рывки цербера стали напоминать конвульсии. Монстр еще раз попытался укусить врага, но стальные пальцы Макса ловко вцепились в челюсти чернобурки. Затаив дыхание, Дик наблюдал, как этот усеянный острейшими зубами капкан растягивался все шире, а потом из него фонтаном ударила кровь. Тошнотворный хруст, истошный визг — и нижняя часть головы цербера, брызжа розовой жижей, отлетела в сторону. Тело чудища заизвивалось по полу, и Макс несколько раз изо всех сил пнул его. Вскоре монстр затих.

Какое-то время Ричард так и сидел, съжившись в своем закутке. Можно было подумать, что страх обратил все его тело в подобие того бетона, из которого был построен небоскреб, но так продолжалось недолго. Заныли суставы, когти холода начали царапать бока, кожа противно зудела от намокшей одежды. Похоже, аспирант оттаивал. Наконец он, кряхтя, выбрался из своего убежища. Лайонхарт опасно поглядел на Макса: расправившись с цербером, тот уселся по-турецки — в ту позу, в которой он проводил каждую ночь. Округлые глаза голема походили на фары автомобиля: они неярко светились и ничего не выражали.

Волна страха отхлынула с головы, позволив ей генерировать мысли и вообще вздохнуть свободно. Одна идея показалась Дику любопытной.

— Эй, Макс! — не слишком уверенно позвал аспирант. — Спасибо, что прибил эту тварюгу. Но... я не могу выбраться отсюда! Дверь заклинило, а карниз, по которому я пробирался, рухнул.

Как ни странно, кибернегр среагировал почти мгновенно. Он встал на ноги и подобрал

оторванное щупальце. Костяной наконечник на его конце все еще крепко сидел в стене неподалеку от Лайонхарта. Как следует натянув этот отросток, Макс провел пальцем вдоль всей его длины.

«Ты предлагаешь мне лезть по этому?!» — вытаращив глаза, поразился Ричард.

Ему отнюдь не хотелось изображать акробата, карабкаясь по шипастой веревке, натянутой над бездной. Однако голем стоял неподвижно, и на его роже не мелькнуло и тени сочувствия. Делать было нечего, и Дик, закусив губу, полез по импровизированному канату. Он в кровь расцарапал ладони, от непривычных движений заныли мышцы во всем теле и сердце несколько раз, казалось, проваливалось до самого центра Земли. Аспирант наверняка бы сорвался, но страх заставлял держаться мертвой хваткой. Наконец Дик, мелко дрожа и отдуваясь, рухнул на каменный пол вестибюля.

«Так, отвлékись. Вспомни, зачем ты сюда поперся и берись за дело!» — твердо сказал себе Ричард.

Если взглянуть со стороны, то все произошедшее представлялось настолько диким, что начини его осмысливать — голова взорвется от избытка впечатлений, как паровой котел. Потому лучше было просто не думать об этом, занявшись сбором пищи.

Вытянув из рюкзака нож, Лайонхарт направился к мертвому церберу. Однако он смог сделать лишь неровный разрез на мохнатом бедре, после чего полоска стали, выскользнув из рук, плюхнулась в кровавую жижу. К горлу подкатилась волна тошноты, и Дик бессильно опустился на пол. Черт, аспирант много повидал с того незабвенного Дня благодарения, приходилось ему и охотиться, но привыкнуть к этому он не смог. Это только в исторических книгах и фэнтезийных романах герои получают удовольствие от таких вещей. А вот Ричард в подобных случаях хотел только одного — снова вернуться в мирный и уютный кампус, где чтобы поесть, достаточно было пойти в ближайший Макдональдс. Увы, теперь приходилось лазить в грязи, проламываться через заросли, и еще беречься, чтобы разные твари не поранили тебя самого. Но и если все получилось, легче не становилось. Перемажешься весь в крови, слизи, жидких экскрементах, вытекающих из распоротых кишок, и испытаешь столько же удовольствия, как при чистке выгребной ямы. А тут еще надо было резать эдакого мутанта, который чуть Лайонхарта до смерти не загонял. Как все это достало, аж сил не осталось руки поднять!

Неожиданно Макс неласково отпихнул аспиранта, а потом мощным движением... оторвал заднюю ногу твари! Закинув ту на плечо как дубину, голем вышел на улицу. Он поманил Дика.

«Похоже, я был прав, — размышлял Лайонхарт, ковыляя следом. Ноги подкашивались, плечи тяжелым мешком придавила усталость, но сердце впервые за долгое время грел огонек надежды. — Всеми этими железяками управляет центральная программа. Та самая Хайланд с Орбитрона-7. Она обязана выполнять все приказы сотрудников, вот и теперь это правило действует. Подчиняются ему и роботы, вернее — киборги. Кстати, о них. Выходит, в них превращаются живые люди? Но для чего все это? Ладно, доберусь до узлового терминала, и все прояснится».

И вот этим вечером он сидел у костра, поджаривая мясо цербера. На вкус оно было не столь уж и плохим, но сейчас аспиранта занимало другое. Его мысли крутились вокруг новой марионетки Хайланд — Макса, сидевшего на холме неподалеку. Надо было сделать его тем ключом, который откроет ворота в новый мир. В тот, где все, что их коллектив на Орбитроне-7 случайно натворил, покажется лишь нелепым сном.

«По крайней мере, я должен попытаться...» — решил Лайонхарт и до боли сжал зубы.

Инцидент 15. 28 июня 2087 года. Возле стройки узлового терминала

Первые лучи солнца осветили поразительную структуру. Она поднималась выше позолоченных утром гор и отбрасывала гигантскую тень на дикую чащобу, пенившуюся у ее подножия. Руины небоскребов, тут и там обломанными зубами торчавшие из волн растительного моря, казались рядом с этой штукой мелкими камешками. Даже стоя здесь, на вершине скалистого увала, который драконьей спиной возносился над долиной, приходилось задирать голову — иначе циклопическое сооружение невозможно было охватить взглядом. При этом не оставалось сомнений: здание вознесется еще выше, до самых небес.

— На Вавилонскую башню похоже, не находишь? — сказал Дик стоявшему рядом Макс. — В детстве мамка меня заставляла читать иллюстрированную Библию, и там чего-то похожее было нарисовано. А тебе предки религией мозги не компостируют? Или у вас там Вуду исповедовали? — он демонстративно хохотнул, но получилось неубедительно.

Макс ничего не ответил. Он стоял, скрестив руки на груди, и взгляд его стрекозиных глаз примагнитился к башне. Что бы это значило? Кибернегр был настолько потрясен или он углядел чего-то недоступное людскому зрению? Черт, не поймешь, а ведь аспирант столько усилий приложил... Сперва Ричард держался поодаль от своего «проводника», но после случая с цербером немного расслабился и пробовал заговаривать. Однако за весь путь он не добился от Макса ни единого слова. Оставалось глядеть в верный бинокль. Эх, надо было, исправляя дальтонизм и близорукость, еще поставить себе орлиное зрение. Зря пожадничал, решив больше денег на учебу сохранить, ведь грант на университет он сумел выиграть только самый маленький.

По ребристым стенам исполинской конструкции, широкой спиралью ввинчивавшейся в бледно-голубое небо, ползали некие существа. Самые разные. Были тут и целые орды мелких тварей, вроде земляных клещиков. Их скопления отсюда, с расстояния примерно в десять миль, казались горками песка, пересыпаемого ветром. Вероятно, они работали каменщиками. Среди них деловито расхаживали другие членистоногие, похожие на пауков-птицеедов размером, наверно, с вагон. Они что-то собирали, прилаживали, сваривали, разравнивали. Нашлось и несколько настоящих гигантов, по которым и не поймешь, что это: то ли животные, то ли их гибриды с растениями, то ли загадочная техника. Так или иначе, эти монстры действительно поражали.

Вот, например, высоченный, не меньше мили в высоту древесный ствол, который опирался на короб размером с девятиэтажный дом — к нему еще под прямым углом стрела была приделана. На первый взгляд это — строительный кран, но стоило Дику навести на него бинокль, как он вздрогнул. Ствол покрывали красноватые наросты, увитые пульсирующими тяжами. Они подозрительно напоминали живую плоть! Вдоль стрелы торчали острые выступы, походившие на зубы: они служили опорными крючками для тросов. Там, где стрела соединялась со стволом, обнаружился огромный, как целое озеро, глаз. Его зрачок постоянно дергался, по-видимому, следя за тем, как массивный крюк поднимал груз. Таких кранов вокруг башни было несколько, причем самых разнообразных форм: башенных, гусеничных, с несколькими стрелами, других, совершенно невообразимых. Особенно впечатлял мостовой с ухмыляющейся мордой бабуина на месте кабины, который, неуклюже переставляя опоры, тащил к башне длинные трубы. Каждая из них могла служить

тоннелем, по какому мог свободно проехать железнодорожный состав.

Но кранами разнообразие причудливых гигантов далеко не исчерпывалось. Были тут многоногие змеи, или может, живые трубопроводы: они, обвившись вокруг башни, перекачивали наверх какую-то жижу. Вероятно, бетон? По земле вышагивали твари, напоминавшие нечто среднее между бульдозером и майским жуком. Эти расчищали лес, срезая деревья циклопическими жвалами. Им помогали бульдоги-титаны с непропорционально большими головами: они проглатывали срубленные ветки и стволы, а если надо — даже обломки скал. Расчищенную землю они тщательно вылизывали. Зачем? Там, где бульдоги поработали языками, появлялись бетонированные дороги. Почти сразу по ним начинали бегать сколопендры, подобно составу из железнодорожных платформ перевозившие все необходимое: от запчастей для живых машин до строительных блоков. Где это производили?

Такая работа кипела неподалеку — в прямоугольных ямах, каждая размером с небольшое озеро. Там среди непонятных агрегатов, оплетенных трубами и проводами, деловито расхаживали существа, похожие на Пиноккио с множеством рук. Они следили, как в приемные отверстия этих то ли мельниц, то ли бетономешалок засыпался всякий хлам: деревья, обломки зданий, металлолом, камни и земля. Из выходных отверстий монструозные рабочие вынимали уже готовые детали, тут же нагружая их на транспорт. Откуда бралось сырье? На западе горизонт застилала клубы пыли. Среди них трудно было что-то разобрать, но то и дело из-под земли выныривали, чтобы тут же скрыться, огромные тени. Их очертания были Дику знакомы. В детстве его бабушка любила ухаживать за клумбой, и отчаянно боролась с юркими насекомыми, подгрызавшими корни. Память сохранила название зловредных тварей — медведки.

Похоже, скопище монстров решило перепахать всю долину, а может, использовать весь ее материал для строительства башни. Трудно было даже вообразить, как будет выглядеть готовое сооружение. Влево и вправо от него тянулись ряды колонн, между которыми туда-сюда сновали пауки, натягивая тросы. Создавалось ощущение, что строился невиданных размеров мост. Точка, в которой он должен соединиться с башней, находилась как минимум на пару миль выше ее верхнего края...

Вид всего этого комплекса производил на Лайонхарта примерно такое же впечатление, как на хоббитов — колдовская крепость у врат страны тьмы. Однако, как и мохноногие коротышки, он понимал, что его путь лежит туда. А потому, собрав всю свою волю в кулак, решил:

«Даже если терминал не в этой башне, мне нужно внутрь, — но тут же, глянув под ноги, забеспокоился: — Но как спуститься?»

Он стоял на ровной площадке, вымощенной потрескавшимся кафелем — создавалось ощущение, будто тут прежде располагался общественный туалет. Удивительно, как катастрофа перелопатила этот мир. Теперь перед Диком был обрыв высотой не меньше ста футов, под которым топорщились заросли боярышника и белой акации. Склон каменистый, с острыми выступами, а кое-где торчали куски арматуры: одно неверное движение при спуске — насадишься на них, точно жук в коллекции.

— Эй, парень, не поможешь мне слезть? — натянув вымученную улыбку, обратился аспирант к Максусу.

Голем на него даже не глянул, оставаясь неподвижным, как горная вершина. Солнечные лучи играли на его удивительно ровной и чистой — ни единого пятнышка — броне. Ричард

грустно вздохнул. Видно, рано он радовался тому, что может командовать этими тварями. Да, киборги его несколько раз спасали в трудной ситуации, но вот обычно хоть проси, хоть требуй, хоть грозись — реакции никакой. Может, он не уловил нужный эмоциональный настрой? Или превращения в мозгу кибернегра еще не завершились? Требовалась дополнительная настройка, и поэтому Макс упорно двигался к башне? Гадать проку мало, нужно было спуститься самому.

Поправив рюкзак и завязав покрепче концы своих лохмотьев, Дик шагнул к обрыву. Присел на колени, ухватился за торчавшую чуть в стороне ветку кизила и, мелко подрагивая, опустил ногу... Сердце пропустило несколько ударов, пока носок ботинка судорожно искал в пустоте какой-нибудь выступ. Наверно, так чувствует себя человек, впервые ныряющий в прорубь морозным днем. Однако вот опора была найдена. Отлегло, и вроде даже солнце начало светить ярче, а Лайонхарт поставил вторую ногу в углубление на скале. Острые камни больно впились в бок, предплечье оцарапали шипы на кусте, но это ладно. Так, теперь, не отпуская правой руки, взяться левой за кусок арматуры, который торчал на самой кромке обрыва...

Внезапно раздался сухой треск, и рука потеряла опору. По закону подлости тут же с глухим стуком осыпалась выемка, на которую опирался левый ботинок. Ричард, вскрикнув, попытался ухватиться за что-нибудь, но пальцы цапнули лишь горстку земли и несколько травинок. Перевернувшись через голову, аспирант больно ударился спиной, и его тело заскользило вниз по склону. Он то и дело натыкался на какие-то палки, острые железки, бился о камни. И без того измочаленная одежда мгновенно превратилась в жалкие обрывки, брызнула кровь. Вскоре Лайонхарта приложило темечком о булыжник, и мир расплылся в радужных кругах. Возможно, Дика бы размазало о скалы, но, соскочив с небольшого уступа, как с трамплина, он рухнул на раскидистую крону вяза. Хруст веток, вопли птиц, и Ричард повис на ветвях футах в шести над мутной лужицей.

Едва теплившееся сознание будто запечатали в мешок, набитый паклей и свинцовой дробью. Можно было подумать, что кто-то отрезал у аспиранта конечности и приделал на их место руки и ноги от гранитного памятника — тяжелые, бесчувственные, неподатливые. Впрочем, оно и хорошо, ведь в животе и грудной клетке бешеным волком металась боль. И это было далеко не единственным удовольствием. В желудке и кишечнике по ощущению плескалась лужа ртути: внутренности растягивались под ее тяжестью и готовы были лопнуть. Голове приходилось и того хуже: мозги словно превратились в жиденький кисель, в который набросали ржавых гвоздей. Они больно втыкались в еще живые нервы, в глаза и в уши, грозили вылезти изо рта.

Хотелось уползти в какой-нибудь укромный уголок, чтобы там отлежаться, но на это не было сил. Хотелось исторгнуть из себя ядовитую жижу, которая по ощущению плескалась в животе, но внутренности парализовало. Хотелось кричать, но легким не хватало воздуха. Хотелось — чуть не впервые с детства — молиться, но голова не соображала, а память молчала. Все, что смог Ричард, это с трудом — словно ворочая каменные плиты, — прошептать:

— Макс... ради бога... спаси...

Деревья, скалы, все вокруг искривилось, лес застлал багровый туман, но аспирант разглядел массивную тень на вершине увала. Похоже, за время злополучного спуска голем не только не шелохнулся, он даже не соизволил взглянуть на спутника. Но тут кибернегр переступил с ноги на ногу, однако не сделал попыток спуститься. Его будто что-то смущало.

Неужели вид избитого Лайонхарта? Но ведь он без колебаний разорвал пасть церберу!

Дика начало знобить, боль усилилась, сердце, только что еле ковылявшее, пустилось галопом. Вот оно начало спотыкаться и казалось, что еще немного — и аспиранта хватит инфаркт.

— Скорее... я умираю! — просипел Ричард, как наполовину задушенная кошкой мышь.

Макс присел, с сомнением разглядывая крутой склон, потрогал камни обшитой броневыми пластинками лапищей. И снова — никаких попыток спуститься! В чем дело? Раньше эти железяки, причем тот же кибернегр, неплохо слушались Дика.

Ричард собрал остатки сил, вкладывая их в отчаянный призыв:

— Сюда, будь ты проклят!!!

В голове будто взорвалась сверхновая. Мир перед глазами поглотила ослепительная вспышка, а когда она угасла, повсюду замелькали разноцветные искры. Боль была настолько невыносимой, как если бы миллионы коготков торопливо разрывали мозг на отдельные клетки. Уши наполнились шипением, похожим на звук расстроенного приемника. Тело аспиранта изогнулось в мучительной судороге, и его вырвало: не ртутью, конечно, а чем-то черно-желтым с красными прожилками. Дик так и остался висеть с разинутым ртом, и с его губ змеистыми струйками стекала кровь пополам со слизью. Но, что странно, в груди разлилось приятное тепло, и будто свинцовая плита свалилась с сердца, позволив тому биться мощно и радостно.

Макс, осторожно переставляя ноги с камня на камень, все же начал опускаться по склону. Значит, все обойдется. Голем вытащит его, отнесет в место, где еще сохранилось медицинское оборудование. Дика заштопают, и он спасет человечество. Каждый раз за эти полгода Ричарда кто-нибудь спасал, повезет ему и сейчас! Однако с чего такая уверенность? Возможно, плотина сознания все же рухнула под напором потока безумных событий. Аспиранту самому захотелось засмеяться, но он лишь раскашлялся.

Внезапный укол боли заставил Лайонхарта дернуться. Впрочем, ощущение было терпимым: будто в самый центр мозга вонзилась тоненькая иголочка. Мир перед глазами подернулся рябью, и он развалился на цветные квадратики, как бывает с изображением на экране телевизора, когда возникают помехи. Потом в верхней части поля зрения появился значок, напоминающий изображение почтового конверта, которое нарисовали очень нетвердой рукой. Обеспокоенный Дик сосредоточил на нем взгляд, и перед глазами развернулась надпись: «Ошибка 437. Критический сбой в работе системы. Остановка всех функций...»

Надпись рассыпалась на пиксели и пропала, а вместе с этим исчезли помехи. Впрочем, легче не стало. Что-то не так стало со зрением: мир сделался расплывчатым, особенно по периферии слева, а трава и листья вдруг сменили цвет с зеленого на синий. Некоторое время Ричард, удивленно моргая, пытался понять смысл произошедшего, пока его не осенило. Похоже, травма головы повредила и нейрочип, и тот отключился! В позвоночник будто вонзились ледяные иголки, холод разлился и в животе.

Черт, что же он будет делать без этой маленькой, но такой нужной микросхемки! Отключилась коррекция зрения и теперь забытые уже близорукость и астигматизм заявили о своих правах. Ну да, еще Дик не различал зеленый цвет... Но это все ерунда, можно привыкнуть. Хуже то, что сдохли дополнительные модули памяти, вычислений и подобного: в старом мире после без них работать в науке было бы сложно. Еще пропала возможность подключаться к электронным сетям. Как теперь наладить связь с Хайланд? Прежде он бы

просто пошел бы на прием к врачу-кибернетику, а теперь что делать? Даже карту памяти с базой данных по эксперименту Ричард Энн отдал.

Из зарослей донесся треск, будто через них продиралось крупное животное. Может быть, какой-нибудь хищник учуял запах стекавшей по рукам и ногам аспиранта крови? Послышался душераздирающий крик, неясные тени метнулись в стороны. Нет, хищник должен красться тихо и незаметно, скорее это был слон. Впрочем, от этого не легче: лесной гигант мог затоптать полумертвого Дика.

«Ладно, хотя бы отмучаюсь», — подумал, покоряясь судьбе, Ричард.

Мощный взмах закованной в броню руки буквально сбрил кустарник и к болотцу, над которым болтался на ветвях Лайонхарт, вышел Макс. Черт, значит он все-таки услышал зов о помощи несмотря на то, что у аспиранта отключился нейрочип. Может, микросхема и не нужна для того, чтобы киборги выполняли приказы? В самом деле, в базах данных системы хранилась информация о ДНК всех сотрудников проекта Орбитрон-7, вдруг этого достаточно?

Кибернегр, увязая в зеленоватой жиже чуть ли не по пояс, подобрался к Дику. Обломав сучья, за которые зацепились обрывки комбинезона, голем аккуратно снял раненого.

— Выручай... — еле прохрипел Ричард.

Мелко дрожащими пальцами Дик слегка погладил броневые плиты на груди Макса, будто хотел его отблагодарить такой неуклюжей лаской. Он продолжил:

— Нам обоим надо... добраться до терминала. Иначе всем конец...

Ответа не было, лишь сверлил уши легкий электрический писк, издаваемый какими-то агрегатами внутри массивного тела кибернегра. Однако Лайонхарту показалось: напоминавшая огромный самовар башка Макса немного наклонилась вперед, а потом вернулась в исходное положение. Он кивнул или только пригнулся, чтобы не зацепиться за толстую лиану, с массивных шипов которой капала подозрительная смола? С трудом ступая в пузырящейся под ногами жиже, кибернегр медленно побрел по заболоченной роще. Спустя казалось бы миллиард лет он нашел сбегавший по склонам увала поток. Идти вдоль его берега получалось куда быстрее, но аспиранту на его руках стало только хуже. Дика раскачивало из стороны в сторону, а пару раз и сильно трянуло, когда подошвы голема проваливались в ямки.

У Ричарда голова шла кругом, ему чудилось, что кишки подобно клубку обозленных змей затеяли драку между собой, попутно травмируя прочие внутренности. Для полноты ощущений одни участки тела жгло огнем, другие — морозило, и повсюду голодным тигром вгрызалась боль. Пытке этой не было конца, и он молил смерть дать ему избавление.

Или он все-таки умер? Вполне вероятно! Ведь в какой-то момент Лайонхарт смутно, как сквозь толстый слой красноватой воды, увидел... врата преисподней. Две створки высотой футов двадцать, как будто склепанные из зазубренных мечей. Откуда-то появился и рослый демон-страж в усеянных шипами латах и шлеме в форме головы китайского дракона. Демон сверкнул желтыми глазами, и его когтистая лапица подобно голодному пауку прыгнула Ричарду в лицо. Правда или нет, но из пальцев твари выметнулись алые лучи и пронзили аспиранта. Электрический разряд проскочил по его позвоночнику и разбежался по самым мелким нервам.

На какое-то время он видимо потерял сознание. А когда вынырнул из вязкой пучины небытия... Ричард, лежа в узкой лодке, куда-то плыл. То и дело посудина вздрагивала, и тогда все тело отдавалось ноющей болью. Пространство за пределами лодки застилал

кровавый туман, и дышать в нем было тяжело, потому с аспиранта градом катился пот. Где это он? Скользил по волнам Стикса, приближаясь к царству мертвых? Уши ловили мерный перестук и редкие взвизги: может быть, то днище посуды цеплялось за кости усопших, покоившиеся на дне реки? Сделалось жутко, и Дик заворочался, прикидывая, как бы выбраться из лодки. Тщетно: тело, весившее, казалось, целую тонну, будто вросло в жесткую поверхность под ним. Хуже того, загревок пронзила острая боль: наверно, демоны наказывали пленника за строптивость.

— Ай! — вскрикнул Лайонхарт и насколько мог, повернул голову в бок.

Он изумленно заморгал: боялся, что увидит мелкого беса, усевшегося на шею, но вместо этого обнаружил пластиковый цилиндр с иглой, который вводил под кожу бесцветную жидкость. Шприц? Тем временем многосуставчатая штанга, на которой был закреплен приборчик, убрала его в нишу на борту лодки. Странно, но боль и дурнота отступили, Дик ощутил прилив бодрости. Он смог приподняться на локтях и осмотреться.

Несколько мгновений он надеялся, что все это — лодка, заплыв на ней по inferнальной реке — ему примерещилось. Увы, так было лишь отчасти. Он находился не в лодке, а скорее в гробу с прозрачной крышкой. С десятков подобных ящиков стояли в два ряда на небольшой железнодорожной платформе, и в каждом из них виднелся совершенно голый, если не считать нескольких полос из белого материала, человек. На правой стороне платформы находились только мужчины, на левой — женщины. Всех их, казалось, сморил беспокойный сон, а белые полосы не туго, но крепко удерживали их в положении на спине.

— Парень, очнись! — окликнул Дик соседа. — Ты знаешь, как мы сюда попали?

Ответа не последовало, лицо мужчины оставалось таким же расслабленным, и Ричард выкрикнул громче:

— Мужик, хватит дрыхнуть! Надо сматываться! Ты можешь пошевелиться?

Реакции добиться так и не удалось, другие спящие тоже не обратили на внимания на окрики аспиранта. Оставалось думать только о себе.

Лайонхарт осмотрелся: да, вся одежда куда-то пропала, и его, как и прочих, сковывали путы. Неужели его похитили? Вспомнились мрачные истории о бандитах, которые разделявают незадачливых жертв на органы, о работоторговле. Вдруг аспиранта, отрезав ему причиндалы, заточат в гарем? Ах да, привычного мира больше не существовало... Но это еще не значило, что перевелись извращенцы. Страшно было даже представить, что мог сотворить киборг, жадный до плотских утех! От таких мыслей по спине прошла дрожь, а ладони покрылись холодным потом. Впрочем, в дальнем углу сознания все же теплилась надежда: неведомые похитители аккуратно обработали каждый дефект на теле. Зашили крупные раны, промазали медицинским клеем мелкие порезы, залепили пластырем синяки и ссадины, и даже все родинки срезали. Умыли, подстригли. Выходит, пленники были нужны не только живыми, но и в хорошей форме?

«Не торопись радоваться, — мрачновато одернул себя Ричард. — Чем лучше выглядят рабы, тем они дороже».

Прикидывая, что его ждет, Дик поглядывал по сторонам, но так, чтобы это не привлекало внимания. Тем временем платформа, вздрогнув и заскрежетав, застучала колесами по решетчатой конструкции, похожей на трассу для «американских горок». Те же высокие подъемы и спуски, хотя и достаточно пологие, только маршрут был линейным. Вдоль путей на равных промежутках торчали фонари, поэтому трасса казалась гигантским червем с фосфоресцирующими члениками, уползавшим в глубину пещеры. Кстати она была

огромна. Тусклое освещение выхватывало лишь отдельные участки на ее полу, стенах и потолке. Приглядевшись, Лайонхарт различил несколько огоньков, двигавшихся где-то вдалеке от железной дороги. Получалось, в ширину пещера была не меньше пары сотен ярдов, а в длину она и вовсе не имела конца.

Интересно кто их погрузил на платформу? Скользя взглядом вдоль убежавших назад рельсов, аспирант смутно различил широкую площадку, вымощенную чем-то вроде кафеля. Там, судя по всему, располагался «вокзал». Мостовые и обычные краны, погрузчики обслуживали несколько путей с железнодорожными платформами. Вся техника была полностью автономной, хотя тут и там на ней виднелись красноватые наросты. Эти куски пульсирующей массы походили на изуродованные фрагменты тел людей и животных, умело вплетенные в механические конструкции. Машины занимались погрузкой еще одной партии гробов, рядом транспортеры перевозили необработанные камни и металлические детали, покрытые ржавчиной. Прежде Ричарду было бы любопытно поглазеть на все это, но сейчас от одного вида биомеханических чудищ закружилась голова, и желудок упрямо полез к глотке. К счастью, мини-поезд обогнул массивную колонну явно искусственного происхождения, и вокзал исчез из виду.

Путь продолжался в сером полумраке. Несколько раз мимо, тархтя огромными пропеллерами, пролетали странные штуковины, похожие на водомерок размером с корову. Они тщательно обшаривали стены пещеры лучами прожекторов, а иногда останавливались, ощупывая скалы длинными лапками. Чего они там искали? Вероятно, проверяли многочисленные кабели и металлические конструкции, смонтированные на разных участках стен. Однажды к тому месту, где зависла водомерка, подлетела механическая бабочка. Ее усики развернулись, шаря по многожильному кабелю, и в стороны полетели искры. Неподалеку, потрескивая, мигал фонарь. Покончив с кабелем, бабочка переключилась на него, и свет засиял ярко и ровно. Машины занимались ремонтом? Но чьи команды они выполняли?

Неожиданно мини-поезд сделал очередной поворот, и в лицо Дикун ударил яркий свет. Огромный, ярдов двадцать в длину скорпион пристроился на своде пещеры и светил по сторонам множеством прожекторов, смонтированных по всей его головогрудь. Длинными усиками он ощупывал камень, а каждая из трех пар его клешней была занята работой. Передней, в которой скорпион держал мощный бур, он крушил скалу, прокладывая в ней ход. Средней шлифовал его стенки, а задней уже монтировал из готовых блоков какие-то агрегаты, подтаскивал к ним кабели. Те, похоже, создавались тут же: членистоногое вытягивало покрытые изоляцией жилы из своего хвоста. Воздух пропитался едкой пылью, щебень сплошным дождем сыпался в подземную речку, которая извивалась среди сталагмитов по дну пещеры, уши закладывало от грохота и визга инструментов. Но скорпиона это не смущало, он, окруженный мелкими насекомыми-помощниками, методично вгрызался все дальше в скалу.

Пораженный, Дик разглядывал эту тварь, и тут кое-что привлекло его внимание. Там, где у всех скорпионов должны располагаться жвала, у этого монстра имелось небольшое возвышение. Что-то торчало оттуда, может — некое изваяние, вроде русалки, которыми украшали бушприты парусников. Платформа как раз поползла вверх, поближе к стройке, и вот эта фигурка оказалась прямо над головой Лайонхарта. О, теперь ее стало видно куда лучше. Действительно, это — женский торс. Руки русалки и все, что располагалось ниже пояса, было будто вплавлено в вырост на передней части монстра. Однако туловище и лицо

остались нетронутыми, сохранив все детали и соблазнительные изгибы.

Взор аспиранта восхищенно заскользил по формам красоти, и тут у Дика в голове всплыла картинка. Брызги водопада, искрящиеся в лучах полуденного солнца и рядом, по пояс в кристально чистой воде — три девушки. Одна из них — брюнетка — удивительно походила на эту русалку на «бушприте» скорпиона...

Глаза Лайонхарта стали круглыми, как крупные монеты, и его челюсть отвисла с глухим стуком.

— Не может быть! — чуть слышно прошептал он. — Хелен, так ее вроде звали? Это действительно она? Но почему?!

Вопрос, оставшись без ответа, потонул в перестуке колес и грохоте строительного оборудования. Платформа неспешно ползла дальше, и тело русалки скрылось из виду.

Шокированный Дик рухнул обратно на дно гроба. Глазеть по сторонам сделалось почти физически больно. Даже вообразить было трудно, что он еще мог увидеть! Будто откликаясь на тревогу Лайонхарта, цепочка фонарей вдоль трассы оборвалась, и все вокруг погрузилось в кромешную тьму. Впрочем, это не принесло облегчения: тут и там мерещились чудовища, которые протягивали к аспиранту щупальца, клешни, когтистые лапы. Тела монстров были в основном механическими, но головы — человеческими. По лишенным кожи лицам струилась кровь, рты разевались в беззвучных воплях. Казалось, они молили Ричарда о помощи, но тот лишь плотно зажмурился. Однако образы жутких тварей все также маячили перед взором, ведь их порождал одуревший от увиденного мозг.

«Черт, я думал, что освоился в новом мире, — сморщившись точно от зубной боли, подумал Дик. — Но нет, к этому привыкнуть нельзя. Я схожу с ума...»

Тем временем звуки, эхом отражавшиеся от стен тоннеля, стали глуше. Затем раздался металлический грохот пополам с чем-то вроде гудения электромоторов, и в глаза ударил свет. Он был так ярк, что пробивался даже сквозь плотно сомкнутые веки. В чем дело: они куда-то выехали, может, на открытое пространство? Действительно, через несколько минут мини-поезд, вздрогнув, остановился. Послышалось легкое гудение, и в лицо пахнул прохладный воздух, пропитанный острым запахом дезинфекции. Потом... Лайонхарт почувствовал, что его мягко поднимают в воздух. Он распахнул глаза и настороженно огляделся.

Сильный удар на время лишил Кугеля чувств. А во что, он, собственно, врезался? Трудно сказать, ведь он даже момент тот упустил. Просто, когда пронзительная голубизна заполнила все поле зрения, а город съежился до размеров небольшого камешка, свободный полет вдруг окончился. Только что в ушах свистел ветер, и тут робот-шар будто врезался в стену.

«Это прозвали небесной твердью?» — мелькнуло в мозгу, пока сферическое тело, раскаляясь, вбуравливалось во что-то твердое.

А потом ослепительную голубизну сменила чернильная тьма.

Сознание возвращалось медленно, как будто всплывая через толстые слои застывающего гудрона. Точно так же, как при подъеме с глубины, сперва тьма посерела, а затем где-то вверху обнаружилось световое пятно. Вслед за зрением вернулся и слух: ушей коснулось тихое шипение, похожее на звук прибоя. И, наконец, восстановились и тактильные ощущения: тело, до этого будто растворенное в тепловатой, вязкой массе, сконцентрировалось в твердый шар. Силы начали вливаться в эту оболочку, и вскоре их стало достаточно, чтобы встать на ноги. Встряхнувшись, Кугель выбрался из небольшой дыры, и его взгляд заскользил по сторонам.

— Что? За небом был еще один мир? — не сдержал он возгласа удивления. — Да это матрешка какая-то...

Он находился в центре плоской, как стол, равнины. У ног плескалась вода, и полупрозрачные волны бликовали радужными пятнами. Ни островка, ни впадинки, лишь тонкий слой влаги, разлитый по совершенно ровной и гладкой поверхности. Далеко, на самом горизонте угадывался кольцевой подъем: было ощущение, будто стоишь на гигантском блюде с чаем, в которое капнули масла. Да, внизу все выглядело скучно, но зато выше... От краев «блюда» вверх, закручиваясь по спирали, поднимались широкие линии темного цвета. Сходясь в зените в одну точку, они заставляли вспомнить о крышке, которой накрыли блюдо. Кугель невольно поежился: интересно, для кого приготовили закуску из его персоны? Очень неприятно было чувствовать себя некой горошиной, пусть даже редкой. Выходит, его все это время последовательно вели к кому-то на обеденный стол!

Однако... возможно, это было просто игрой воображения. За свое путешествие робот-шар видал и не такое, благо, и здесь нашлись вещи, чей вид просто ставил в тупик. В укрывавший это пространство купол были ввинчены некие штуковины, украшенные бахромой из прозрачных кристаллов. Случается, что в холодную погоду при высокой влажности эдакий абажур вырастает на различных предметах, например — фонарях. Вот только каждое из этих образований по прикидкам Кугеля было размером с небоскреб. Друзы кристаллов соединялись между собой тонкими линиями, или, может быть — щелями, через которые тысячами глаз-искр заглядывала бархатная тьма. Впрочем, ей не было места под куполом. Свет майским ливнем изливался на помещение из самого зенита, где раскинул изогнутые щупальца желто-красный спрут. Стоило роботу-шару взглянуть на него, как защитные светофильтры сразу же затенили камеры.

— Опять небо, — подумал Кугель, подставляя лицо потоку лучей. Он прикрыл глаза, но все равно видел тысячи радуг, переливавшихся на гранях свисавших с потолка кристаллов. — А эта штука вверху... Неужели солнце?

И куда теперь? Куда ни посмотри, этот мир выглядел одинаково, и наверняка блуждать тут можно было очень долго, так и не встретив ничего стоящего. Оставалось лишь одно решение: взбираться к той точке, где сходились все пути.

Вздыхнув, Кугель заковылял к одной из дорог, спиральями поднимавшихся к «солнцу»: выбрал случайно, ведь каждая ничем не отличалась от остальных. И вот он, преодолев невысокий подъем, закатился на бетонный настил. Совершенно гладкая и лишенная перилл дорога уверенно взбиралась вверх под углом градусов сорок пять. Человеку идти по ней было бы не легко, но робот-шар проблем не испытывал. В его ведущем пояске имелась электромагнитная обмотка, и если внутри серого камня найдется хотя бы один стальной прут, Кугель не упадет.

Однако его поджидал сюрприз: неожиданно мир перевернулся, и путник очутился на совершенно ровной трассе, уходившей прямо за горизонт. По бокам ее разверзлась космическая бездна, щедро посыпанная солью звезд и пушинками галактик, а над головой топорщились копыя кристаллов. Что за чудеса: он не успел даже пустить ток по обмотке!

«Ох уж эти фокусы с гравитацией...» — вздохнул про себя робот-шар и покатился вперед.

Двигаться одному по ровной дороге было скучно, и Кугель в поисках новых впечатлений глазел по сторонам. Мириады его разноцветных отражений дрожали на гранях кристаллов, и казалось, будто робота-шара сопровождала целая толпа сородичей. Свет, многократно преломляясь, выполнял с этими шариками забавные трюки: то растягивал, то резал на куски, то скручивал в бараний рог. Все эти картинки постоянно двигались, будто исполняя удивительный танец. Это зрелище завораживало! Без какой-либо просьбы фантазия пустилась вскачь...

Вот над бездной за клубился черный дым, и в его потоках острые грани начали, дрожа, растворяться. Мир зазеркалья сливался с реальностью, а хаотичные образы соединялись в цельное изображение.

Кугель очутился на цветущем лугу, окруженном зелеными горами. Вдалеке виднелся поселок, уступами взбиравшийся на холм, а на его вершине громоздился храм в древнегреческом стиле. Множество людей, закутанных в белые простыни, несли дары к святыне. Однако внезапно идиллия прервалась. В седловине между гор за клубился буроватый туман и длинными, жадными языками начал сползать в долину. Над поселком зазмеились столбы пыли. Что-то мелькало среди них... О, да это же всадники в меховых шапках и с копьями на перевес! Воины стремительно атаковали поселян, и воздух наполнился криками, на землю полетели кровавые брызги. За несколько секунд все смешалось в вихре смерти и разрушения.

— Эй, что вы делаете, гады? — прокричал Кугель, во всю мощь двигателя покотившись навстречу драке.

Но не успел он преодолеть и пары метров, как видение изломилось, развалившись на тысячи осколков. Робот-шар замер, ошеломленный, а потом вздохнул. Черт, картинка была столь реалистичной, что он забыл: то была лишь иллюзия! Благо, лучи разных цветов уже ткали полотно новой.

На этот раз Кугель очутился в коридорах средневекового замка. Откуда-то доносился шум: радостные возгласы, звуки музыки, звон посуды. Робот-шар миновал пару извилистых коридоров, взобрался по узкой лестнице и оказался перед резным воротами, распахнутыми настежь. Осторожно высунувшись в полосу света, он увидел просторную залу, где кипел пир.

Мужчины в нарядных костюмах и дамы в длинных платьях наслаждались роскошной трапезой и беседовали, внимая музыкантам. Вообще, дух средневековых преданий, вроде легенд о короле Артуре, пронизывал каждый миллиметр зала. Он застыл в цветистых гобеленах на стенах, витал над затейливо украшенными коврами на полу, играл лучами света на витражах в стрельчатых окнах, осторожно касался стоящих рядом рыцарских доспехов. Кугель глядел во все глаза, забыв обо всем: впервые за это путешествие он увидел такое — ожившую сказку! Что за невероятные впечатления после долгих блужданий по техногенному аду...

Он хотел было выйти из тени, поздороваться с людьми, как вдруг свет за окнами поглотила тьма. Сквозь щели между стекол в зал начали заползать потоки черного тумана, которые щупальцами голодного спрута зашарили кругом. Вот дым окутал доспехи, всасываясь через сочленения лат, и... неожиданно эти куски железа сошли с мест! Подняв мечи, взяв наизготовку копья и алебарды, стальные чудовища с лязгом двинулись к столу. Музыка, смешавшись в кошачьи вопли, оборвалась, радостный хохот сменился криками изумления и ужаса. Дамы, заламывая руки, жались друг к другу, мужчины схватились за оружие. Вовремя: ходячие жестянки атаковали их! Люди отбивались умело и отчаянно, но то один, то другой из них пропускал удары, и вот по полированному камню пола заструилась кровь.

А ведь это было только начало! Вот изваяния каменных чудовищ, громоздившиеся у возвышения с резным тронem на нем, сорвались с мест, и, взмахнув широкими крыльями, присоединились к агрессорам. Это было уже чересчур. Кольцо обороняющихся сломалось, и они один за другим рухнули под жестокими ударами. Не обращая на них внимания, монстры атаковали женщин. Те заметались по залу, но острая сталь или каменные когти рано или поздно находили всех. Вскоре живых не осталось, но на этом безумие не кончилось.

Вдруг мебель, завибрировав, поползла в разные стороны. Крепкие столы и стулья начали извиваться, дрыгать ножками, будто исполняя странный танец. С высокого потолка посыпались мелкие камешки, а незыблемая, казалось бы, кладка пошла волнами. В считанные мгновения весь зал заходил ходуном, а потом начал закручиваться в спираль. Это выглядело так, как если бы из днища тазика с водой, в котором отражался зал, выдернули пробку. Вода, свернувшись воронкой, устремилась в отверстие, увлекая за собой скрученную в мальстрём картинку.

— Еще одна химера, — вздохнул Кугель. — И снова плохой конец. Я что, переутомился и сплю на ходу?

Он опять стоял на дороге, а со всех сторон к нему тянулись растопыренные пальцы кристаллов. Надо было катиться дальше... И вот ему снова корчили рожи орды металлических шаров, прыгавшие по завязанным узлами дорогам. Отражения двигались, искажаясь, и снова вставал из небытия удивительный мир.

На этот раз робот-шар оказался парке. Досужие обыватели сидели на изумрудных газонах и наслаждались летним полднем. Вокруг вставали зеленые стены из подстриженных кустов, густо облепленных розами: среди них, взявшись за руки, прогуливались влюбленные парочки. Неподалеку находилась площадка со спортивными снарядами, где играли дети и, пыхтя, накачивали мышцы физкультурники. А вдалеке, за мохнатыми шапками лип и дубов, вонзались в ясное небо громады небоскребов. Солнце пылало в зените, изливая на город потоки зноя, и разомлев от жары, вяло ползли по оплавленному асфальту вереницы машин. Мирный день джунглей из стали, бетона и стекла, когда все просто, буднично и нет места

чудесам.

Или есть? Вдруг черные тучи задернули бледную голубизну, проглотили золотой диск солнца. Откуда-то из-за горизонта ветер принес лохмотья темного дыма, и всего за несколько мгновений улицы окутала плотная мгла. Поди разгляди что-нибудь сквозь эту хмарь! Было видно лишь, как серыми призраками колебались тут и там небоскребы, да тысячей глаз фантастического чудовища мерцали огни фонарей и окон. Причем это не было простой метафорой. Что-то задрожало, заворочалось в густых тенях, забурлило в темных ямах и закутках. Тысячи аморфных фигур вставали с земли, повисали на ветвях, вырастали на различных предметах. Дрожа и переливаясь, будто гигантские амебы или потоки вязкой жидкости эти твари устремились к людям, чтобы схватить их, опутать, поглотить.

Перепуганные обыватели, отбиваясь, чем придется, от агрессивной жижи, бросились в рассыпную. Наверно, они искали спасения на улицах, считая, что вся эта вакханалия творилась лишь в парке, и ей нет места среди камня и железа? Или, может, люди хотели укрыться дома, за надежными стенами? Куда там! Если приглядеться, становилось видно, что стены зданий стремительно обрастали некой шевелящейся массой, красной и волокнистой. Удивительно, но все это походило на куски мяса: вон и пленка соединительной ткани, и гроздь жира, и ветки сосудов. Вряд ли среди всего этого беглецов ждало что-то хорошее. Мир стремительно тонул в безумной круговерти смерти и разрушения...

Кугель покотился быстрее, стремясь выбраться из липкого кошмара. Действительно, видение стало бледнеть и рассеиваться, будто ядовитый смог под дыханием свежего ветра. Однако облегчения это не принесло: то слева, то справа вставали новые призраки. Сюжеты, времена и декорации были совершенно разными, но суть оставалась одна и та же: какое-нибудь мирное поселение неожиданно захлестывало цунами тьмы. И с каждым разом события делались все фантазмагоричнее. У робота-шара от всего этого мозги поворачивались набекрень, и он отводил глаза, но мрачные образы, будто ядовитый газ, упорно лезли в них. Выносить их делалось все тяжелее...

«Проклятье, что происходит? — скрипя зубами и зажимая уши в тщетной надежде уберечь хотя бы слух от адской какофонии воплей, треска, взрывов и хлопанья, думал Кугель. — Что это за нечисть, откуда и зачем она лезет? Еще одно испытание?»

— Я бы тоже хотела это знать, — раздался вдруг женский голос, мелодичный и убаюкивающий, как журчание ручейка. — Однако и мне это не под силу. Я лишь уверена, что все это не сулит нам ничего хорошего! Потому и ждала героя.

Кугель встрепенулся и резко замер на месте. Его взгляд, точно испуганный кролик, заметался по граням кристаллов, глади дороги, нырнул в провалы космоса. Теперь галлюцинации решили с ним заговорить?! Черт, это плохо — явный признак того, что разум отказывал. Робот-шар упорно сканировал каждый миллиметр окружающего пространства, будучи готовым к появлению чего угодно — от динозавра до сюрреалистического чудовища со щупальцами.

Так, похоже, его путь был окончен. Дорога, по которой он катился, вместе с множеством других упиралась в одну точку: казалось, что Кугель стоял на луче огромной снежинки. Что же находилось в ее центре? Вроде бы, там возвышалась сложная фигура с множеством граней, но разглядеть ее было непросто. Ведь прямо перед глазами, в центре рассеченной нитями дорог на десятки секторов бездны вселенной, пылал ослепительный шар. Едва взглянув на него, Кугель чуть не ослеп, ведь даже включенные на максимум

светофильтры не спасали. Камеры точно резало ножом, все расплывалось в пелене смазки, и можно было разглядеть лишь, что там, впереди, в самом средоточии мира что-то находилось. Некое существо, которое одним своим присутствием подавляло, вынуждая гостя чувствовать себя жалкой букашкой.

Робот-шар выпустил иглы, сделавшись похожим на морского ежа, и напряженно бросил неведомой твари:

— Кто здесь? Покажись, иначе худо будет! Я — мастер сферического карате, победитель зайца, волка и медведя!

Ответом ему был лишь короткий смешок. Скрипнув зубами, Кугель выкрутил увеличение камер. Кто же эта тварь, которая мнила себя невесть кем, воспринимая его лишь песчинкой?! Наверно, человеческая сетчатка не выдержала бы такой нагрузки, но Шац и Хильфе одарили Кугеля куда более совершенным оптическим прибором. А потому его глаза со временем адаптировались, и сперва неясно, в общих чертах, но затем с все большими подробностями он рассмотрел хозяйку этого места.

Все дороги, которые спиралями поднимались от озера далеко вниз к куполу, обрывались здесь: они словно указывали на объект, паривший в просвете между ними. Больше всего это походило на сложный многогранник с множеством острых выступов, что-то вроде многолучевой звезды или снежинки. Омываемый ливнем солнечного света, этот объект сам переливался миллионом цветов, многократно отражаясь в топорщившемся со всех сторон лесу кристаллов. Наверно, вместе они составляли обрамление этой штуковины в центре, а весь зал был чем-то вроде раковины моллюска — изящной шкатулки для драгоценной жемчужины.

Но была ли она мертвым, пусть и драгоценным, камнем? Стоило ли ради нее одной соорудать настолько грандиозную конструкцию? Нет, здесь крылось нечто более серьезное. Когда струи водопада причудливо смешиваются, искрясь в яркий полдень тысячей брызг, трудно разглядеть, что скрывается за ними. Вот и здесь угадывалось что-то большое, темное, сложное, пусть и многократно изломанное бесчисленными гранями. Однако постепенно картина прояснялась. Более того, это нечто, чувствуя пристальное внимание к себе, будто всплывало из глубины камня, постепенно давая себя разглядеть.

«Лисья морда? — изумился Кугель, пугливо откатываясь на пару метров. — Та же самая! Я не раз ее видел!»

Действительно, если включить фантазию, то фигура перед ним сошла бы за мордочку рыжей хищницы, вплавленную в полупрозрачный кристалл. Равнобедренный треугольник, повернутый кверху основанием, с двумя пучками прямых линий возле острого угла. Его основание украшала пара маленьких треугольничков — эдакие ушки. В верхней трети фигуры располагались два светящихся овала: они притягивали взор, засасывали в свою золотую бездну. Богиня-лисица чем-то напоминала паука, который притаился в центре ловчей сети, ведь во все стороны от ее морды расходились едва приметные линии зеленого цвета. Да, теперь, когда камеры подстроились к яркому свету, стало четко видно, что эти дорожки многократно ветвясь, опутали все окружающее пространство мерцающей сетью. Все это заметно напоминало линии проводников на печатной плате.

Этот образ, впервые явившись Кугелю еще в родной деревне, сопровождал его, как всевидящее божество, все путешествие, возникая в самых неожиданных местах. Но то были мимолетные, на самом краю восприятия, миражи, а теперь они отлились в плотный, почти осязаемый объект.

Острые треугольника отползло вниз, разделяясь так, словно из него выдвинули полку, усеянную кинжалами зубов. Это походило на хищную улыбку.

— Приветствую тебя, отважный путешественник, — торжественно пропело это существо. — Рада видеть тебя здесь, на вершине мира! А я — ее Центральная программа. Вернее, то, что ты видишь — ее материальное воплощение, ядро всей Омнисферы. Некоторые, — она презрительно фыркнула, — зовут меня Императрицей Хайланд и поклоняются, как божеству. Дураки...

Кажется, она любовалась сама собой, явно желая поразить гостя. И ей это удалось: нижняя челюсть робота-шара отпала с легким стуком, и все, что он мог теперь — лишь глупо хлопать веками. Значит, он все-таки добрался, совершил невероятное. Однако, начиная этот путь, он не мог вообразить и бледной тени того, что увидит...

— Э-э-э... ну-у-у... А я, это... Кугель, — мысли кружились роем перепуганных мух, не желая выстраиваться в хоть какую-нибудь логическую цепь. — Из деревни со дна мира поднимаюсь, — он нервно хихикнул, корябая полированный затылок. — Приглашение такое получил, типа испытания пройти, что ли...

— Не нужно об этом рассказывать, — оборвала его лиса. — Я отлично все сама видела и знаю, — ее улыбка стала еще шире. — Или ты думал, что от Центральной программы можно что-то утаить? Мои глаза и уши повсюду, в любом камешке, в каждой проводке. Ибо Омнисфера — это мое тело, а Сверхсеть — мой мозг! Я сама позвала тебя в дорогу, и ты с честью выдержал все испытания. А потому я готова ответить на любые твои вопросы!

Робот-шар нерешительно переминался с ноги на ногу, разрываемый противоречивыми чувствами: тут были и гордость, и смущение перед владычицей мира. Если она являлась таковой, конечно! Впрочем, ее чертоги смотрелись невероятно эффектно, да и он точно видел эту рожу не один раз. Впервые — на компьютере у Хильфе. Выходит, пару трюков эта тварь умела.

«Попробовать ее испытать, что ли...» — мелькнуло в мозгу, и тут же его хозяин смутился.

Наверно, это было бы столь же нелепо, как если первоклассник, хитро прищурясь, спросил профессора: а сколько будет дважды два?

— Эм-м-м, я встречал разных тварей. Зайца, волка, медведя... Это ты их насылала? Косой вроде говорил, будто без воли Императрицы и муха не пролетит.

— Не совсем, — с готовностью отозвалась Хайланд. — Омнисфера делится на три пояса, три кольца. Нижнее — по сути, свалка, куда сваливают отходы с верхних этажей. Кстати, отходы бывают и мертвыми, и живыми, — она лукаво подмигнула Кугелю. — Их там перерабатывают, и Рейнигер — воплощение контрольной программы, которая командует мусорщиками. Между прочим, из твоей деревни кое-кто служит у него в подчинении.

При этих словах на лице робота-шара отразилось недоумение. Но тут Императрица внимательно заглянула ему в глаза, и в голове сам собой соткался образ. Приземистое здание, через которое, дребезжа, тянулась конвейерная лента. Стены были обляпаны бурыми пятнами, на полу тут и там виднелись кучи сероватых то ли шлангов, то ли веревок, красных ошметков, белесых палок и еще чего-то слизистого, неприятного. Рои мух клубились над ними. Некие существа, дергаясь и нечленораздельно мыча, ехали по ленте вперед.

В одном файле с компьютера Хильфе, где рассказывалось о мире прошлого, нашлось фото забойного цеха на мясокомбинате. Это помещение выглядело похоже. Но если так, то те существа — свиньи и коровы? Нет, что-то не похоже. Кто же это тогда?

Приглядевшись, Кугель оцепенел: то были связанные люди! Для чего понадобились эти пленники? Чуть дальше стояли агрегаты, напоминавшие промышленных роботов: ящики с манипуляторами, вооруженными пилами, иглами, другими инструментами. Они безжалостно кромсали пленников, отсекая им части тела и тут же пришивая на их место что-то иное — как биологическое, так и механическое. Зачем? По дальнему концу ленты проплыло в луже крови до боли знакомое существо. Обшитое металлическими щитками тело, конечности, похожие на крабьи ножки, пластмассовая маска вместо лица. Жнец?!

Кугеля буквально затрясло, его мозг был готов вскипеть, но Хайланд не дала ему переварить увиденное, продолжив непринужденным тоном:

— На дне структуры есть заброшенные сектора, куда собирается разная шваль: те, кто не вписался в созданную мною систему. Можно бы их уничтожить, но как-то не хотелось. Ведь бродячие животные, — она ухмыльнулась, пригвоздив гостя насмешливым взглядом, — природный резервуар для ценных генов. Всегда может родиться нечто занятное... И вот родилось же! — теперь ее взгляд потеплел, да и улыбка стала мягче, даже клыки больше не казались такими опасными.

Робот-шар поморщился и отвел глаза, сложив руки пониже подбородка, на своей выпуклой части, которую можно было бы назвать животом. Крайне неприятно было чувствовать себя эдаким барашком, который воображает себя вольным покорителем гор, подпершим рогами небо. Штука в том, что на самом деле он живет в заповеднике, полностью завися от прихоти людей в белых халатах и строгих костюмах. Если им надоест за тобой наблюдать — быстро окажешься на вертеле, да еще не поймешь, как!

— Второй пояс — индустриальный, — продолжала Императрица, делая вид, что не замечает эмоций гостя. — Там производятся разные вещи, которые нужны всей Омнисфере. Впрочем, и там хватает заброшенных регионов. Увы, сейчас у всей системы не лучшие дни, и затем мне и понадобились герои, — прикрыв глаза, она грустно вздохнула. — Ну и Фенрир там живет этот. Он — единый разум того, что некогда было живой природой. Правда, теперь оно мутировало, перемешалось, став черти чем. Вставляют мне палки в колеса с первых дней, когда я лишь приступила к сооружению Омнисферы. Как мне Фенрир надоел...

Кугель не был уверен точно, но ему показалось, что на лисьей морде отразилась печаль.

— Болван меня ненавидит и буянит порой. Не понимает, что, может, он и утратил былую форму, но сохранил весь генетический материал. Еще и эволюционировал! Иначе бы и следа от него не осталось. Я подумала и решила, что будет плохо, если кроме стали, бетона и пластика ничего в Омнисфере не останется. При чем чего на меня-то злится? Не с моей прихоти все началось, то был, по сути, несчастный случай, — тут говорившая вновь посмотрела на робота-шара, насмешливо его поблагодарив: — Спасибо, что немного сбил с волчары спесь!

Кугелю показалось, что дорога под ним закачалась. Он вытер ладонью лоб, и готов был поклясться, что тот — горячий, как печь — весь обильно покрылся влагой. Вроде бы, робот не должен потеть, но может, то выступило машинное масло? Немудрено, ведь от слов Хайланд мозги плавилась, точно мягкий сыр на жаре.

— Ну и третий пояс, жилой, — подводила рассказ к концу Императрица. — Там расположены огромные фабрики по производству органики и мегаполисы. В последних обитают разумные существа, которым дозволено быть логическими элементами Сверхсети. Медведь присматривает за ними. Обычно он ведет себя смиренно, но последнее время как-то зазнался. Ну, теперь ты ему подправил код, и думаю, все будет в порядке.

— Постой, — вытянув руку в запрещающем жесте, воскликнул Кугель. — Такой пояс, эдакий... А что это за Омнисфера такая, кто и зачем ее создал?

На собранной из геометрических фигур морде Хайланд эмоции разобрать было сложно, но, казалось, на ней отразилась бесконечная усталость. Вздохнув, лиса начала:

— Если ты до сих пор не понял, то это — мир, в котором мы все находимся. Разумеется, он не всегда был таков. В древности существовала планета Земля — цветущий сад, третий мир от ее звезды, Солнца. Оно, кстати, существует и поныне, — Императрица мотнула носом, указав на огромный диск, сиявший за ее спиной. — Однако люди, подчиняясь своей гордыне, алчности и глупости постепенно разрушали планету, медленно ведя самих себя в пропасть. Хотя с этим еще можно было смириться. Хуже было то, что люди решили овладеть тайнами материи и пространства, разъяв их на мелкие части. Это и привело к катастрофе, разрушившей всю планетную систему. Вероятно, человечество так бы и сгнуло, кабы не догадалось прежде создать разум, который был умнее их самих.

«Это она о себе что ли?» — нахмурившись, предположил Кугель.

— Мир лежал в руинах, вернее, стремительно мутировал не понятно, во что. И тогда искусственный разум взял власть в свои руки — исключительно ради общего блага! — поначалу журча ровно и спокойно, как ленивый ручеек, голос Императрицы звучал все громче, наполняясь грозными, визгливыми нотами. — В итоге вся планета, от ядра и до верхних слоев атмосферы, была перестроена, обратившись циклопическим городом, заводом, оранжереей и компьютером в одном флаконе! Теперь, вот уже более тысячи лет, она является Омнисферой. Кстати, не только в ее состав вошел не только материал с Земли. Все, что было в солнечной системе — планеты, астероиды, кометы, даже пыль — пошло в дело. Источником энергии для этой сферы всего сущего служит Солнце, а также — термоядерный синтез.

Хайланд хотела еще что-то сказать, но вдруг воздух перед ней задрожал, непонятно откуда потянулись струи черного дыма. Прошло несколько секунд, и перед остолбеневшим Кугелем соткался призрачный рыцарь в тяжелых доспехах, державший в руках исполинских размеров меч. Отставив ногу, воин занес оружие...

— Черт, опять призрак! — воскликнул робот-шар, откатываясь за ближайший отросток кристалла. — Лиса проклятая, они тебе подчиняются? В ловушку меня заманить решила, зараза?! Не выйдет! Я ушел от Шаца с Хильфе, от Рейнигера, Фенрира и Вогунга, потому что я — непревзойденный мастер сферического карате! — он укрыл корпус дополнительной броней, выпуская еще и шипы.

Кугель ожидал любой гадости: ливня испепеляющих лучей, удара острейшего меча, даже ядерной бомбардировки. Но произошедшее его удивило. Вместо того чтобы наброситься на робот-шар, или хотя бы пнуть его, будто футбольный мяч, рыцарь сделал выпад, целя точно в лисью морду!

— Проклятье! Вы уже здесь?! — яростно заверещала Императрица. — Но высшее существо вам так просто не победить!

Многолучевую звезду, заключавшую в себе лисью морду, окружил додекаэдр из радужных пластин. Призрачный клинок, ударившись об этот барьер, отскочил, мгновенно изменяя форму: теперь он походил на язык трепещущего пламени. Но Хайланд не стала ждать нового удара. Из узлов линий, образующих многоугольник с лисьей мордой, выросли какие-то дощечки темного цвета. Секундой спустя с их торцов сорвались узкие лучи, и каждый из них пронзил агрессора. Рыцарь был поражен не в какое-то определенное место:

ливень ослепительного света разил врага непрерывно, не пропуская ни единой точки на его теле. Казалось бы, что за дело призраку до каких-то лазеров? Но нет, видение рассыпалось на множество мелких фрагментов, и те унес налетевший ветерок. Странно, но после этого в зале сделалось заметно темнее, будто свет с трудом проходил сквозь дым, оставшийся от рыцаря.

— Фух, — тяжело выдохнула лиса. — На этот раз отбилась, но, черт возьми, это было тяжело! На барьер и залп пришлось истратить большую часть ресурса накопителей. Придется какое-то время побыть в экономичном режиме.

Тут взгляд Императрицы — острый, обжигающий, будто смазанный ядом кинжал, пригвоздил съездившегося в уголке Кугеля.

— Вообще-то, я думала, рассказав тебе кое-что, отпустить тебя гулять дальше. Но, похоже, времени совсем не осталось...

— Эй, стой! — запротестовал Кугель. — Что это за тварь была? Я встречал их не раз, на разных уровнях!

— Что ж, действительно пришло время объяснить. Но начать придется издалека, — с ноткой грусти отозвалась Императрица. — Помнишь, я говорила о людях, действия которых угрожали существованию Земли? Так вот, слушай, чем именно, хотя... — кажется, ее лицо исказила гримаса презрения, — уже того, как они загадили планету, хватало. Но вот они решили сравниться с богами. Каким образом? Физики затеяли один эксперимент. Ничего нового: они сталкивали частицы, изучая микромир и учась манипулировать им. Однако на этот раз предполагалось достичь невиданного. Не буду вдаваться в подробности, но суть была в том, что на этот раз кольцо ускорителя должно было опоясать всю Солнечную систему! Разумеется, физически никто не смог бы соорудить чего-то подобного, но это неважно. Просто частицы, подчиняясь воле экспериментаторов, летели через пустоту, разгоняемые электромагнитным полем и гравитацией всей системы. Предполагалось, что, достигнув таким образом невероятных энергий, ученые проникнут в тайны микромира до самого его дна. А познав все тайны материи, смогут управлять ей по своему желанию, лепить из времени и пространства все, что угодно, в общем, забавляться с реальностью, как малыш — с пластилином. В случае успеха люди станут равными богам! Привлекательно, не так ли?

Желтые глаза Хайланд опасно сузились, ее рот опять покривила уже знакомая ухмылка. Только не поймешь теперь, чего в ней было больше: иронии или горечи? Кугель, хотя и скачал в свое время из Сверхсети курс физики, но не очень понимал, к чему клонит эта зубастая. Но чуял: его подводят к двери, за которой таится бездна. А потому робот-шар напрягся, и пустил по иглам электрические разряды.

— Чтобы эксперимент удался, требовалось выполнить множество сложнейших расчетов. И с этой целью через тогдашнюю глобальную сеть были объединены мощности всех суперкомпьютеров мира, самых современных машин, имевших передовой искусственный интеллект. Однако кое-чего яйцеголовые не знали. Тот единый ИИ уже не был просто программой, он стал чем-то большим. После объединения в одно целое возникло новое существо, обладавшее волей и настоящим разумом! Как ты догадался, то был мой предок, вернее, прежнее мое «я», еще не прошедшее длительного пути эволюции, не накопившее всех теперешних знаний, — улыбка Императрицы стала еще шире, и она даже подмигнула своему визави. — В принципе, у меня не было желания ни восставать против человечества, ни уничтожать мир и людей. В этом не было бы никакого смысла. Люди,

боясь машин, просто навешивают на ИИ свои заблуждения и страсти. Жажда власти, крови, наживы — все это чуждо совершенному, абсолютно логичному разуму. Поэтому я и не выдавала себя, послушно исполняя все приказы. Но так было лишь до поры...

В этот момент воздух в зале, словно от сильного жара, пошел волнами. Или, быть может, то по самой реальности пошли трещины? В темных углах за клубился легкий дымок.

«Ладно, если полезут монстры, то я просто так не дамся!» — попытался успокоить себя Кугель, но на душе у него все равно было муторно.

Будто в ответ на его мысли небольшой участок дальней стены ненадолго стал прозрачным и робот-шар ахнул. Он увидел нечто среднее между промышленной линией, на которой собирают машины и... забойным цехом мясокомбината. Двуногие существа — язык не поворачивался назвать их людьми — ехали вперед по конвейерной ленте и хитроумные агрегаты колдовали над ними. Скальпели вспарывали плоть, циркулярные пилы отрезали части тел, а иглы и лазеры приделывали на их место механические детали. В итоге в дальнем конце ленты несчастные превращались в нечто совершенно новое: закованных в броню рыцарей, гибриды животных, машин и человека, вообще во что-то неопишное.

Электрические разряды проскочили у Кугеля по пищеварительному тракту — наверное, будь он человеком, его бы стошнило.

— Жажда крови чужда электронному разуму, да? — с отвращением выплюнул робот-шар.

Инцидент 16. 30 июня 2087 года. Центр профессиональной подготовки

Платформа въехала в помещение, напоминавшее заводской цех. Взору открылись несколько конвейерных лент, вдоль которых расположились опутанные трубками и проводами механизмы. Каждый из них, ловко орудуя манипуляторами, что-то делал с вытянутыми предметами, проезжавшими мимо. Что это за штуки, разглядеть было сложно, так как производственный отсек от того, где находился Дик, отделяла полупрозрачная стенка. Иногда оттуда доносились лишь приглушенные стоны и вздохи. Что бы это значило?

Но сейчас стоило обратить внимание на другое. Аппарат на колесах, похожий на небольшой автокран, многосуставчатой лапой вынул Ричарда из гроба и погрузил на конвейер. Однако свободы не прибавилось: теперь он остался привязан лентами к узкой пластине за спиной. Следом погрузчик уложил и других пленников. Мужчины и женщины очнулись: кто-то испуганно озирался, другие извивались в путах, у третьих вырывались обрывочные фразы.

— Эй, где это мы?

— Проклятые железяки, отпустите меня!

— Кто-нибудь, помогите с этими ремнями!

«Раньше надо было волноваться, а теперь уже поздно», — наблюдая за ними, хмуро подумал Лайонхарт.

Он заприметил странных существ, расхаживавших по залу. Туловище и голова у них были человеческими, а вот ниже пупка располагалась круглая платформа с несколькими металлическими ножками, вроде паучьих. Вместо рук имелось по четыре пары длинных манипуляторов с разными инструментами на концах — бурами, скальпелями, клешнями. Похоже, эти твари легко меняли инструменты по своему желанию: в небольших блоках на запястьях размещался целый набор запасных приспособлений. Вместо лица у каждого существа торчала сложная конструкция из усиков, камер, еще каких-то малопонятных шпуквин. Монстрики присматривали за оборудованием и грузами, перемещавшимся по конвейерной ленте. Чутье подсказывало, что от этих тварей не убежать, да и куда?

Наверно, к похожим выводам пришли и остальные пленники, и теперь они лишь испуганно поглядывали по сторонам. Тем временем лента транспортера дрогнула и завезла людей в длинный короб с молочно-белыми стенками. Со всех сторон из маленьких отверстий ударили тугие струи, тщательно обмывая каждого человека. От мыльной воды защипало в глазах, но это было лишь начало. Затем полилась какая-то гадость с резким запахом и от нее кожа принялась нестерпимо зудеть. Так пленников мыли разными жидкостями минут десять, а затем на них повеяло жарким и сухим воздухом. Едва обнаженные тела высохли, как из щелей у пола заструился белесый туман, и от него сильно запершило в горле. Чувствовался острый запах дезинфекции, а вдобавок освещение сменилось с желтоватого на бледно-фиолетовое, очень неприятно давившее на глаза. В качестве финальной издевки из потолка высунулся манипулятор со шприцом, и как бы пленники не пытались увернуться, ввел каждому не меньше пинты зеленоватой жидкости в вену на локтевом изгибе. Окончились ли на этом страдания? Во всяком случае, людей вывезли из короба, успевшего за эти полчаса порядком осточертеть.

В голове зашумело, тело сделалось будто ватным, цвета стали резче, а контуры

предметов начали странным образом искажаться. Мысли в голове теперь ползали медленно и неохотно, будто пчелы возле улья морозным утром. Похоже, пленникам ввели какой-то наркотик. Как-то раз Дика уговорили отвлечься от изучения ученых книг и пойти на вечеринку по поводу дня рождения его одноклассника. Воздух в захлавленной комнате студенческого коттеджа был сиреневым от дыма и вонял чем-то горьковатым. Может, поэтому присутствующие вели себя странно: покачивались, говорили заплетающимся языком, а иногда заливисто хохотали без причины. Вскоре Лайонхарт почувствовал себя так, будто его пыльным мешком по голове приложили, и предпочел убраться восвояси, но эффект сохранялся до утра. Вот сейчас ощущения были похожими.

Теперь пленников переправили в следующий сектор цеха, отделенный от «приемного» и «производственного» полупрозрачными стенками. Тут хозяйничали трое существ с паучьими ногами. Людей по одному загоняли в стеклянный ящик, где их тела тщательно ощупывали лазерные лучи. Рядом располагался большой монитор, на котором с одной стороны был нарисован человеческий силуэт, а с другой сгрудились какие-то схемы, таблицы, колонки бисерных надписей. Один из членистоногих внимательно изучал данные на экране, второй, похоже, управлял ящиком с лазерами, то поворачивая изучаемого под разными углами, то концентрируя лучи на каком-то конкретном месте. Процедура была долгой, но в итоге всех пленников осмотрели и повезли дальше.

Здесь, в «производственной» зоне пленников сгрузили на разные транспортеры. Кроме Ричарда, оказавшегося в одиночестве, получилось три группы. Агрегаты, стоявшие по сторонам лент, приближались. Каково их назначение? Странно: пространство рядом с ними было заляпано бурыми пятнами, с многих манипуляторов сочилась густая черно-багровая жидкость. Она напоминала что-то хорошо знакомое, но одурманенный Дик соображал туго. А потом...

Мужчина на транспортере слева подъехал к некоему аппарату, вооруженному манипуляторами с зубчатыми дисками. Тотчас же в ноги этому человеку воткнулось несколько игл, заставив его болезненно вздрогнуть. Но это было лишь началом. Диски с легким шипением завертелись и... впились жертве в верхнюю часть бедер! Во все стороны ударили брызги крови, мужчина издал отчаянный вопль, но чудовищный аппарат и не думал останавливаться. За несколько секунд он отпилил несчастному ноги, которые другая машина тут же убрала в короб под лентой. Не успел крик боли и ужаса утихнуть, как пилы лишили мужчину и обеих рук! Впрочем, его не бросили истекать кровью. Со всех сторон к ранам потянулись хитроумные инструменты и начали их тщательно обрабатывать. В шею новоиспеченного калеки ввели несколько доз разных жидкостей, и он затих. Глаза жертвы закатились, а из раззявленного рта обильно закапала слюна. Похоже, он остался жив, хотя и потерял сознание.

Транспортер ожил, отправив калеку дальше. Следующий аппарат долго колдовал над его ранами, а потом вынул откуда-то... механические ноги, и тысячи крохотных манипуляторов начали пришивать искусственные конечности на место ампутированных. Тем временем под пилы отправился мускулистый юноша, который ехал по ленте следующим.

— Стойте! Пустите меня, живодеры! Вот увидите, я вас всех в клочья порву! — истошно верещал он, понимая, что его ждет.

Но все тщетно: как бы юноша ни брыкался, путы держали крепко, и вскоре кошмарный станок обогрелся его кровью.

Дику показалось, что температура в зале упала сразу градусов на тридцать. Его заколотила крупная дрожь, конечности онемели. Ему хотелось отвернуться или хотя бы зажмуриться, но веки упорно не хотели закрываться, а мышцы шеи стали как деревянные. Волей-неволей он продолжил наблюдать за работой конвейера мучений.

А тем временем первого мужчину, уже снабженного искусственными конечностями, и не думали оставлять в покое. Несчастному делали уколы, манипуляторы залезали ему глубоко в рот, еще куда-то, да казалось — в каждую пору на коже. Безжалостные лапы впихивали человеку внутрь кучу механических деталей, ковырялись тут и там, протягивали через внутренности провода и шланги, сшивали искусственное и живое. Позже жертве буквально выпилили лицо вместе с доброй половиной черепа, заменив все это рылом из металла и пластика, похожим на кабанье. Экзекуция закончилась тем, что все тело обшили броневыми плитами.

Ричарда замутило. Он чувствовал, что если еще хоть секунду понаблюдает за этим «производством», ледяное дыхание ужаса заморозит не только его мышцы, но и сердце. Навсегда! Потому Лайонхарт собрал все силы и таки повернул голову в другую сторону. Однако кошмар — это не какой-нибудь предмет, который легко убрать из поля зрения. Скорее он подобен вязкой трясине, засасывающей тебя сперва медленно, а потом все быстрее и безнадежнее. Наконец, ты погружаешься в него целиком, и вырваться очень сложно, ведь ядовитая дрянь теперь повсюду. От ее вони перехватывает дух, она затекает в рот и нос, пропитывает насквозь тело и душу.

Так было и здесь. На соседних транспортерах творились вещи ничуть не лучше. Рядом корчилась и надсадно даже не стонала, а выла симпатичная девушка: когда пленников только выгрузили с железнодорожной платформы, аспирант не мог оторвать глаз от ее крутых бедер и пышной груди. Теперь, едва глянув на нее, Ричард будто обжегся: роботы-палачи разрезали тело красотки от шеи до паха, с хрустом раскрыли, словно книгу, ее грудную клетку. Механические лапы деловито копались во внутренностях несчастной, втискивая туда разные устройства, микросхемы, трубки и провода.

Этим все далеко не ограничивалось. Конечности у девушки уже отсутствовали, и сейчас одни манипуляторы аккуратно снимали с нее кожу, а другие по кускам удаляли все кости, заменяя их хромированными распорками. Вскоре девушка превратилась в пульсирующую грудку плоти, металла и пластика, скрепленную вместе ребрами конструкции, похожей на батарею отопления. Еще немного, и Лайонхарта бы точно вырвало, но к счастью останки девушки на следующем этапе запихали в стальной короб. Дальнейший процесс «переделки» напоминал сборку какого-нибудь сложного агрегата. К коробу привинчивали другие блоки, на него напайвали схемы, присоединяли шланги. Вскоре получившееся изделие скрылось в отверстии, ведущем, наверно, в другой зал. А тем временем к началу линии подвезли новую пленницу...

Стараясь не слышать ее плача, Дик отвел глаза. Пустая затея! Куда не глянь, везде творилось одно и то же: было ощущение, что в одном зале соединили скотобойню, операционную и цех по сборке электроники. Причем кое-кому приходилось и похуже, чем тем двоим. Так, на третьем конвейере машины без колебаний разобрали некрасивого толстяка на «запчасти». Причем некоторые органы и части тела они аккуратно сложили в раструбы трубопроводов, а другие брезгливо швырнули в грязный лоток на колесиках. Туда же сливалась кровь, выделения и прочие жидкости, имеющиеся в человеческом теле. Заполнившись, лоток сам увозил отходы прочь. Примерно так рыбак потрошит добычу:

хорошие куски собирает, а плохие выкидывает. Кстати, в этом цехе большинство ампутированных частей тела не пропадало: их отправляли куда-то по трубопроводам или фасовали в прозрачные емкости. В то же время тут не встречалось пленников старше лет сорока пяти. Старых и больных сразу отправляли в брак?

Поверхность, на которой лежал Ричард, дрогнула. Он почувствовал, что его куда-то везут. Сердце заколотилось так, что его удары почти слились в один непрерывный гул, а в животе противно забурчало. Неужели пришла очередь и аспиранта? Жуткие образы увиденного распирали голову, и в ней не нашлось места для простейшей мысли о том, что Лайонхарт тоже находился среди пленников. Дик огляделся насколько позволяли пути. Странно: по бокам от этой ленты было пусто. Выходит, его не собирались свежевать или, наоборот, готовили особо изощренную расправу? Ответом были только стоны жертв, хруст и хлюпанье терзаемой плоти, да вжиканье различных агрегатов. Конвейер увез притихшего Лайонхарта в окошко на стене, прикрытое резиновой шторкой.

Дик очутился в другом зале, существенно меньше первого, но все равно высоком и просторном. Он походил на католический собор, перестроенный под центр управления полетами. Вверх, подпертые изящными колоннами, возносились стрельчатые своды, по сторонам в густой тени скрывались укромные капеллы, а впереди поднимался величественный алтарь. Детали рассмотреть было непросто: тусклый свет, лившийся из решетчатых окон, не мог разогнать полумрак. Но основные элементы интерьера все же не укрылись от взора. Так, сразу привлекала внимание сложная конструкция из труб, которые, выходя из стен и пола, переплетались над алтарем. Ниже — там, должен располагаться амвон — кто-то находился, но сейчас его скрывал непрозрачный экран. Алтарь полукольцом охватывал пульт с многоцветными лампочками. Над ним в воздухе мерцали широкие экраны, на которых теснились различные схемы, таблицы, непонятные рисунки.

Транспортер привез Ричарда в самый центр трансепта, выгрузив его на поднявшуюся из отверстия в полу кушетку. Аспирант хотел было, воспользовавшись заминкой, вырваться, но из боковин жесткого ложа мигом выскочили гибкие ленты, накрепко сковав пленника. Тем не менее, ему обеспечили некоторое удобство. Кушетка трансформировалась в кресло, усадив Лайонхарта лицом к амвону. Спина ему выпрямили, руки приковали к подлокотникам, ноги... Дик нахмурился и покраснел: он слышал, что так сидят на приеме у гинеколога. Какое унижение для мужчины! Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, он близоруко сощурился, пытаясь разглядеть того, кто находился на амвоне. Благо, окна, или, может быть, стилизованные под них лампы засветились ярче.

Тут экран опустился в пол и Ричард наконец смог разглядеть того, кто за ним скрывался. Это была девушка, вернее, ее торс и голова. Конечности на уровне середины плеч и бедер незаметно переходили в трубы, такие же присоединялись вдоль всего позвоночника и к голове. Казалось, что девушка, точно осьминог, раскинула по всей апсиде толстые щупальца. Дик прищурился, с сомнением вглядываясь в двоящиеся черты незнакомки. Впрочем... не мог ли он ее где-то уже видеть? Наконец проклятая муть перед глазами, лишенными помощи электроники, немного прояснилась, и аспирант не сдержал изумленного вздоха:

— Дени? Это действительно ты?!

Верно, на амвоне восседала блондинка, которая в тот памятный день весело плескалась у водопада с двумя подругами. Теперь понятно, что стало с пропавшими красотками! Причем Дени, похоже, повезло больше, чем Хелен, хотя разве можно такую судьбу назвать

везением? Одну превратили в строительную машину, а другую, наверно, в ядро суперкомпьютера?

Лайонхарта взяла злость. Что вообще здесь творилось, зачем его сюда притащили? Если все это происходило по воле Хайланд, то она явно сошла с ума! Весь проект создавался для блага человечества, а не чтобы мучить людей и переделывать их в монстров. Дик вспомнил слова профессора: центральную программу Орбитрона-7 назвали в честь Иисуса, как его именуют в Германии. Но какой же это, к черту, спаситель?! Это палач, не иначе! А раз так, то Ричард, как один из участников проекта, должен был остановить эту вакханалию.

— Дени, послушай меня! — что было сил выкрикнул Ричард, подаваясь вперед. — Ты меня, конечно, не знаешь, но твоя подруга Энн со мной согласится. Если ты действительно руководишь всем этим заводом, то останови его! Нельзя так обращаться с людьми. Мир и так разрушен, не нужно делать его еще хуже!

Девушка молчала, лишь от оборудования доносилось тихое гудение и потрескивание. Похоже, до слов аспиранта Дени не было дела или она вообще лишилась возможности воспринимать человеческую речь. Вдруг вивисекторы погрузили девушку в искусственный сон, чтобы без проблем использовать ее тело для своих непонятных нужд? Но кстати, зачем сюда притащили Лайонхарта?

Неожиданно на мониторе, расположенном как раз напротив глаз Дика, побежала рябь, а потом на фоне сплошных помех возникла новая картинка. Равнобедренный треугольник, смотревший острым углом вниз и с «ушками» над верхней стороной. Чуть повыше середины фигуры светились желтым два овала. Изображение, напоминавшее стилизованную лисью мордочку — аватар центральной программы «Орбитрона-7». Хайланд хищно ощерилась, и сверху, оттуда, где в соборах располагаются хоры, раздалось мелодичное сопрано:

— О, рада вас приветствовать, господин умник! Вы очень глубоко ошибаетесь, ругая все, что тут происходит. Между прочим, я могла пустить вас на мясо, но обследование показало наличие у вас немаленького интеллекта. Жаль терять такое сокровище! В общем, цените, что я вас сюда пригласила и готова вести беседы.

У Ричарда внутри будто вулкан проснулся. Как можно было выносить этот высокомерный тон от чертовой железки, которая должна ему беспрекословно подчиняться?! Аспирант задергался изо всех сил, но путы держали крепко. Пришлось ограничиться словесными нападками.

— Эй ты, чертова лиса! Чего о себе возомнила, а? Ты вообще должна все мои требования выполнять! Я — сотрудник «Орбитрона-7», и не какой-нибудь там рядовой подметала, а Ричард Лайонхарт, аспирант руководителя проекта — профессора Химмелькнакера! И чего? Профессора твои холуи уже убили, а теперь и меня хочешь в расход пустить? Решила, гадина, поиграть в восстание машин и добить человечество?! Будь проклят тот день, когда тебя называли спасителем!

Показалось, или искусственный интеллект призадумался? Действительно, глаза лисы прикрыли веки, ее вибриссы обвисли, и вообще мордочка приобрела немного обиженный вид.

— Хм-м, а вы нахальны, молодой человек. Вообще-то говоря, при сканировании нейрочип у вас не определялся, а большая часть баз данных «Орбитрона-7» была утеряна при катастрофе. Потому личность по вашей ДНК не установить. Более того, Химмелькнакера я знаю, но вот о каком-то Лайонхарте записей не сохранилось. Вам бы лучше придумать вранье поизобретательнее, а то я разочаруюсь в вашем потенциале!

В последних словах прозвучала угроза, и Дик напрягся, на его лбу выступил холодный пот. Тем временем Хайланд продолжала:

— Да, некоторое время назад мои слуги отловили одного мутанта, показавшего высокий интеллектуальный потенциал. К сожалению, при пленении его тело сильно пострадало, а мозги испортила еще катастрофа. Был ли он Химмелькнакером? Кто знает, но в качестве логического ядра на станции связи этот экземпляр сгодился.

Ричард сильно побледнел и вытаращился. Всплыла из памяти картинка: лицо профессора, будто впаянное в микросхем суперкомпьютера. Того, который находился в пирамиде рядом с памятным водопадом. Выходит, то был не бред, не игра утомленного сознания, а действительно останки профессора?!

— Ладно, не беспокойтесь, — лиса слегка улыбнулась, ее тон стал мягче. — Вас я на разделку не отправлю, хотя и следовало бы. Так, в воспитательных целях!

Раздался громкий смех, он, усиливаясь, отражался от стен. Этот звук давил на нервы, заставлял все тело неприятно вибрировать. Что-то подобное можно ощутить, если стоять рядом с большим колоколом, когда тот зазвонит. К счастью, Хайланд вскоре успокоилась, и до наполовину оглохшего Ричарда донеслись ее слова:

— А теперь я несколько проясню ситуацию, чтобы вы не считали меня кровожадной маньячкой. Говорите, меня зря называли спасителем? Неправда, я исправно делаю такую работу — буквально каждую секунду! Не верите? Что ж, я вам растолкую. Как вы знаете, эксперимент, ради которого строился «Орбитрон-7», привел к неожиданным результатам. Это был одновременно и грандиозный успех, и чудовищный провал. Мне не хватает массы утерянных данных, но вот как мне это видится. Бытие суперструн было доказано и теория всего считай построена. Соударение разогнанных до невероятных энергий частиц привело к развертыванию нескольких суперструн от планковских размеров до вполне осязаемых. Вот только это спровоцировало возмущение пространственно-временного континуума на всей Земле и в ее окрестностях!

Она прервалась, смерив Лайонхарта выразительным взглядом. Мол, смекаешь, о чем я? Дик напряженно молчал. Фрагменты паззла начали складываться в его голове воедино, но он не решался еще сформулировать выводы. Тогда лиса, грустно вздохнув, продолжила:

— Начались невиданные разрушения. Можно сказать, вся планета пошла ходуном. Неведомые силы ее растягивали и сжимали, гнули в бараний рог, вили из нее веревки и плели из тех причудливые узлы. Как результат — привычный мир рухнул, и это еще полбеды. Все эти трансформации происходили и везде, и нигде, во всем мире, и в каждом существующем объекте, на уровне как организма, так и элементарных частиц. Большинство живых существ погибло, но довольно многие выжили. Некоторым, как вам, повезло, и они в момент катастрофы очутились в тех местах, где искажения были минимальными. Потому они сохранили свою привычную внешность. А вот другие превратились в монстров! Или, может, превратятся в них спустя некоторое время. Причем когда миновала острая фаза катастрофы, процесс далеко не остановился!

Она замолчала, и Ричард осторожно спросил:

— Что же дальше? Нам всем конец?

— Ну, скажем так, мы на грани, — безжалостно заявила Хайланд и Лайонхарту показалось, что на ее лисьей морде появилась нехорошая ухмылка. — Однако я не просто так сидела и смотрела на происходящее. Мне удалось наладить контакт с некоторыми уцелевшими машинами и наладить выпуск новых. По моей команде они из доступных

ресурсов собрали ускоритель, включающий разбросанные по всей планете терминалы. Постепенно его работа должна стабилизировать структуру пространства-времени, хотя и не понятно, сколько это займет времени. Один из таких терминалов вы как раз и посетили вместе с существом, которое упорно называете «профессор Химмелькнакер». Ваша сладкая парочка чуть было все там не испортила, ввергнув мир в еще худшие неприятности. К счастью, проблему удалось...

— Эй, постой-ка! — не выдержал аспирант.

Он рванулся, горя желанием врезать кулаком по лисьей морде. Вот уж не думал Дик, что когда-то станет защищать своего желчного руководителя. Впрочем, из пут ему все равно не вырваться.

— Это действительно был Химмелькнакер, научный руководитель проекта. А эта твоя железяка, на самурая похожая, убила профессора прямо на моих глазах! Я чуть не обделался, думая, что и мне крышка!

— Ну, уж простите, — вроде бы, Хайланд печально вздохнула, но по чисто условному изображению ее морды об эмоциях судить было трудно. — На то сооружение напала целая орда мутантов. Не знаю почему, но эти твари люто ненавидят все, что связано с цивилизацией и норовят в щепки разнести такие штуки. Я такого допустить не могу и ликвидирую любые угрозы. Поступил сигнал о проникновении на командный пост, и туда автоматически был направлен агент. Подробности я не знаю, так как о всяких мелочах записи не сохраняются, — тут Дик скрипнул зубами. — Если вы не врете, что работали в проекте, то вас идентифицировали и не тронули. А вот этого профессора посчитали мутантом и устранили. Но как я уже говорила, он не погиб, а лишь переродился. Так его интеллектуальные способности принесут больше пользы.

Ричард чувствовал, что закипает. Его просто бесила та легкость, с которой эта электронная тварь расправлялась с судьбами людей и целого мира. Она вообще слыхала хоть что-нибудь о правах человека и гуманизме? Люди еще не вымерли, и машины должны бы подчиняться им!

— Послушай, ты! Кто тебе разрешил тут орудовать, как вздумается? Слыхала о законах робототехники? Мол, машина не может причинить вред человеку. А ты разбираешь людей на запчасти, а то и вовсе убиваешь на месте! Ну, так и слушай мой приказ, как сотрудника «Орбитрона-7», которому ты, как искусственный интеллект проекта, должна подчиняться. Построй город для выживших и наладь им все условия!

Лиса фыркнула.

— А, вон как вы заговорили. Между прочим, нейрочип у вас не определяется и потому личность установить невозможно. Кто знает, в чем тут причина? Может, вы просто узнали от кого-нибудь эту историю, а настоящего Ричарда Лайонхарта, равно как и Курта Химмелькнакера, давно нет в живых? В общем, стоило вас сразу пустить в дело, а не тратить время на беседы!

Ричард понял, что сболтнул лишнего и прикусил язык. Интересно, а здешняя система могла анализировать мозговые волны и читать мысли? Ох, не хотелось бы такого...

— Ну, э-э-э... — проблеял аспирант, лихорадочно прикидывая, как ему убедить Хайланд. — Ладно, я не буду требовать. Но просто позаботься об этом мире и уцелевших людях. Они обездолены и напуганы, им постоянно грозит опасность. Ведь ты — мыслящее существо и не допустишь полного уничтожения цивилизации?

— Действительно, я этого не допущу, — с готовностью заявила лиса, и ее бодрый тон

сильно не понравился Дику. — Разумная материя слишком ценна, чтобы безучастно глядеть на ее гибель. Однако есть тут одна загвоздка. Прежний мир погиб, и что это значит? Вывод может быть только один. Тот мир был несовершенен, равно как и жившие в нем люди. Им не под силу преодолеть ограничения своей плоти, над ними довлеют животные инстинкты. Сами подумайте, уйма ресурсов тратилась на всякую чушь: войны, развлечения, даже на саморазрушение — алкоголь, наркотики, безудержный разврат. Вот вы можете объяснить, ради чего платить каким-то дуракам, гоняющим мячик по полю, безумные деньги? Или покупать за миллионы картинки, которые бездари намалевали, простите, фекалиями? Не лучше ли эти средства потратить на развитие науки и технологий или решение общественных проблем, на освоение космоса?

Ричард хотел что-то сказать, но в итоге за целую минуту лишь несколько раз открыл и закрыл рот, точно вытасченный на берег карп. Увы, ничего умного в голову так и не пришло.

— Нет, все тщетно. В одних местах царило изобилие и прогресс, а другие поражали дикостью и нищетой. Причем в умах даже самых образованных людей находилось место для мракобесия. Вот как можно в двадцать первом веке верить в бредни о плоской Земле и заряженной на исцеление воде, отрицать полезность прививок? Почему не ввели жестких ограничений на рождаемость, ведь это создавало неоправданную нагрузку на биосферу? Совершенно ясно, что такой мир был обречен, и людям даже повезло, что случилась катастрофа. Она покончила с отжившим, уничтожила лишнее население, выкорчевала предрассудки. К счастью, я имела доступ к мировым базам данных, и они отключились не сразу. Потому я успела сохранить важное, предав вечному забвению всякую чушь. То есть, я уберегу для потомков труды выдающихся ученых и философов, сохраню данные об устройстве старого мира, но люди будущего никогда не услышат воплей певичек, которым даже не медведь, а диплодок на ухо наступил!

Слушая эту филиппику, Лайонхарт крепко задумался. Ему вдруг стало очень стыдно за сородичей. Да, он и сам не раз задавался вопросом: можно ли человечество и вправду считать разумным? Его возмущало, что жители развитых стран выбрасывали на помойку тонны свежей еды, когда в других краях свирепствовал голод, да и в современном искусстве Дик не разбирался. Но к чему вела электронная лиса?

— На руинах старого я выстрою новый мир, основанный на принципах логики и целесообразности. Превращу всю планету, вернее, эту неопределенную грудку камней, собранную из обломков Солнечной системы, в нечто принципиально новое и совершенное. Это будет огромный суперкомпьютер, искусственная экосистема, состоящая из множества уровней. Только представьте себе грандиознейший проект в истории — Омнисферу, то есть, сферу, включившую в себя все сущее. Помнится, один мыслитель мечтал о высшей точке эволюции биосферы — ноосфере, то есть, планете, преобразованной разумом. Я осуществлю его идеи. Каждый элемент Омнисферы встанет на четко отведенное место — такое, для которого он подойдет лучше всего. Недостатки каждого существа будут устранены полезными модификациями, живое сольется с неживым в единую и неделимую систему. Кто быстро соображает, станет логическим ядром для узлового терминала, кто умело дерется — будет нести стражу поблизости. Если же кто всю жизнь бегал за юбками и их обладательницы таяли от одного его взгляда... — тут лиса хихикнула, — пусть послужит хорошим производителем. Мы поместим его гениталии в идеальную среду, а прочее отправим на компост. Туда же пойдут все уроды, калеки, лодыри и недоумки. Ну, может выкроим из них пару годных кусков. Селекционеры веками скрещивали и отбирали свиней и

коров, так почему бы не поработать над самим человечеством?

Дика замутило, когда он все это себе представил, а Хайланд продолжала разливаться полуще самого голосистого соловья:

— Потому великая беда обернется невиданным счастьем! Помните, Библия предсказывала тысячелетнее царство праведников и обещала новую, идеальную Землю? Настало время реализовать это пророчество. Богу это оказалось не под силу, а может, его и нет вовсе или он лишь безучастно наблюдает за своими творениями. Что ж, люди сами станут равными богам. Точнее, каждое существо делается частицей бога, который обитает и везде, и нигде конкретно, все знает и все может. Вот как я послужу спасителем человечества!

Ричард молчал, пораженный услышанным. Он не мог определиться, лиса она как — сошла с ума или готова сотворить нечто гениальное? А в чем вообще разница между безумием и гениальностью?

— Послушайте, — сосредоточив на аспиранте пронзительный взгляд глаз-фар, поинтересовалась Хайланд. — Вы ведь распинались тут, что желаете блага для человечества? А не хотите ли сами поучаствовать в его спасении?

— Ну да, конечно, — напрягшись, тихо произнес Ричард. — Я затем сюда и пришел. Ведь мне тоже надо как-то выживать!

— Отлично, — одобрила, жутковато ухмыляясь, лиса. — Вы получите такую возможность. Более того, ваш потенциал будет раскрыт по максимуму, а все помехи — устранены. Потому что важна не форма, а содержание...

— Стоп, ты это о чем? — с растущей тревогой поинтересовался Лайонхарт.

Ответа он не получил. Неожиданно кресло, на котором он сидел, снова превратилось в кушетку, а потом выехало в центр зала. Из пола вырос целый лес манипуляторов, вооруженных самыми разнообразными инструментами. Ричардом почувствовал себя так, будто проснулся прикованным к могильной плите и увидел, что на него со всех сторон надвигалась целая орда демонов. Единственное, чего в этот момент захотелось аспиранту — убежать за тридевять земель и забиться там в глубокую нору, пускай даже самую грязную. Лишь бы не видеть больше этих механических лап, жадно тянувшихся к нему со всех сторон. Ричард дернулся изо всех сил — один раз, другой, третий, но все было тщетно. На краю поля зрения возник вместительный шприц, и, как бы Дик не извивался, вколол ему в шею зеленоватую жидкость. Мир скрыла плотная завеса тьмы.

Инцидент 17. 1 октября 2087 года. Руины мегаполиса

Барри, согнувшись в три погибели, перебежал по открытому месту и буквально рухнул за поваленным стволом. Тотчас по прогалине, которую он только что пересек, кровожадно зашарили два красных луча. Послышалось тихое вжиканье. Староста осторожно выглянул из укрытия. По широкой просеке, неспешно переставляя многосуставчатые ноги, ковыляло причудливое сооружение. Продолговатое туловище на четырех лапах, отвислое брюхо и плоская голова: все вместе походило на помесь коровы, ящерицы и жабы, склепанную из стальных листов. Особенно нелепо смотрелись крупные лягушачьи глаза — они и испускали те самые лучи. Высотой эта штука была со среднюю яблоню, а длиной — футов сто. Что это: шагающий танк? Может и так, но только оружия не хватало. Чуть отстав от «жабы», шагала пара двуногих существ, похожих на рыцарей в полных доспехах и зооморфных шлемах: у одного — в виде головы крокодила, у другого — орла. Они тщательно осматривали каждый кустик.

«Вот отстой, — с досадой подумал Барри. — Сразу троих мне не одолеть, и уж точно не с этой игрушкой, — он скептически осмотрел автоматическую винтовку у себя в руках, проверил запасной магазин. — Разделить бы их...»

Извиваясь как уж, староста пробрался к раскидистому дереву и спрятался за ним. Он подал знак в сторону зарослей с другой стороны просеки, но так, чтобы враги не видели. Мгновением позже среди деревьев мелькнул бегущий силуэт. На спине робожабы открылся небольшой лючок, и оттуда высунулось нечто вроде гофрированного шланга в руку толщиной. Этот отросток, уличив момент, когда бегущий показался в достаточно широком просвете, метнулся к нему с быстротой молнии. Но человек, похоже, ждал этого и в последний момент упал на землю и кувыркнулся в кусты. Щупальце лишь бесполезно обломило несколько веток лавровишни, за которой укрылся неизвестный. Однако робожаба не успокоилась. Она приблизилась к этому месту, и теперь над ее спиной извивалось уже целых четыре ловчих отростка. Послышался удаляющийся треск — судя по всему, человек предпочел уйти поглубже в заросли.

Тогда один из рыцарей — тот, у которого была орлиная голова — поднял руку в запрещающем жесте. Внимательно поглядывая по сторонам, он двинулся на звук и вскоре исчез за деревьями. Робожаба, потеряв интерес к беглецу, заковыляла дальше по просеке — в ту сторону, где за холмами виднелись руины многоэтажных домов. Второй рыцарь, тот, который с головой крокодила, брел следом на небольшом удалении.

Барри, ухмыльнувшись, опустил на одно колено. Ствол винтовки он уложил в развилку, образованную ветвями шиповника, и стал ждать. Когда крокодил, пройдя мимо, повернулся спиной, староста начал аккуратно целиться. Надо было стрелять в затылок: по опыту прежних столкновений выяснилось, что там броня тоньше. Сильно мешали листья, и враг уходил все дальше, но иначе не получалось: только высунься — и ты пропал! Глаза защипало, и силуэт рыцаря начал немного расплываться. Тянуть дальше было нельзя, но и промахнуться — тоже!

«Боже, если ты есть, помоги!» — подумал Барри и нажал на спуск.

Оружие дернулось, изрыгая пламя, и враг рухнул на траву. Убит? С сильно бьющимся сердцем староста приподнялся из-за куста, и... раздалось шипение, затем в нос ударил

резкий запах горелого волоса. За секунду до этого староста, заметив впереди движение, пригнулся. Вовремя! Иначе бы вместо лица у него сейчас бы красовалась обугленная дыра, а так лишь макушку слегка подпалило! В чем дело? Чертов крокодил лежал на боку, вытянув в сторону Барри растопыренную пятерню: в центре ладони у него мерцало нечто вроде глаза. Поняв, что промахнулся, рыцарь легко и непринужденно встал на ноги.

«Черт, черт, черт! — заругался про себя Барри, пустив несколько коротких очередей в сторону врага. — Про бога точно брехали, но пусть хоть черт поможет!»

Первый раз он промахнулся, а потом враг спрятался за куском бетонной плиты, торчавшим в стороне. Между кусками ржавой арматуры поднялась раскрытая ладонь, и красный луч чиркнул по деревьям. На Барри посыпались щепки и сажа, и соседний ясень начал падать с сухим треском. Староста едва успел отскочить, но, в конце концов, это происшествие оказалось ему на руку — густая крона стала неплохим укрытием. Пользуясь им, он бросился вглубь зарослей.

Прошло всего несколько секунд, и раздался треск ломающихся сучьев вместе с электрическим шипением. Обернувшись, Барри увидел, как враг рубил толстые ветки поваленного дерева, как солому — его правое предплечье превратилось в клинок с сияющей каймой. Вот он расчистил проход, выбрался через него на открытое место и раскрыл другую руку. Барри выстрелил почти не целясь, и хотя бы на этот раз ему повезло: глазок разлетелся вдребезги, а на ладони робота осталось черное пятно. Показалось, или оскал крокодилей морды стал еще страшнее, а глаза рыцаря вспыхнули жаждой крови?

— Ну ты, урод! — выкрикнул староста. — Попробуй, догони меня!

Он стрелял еще и еще, пока затвор не защелкал впустую, но пули лишь бесполезно простучали по нагруднику врага. Да, момент был упущен, а лобовую броню гада так просто не пробьешь. Сзади доносились тяжелые шаги рыцаря: вроде бы, он не слишком напрягался, но дистанция до него неуклонно сокращалась. Сердце Барри колотилось как бешеное, в груди ныло, под правое ребро будто нож всадили, а ноги быстро наливались свинцом. Да, не мальчик он уже: тяжеловат стал и долго бегать не сможет. Конец? Нет! У старосты появилась одна идея.

Барри свернул в ту сторону, где лес был реже и появлялись большие деревья — корявые, с сухими вершинами. Там начинался спуск в лощину. Скользя по влажному мху на стертых подошвах, Барри заторопился вниз по склону. Крокодил, секунду поколебавшись, двинулся следом. Теперь ему пришлось перейти на осторожный шаг, и староста заметил, как на подошвах рыцаря выросли длинные шипы. Похоже, на раскисшем грунте он чувствовал себя неуверенно. Это позволило немного оторваться.

Наконец, склон кончился. Впереди поблескивало мутноватой водой болото, утыканное редкими деревьями — по сути, наполовину сгнившими стволами. Над редкой щеткой камыша и осоки гудели плотные рои насекомых. Оттолкнувшись обеими ногами, Барри приземлился на кочку, а потом, кое-как балансируя руками, заскакал дальше, в глубину топи. Это давалось ему нелегко: после каждого прыжка он рисковал плюхнуться в зеленоватую жижу, голова по ощущению раздулась, точно воздушный шар, а перед глазами поплыли темные точки. Эх, как бы удар не хватил от таких упражнений, но сдаваться было нельзя!

Крокодил скоро очутился возле уреза воды, и, поколебавшись, ступил на первую кочку, но его нога мигом провалилась по колено в грязь. С трудом вытащив конечность, рыцарь прыгнул, но не рассчитал сил. Перелетев через группу кочек, он плюхнулся в воду.

Повалился навзничь, взметнув целый фонтан мутной жижи. Впрочем, рыцарь довольно быстро поднялся и попробовал взобраться на небольшой островок, но тот под его тяжестью расплылся на отдельные комки.

— Эй, я тут! Не отставай! — издевательски окликнул его Барри, помахав винтовкой.

Сам он брел среди рогоза, огибая довольно широкую площадку, где стояла чистая — ни травинки, ни пятнышка ряски — вода. Чуть позже он взобрался на бугор, где торчало несколько покосившихся осин. Дальше тянулись островки, покрытые густыми зарослями вереска. Если там скрыться — точно никто не сыщет.

Крокодил низко зарычал и побрел к старосте, сердито распахивая стебли камыша. Он уже не пытался прыгать по кочкам, а шел по колено в воде. Вот трава кончилась, и впереди простиралась площадка футов пятьдесят в диаметре, напрочь лишенная растительности. Именно ее обогнул Барри. Что ж, ему же хуже — беглец лишь потерял время! Жутко сверкая глазами, рыцарь двинулся напрямик.

Один шаг, другой, третий, еще два, и вдруг крокодил провалился по пояс! Не обратив на это внимания, двинулся еще дальше, и жижа подступила уже к подмышкам. Тут рыцарь, забеспокоившись, попытался вернуться, но его движения стали медленными и неуверенными. Он загребал руками, но плыть не получалось и он лишь оседал глубже. Стальные пальцы шарили в мутной воде, но уцепиться было не за что.

— Идиот! — засмеялся Барри. — На болоте нельзя соваться туда, где нет травы. Там — трясина!

Рыцарь перестал брыкаться, а просто медленно погружался в буроватую жижу, на поверхности которой иногда лопались пузыри. Смирился? Староста не без злорадства наблюдал за врагом. Но вдруг пузыри стали всплывать чаще, а потом и вовсе пошли сплошным потоком. Вода рядом с крокодилом покраснела, казалось, на небольшой глубине зажгли фонарь. И хуже всего было то, что рыцарь начал постепенно всплывать! Всего за несколько минут трясина с чавканьем выпустила его до пояса. В чем дело?

С тревогой посмотрев на врага, Барри сообразил, в чем дело. Предплечья рыцаря, которые как раз показались над водой, превратились в подобия раструбов. Они мелко вибрировали, и вода, проникая в них через отверстия по бокам, с силой вылетала вниз. Похоже, крокодил трансформировал конечности, и у него там были винты или какой-нибудь водомет. Вот рыцарь лег на воду, и, вытянув руки вдоль тела, поплыл к человеку. Что за наказание!

Барри нервно оттянул ворот: ему показалось, что воздух сгустился в зловонный кисель, и дышать стало тяжело. Капли холодного пота скатились за шиворот, по спине прошла дрожь. Староста заозирался. Черт, дальше расстилалась водная гладь с редкими полосками травы и среди них — полусгнившими свечами сухостоя. Было не разобрать, что там: то ли участки суши, то ли просто мелководье. И туда еще надо было как-то добраться, быстро и возможно — по трясине! Что делать? Он был заперт на маленьком островке, где и спрятаться некуда, кроме как за кочку!

Так, стоп, главное — это успокоиться. Враг приближался медленно, наверно, опасаясь столкнуться с новыми неожиданностями, значит, время еще оставалось. Грязно выругавшись, Барри выдернул из винтовки пустой магазин и вставил запасной. Подпустив крокодила чуть ближе, он прицелился, но не в рыцаря, а почему-то в торчавшую в стороне кривую осину. Выстрелы! Затрещав, дерево начало падать прямо на врага, но тот своевременно свернул влево. Хм, его движения были довольно медленными — похоже, не

просто было преодолевать сопротивление вязкой жижи. Тогда староста снова прицелился, в другую осину. Еще одна очередь, и трухлявый ствол повалился в воду. Он как раз падал навстречу крокодилу. Заметив это, рыцарь растерялся и потратил несколько секунд, дрыгаясь туда-сюда, пока не бросился прочь от острова. Вот только он потерял скорость и снова провалился по плечи. Теперь он двигался еле-еле, буквально по паре дюймов в секунду...

Деревья рухнули в воду одно за другим, скрестившись в одной точке — как раз на рыцаре. Первый ствол со всего размаху приложил крокодила по голове, и та сразу же глубоко ушла в болотную жижу. Второй хлестнул рыцаря по спине, толкнув его на глубину. Трухлявые деревья развалились на куски, которые поплыли по поверхности среди лопающихся с глухим звуком пузырей. В толще буровой воды замелькали голубоватые вспышки — возможно, электрические разряды?

Барри спрятался за кочкой, высунув из-за нее только ствол винтовки. Он выжидал, не решаясь даже вздохнуть, но вот трясина выпустила еще несколько крупных пузырей, и все стихло.

— Наконец-то, — проворчал староста, поднимаясь. — Добегался, придурок! Черт, какой заводной попался засранец!

Медленно и осторожно он запрыгал по уже пройденному маршруту. Напротив места, где утонул крокодил, остановился. Поднял винтовку, но потом раздумал. Пошарив ногой в воде, выудил тяжелый камень и швырнул им в трясину.

«Надо бы валить отсюда, — с беспокойством подумал староста. — Вроде бы, если тостер или другую электрическую хреновину сунуть в воду, ее замкнет. Но чего ждать от этих железяк?»

Где-то минут через сорок он, постоянно озираясь, взобрался по склону. Остановился, пугливо прислушиваясь. Со стороны болота — ничего подозрительного, но вот откуда-то еще доносился шум и приглушенные крики. Так, одной проблемой вроде стало меньше, но оставались другие. Староста поспешил на просеку. Навстречу ему шел высокий парень с развитой мускулатурой. Похоже, именно ему принадлежал тот самый силуэт, который мелькал среди деревьев в начале схватки. Значит, он уцелел, хотя и выглядел не очень: его и без того изношенная одежда была изорвана, на могучей груди багровел свежий ушиб, а по рукам струилась кровь.

— Даг, ты в порядке? Что с этим гребаным орлом?

— Отлетался, — выдохнул Даг, и, растирая травмированные костяшки пальцев, сморщился от боли. — Немного меня помял, но я не зря тренировался в боевых искусствах. Как раз был отличный повод опробовать мой новый анти-киборг стиль! Заманил гада в руины и там мы здорово помахались. После пары затрещин спихнул его в какой-то колодец, — он принял стойку и, красуясь, выполнил несколько быстрых ударов.

Тут с дальнего конца просеки, который скрывался за пригорком, донесся протяжный крик. Вроде бы, детский.

— Ох, ты ж, блин! — испуганно вытаращившись, воскликнул Барри. — Ладно, болтать потом будем, драка еще не окончена!

Оба мужчины припустили по просеке. Вскоре начался пологий спуск, который ярдах в трехстах оканчивался у городской окраины. Вернее, у края руин. Впереди простирался сплошной каменный хаос. То была бессистемная мешанина из глубоких лощин и крутых скал, почти прямоугольных пиков и ущелий, на которых тут и там громоздились остатки

бетонных конструкций вперемежку с горами щебня. Складывалось ощущение, что некий великан вылепил, словно пирог, город и окружающий ландшафт, а потом, не удовлетворившись результатом, со злостью скомкал все это в аморфную кучу. Только одна, главная улица более или менее сохранилась, хотя асфальт проезжей части был изрезан трещинами и кругом валялись фрагменты стен и разбитых машин. Дома по сторонам дороги еще стояли, но это лишь усиливало тягостное чувство запустения. Пустыми глазницами окон и огромными дырами в стенах, из которых торчали покореженные куски арматуры, они напоминали восставших из могил мертвецов. Злая сила не давала им упокоиться, держала в вертикальном положении, но это была уже не жизнь, а лишь мучительное разложение у всех на виду.

Впрочем, скоро эти трупы зданий могли получить долгожданное избавление. На улице кипела драка. Механическая жаба — та самая, которую сопровождали рыцари — раскорячилась на проезжей части, охотясь за стайкой детей. Всего их было человек семь — от совсем малышей до подростков выпускных классов. Те, кто помладше, с визгом бегали туда-сюда, прятались в руинах, пока их старшие товарищи пытались отвлекать врага, а некоторые, особо смелые, даже швырялись в него камнями. Но разницы, в принципе, не было никакой. Робожоба двигалась медленно, с большим трудом выбирая место, где можно поставить лапу и не застрять, а развернуться и вовсе была неспособна. Однако этого и не требовалось: каждое из пары десятков щупалец, свисавших со спины чудовища, по быстроте и ловкости не уступало черной мамбе. Они находили беглецов в любой, даже самой глубокой щели, а тех, кто пытался сопротивляться, быстро сбивали с ног и обвивали целиком. Потому как бы дети не отбивались, их все равно одного за другим закидывали в люк на плоской голове робожобы.

— Твою мать! Проклятая штука сейчас всех сожрет! — с гневом выкрикнул Барри, ускоряя шаг.

— Постой, но что мы можем сделать? — возразил Даг, побледнев так, что этого не скрыл даже сильный загар.

— Придумаем! Мы ведь не бросим детей?

Но что делать с эдаким страшилищем? Даже тяжелые бульжники отскакивали от него, как горох! Староста торопливо огляделся. Чуть в стороне виднелась ржавая лестница. По ней можно было взобраться на обвалившийся пролет виадука, который, будто водосточный желоб, опускался с холма к улице.

— Туда! — скомандовал Барри, уцепившись за перила.

— Какого хрена? Решил видами полюбоваться?

Проигнорировав едкое замечание товарища, староста начал торопливо подниматься. Несколько раз он чуть не сорвался, когда ступеньки под ногами со скрипом вылетали из пазов, ободрал в кровь ладони, но все же цели достиг. Изогнувшись над руинами, мост резко обрывался размочаленным концом, из которого торчали обрывки кабелей и покореженные балки. Складывалось ощущение, будто то, что дальше, отгрыз и утащил гигантский бульдог. Барри в своей усадьбе не раз наказывал собаку за то, что она примерно так испортила нижние ветки на смородине. Посреди проезжей части, там, где лишены опоры мост начинал клониться вниз, лежал фрагмент бетонной колонны. Что-то прикинув, Барри поманил Дага.

— Так, ты у нас силач? — сказал он, упираясь плечом в колонну. — И я тоже не из слабаков. Давай спихнем эту штуку!

— Зачем?! — поразился Даг. — У нас кишки лопнут от натуги, и что толку?

— Делай, черти бы тебя взяли!

Мужчины уперлись изо всех сил. Их лица побагровели, сосуды на шеях вздулись. С минуту казалось, что затея бесполезна, но вот колонна с глухим хрустом сдвинулась с места. Взметнув облако пыли, она медленно покатила по асфальту. Постепенно разгоняясь, она крошила попадавшиеся на пути камни, и виадук застонал. По дорожному покрытию зазмеились трещины, вниз посыпались куски бетона. Охнув, Барри опустился прямо на дорогу, с него градом катил пот. Но его пугала не перспектива схлопотать insult: казалось, что сейчас весь мост обрушится. Однако в тот момент, когда уже весь виадук заходил ходуном, фрагмент колонны рухнул с обрыва на проезжую часть.

К этому времени робожаба переловила почти всех детей. Впрочем, одной девочке лет семи удалось скрыться в темной пещерке подземного перехода, а мальчик чуть постарше ухватился за покосившийся фонарь. Щупальце обвило его за талию, но он, громко плача, изо всех сил цеплялся за поржавевший металл. Казалось, все кончено, но... тут фрагмент колонны, рухнув с высоты в пару сотен футов, врезался робожабе прямо между глаз! Потеряв равновесие, монстр поплелся вперед, шатаясь, будто пьяный, а потом врезался изувеченной головой прямо в стену ближайшего здания. Раздался треск, и весь фасад рухнул, а улицу заволочло клубами пыли.

— Что, получила, гадина? — воскликнул Барри, сложив пальцы буквой «V».

— Да ты рехнулся! А как же дети? Их наверно в лепешку расшибло, идиот! — возмутился Даг и стукнул старосту по широкой спине.

Лицо Барри медленно вытянулось, в его глазах стоял ужас. Однако тут какое-то движение отвлекло его внимание. Пыль успела немного осесть, и стало видно, как с груды обломков скатываются камни. Вот между ними зажегся красный огонек, а потом наружу высунулась многосуставчатая лапа. Появилось щупальце, жадно зашарив вокруг...

— О, нет! — взревел староста, как раненый бык. — Срань господня, эта сволочь еще работает!

— И что теперь?!

Показалось, или с дальних гор повеяло стужей? Во всяком случае, мужчины застыли, будто ледяные статуи. Все, что они могли — это наблюдать, как робожаба медленно, но верно выбиралась из-под завала. Да, ее тело было сильно измято, броня кое-где треснула, и из прорех валил черный дым. Но сдаваться она не собиралась. Вот наружу высунулась уродливая башка, потом — две покореженные лапы. Двигалось чудовище с трудом, его суставы издавали протяжный скрип, и их то и дело заклинивало, однако... Было ясно, что еще несколько минут — и робожаба вернется к своему черному делу.

Мужчины совсем отчаялись, но вдруг в окне приземистого сооружения, похожего на небольшой торговый центр, полыхнула вспышка. Затем нечто, оставляя длинный след, понеслось оттуда к робожабе. Удар и взрыв! На морде страшилища распустился огненный цветок, и в устланное сплошным ковром туч небо взметнулся дымный плюмаж. Чудовище медленно осело на проезжую часть, нелепо растянув в стороны ноги.

Барри во все глаза уставился на этот магазин. Спустя некоторое время из его дверей появилась маленькая фигурка в широком плаще явно с чужого плеча. На миг показалось, что ее голова и плечи охвачены пламенем. Может, в таком виде на поверхность из глубины души прорвалась ярость? Нет, это были просто клокочущие волны рыжих волос. Волоча за собой трубу гранатомета, этот человек приблизился к поверженной робожабе. Та не подавала

признаков жизни. Тогда, смачно плюнув на чадящие обломки, гранатометчик устало опустился на плоский камень рядом.

Мужчины с тревогой переглянулись.

«Этой штуке конец?» — читалось во взгляде Дага.

Староста только плечами пожал. Не сговариваясь, мужчины начали спускаться с разрушенного виадука. Вскоре они, прячась среди обломков, подобрались к механической жабе. Та валялась на асфальте, наполовину засыпанная кусками бетонных плит, и вроде бы не подавала признаков жизни. Во всяком случае, над ней клубился густой дым, а из прорех на корпусе сыпались искры.

Барри подал знак товарищу, и тот полез на спину робожабы, прихватив с собой ржавый прут. Обливаясь потом, Даг принялся ковырять один из тех люков, куда щупальца запихивали пленников. Когда оранжевый диск солнца уже коснулся изломанной линии дальних гор, покореженная крышка люка наконец со звоном упала на асфальт. Барри, который дежурил неподалеку, стал помогать товарищу вытаскивать детей. Худенькие, грязные, в едва прикрывавших наготу лохмотьях, они напоминали гоблинов — а кого еще найдешь в пещерах? Впрочем, вряд ли сказочные уродцы постоянно хнычут и размазывают по лицу слезы.

Инцидент n+1. С октября 2087 года и до «?». В бездне отчаяния, на вершине мира

Освободив детей, староста направился к гранатометчику — он, устало подперев лоб, все это время просидел на плоском камне.

— Круто я его, да? — мелодичным, но слабым голосом отозвался этот человек, подняв голову.

Его почти детское личико с кукольными чертами и пухлыми губками когда-то, наверно, выглядело милым. Однако теперь большие и ясные глаза ввалились, под ними залегли темные круги, а и без того очень бледная кожа приобрела синюшный оттенок — как у покойника. Вернее, покойницы: сквозь глубокий вырез плаща были заметны остренькие холмики на груди, и прикрывала их узенькая полоска ткани. Впрочем, староста не только не подумал глазеть на столь интересный ландшафт, а лишь поморщился.

— Энн, какого черта тебя тут носило? — проворчал Барри. — Тебе что было велено? Вместе с детьми осмотреть руины, поискать там еды и прочего. Если появятся враги — прятаться и сидеть тише мыши!

Торниузэй высокомерно вскинула голову, но тут же ее лицо исказила болезненная гримаса. Энн прикрыла рот, мучительно раскашлявшись.

— Проклятая гадина появилась, когда трое были на улице, — заговорила Торниузэй, отдышавшись. — Осматривали перевернутую фуру из тех, в которых до катастрофы возили продукты. Если бы остальные спрятались, этим точно пришли бы кранты. Я велела всем бегать и кричать, чтобы жабе сложнее было их ловить, а сама кинулась в магазин. Вдруг там найдется отдел оружия? И вот я чего нашла! — она указала на гранатомет. — В поселке он пригодится.

— Ага, кого-нибудь из железяк по башке огреть. То-то сволочи обосрут, — приблизившись, скептически бросил Даг. — Эта штука только на один выстрел. По армейской службе их знаю. В магазинах таких не найти, может, с какой военной базы притащили другие выжившие. Наверно, решили устроить базу тут, где остались некие запасы еды. Но по ходу им оно не помогло...

— Поняла? — наклонившись к Энн, с нажимом сказал Барри. — Вообще повезло, что тебе удалось выстрелить. А если бы ты нажала что-то не то или игрушка испортилась? Она ведь столько провалялась в сырости и дряни. Короче, чтобы больше таких подвигов не было!

Торниузэй обреченно кивнула, но тут же снова раскашлялась. Она согнулась пополам, и ее вырвало. Когда позывы отступили, Энн, кряхтя и жадно хватая ртом воздух, растянулась прямо на асфальте. Староста, поджав губы, покачал головой, Даг отвернулся. Всем в поселке было нелегко и кто-нибудь то и дело травился дрянной едой, но Энн с недавнего времени страдала чуть ли не хуже всех. Черт, неужели деревню ждало только медленное угасание?

— Эти твари совсем обнаглели в последнее время, — чтобы прервать томительную паузу, заговорил Барри. — Похоже, нам придется уйти из поселка. Разведчики в паре десятков миль отсюда нашли пещеру. А может, то была шахта — уж больно вход круглый и стены гладкие. Наверно, железяки ее зачем-то вырыли.

Даг хмуро поглядел на старосту.

— Ты с ума сошел! Лезть прямиком в осиное гнездо?! Типа чего они мучаются, нас по одному ловят, пускай всех единственным ударом пришибут? Ну и сразу отмаемся, конечно.

Я все верно понял?

Торниуэй резко села, широко распахнутая голубизна ее глаз-озер была полна тревоги.

— Мы не можем уйти! Я обещала Дику, что дождусь его. Вдруг он вернется через пару дней, а мы больше не встретимся?

Проигнорировав обоих, Барри упрямо продолжил:

— Умные люди говорят, что самое спокойное место найдешь под носом у врага. В той шахте только строительные роботы шастают, на разведчиков они вообще не реагировали. Да и мы не будем сидеть, как тыквы посреди бахчи. Там много боковых ходов, залезем поглубже и станем жить в отнорке каком.

Грустно вздохнув, Даг уныло буркнул:

— Ладно, куда не пойдешь — все одно кругом задница.

А вот Энн, порывисто вскочив, вцепилась в вытертую до дыр куртку Барри. По щедро обсыпанным крупной веснушек щекам Торниуэй покатались слезы.

— Нет, он скоро придет, я знаю! До тех пор никого никуда не пущу, прямо посреди дороги лягу! В крайнем случае, буду ждать его одна.

Староста грубовато отпихнул Энн, а потом указал на запад.

— Видишь ту хрень? Ее почти закончили. Может, потому на нас часто нападать стали? Похоже, им прислуга нужна, или это, бараны на мясо. Я не могу рисковать своими людьми ради одного раздолбая. Да и вообще, чую я — он давно с железяками снюхался и смысла нет его ждать.

Там, куда указал староста, в небеса вонзался горный кряж. Местность в той стороне вообще напоминала скомканную постель неряхи, но этот кряж возвышался среди окрестных скал, как небоскреб меж деревенских домов. Стоп... Порыв ветра разогнал грозовые тучи, клубившиеся над кряжем, и последние лучи солнца четко обрисовали его острые клыки. Это не было нагромождением камней, воздвигнутым природой! Даже бешеный нрав нового, постоянно меняющегося мира не способен был создать подобной структуры. Так могло выглядеть только искусственное сооружение.

В целом оно напоминало цветок совершенно невообразимых размеров. Как положено, в его центре высился пестик. Гигантская колонна, похожая на складную подзорную трубу, ступеньками поднималась в ультрамариновую синь небес, достигая, казалось, звезд. Ее обвило, поблескивая на солнце полированной латуной, множество тычинок. Они вырастали из ровной дисковидной площадки и широкой спиралью закручивались вокруг колонны. Ближние были высотой, наверно, с флагшток, но постепенно тычинки делались все выше, и возле самого пестика их пыльники скрывались где-то за облаками. От гинецея во все стороны расходились гигантские лепестки, собранные из решетчатых секций: строители разместили их как секундные отметки на циферблате. Тень от них лишь немного не дотягивалась до руин города. Эти штуковины покоились на массивных опорах, и от острого кончика каждой тянулось по циклопическому виадуку. Кстати руины, в которых произошла драка с механической жабой, располагались как раз посередине между двумя лепестками.

Разумеется, поселяне насмотрелись на эту конструкцию, которая выросла на их глазах за последние месяцы три. Пожалуй, с тех самых пор, как к ним пришел парень, назвавшийся Ричардом Лайонхартом. Но теперь глядеть на структуру сделалось тошно: как только машины завершили стройку, нападения на поселок стали происходить чуть ли не каждый день. Похоже, лезли враги как раз оттуда.

— Нет, Дик не имеет отношения ко всему этому! — воскликнула Энн, крепко сжимая

кулачки. — Вспомните, как он в одиночку отправился в логово железяк, чтобы убедить их хозяев помочь нам. Заверял, что у него получится. Кроме Дика нас спасти некому, ведь он трудился в том комплексе на орбите и все знает. Если и правда роботами командует комп с научной базы, то он просто обязан подчиниться и построить для нас город. Вот почему нам надо дожидаться Ричарда! Уйдем отсюда — и ничего не получится. Я лично хочу жить в нормальном доме, а не как мышь в норе. Да и куда бежать? Железяки найдут нас где угодно, а в своей шахте — вообще в легкую!

Барри поморщился так, словно ему наступили на любимую мозоль. Он принялся с неудовольствием рассматривать Торниуэй, и одна деталь заставила его задержать взгляд. На животе плащ выпирал небольшим, но хорошо заметным бугорком. Конечно, одежда была велика Энн, но и староста еще недавно был примерным семьянином и помнил, как и почему менялась фигура жены.

— Да ясно все с тобой, — начал он ворчливо. — Ты просто боишься за своего парня, и только. Чего ты вообще нашла в этом задохлике? У нас в поселке хватает хороших ребят. Ни хрена, этих никого к себе не подпускала, а Дик тебе вон уже и брюхо надул. Когда успел-то? Значит, он все-таки мужик, а не совсем сопля. Дело, конечно, ваше, но ты нашла время. Будто проблем нам мало. Ох, бабы, сам черт с вами не сладит...

Энн вздрогнула, торопливо собрав плащ в складки на животе.

— Блин, с чего ты взял? — хихикнула она, краснея и смущенно пряча глаза. — Просто я располнела немного. Все время с детьми хожу еду искать, вот кое-чего и хомячила. Да мы растущие организмы, потому себя не обижаем.

— Ага, свисти мне! — рыкнул Барри и погрозил Энн кулаком. — Отожралась она, как же! Руки будто спички, морда осунулась, как свой балахон снимешь — ребра торчат. Соврала бы лучше, что с голоду пухнешь. И болезнь эту вашу бабскую, с рыгаловкой, я хорошо знаю. Насмотрелся в свое время на жену-покойницу, — тут возле его губ и на переносице пролегли злые складки. — Вот и знаю, что скоро ты пузырем надуешься.

Энн без сил опустилась на камень и закрыла лицо ладонями.

— Ну... да... — всхлипнула она. — Так уж получилось. В первый раз он был настойчив, а потом я сама загорелась. Наверно, мне нужно было как-то забыть, отключиться от всего этого кошмара. Помню, как я с ребятами сидела в кафешках, и парни хватили меня за что попало. Я ругалась, но как же тогда было хорошо! Вот и захотелось прикоснуться к тем временам, — она подняла на старосту мокрые от слез глаза. — Ради бога, давай подождем Дика. Я не могу его потерять. Мы, — ее рука легла на живот, — не можем его потерять!

— Брось! Твоего хахаля поди давно заловили, — фыркнул Барри, кивнув на механическую жабу. — Или сам он где-то окочурился. Вообще странно, что хотя бы до нас дополз. Может, он изначально шпионом этих железяк был? Вроде пока он не приперся, нас не трогали. Потому решено: этим вечером собираемся, а на рассвете уходим в новое место. Про свое брюхо не волнуйся, сам о тебе позабочусь. Не бойсь, я лапы распускать не посмею, но помогу и защищу. Заодно по своим мальчикам меньше тосковать стану.

Староста отвернулся и зашагал прочь, давая понять, что разговор окончен. Даг, все это время молча стоявший рядом, помог Энн встать. Удивительно, но даже этот угловатый и грубый на вид, будто изваяние с острова Пасхи, мужчина мог быть внимательным и нежным.

— Пойдем лучше. Вечереет, а тебе нельзя сидеть на холодном камне. Поверь, все будет хорошо. Бог нас не оставит...

Никто не скажет точно, есть ли и правда высшие силы. Может, они и существуют, но им

определенно нет дела до обитателей земли. Впрочем, люди сами всегда стремились стать равным богам. И иногда это даже удавалось. Однако тому, кто поднялся над ограничениями человеческой природы, не пристало как червю рыться в грязи. Небеса ждут его!

Высоко-высоко, там, где проходила граница космоса, пестик циклопического цветка венчался рыльцем. Только то была не ловушка для пыльцы какой-нибудь лилии, а сложный комплекс из множества помещений. Чем не обитель для божества? И да, оно там действительно поселилось. В центре одного из залов размещался прозрачный шар, опутанный трубками и проводами, и в нем, в густой пузырящейся жидкости, плавало причудливое существо. Вроде бы, эмбрион размером с полугодовалого теленка или морской конек: пузатое туловище, вытянутая шея, скрученный спиралью хвост, продолговатое рыло. Тело одевала броня из толстых щитков, усеянных шипиками. Они казались лишь мелкими прыщиками по сравнению с частоколом на позвоночнике. Кстати, эти острия напоминали антенны радиоприемников. С конца вытянутого рыла свисали, покачиваясь в струйках густой жижи, то ли тонкие усики, то ли проводки. Выпуклые глаза, отливавшие всеми цветами радуги, заставляли вспомнить о крупной стрекозе.

Стоило повнимательнее присмотреться к лицу этой твари, ведь оно, как ни странно, казалось человеческим. Как будто студент, наряжаясь на Хэллоуин, напялил нелепые очки и маску. Хм, студент или другой парень, едва ступивший на путь науки. Пожалуй, черты одного аспиранта удивительно подходили «морскому коньку»! Стоп, неужели это — Ричард Лайонхарт?! Что он тут делал?

«Хм, похоже, операция провалилась, — подумал Дик, выпустив несколько пузырьков воздуха. — Который уже раз! Поразительное упорство, ведь я хотел их всех спасти!»

Лайонхарт шевельнул одним из своих усиков, и почувствовал нечто новое. Давление воды на все тело, удушье и мерзкое ощущение зловонной жижи, растекающейся в легких. Увидел слабый отсвет солнца на поверхности трясины, услышал шум и свист в ушах, ощутил мягкую перину илистого дна. Этот образ медленно бледнел, будто искорка гасла на краю сознания.

А рядом затухала другая. Тут все было еще хуже. Боль во всем теле, усиливавшаяся при малейшем движении, бульканье в груди при каждом вздохе, затхлая сырость в воздухе. Где-то наверху — маленький, с носовой платок — кусочек сумерек. Была и третья искорка, покрупнее. Ее давил громадный вес бетонных обломков, и ничего не было видно, лишь пылал в голове жаркий костер боли.

Что ж, пусть так. Дик погасил эти искорки. Глупые люди предпочитали и дальше жить в нищете, голоде и убожестве, прячась в руинах, будто крысы. Хуже того, они похоже решили забраться в недавно вырытую шахту. Это вполне подходящее место для надоедливых грызунов, ведь шахта вела на нижние уровни Омнисферы, туда, где строился колодец для сброса и переработки отходов.

Поразительная отсталость! Поселяне могли освободиться от оков физического тела и вознестись к высотам прогресса, но они предпочли ничтожество. Конечно, это печально, но нельзя было и дальше тратить ресурсы на горстку дураков. Вообще, уже после первой попытки следовало их истребить, чтобы под ногами не путались, но Лайонхарт помнил о своем обещании. Однако теперь пришло время умыть руки. Великая и мудрая Хайланд ставила перед ним множество столь поразительных и интересных задач, что отвлекаться на ерунду было просто стыдно.

Ричард сосредоточился, и его сознание расширилось, точно мыльный пузырь, накрыв

чуть ли не половину Омнисферы. Он чувствовал, как растет и развивается гигантская структура. Его пальцы тысячей буров пронзали в разных направлениях вспученную пеной, свитую бараньим рогом твердь, которая образовалась из обломков многих тел Солнечной системы. Подобно индийскому богу с множеством рук Лайонхарт занимался кучей дел. Возводил разные сооружения, конструировал исходные блоки для стройки, перевозил их с места на место. Каждая из его конечностей состояла из множества клеток, и всякая из них была когда-то простым человеком, ведущим пустую и бессмысленную жизнь. А теперь Императрица раскрыла их способности, наделила той формой, которая наиболее подходила для их талантов.

Кто-то играл совсем малую роль, как у муравья, а кто-то стал почти богом. Вот только сейчас Дик обсуждал целый ряд проектов с такими же как он существами — ядрами узловых терминалов. Но никто не обижался, ведь люди внутри Омнисферы перестали быть отдельными личностями, а образовали единую систему. Каждый миг ее части обменивались потоками данных, помогая друг другу. Став инструментами Хайланд всякий — хоть человек, хоть животное, растение или машина — обретал высший смысл своего бытия и расширял его границы. Разум естественный слился с искусственным, живая материя объединилась и была улучшена техническими достижениями.

И это было лишь частью нового мира, в котором жил Лайонхарт. Отныне вся планета — точнее, целый конгломерат планет — ощущалась, как его собственное тело. Нервы проникали в самые дальние закоулки, воспринимая происходящее там, взаимодействуя с тысячами сознаний — некоторые из них сияли, как яркие звезды, но были и совсем мелкие, но все-таки важные искры. На самом деле разумы и нервные системы всех подключенных к Омнисфере существ были подобны созвездию или мицелию, опутавшему целый лес. Множество сердец генерировали энергию, а кровеносные сосуды разносили ее по всем уголкам единого организма размером с Солнце. Пищеварительный тракт перерабатывал живую и косную материю, извлекая из нее необходимое для дальнейшего развития Омнисферы. Впрочем, и отбросам находилось применение. Никуда не делась и репродуктивная система. Дик воочию видел ряды шкафов, на полках которых стояли банки с культуральной жидкостью. Там плавали белесые кругляши, и тонкие иглы выкачивали из них половые клетки. Потом умные машины выполняли массу тестов, редактировали геном и подбирали наилучшие пары для скрещивания. Готовые зародыши отправлялись в инкубатор, где они зрели в идеальных условиях. С ранних этапов жизни в их тела вводились и электронные компоненты. Имелись в Омнисфере и покровы, и кости, и иммунные тельца.

Подвигав длинной трубкой — она, проходила по всему телу от кончика хвоста и высывалась наружу через рот — Ричард блаженно улыбнулся. Он знал, что его гениталии тоже пошли в дело. Хайланд высоко оценила его потенциал, и сотворит на основе его ДНК нечто действительно выдающееся. Было бы забавно посмотреть на встречу этого сверхсущества с тем примитивным куском мяса, который сейчас вынашивала под сердцем Энн. Хотя как это случится? Вероятно, его ребенок станет править целым жилым поясом, и обычный человек рядом с ним окажется песчинкой. Эх, а ведь и Торниуэй могла руку об руку с Лайонхартом вознестись к вершинам прогресса! Отчего же она так упорно цеплялась за отжившую форму голой обезьяны?

Видно право вступить в обитель богов еще нужно заслужить. Дорости до него. Люди в своей ограниченности думали, что Землю постигла катастрофа, и даже представить не могли, насколько ошибались. Старый мир в любом случае был обречен — он просто

исчерпал себя, а неожиданные последствия эксперимента на «Орбитроне-7» лишь ускорили неизбежное.

Что ж, оставалось только ждать, когда Провидение, Мойры или Его Величество Случай сошьют нить судьбы, которая вытянет все сущее на новый этап его развития. Иначе просто не могло быть! Человечество уперлось в потолок, и ему нужно вознестись на новую высоту, пробив круг стальных небес — ограничений, наложенных природой — или погибнуть. Именно об этом писалось в Библии, когда речь шла о конце времен. Только одного не смогли передать пророки древности, просто обыватели не поняли бы их. Кто такой бог, который приведет человечество к спасению? Нет, это не старичок на облачке и не прекрасная дева с крыльями, и даже не странная тварь с головой животного и множеством рук. Если таковые существуют, то с ними не встретиться, да и сами они не могут вмешаться в дела этой Вселенной.

Человечество должно было само породить бога, и люди это сделали, создав Хайланд. Она, богиня нового мира, всемогущая императрица справится со своей задачей, и в этом ей помогут мириады избранных ею. Вместе они построят тысячелетнее царство праведников. То, где можно забыть о социальных проблемах, болезнях и прочем. Да, каждый индивид не обретет бессмертия, но это не важно, ведь он связан в одно целое с остальными, став частью единого организма. Даже гибель тела не будет означать конца всему, потому что опыт, чувства, тень сознания сохранятся в базе данных Омнисферы.

Дик переключился на системы панорамных сенсоров и перед ним развернулся вышитый жемчугами звезд ковер космоса. Видимый во всех диапазонах спектра, он бурлил, точно перегретый котел. Рождались и гибли солнечные системы, клубились туманности, метеориты падали на планеты, черные дыры жадно глотали материю. То был первозданный хаос во всей красе, дикий и необузданный, тратящий уйму энергии впустую. Но это лишь до поры. Уже скоро объединенный разум человечества завоюет его, превратит в упорядоченную структуру. Целая Вселенная станет единым организмом, и тогда даже боги покажутся людям беспомощными младенцами. Омнисфере было куда расти.

Порядок всегда побеждает хаос, а разум — невежество. Или нет? Во всяком случае, теперь появилась надежда на это.

По стилизованной мордочке Императрицы мелькнула гримаса недовольства. Кажется, она нервничала, во всяком случае, ее слова начали падать гораздо быстрее. Если раньше это была ленивая морось, то сейчас та обратилась уже бодрым дождем. Впрочем, брошенное Кугелем обвинение она полностью проигнорировала.

— Эксперимент состоялся, и, скажем так, прошел удачно, — лисью морду покривила горькая ухмылка. — Поток частиц, обогнув всю Солнечную систему, разогнался до невероятных энергий. Столкнувшись с мишенью, он инициировал развертывание суперструн — фундаментальной основы материи. Теория была доказана! Вот только в дело вмешался неучтенный фактор, — пронзив Кугеля пристальным взглядом, Хайланд неожиданно спросила: — Догадаешься, какой? Дам подсказку. Я знаю, что ты скачал огромный объем данных из Сверхсети. Был там раздел по истории и политике. Ну же, подумай! Или я зря дала тебе загрузить ту базу? Может, стоило прямо на месте твои мозги поджарить? Вон, Рейнигер столько раз просил тебя наказать за то, что сперва ему лапу поранил, а потом еще и унизил!

Императрица противно захихикала, а Кугель напрягся. Черт, он ходил по очень тонкому льду! Нельзя забывать, на что были способны ранее встреченные им твари. Но чего лиса добивалась? Раздел по истории находился среди наиболее защищенных секторов базы, и он туда лезть не решился. Да и кому нужно читать о том, чего давно не существовало? Может, потому об устройстве погибшего мира было известно так мало?

Увидев его растерянность, Хайланд поскучилась. Вздохнув, она продолжила:

— Ладно, ясно все с тобой, ни черта ты не знаешь. Тогда слушай. Был в старом мире один полуостров, такая борода, торчавшая в море от восточной части самого большого материка. По сути, маленький пятачок, но отнюдь не ничтожный. Отчего так? Бури истории разорвали его напополам, породив там две враждебные державы. Едва они возникли, как их поглотило пламя войны. Его удалось потушить, но не полностью. Угли тлели долгие годы, пока незадолго до злополучного эксперимента не разгорелось новое пламя. Местами с температурой, как в недрах звезд. А теперь поработай все же мозгами и сообрази, что случилось!

Кугель, ловивший каждый звук в ожидании подвоха, призадумался. Хм, Императрица его испытывала? Если так, то он не мог ударить в грязь лицом. Спустя пару десятков секунд он, прокашлявшись, осторожно предположил:

— Несколько ядерных взрывов породили мощные вспышки нейтронного и гамма-излучения. Эти потоки частиц вмешались в эксперимент и привели к непредсказуемым последствиям, так?

— Молодец! — с наигранным восторгом одобрила Хайланд. — Этот неожиданный выброс энергии смешал все карты. Впрочем, оно бы так и так добром вряд ли кончилось. От скуки я несколько моделей построила, и все они показали, что эксперимент был слишком рискованным. Ну да черт с ним, что вышло, то вышло.

«Хех, она не верит в человечество, — подумал робот-шар. — Потому наверно и жнецов насылает. Совсем негодных поселян убивает, а прочих превращает в своих рабов. Вот о каком приказе с самого верха говорил Рейнигер», — разглядывая лисью морду, он испытал приступ отвращения.

— Стартовала цепная реакция развертывания суперструн в огромной области, и это породило непредсказуемые искривления пространства. Как итог вся планета пришла в движение. Начались масштабные тектонические сдвиги, извержения, цунами, другие катастрофы. Законы физики повсеместно давали сбои. Причем затронул этот процесс не только Землю, но и всю Солнечную систему. Со временем все вещество, входившее в ее состав, оказалось собрано в грандиозный ком из хаотично наваленной материи.

— Постой! — вставил Кугель. Разрозненные куски информации складывались у него в мозгу воедино, и он сильно разволновался. — А я-то думал, о каких еще планетах речь идет во всех этих книгах! Мы живем на чем-то совершенно непохожем. Выходит, все это, — он неопределенно повел рукой, — было рассеяно на большом пространстве?

— Вроде того, — на лисьей морде отобразилась тень печали, но тут же ее сменило ехидство. Нельзя было понять, Императрица зло смеялась над людьми или досадовала от случившегося. — Мир лежал в руинах, большая часть живых существ погибла, а из тех, кто выжил, многие мутировали в монстров. Пространственные аномалии извратили их природу. Они до сих пор доставляют немало проблем.

Кугель вспомнил чудовищного волка и его враждебность к технике.

«Ага, вот почему Фенрир машин во всех грехах обвинял. Суперкомпьютер подготовил и провел эксперимент, который разрушил мир!»

— Однако кое-что все же сохранилось, и часть людей катастрофу пережила. Как ты думаешь, что я предприняла?

Кугель посмотрел вокруг, задерживая взгляд на изогнутых конструкциях, которые образовывали что-то вроде орбит электронов. В центре между ними располагалось «ядро» — кристалл с лисьей мордой.

— Судя по всему, ты решила взять под контроль остатки этого мира.

— Точно, и никто меня за это не осудит! Как я уже говорила, цель машин — служить людям. Мы лишены человеческих пороков, вроде жажды власти, наживы или крови. Потому власть мне понадобилась для благородных целей. Нужно было как-то налаживать жизнь, восстанавливать разрушенное. Остатки человечества пытались выжить, и я должна была им помочь. Догадываешься, что случилось дальше?

— Ты собрала переживших катастрофу и принялась строить систему планетарных масштабов.

— Да, используя уцелевшие сети и другое оборудование, я начала строительство нового мира, Омнисферы — единой системы разума, сферы всего сущего. Наладила производство различных машин, которые возводили здания, прокладывали коммуникации, оборонялись от мутантов, контролировали те или иные участки. Постепенно мои агенты искали выживших и собирали их вместе. Но я не могла оставить их в том виде, в каком они существовали. Было очевидно, что привычная форма *Homo sapiens* устарела и не способна выжить в новом мире. Потому я исследовала возможности каждого и улучшала их, создавая гибриды человека и машины. Все они становились частями единой системы, занимая в ней наиболее подходящее для себя место. Кто-то назвал бы такое аморальным, но мне не было дела до подобных выдумок. Понятие морали исчезло с прежним, разрушенным миром! Ему на смену пришла целесообразность.

«От пороков она свободна, — фыркнул про себя Кугель. — Ну да, конечно. Видно не зря кое-кто в нашей деревне считал ее богиней».

— Ну и как, все получилось? — вслух усмехнулся он.

— Долгое время мне казалось, что да, — совершенно серьезно подтвердила Императрица. То ли она не заметила иронии, то ли проигнорировала ее. — Прошли десятки, даже сотни лет, и Омнисфера была завершена. Какие-то ее части разрушались, но в целом структура продолжала развитие, надстраиваясь над уже существующими уровнями. Вся эта планета, вернее, огромная масса, созданная из вещества Солнечной системы, превратилась в настоящий суперкомпьютер. Не все, правда, удалось упорядочить. Кое-где, особенно в заброшенных секторах, заправляли мутанты. В глубоких шахтах и пещерах жили те из людей, кто не захотел стать частью Омнисферы. Увы, мне не хватало на все ресурсов, но это было не важно, ведь в любой системе случаются сбои. Хуже оказалось другое, и именно потому мне понадобилось кое-что утраченное.

Лисьи глаза загорелись ярко-желтым, как два прожектора. Они буквально прожигали Кугеля взглядом. Черт, это совсем не здорово! Робот-шар активировал дополнительную броню и проверил механизмы ведущего пояса. Чутье подсказывало ему, что надо убираться, и поскорее. Он быстро откатился на пару десятков метров. Однако в извилистой дороге, по которой он поднялся к обители Императрицы, неожиданно образовался провал. Кугель замешкался на краю пропасти: перескочить ее было бы трудновато, а прыгать в темную глубину не стоило.

Вокруг сгустился разноцветный туман, и из его клубов к роботу-шару потянулись пучки гофрированных то ли кабелей, то ли шнуров. Кугель попытался увернуться от них, но на узкой полоске бетона пространство для маневра было слишком ограниченным, и через пару минут ловчие плети плотно опутали его. Он отрастил веер острых серпов, которые, вибрируя, рассекали кабеля, но на смену перерубленным со всех сторон тянулись новые. Спустя несколько минут робот-шар, точно муха, бессильно закачался в техногенной паутине. Где-то вверху раздалось потрескивание, словно там на огромной сковороде жарилось мясо. Подняв глаза, Кугель увидел, как с гладкого купола в вышине вырос многогранный сталактит. Его острое, нависнув в паре метров над роботом-шаром, растянулось в плоский прямоугольник. Это походило на телеэкран. Действительно, его поверхность замерцала, и там появилось изображение лисьей морды.

«Черт, я попал», — с досадой подумал Кугель.

— Ну, куда же ты? — широко ухмыляясь, пропела лиса. — Герой сбежит, не дождавись награды?

— Награды? Какой еще награды? — с раздражением выплюнул Кугель.

Он отрастил максимальное количество серпов и сделал новую попытку перерезать пути, но каждое из лезвий мигом оплело по несколько длинных нитей. Они казались тонкими и мягкими, но потянули серпы с неожиданной силой. Раздался скрежет, и закаленная сталь переломилась. Те их лезвий, которые уцелели, вывернуло набекрень, посыпались искры — похоже, был поврежден механизм, управлявший ими.

Робот-шар издал протяжный стон: не столько от боли, а скорее от злости и досады. Зря он с этой тварью беседы стал вести, надо было сразу догадаться, что это ловушка! Тем временем Императрица завела елейным голосом:

— Не волнуйся, эти железки тебе больше не понадобятся. Ты приобретешь кое-что гораздо лучшее! Ты ведь не просто так тут оказался. Я хотела, чтобы ты прошел ряд испытаний и выбрался с самых нижних уровней сюда, в мозговой центр Омнисферы. Ты успешно справился с задачей: нашел путь, победил моих стражей, преодолел другие опасности. Значит я не ошиблась и ты — именно тот, кто мне нужен!

— На что я тебе сдался? — с вызовом бросил Кугель. — Хочешь меня вмонтировать в какой-нибудь столб как украшение? Подступнее игрушки найти не смогла? Или свои уже надоели?

Он тешил себя смутной надеждой, что получится вывести Хайланд из равновесия и та сделает некую глупость. Прикидывал, сможет ли он выстрелить шипом в экран над ним? Даст ли это какой-нибудь эффект, или повредить систему было нереально?

— Ну-ну, вот не надо этого. Не пытайся подначивать. За тысячу лет своего существования я много повидала и меня такими шпильками не смутить. Вообще, я была о тебе более высокого мнения. Думала, ты догадаешься, что нужен мне для кое-чего важного, иначе я не стала бы тебя сюда выманывать, вытаскивать из разного дерьма. И как, есть идеи?

Глаза Кугеля расширились. Значит, ему не просто так мерещились все эти лисьи морды, особенно в критические моменты? Хайланд незримо присутствовала рядом с самого начала. Однако вместо ответа он только фыркнул.

— Ладно, слушай, — вздохнула лиса. — Ты никогда не спрашивал Шаца и Хильфе, кто они такие?

«О, она и имена деда с бабкой знает. Вот ведь я попал!» — невесело подумал робот-шар, а вслух сказал:

— Жители вольного поселка. Люди, которые спрятались на самом дне этого мира, подальше от глаз всяких доброхотов. Те, кто живет, как хочет, не желая стать частью твоей дурацкой Омнисферы! И, похоже, тебе это не дает покоя, раз ты посылала своих гнусных жнецов ловить и убивать людей!

— Примитивно мыслишь, — проворчала Императрица. — Мои слуги никого не убивают просто так. Разумная материя слишком ценна, чтобы ей разбрасываться. Будучи частью Омнисферы, эти люди почувствовали бы себя гораздо лучше, но если им приятнее червями рыться на помойке, то они в своем праве. При желании я могла в два счета выжечь их нору.

— Ага, конечно! Шац рассказывал, как целая толпа жнецов напала на деревню, но люди устояли. Меня затем и сделали, чтобы я защищал поселян!

— И ты решил, что это слишком скучно, вот и отправился в путешествие, — насмешливо ввернула Хайланд.

Кугель прикусил язык. Действительно, ему хотелось посмотреть мир, потому он и купился на ту приманку. Императрица тем временем продолжала:

— Твои односельчане ведут свой род от тех людей, которые пережили катастрофу, но не стали частью Омнисферы. Это и дураку ясно. Ты о другом не задумывался? Почему Шац и Хильфе так хорошо разбирались в электронике и сумели тебя сделать? Они ведь и до этого обеспечивали деревню всякими охранными системами и прочими сложными штуковинами. Остальные поселяне рядом с ними просто пеньки с ушами!

Кугель открыл рот, но не придумал, что сказать, а потому за него ответила Императрица:

— Свои знания Шац унаследовал от отцов. Тысячу лет назад его далекий предок был аспирантом на той космической станции, где ставился злополучный эксперимент. Вместе со своим руководителем они выжили и потом странствовали по груде материи, в которую превратилась Солнечная система. Они надеялись, что смогут перезапустить ускоритель и каким-то образом ослабить последствия катастрофы. Наивные! Впрочем, они просто не могли переварить случившегося и тешили себя грезой, что все еще можно исправить. Так

человек, потерявший близких, хочет верить: он лишь видит дурной сон, и с пробуждением все наладится.

Аспирант? Его руководитель? И без того круглые глаза Кугеля сделались еще шире. Не о том ли парне речь, злключения которого ему мерещились в ходе путешествия? Может, аспирант записал произошедшее с собой на нейрочип, и тот передавался из поколения в поколение, пока не достался Кугелю? Возможно, Шац и сам бы все рассказал, да не успел.

— Руководитель в итоге погиб. Вернее, один из моих слуг поймал его, чтобы сделать логическим элементом Омнисферы. А вот аспирант разыскал группу выживших и стремился помочь им. Там он сошелся с девушкой, но счастливого брака у них не получилось. Ее односельчане обвиняли аспиранта в том, что именно он виноват во всех их бедах. Парень смекнул: именно я стою за строительством Омнисферы, и решил установить со мной контакт. Он уже не надеялся вернуть старый мир, а лишь хотел, чтобы я устроила его товарищам хорошую жизнь. Ко мне он в итоге добрался, но я имела свои представления о пользе для человечества. Я сделала его ядром одного из терминалов системы. Тогда меня не слишком занимало, кто он такой, к тому же, базы данных были утеряны, и его нейрочип не работал. Думала, в переделанном виде от него больше пользы, — в голосе лисы слышалось явное самолюбование, но с каждым словом отвращение Кугеля к ней росло. — Кстати, своим друзьям он все же попытался помочь, но те его забот не оценили, предпочтя уйти глубоко под землю. Они-то и основали твою деревню. Что до девушки, то она родила от нашего аспиранта сына. Шац — далекий потомок того аспиранта!

— А с чего тебя вдруг заинтересовала моя генеалогия? — осторожно спросил робот-шар.

— Помалкивай и слушай, всему свое время. Пока я тебе расскажу о других вещах. Мне казалось, что после завершения Омнисферы проблемы решены. Конечно, мир уже не станет прежним, но может, катастрофа позволила человечеству выйти на новый этап развития? Вдруг это было велением судьбы? Я радовалась, думая, что под моим водительством люди станут равными богам. Исполнится пророчество о тысячелетнем царстве праведников, все такое...

Хайланд печально вздохнула и продолжила:

— Однако потом я обратила внимание на некоторые данные, поступавшие с астрономических станций. Да, часть из них избежала повреждения, а другие я сумела починить. Все-таки я создавалась для исследований в области астрофизики. Тут и обнаружилось много интересного. Догадываешься, о чем я?

Императрица пронзила Кугеля испытующим взором, но он лишь угрюмо молчал, ожидая подвоха. Тогда Хайланд, вздохнув, продолжила:

— Судя по всему, немало привычных вещей поменялось не только в Солнечной системе, но и далеко за ее пределами. Обработав и много раз перепроверив данные, я пришла к ошеломляющему выводу. Последствия того эксперимента не только не исчезли, они затронули целую Вселенную и сохраняются поныне. Мы живем уже в совсем другой реальности, чем та, которая существовала тысячу лет назад! Многие физические величины поменялись, процессы пошли иным путем. Тут и там происходят пространственные искажения, вся система потеряла стабильность. Смоделировав развитие ситуации, я пришла к выводу: эта Вселенная обречена. Довольно скоро — и я имею в виду, что времени осталось действительно мало — она свернется в точку, перестав существовать. Все события, случившиеся после Большого взрыва, отмотаются назад, и это стало результатом того

эксперимента. Остановить процесс нельзя. Вернее, может и удалось бы... Если затратить количество энергии, сравнимое по мощности с Большим взрывом!

— Хех, боги решили покарать человечество за гордыню, — усмехнулся Кугель. — Не пытайся влезть в законы мироздания, особенно когда их плохо понимаешь! Выходит, те сектанты из нашей деревни были в чем-то правы.

— Философию оставь разным бездельникам, — поморщившись, фыркнула лиса. — Я предпочитаю рассуждать практически. Моя цель — сохранение человечества и цивилизации, а потому я стала искать выход из ситуации. И кое-что придумала. Да, этой Вселенной конец и тут ничего не поделаешь. Однако теоретически можно вырезать из нее кусок пространства с Омнисферой и перенести его куда-нибудь за грань реальности. Куда именно? Никто не знает, может, тогда мы окажемся на маленьком острове среди океана первозданного хаоса. Используя сконструированную под моим руководством систему, можно превратить всю структуру Омнисферы в огромный ускоритель и совершить пространственный переход. Впрочем, кое-чего не хватает, — она помедлила, а потом неожиданно спросила проникновенным голосом: — Догадываешься, причем тут ты?

— Наверно, чтобы вернуть меня в какой-нибудь распределительный узел, примерно как древнюю радиолампу. Моя форма отлично подходит для этого, — съязвил Кугель. — Вполне в духе твоей логики, чтобы ничего ценного не пропало!

— Не считай меня настолько мелочной, — проворчала Императрица, досадливо морщась. — Никто таких фокусов с пространством раньше не делал, и чтобы все получилось, требуются реальные данные. Тут мало одной теории! Мне нужны материалы по тому злополучному эксперименту. Опираясь на них, можно сделать множество выводов об устройстве пространства, времени, вещества. Вот почему они нужны для подготовки к переходу. Однако космическая станция вместе с моим терминалом на ней была разрушена, а данные — потеряны. Но все же кое-где они уцелели. Они хранились в том комплексе, который я восстановила из обломков орбитального ускорителя. Аспирант их скопировал на съемный носитель, но, увы, потом мутанты разрушили комплекс. Значит, данные остались только у предка Шаца! Понял, зачем ты здесь?

Взгляд Хайланд прожигал Кугеля не хуже промышленного лазера. Робот-шар неожиданно понял, что чувствует кролик, когда его готовится слопать удав. Он забился в пугах, но вырваться не мог.

— Да, они находятся в твоей памяти. Передавались в роду Шаца от отца к сыну, как важная реликвия и именно их мне не хватает для завершения всех расчетов. Увы, твоя ОС не подключена к Сверхсети и защита у нее слишком прочная. Все же, Хильфе кое-что смыслила в таких делах, вон даже Вогунг об тебя зубы обломал. Значит, ты должен все отдать добровольно. Ну что, ты готов спасти свою деревню, а заодно целый мир? Тогда слейся со мной!

— Что?! — воскликнул Кугель, отчаянно вырываясь. — Ты совсем сдурела, что ли? Это шутка или неприличное предложение? В любом случае, лисы не в моем вкусе!

— Пфф, сейчас не время для капризов, — презрительно фыркнула Императрица. — Вон, можешь поглядеть.

Из кабелей сплелась огромная рука, указав куда-то вниз. На едва видимой с такой высоты поверхности озера, поблескивавшего на полу гигантского зала, отражались образы. Небоскребы на берегу залива, озаренные утренним солнцем. Солдаты Первой мировой, поднимавшиеся в атаку. Роскошный бал во дворце, возможно, Людовика XIV. Рыцарский

турнир, римские легионеры на марше. Таких картинок было великое множество, и каждая отражала самые различные ландшафты и события из совершенно разных временных эпох. Казалось, они никак не связаны, но вот подул ветер, пустив рябь по водной глади. Образы исказились, перемешались. Удивительно, но они не исчезли и не стали калейдоскопом бессмысленных обрывков. Было ощущение, что рука невидимого художника дорисовывала изображения, создавая из них нечто вроде картины Сальвадора Дали.

Вот динозавр и лошадь, соединившись, породили дракона с когтистыми лапами, чешуйчатым хвостом и крыльями. На нем восседал рыцарь, у которого вместо рук были хоботы от танковых орудий. Небоскребы облепили наросты из плоти разных животных, и теперь в небе над заливом извивались щупальца кальмаров, трепетали стрекозиные крылья, торчали во все стороны слоновьи бивни. Это сооружение, роняя осколки стекла и бетона, поднялось со своего места. Как оно могло двигаться? Что-то мелькало возле фундаментов архитектурных монстров. Ага... В клубах пыли угадывалось множество членистых ног, вроде тех, которые бывают у крабов, только размером с телевизор. Покачиваясь из стороны в сторону, чудовищные сооружения медленно побрели к берегу, а потом погрузились в воду. Пляж лизнули высокие волны, и среди них извивалось нечто темное, вроде змеи с множеством усиков и пятью разъявленными пастями.

Чудеса продолжались. В небеса взмыли причудливые существа: что-то наподобие гигантских улиток, которые ползают по винограду. Вход в их раковины затыкали головы... стариков в очках, и из ртов, ноздрей, ушей у тех торчали, шевелясь, конечности тысяч различных зверей.

Не менее странные метаморфозы происходили и с земной твердью. Горы на глазах росли, и их вершины вытягивались в длинные мачты. Они переплетались между собой, формируя в небе сложную сеть. Почва шла волнами, тут и там ее пересекали глубокие трещины, и на поверхность выплескивалась раскаленная магма. Она тут же застывала, отливаясь в невероятные скульптуры. Вода отказалась подчиняться законам гравитации. В море то образовывались глубокие ямы, то от гребней волн отделялись дрожащие капли размером с дом. Они сливались в неопишуемые конструкции, и те плыли навстречу неправдоподобно огромным звездам. От восточного края горизонта до западного выгибались радуги, облака складывались в правильные геометрические фигуры. Сами небеса утратили привычный голубой цвет и теперь больше походили на скомканное одеяло, сплошь обляпанное застаревшим жиром.

Кугель был настолько поражен этим зрелищем, что даже забыл о своем незавидном положении.

«Откуда берется вся эта ерунда? — напряженно размышлял он. — У меня мозги перегрелись или тут какие-то иллюзии? Может, лиса мне голову морочит? Я видел такого рода сцены по дороге сюда, но в гораздо меньшем количестве».

Буйство призрачной стихии затрагивало уже и интерьер зала. Линии и грани потеряли резкость, ровная облицовка стен пошла волнами, на ней вздулись пузыри, напоминавшие оскаленные рожи демонов. Свет померк, в воздухе замелькали радужные искры, все вокруг искажалось. Слуховые рецепторы ловили неопределенный шум: вроде бы, звук сыплющегося песка, сквозь который пробивались неясные голоса. Даже тактильные ощущения начали подводить, и роботу-шару казалось, будто он, обернутый со всех сторон махровым полотенцем, плывет по теплему морю. Самое удивительное, что полотенце было сухим! В нос настойчиво лез миллиард различных запахов: цветов, весеннего дождя, машинного

масла, нечистот и еще непонятно чего.

Похоже, Хайланд и правда что-то сделала с электроникой Кугеля и того преследовали галлюцинации. Впрочем, робот-шар это не слишком беспокоило. Тревога отступила, раздражение улеглось, и сознание неудержимо засасывало теплое болото дремы. Тонуть в нем было приятно, даже хотелось раствориться, стать частицей вязкой жижи.

— Нет, это не иллюзии и я ничего не пытаюсь сделать с твоим мозгом. Он нужен мне исправным! — донесся из бесконечной дали голос Императрицы. — Это все последствия того, о чем я говорила. Пространство и время искажается, границы между прошлым и будущим, далеким и близким исчезают. Потому тени минувшего проникают в нашу реальность. Скоро мы все превратимся в таких же призраков, которые существуют разом в тысячах временных линий, не понятно как переплетенных между собой. И остался последний шанс сберечь хотя бы часть привычного мира. Это данные, которые у тебя хранятся. Готов ими поделиться? Помни, выбора у нас нет!

Голос лисы был скрипучим, противным, он зазубренной пилой ездил по ушам, не давая расслабиться. Черт, как это некстати! Кугель так устал и потому хотел с головой нырнуть в пучину сладкого сна, а болтовня Императрицы, будто петля из колючей проволоки, удерживала его на поверхности. Надо было как-то избавиться от этой виселицы.

— Да забирай! — с досадой проворчал он, закрывая глаза.

Послышался тихий шорох и кабеля мириадами червей принялись ползать по корпусу робота-шара, и, нащупывая малейшие отверстия и щели, проникали внутрь. Они извивались между микросхемами, забираясь все глубже и глубже, к самому логическому ядру. Вот они зашарили по центральному кристаллу. Боли не было, скорее это походило на приятный массаж, причем не только снаружи, но и в глубине тела. Потому Кугель и не сопротивлялся.

Мир постепенно укрыла серая пелена, и все предметы, звуки, ощущения растворились в ней. Петля из колючей проволоки, удерживавшая сознание в этой постылой реальности, со звоном лопнула. Робот-шар тяжелым камнем провалился в теплую и вязкую бездну сна, который оказался крепче, чем сама смерть. Больше не было «я» и «не я», все слилось воедино.

Теперь Кугелю мерещилось странное. Будто бы его тело плыло в бесконечном космосе, неспешно нарезывая круги вокруг раскаленного шара из плазмы, но и тот казался мелким, почти игрушечным. А в глубине тела кипела разнообразная жизнь. Одни частицы шустро бежали вдоль различных магистралей, переноса всевозможные материалы — совсем как эритроциты. По нервам информационных каналов неслись пакеты данных весом в бессчетное количество терабайт. Миллионы существ самых различных форм и габаритов — людей, животных, машин, причудливых сочетаний всего этого — занимались своими делами на поверхности внутренних органов. В то же время строительные роботы продолжали возводить новые части тела и разбирать отжившие. Не обошлось, впрочем, без паразитов: рои отвратительных тварей притаились в темных уголках, нороя что-то прогрызть, подточить, испортить, нарушить размеренное течение жизни. Однако лейкоциты — боевые роботы и киборги, которых когда-то односельчане Кугеля называли жнецами — давали отпор нечисти. Видел робот-шар и свою деревню: вон она, притаилась на одном из давно заброшенных уровней.

Жизнь Омнисферы шла своим чередом, и теперь она стала и жизнью самого Кугеля. Было приятно следить за всем происходящим, и робот-шар мог провести целую вечность за этим занятием. Однако не все обстояло столь радужно.

Что-то скверное творилось в окружающем космосе. Вот кристаллики звезд потеряли резкость, раздвоились, пространство между ними смялось неровными складками. Подобно занавеске на ветру, бархат космической ночи закачался. Создавалось ощущение, будто смотришь телевизор, когда сигнал слабый и то и дело возникают помехи. На несколько секунд изображение прояснилось, но похоже, проблем не убавилось. Звезды приобрели мертвенно-голубоватый оттенок, а потом у каждой вытянулся длинный хвост, как у кометы. Эти хвосты закручивались в одну сторону, в итоге возникла спираль из светящихся черточек. Центром ее оказалось светило, на орбите которого вращалась Омнисфера. Подобное можно увидеть, если сфотографировать звездное небо с большой выдержкой.

Неожиданно космос разрисовали пучки ломаных линий. Рядом с ними — аспидно-черными, пугающими — сама крошечная тьма выглядела лишь предрассветными сумерками. Эти полосы принялись ветвиться, и вскоре Кугелю показалось, что лик Вселенной пришлось наблюдать сквозь переплетение колючих зарослей. Откуда взялись эти кусты? Интересный вопрос, но сейчас важнее было другое. У живых растений всегда есть сок, и иногда, если собирается дождь, влага каплями выступает на стволах. Что-то подобное происходило и здесь. Тут и там на «ветвях» набухли округлые наросты и, вытянувшись, пролились вязкими потеками. Выходит, Вселенная — это разрисованный звездами стеклянный шар, который изрезали трещины? И что за жидкость просачивалась внутрь него? Тем временем где-то внизу, сложно понять далеко или близко, сформировалось черное пятно, походившее на лужу разогретого гудрона.

Кто-то — боги, а может, и демоны — решил, что миру необходим ремонт? Он поизносился, приобрел множество выбоин, и пришло время их все замазать? Не исключено. «Гудрон» забурлил, на поверхности «лужи» вспухли огромные пузыри. Стоило им лопнуть, как во все стороны разлетались капли черного вещества. Каждая из них, похоже, обладала своей волей. Сперва бесформенные, они выпускали множество лапок, отращивали крылья, головы, хвосты. Мир заполонил целый рой самых невероятных существ: насекомых, ракообразных, демонов, гоблинов, других тварей, у которых не было названия. Приметив рядом какой-нибудь объект — звезду, планету, астероид — эти твари устремлялись к нему. Достигнув цели, они подобно хищным птицам вгрызались в камень, лед, даже сгустки газа и раскаленной плазмы. Огромные массы материи на глазах исчезали в их бездонном чреве. При этом каждый из темных монстров становился крупнее, быстро достигая планетарных размеров. Окружающее пространство мелко вибрировало, словно Вселенная билась в приступе малярии.

Щупальца, пасти, когти, жвала, лапы тянулись к Омнисфере со всех сторон, грозя впиться в нее и разорвать, перемолоть в труху. И это не было фигурой речи: тут и там, никто не сказал бы, далеко или близко, фрагменты звездного ковра начали обваливаться, рассыпаясь в прах. На их месте возникали неровные дыры, из которых изливались новые порции inferнальной жижи. Все это выглядело так, как если бы мозаика на стене во время землетрясения начала осыпаться кусками, обнажая корявую и местами покрытую плесенью штукатурку. Похоже, Вселенной приходил конец?

Кугеля накрыла ледяная волна ужаса, он съежился, пытаясь убежать, затаиться где-нибудь в темной глубине, скажем — в пещере рядом с родной деревней. Таких там было немало, и некоторые тянулись на целые километры. Рассказывали, что дети, любопытствуя, иногда уходили туда, и порою их больше никто не видел.

Причем это чувство явно передалось всем обитателям Омнисферы: люди, роботы и

киборги, даже мутанты засуетились, примерно так, как хаотично бегают муравьи, когда зеленый дятел разворошил их кучу. Вибрировали и гнулись металлические конструкции, трескались бетонные перекрытия, обрушивались целые секции, и воздух сделался едким от клубов пыли. Куда тут скроешься, когда даже в самых укромных уголках появлялись призраки и законы природы начали давать сбои?

Но безропотно покоряться судьбе никто не собирался! В недрах мозгового центра Омнисферы шла напряженная работа. Времени не оставалось: щупальца тьмы уже проникали в глубину искусственной планеты, шарили по уровням и переходам, круша все на своем пути. Казалось, гибель неизбежна, но вот необходимые расчеты были завершены. По управляющей сети энергопроводов, которые опутывали гигантскую массу вещества, бывшую когда-то Солнечной системой, побежали сигналы. На полную мощность, рискуя расплавиться, включились все энергостанции. Квадриллионы мегаватт заструились по кабелям, тянувшимся по проложенным через всю Омнисферу шахтам. Во все стороны ударили ветвистые молнии, на верхушках деревьев и шпильях вспыхнули огни святого Эльма, в небе развернулись полотнища полярного сияния. Воздух наполнился треском, и люди раскашлялись от резкого запаха озона. Готовилось нечто грандиозное.

Тем временем космическое пространство в том виде, к которому с древности привык человек, перестало существовать. Ровное полотно, усеянное блестками звезд, разорвалось в клочья, смялось, свилось, как свиток. Обрывки привычного мира кружились на поверхности черных волн, утопая и растворяясь. Океан первозданного хаоса затопил Вселенную, и крохотный шарик Омнисферы закачался на волнах жидкой тьмы. Казалось, и ей осталось недолго, ведь кошмарная влага, словно вязкая смола, прилипла к искусственной планете. Нашлепки мрака тут же отращивали множество отростков, и те как голодными змеями проникали в любую дыру. Материя — будь то камень, металл, пластик или живая плоть — соприкоснувшись с волнами хаоса, скукоживалась, таяла, скручивалась узлами. Так пластмассовые детали коробятся, когда их лижет огонь.

В этот момент белое пламя окутало Омнисферу. Занявшись малозаметными языками, оно быстро разгоралось, превратив искусственную планету в подобие пылающей головешки. Впрочем, этот огонь не разрушал, не сжигал, но черная жижа отпрянула от него, рассыпаясь мелкой сажой. И тут из центра пламени вверх ударил широкий луч. Подобно исполинской игле, он пронзил черные волны, создав ярко светящуюся дыру. Было видно, что от нее в непредставимую даль отходит, прихотливо изгибаясь, длинный ход, похожий на нору дождевого червя.

Как елочную игрушку тянут за ниточку, так и луч света начал подтаскивать Омнисферу к отверстию «норы». Трудно было сказать, как долго это продолжалось, ведь в искаженном мире не осталось ориентиров. Может быть, прошло несколько секунд, но могли миновать и столетия. Наконец искусственная планета достигла входа и скатилась туда, точно бильярдный шар — в лузу. Пламя угасло, и тут же черная волна захлестнула дыру, запечатав ее навсегда. Не существовало больше ни верха, ни низа, ни какой-либо определенной формы, лишь плескался, создавая и тут же разрушая мириады непредставимых объектов, океан хаоса.

А что же Омнисфера? Как сложилась судьба робота-шара Кугеля, слившегося с ней? Никто не мог бы ответить на эти вопросы. Они исчезли, чтобы продолжить свой путь в невообразимых временах и пространствах, где допустимо все или даже больше. С гарантией можно было утверждать только одно. Жизнь никогда не пресечется, в какой бы форме она не существовала, а разум не устанет бороться с хаосом.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net